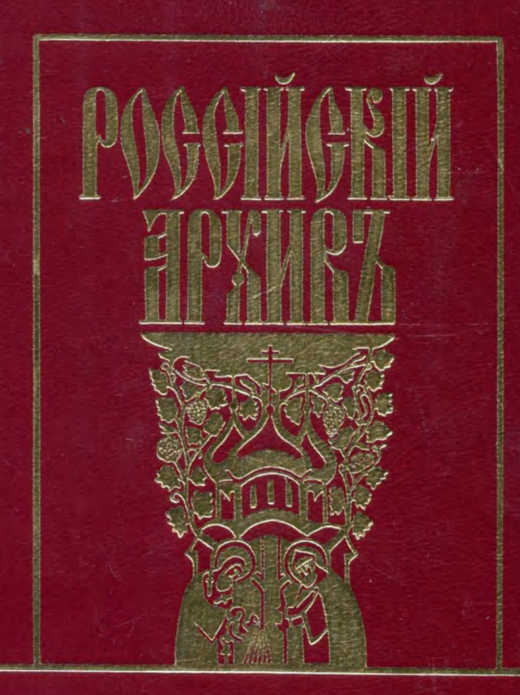
Д. А. Милютин

ВОСПОМИНАНИЯ

1843 – 1856

Д.А. Милютин

ВОСПОМИНАНИЯ

Д.А.Милютин

ВОСПОМИНАНИЯ

генерал-фельдмаршала
графа
Дмитрия Алексеевича
Милютина

1843 — 1856

Под редакцией
доктора исторических наук
профессора
Л.Г. ЗАХАРОВОЙ

РОССИЙСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ
СТУДИЯ «ТРИТЭ»
НИКИТЫ МИХАЛКОВА
«РОССИЙСКИЙ АРХИВ»
Москва
2000

ББК 63.3(2)47
М 60

Предисловие *Л.Г.Захаровой*

Подготовка текста и комментарий
Л.Г.Захаровой, Т.А.Медовичевой и Л.И.Тютюнник

Указатели и подбор иллюстраций
Т.А.Медовичей и Л.И.Тютюнник

Художественное оформление
Е.Н.Волкова и Г.Ф.Ордынского

Компьтерная верстка *Д.В.Емельянова*

В подготовке издания принимали участие
А.Н.Дорошенко, А.Н.Кузнецова, И.В.Пискарев, К.Сафронов

Издание осуществлено в рамках Федеральной целевой программы
«Развитие и сохранение культуры и искусства
Российской Федерации (2000-2005 годы)»

Подпрограмма
«Развитие культуры и сохранение культурного наследия России»

ISBN 5-86566-023-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемая очередная книга Воспоминаний Дмитрия Алексеевича Милютина*, генерал-фельдмаршала, военного историка, профессора Военной академии, государственного деятеля, бывшего 20 лет (1861—1881) военным министром Александра II**, охватывает время с 1843 до 1856 г. Сюжеты, в ней отразившиеся, значительны, интересны, многообразны.

Для России это было время последних десятилетий существования крепостного права и последних 12 лет правления Николая I, время усиления консервативно-охранительного курса и, одновременно, вызревания предпосылок для обновления России, формирования сил в обществе и в среде бюрократии, способных возглавить грядущие Великие реформы. На международной арене это время могущества и побед, а затем испытаний и поражений в Крымскую войну, время бесславного конца тридцатилетнего царствования, всеобщего разочарования, сменившегося наступлением оттепели, наступлением новой эпохи.

А для Милютина это были годы интенсивной научной и педагогической деятельности, годы, определившие его дальнейшую государственную и военную карьеру. В возрасте с 27 до 40 лет он проходит путь от подполковника до генерал-майора, а в личной жизни — от молодого человека, только что сочетавшегося браком с горячо любимой избранницей — Натальей Михайловной Понсе, до главы большого семейства (четыре дочери и два сына). Он занимает достойное место в среде ученых и столичной интеллигенции,

---

* См.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816—1843. Под редакцией доктора исторических наук, профессора Л.Г.Захаровой. М. 1997; *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860—1862. Под редакцией доктора исторических наук, профессора Л.Г. Захаровой. М. 1999.

** Подробнее о Д.А.Милютине см.: *Захарова Л.Г.* Дмитрий Алексеевич Милютин, его время и его мемуары // в кн.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816—1843. С. 5—31.

лично участвует в разработке военных планов и в событиях Кавказской войны, неотлучно находится при военном министре В.А.Долгорукове во время Крымской войны, познает механизм функционирования Военного министерства, готовит записки по злободневным военно-политическим вопросам и разбирает корреспонденцию, близко наблюдает императора Николая I в эти тяжелые для России и для самого монарха годы.

Публикуемая книга Воспоминаний начинается с прибытия Дмитрия Милютина на Кавказ, в Ставрополь, где пройдут "медовые месяцы... в усиленных занятиях служебных" в должности обер-квартирмейстера войск Кавказской линии и Черномории. После первого посещения Кавказа в 1839 году положение дел на взгляд мемуариста "чрезвычайно изменилось — и не к лучшему". Бросалась в глаза "дезорганизация местного управления", "негодность городской полиции". Сам город производил впечатление захолустья, одноэтажные дома его походили на казармы, общество состояло исключительно из служащих. Серьезную тревогу вызывали военно-политическая ситуация, "огромные потери" русских войск, оборонительная тактика военачальников, которая, по мнению Милютина, позволила Шамилю овладеть инициативой и сделаться "полным владыкою большей части Восточного Кавказа". Милютин приходит к неутешительному заключению: "Все, что успели мы достигнуть тяжелыми усилиями в продолжение многих десятков лет... было утрачено в какие-нибудь два месяца". Он участвует в разработке планов военных действий, в экспедиции 1844 г., однако вскоре подает прошение об отставке по болезни и в феврале 1845 г. покидает Ставрополь с семьей.

Ровно через месяц он в Петербурге, совсем в иной атмосфере и окружении – восемь лет в среде ученых, литераторов и педагогов (1845–1853 гг.), а затем в высших бюрократических кругах. Вместе с ним и мы, дорогой читатель, переместимся из далекой и неспокойной окраины в столицу, познакомимся с ее жизнью в мирное и военное время, а главное – с людьми разных поколений и социального положения, и с теми, которые управляли страной, и с современниками Милютина, такими же молодыми, энергичными, устремленными в будущее и убежденными в необходимости перемен.

Приняв предложение начальства Военной академии (которую он сам не так давно окончил) занять место профессора на кафедре военной географии, Милютин незамедлительно приступает к своим обязанностям и готовит курс по военной географии. Интересно

узнать, что профессор обязан был читать в неделю три лекции по полтора часа, что жалование было маленькое (как и чиновника МВД, где работал его брат Николай), что семейному человеку, имеющему даже одного ребенка, "невозможно оставаться на одной профессорской оплате". Эти затруднительные обстоятельства вынуждают его принять почти одновременно и другое предложение – генерала Я.И.Ростовцева о работе в Военно-учебных заведениях начальником III отделения. Здесь годовое жалование составляло 1401 руб., несколько больше, чем профессорское по Военной академии, так что в сумме доход получался 2700 руб., и он уже "считал себя обеспеченным".

Как всегда, приступая к новому делу, Милютин проявил не только ответственность, основательные знания, но и инициативу, выработал самостоятельный взгляд на задачи преподаваемой науки, на саму роль и место Военной академии, на организацию учебного процесса и практических занятий в Военно-учебных заведениях.

Он видел в Военной академии, в этом "прекрасном заведении", не только высшее учебное, но также и военно-учебное заведение, пытался это доказать своим отношением, своим подходом к читаемому курсу. Он задумал "совершенное преобразование курса" и стал разрабатывать новую научную область – основы военной статистики, сопоставляя полученные, всесторонне выверенные данные по России с материалом по основным европейским странам. Сравнительно-исторический подход к любому предмету вообще характерен для Милютина. Поставленная задача была успешно решена. Милютин издал книгу "Опыт военной статистики", а сам предмет ввел в академический курс. Он много размышлял о принципах преподавания истории, доказывал огромное значение карт, знания географии, применения сравнительно-исторического метода и сам рассматривал Россию в контексте всемирной истории, но особенно истории европейских стран.

И по линии Военно-учебных заведений Милютин не побоялся представить начальству, лично Ростовцеву, критический отчет "о слабых результатах и несерьезности этих занятий" (имелись в виду практические занятия воспитанников во время Петергофских лагерей) и внес свои конструктивные предложения. Любопытная деталь: заседания Ученого комитета Военно-учебных заведений, на которых обсуждались все сколько-нибудь важные вопросы, проходили на квартире Я.И.Ростовцева в казенном доме на Кадетской линии, рядом с Первым кадетским корпусом, и продолжались,

как правило, до 11 часов ночи. Невольно возникает аналогия с другим временем, другой эпохой — кануна отмены крепостного права, когда первые заседания Редакционных комиссий в марте 1859 г. собирались там же, на квартире их председателя Я.И.Ростовцева, а позже перешли в залу Первого кадетского корпуса. Это выбивалось из общего стиля деятельности высших структур государственной власти и, казалось, характеризовало исключительно новое время, но в действительности такая практика, как мы видим, существовала и в пору Секретных комитетов, однако по вопросам гораздо менее значительным и совсем не политическим. Но все же практика была, и Ростовцев ею воспользовался.

Именно в этой книге Воспоминаний Милютина читатель найдет все подробности создания его главного научного труда — "Истории войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I". В 1848 г. по высочайшему повелению Милютину было поручено продолжить едва начатое исследование умершего военного историка генерал-лейтенанта А.И.Михайловского-Данилевского об Итальянском походе А.В.Суворова. И уже в 1852—1853 гг. пятитомное классическое исследование Д.А.Милютина увидело свет, что свидетельствует о необыкновенной трудоспособности автора.

Известный профессор Московского университета Т.Н.Грановский, рецензировавший этот труд, писал, что он "займет, без сомнения, весьма почетное место в общеевропейской исторической литературе". Интересно мнение такого общепризнанного авторитета, каким являлся Грановский, о научном методе и стиле исследования Милютина: изложение событий "отличается необыкновенною ясностью и спокойствием взгляда, не отуманенного никакими предубеждениями, и тою благородною простотою, которая составляет принадлежность всякого значительного исторического творения"*. Милютину-мемуаристу, добавим уже от себя, присущи те же качества, что придает особую ценность его Воспоминаниям.

Почти во всех периодических изданиях появились отзывы об историческом исследовании Милютина. Среди них выделялась восторженная рецензия М.П.Погодина на 50 страницах в "Москвитянине". Она начиналась таким вступлением: "Сокровище приобрела в этой книге новая русская история, сокровище приобрела современная литература... И какая сцена! Италия, Альпы, Апенни-

---

* Цит. по кн.: *Жерве Н.* Граф Д.А.Милютин (К 90-летию его рождения). СПб. 1906. С. 10.

ны! Сокровище приобрело, наконец, в этой книге военное учащееся юношество, которое найдет себе здесь целый курс в лицах и действиях — не тактики, не стратегии, — а науки побеждать..."*

Николай I прочел труд Милютина еще в рукописи и сделал много одобрительных пометок на полях. Великая княгиня Елена Павловна поручила своему гофмейстеру барону Розену благодарить Милютина за присланный экземпляр и в знак признательности подарила дорогой перстень со своим вензелем. Начальство Военно-учебных заведений распорядилось о приобретении 102 экземпляров сочинения для библиотек всех этих заведений. За свой труд Милютин был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук, получил полную Демидовскую премию, а сам труд переведен на французский и немецкий языки и переиздан в 1857 г. в доработанном варианте.

Милютин считал, что, выполнив высочайшее поручение и написав историю Итальянского похода Суворова, он выступил в роли "официального историографа". Однако, когда военный министр Долгоруков предложил ему приступить к изучению войн, ближайших к царствованию императора Николая I, имея в виду русско-турецкую войну 1828—1829 гг. и польскую кампанию 1830—1831 гг., историк категорически отказался. "Я твердо решился, — объясняет он свою позицию, — не поддаваться требованию, которое поставило бы меня в крайне неприятное положение — сочинителя панегириков в прославлении властей предержащих". Это существенный штрих к характеристике личности Милютина.

В годы напряженных научных занятий и профессорства Милютин близко сошелся с образованными и просвещенными людьми петербургского общества, "горячо желавшими избавления русского народа от позорного рабства". Он регулярно бывал у брата Николая, уже известного своими реформаторскими взглядами и делами (городская реформа 1846 г. в Петербурге), у которого собирался "интимный кружок" единомышленников и друзей. Среди них — И.П.Арапетов, А.П.Заблоцкий-Десятовский, Н.И.Надеждин, К.Д.Кавелин, К.С.Веселовский, В.И.Даль, В.Ф.Одоевский, А.А.Краевский и др.

Братья Милютины, как и многие члены этого кружка, принимали тогда участие в только что образовавшемся Русском географическом обществе, председателем которого стал великий князь Константин Николаевич, второй сын Николая I. Широкая про-

---

* "Москвитянин". 1853. № 4. С.159.

грамма Общества, далеко выходившая за рамки собственно географии, позволяла заниматься изучением социально-экономического быта народа, статистикой (так как официальная не внушала доверия), окраинами империи. Здесь приобретались научные и практические знания, навыки общественной деятельности, все то, что так понадобится будущим реформаторам, многие из которых прошли школу Русского географического общества, сплотились на этом поприще в организованную группу единомышленников, готовых к предстоящим преобразованиям. Не случайно, в знаменательном европейскими революциями 1848 г. барон М.А.Корф охарактеризовал Русское географическое общество как "зародыш тех политических клубов, которых теперь так много в Западной Европе"*.

Эти и другие, рассыпанные на страницах Воспоминаний Милютина, сведения о зарождающейся оппозиции режиму представляют несомненную ценность для понимания поколения 40-х годов, которому в недалеком будущем предстояло решать вопрос о выборе пути развития страны, о судьбе России.

Любопытно для характеристики Дмитрия Алексеевича Милютина, цельности его натуры, его личности узнать, что именно в эти годы он приходит к выводу о невозможности для себя владеть крепостными, о нравственной обременительности сознавать себя крепостником. "Роль помещика была мне не по душе, и я мечтал о том, чтобы сбыть с рук эту неприятную обузу", — говорит он о затянувшейся на шесть лет из-за "бюрократических проволочек" истории освобождения 26 душ крепостных деревеньки Коробки Тульской губернии, доставшейся ему по наследству после смерти отца. Когда, наконец, дело благополучно разрешилось, он оценил освобождение своих крестьян как обретение личной свободы и покоя: "Я перестал быть помещиком, душевладельцем, и совесть моя успокоилась".

Интересны размышления Милютина о крестьянском вопросе в стране вообще. "Надобно вспомнить, — пишет он, — что в то время предпринимались робкие попытки к изменению юридического положения крепостных крестьян. Указ 2 апреля 1842 года об обязанных крестьянах оставался практически без применения; но обсуждались новые меры: готовился указ 8 ноября 1847 года о предоставлении крестьянам права приобретать земли в собственность и выкупаться при продаже помещичьих имений. Все эти попытки правительства возбуждали много толков в помещичьей среде, при-

* ГАРФ. Ф. 722 (Зимнего дворца), Оп. 1. Ед. хр. 1817. Т. 11. Л. 185 об.—186.

нимались с явным неудовольствием и раздражением. Благие стремления императора и настойчивые усилия графа Павла Дмитриевича Киселева встречали упорное противодействие в самом составе высшего правительства. Однако же было немало и сочувствующих этим стремлениям, горячо желавших избавления русского народа от позорного рабства. Таков был почти весь кружок образованных, развитых людей, в котором я вращался". Приведенный отрывок позволяет почувствовать то далекое время последних лет существования крепостного права, задуматься о неоднозначности правительственной политики Николая I, о наличии оттенков и красок в созданной им консервативно-охранительной системе. Вместе с тем, на других страницах Воспоминаний встречаются абсолютно категорические оценки, например: "При тогдашнем режиме и духе времени все, что делалось, писалось, говорилось, должно было более или менее носить на себе отпечаток лицемерия и фальши".

В описываемую эпоху, как считал Милютин, "общее внимание было обращено на ход военных действий (Восточная война 1853–1856 гг. - *Л.З.*) и на политические отношения, все более и более осложнявшиеся. Это было главным, почти единственным предметом разговоров во всех слоях общества; все были озабочены исходом возгоравшейся войны. Для меня же в особенности тогдашний ход дел военных и политических имел близкое и прямое значение". Летом 1853 г., видя неизбежность войны с Турцией, В.А.Долгоруков привлек Милютина к работе в Военном министерстве, затем он был причислен к Военно-походной канцелярии императора, произведен в генерал-майоры и назначен в свиту его величества. С октября 1854 г. Милютин стал производителем дел Особого комитета о мерах защиты берегов Балтийского моря под председательством великого князя цесаревича Александра Николаевича, которому, как главнокомандующему, подчинялась тогда переведенная на военное положение Петербургская губерния. Так что знал Милютин многое. Долгоруков поручал ему преимущественно работы такого рода, которые "имели характер военно-политический и выходили из обычных рамок делопроизводства": составление записок для императора, расписания войск, редактирование известий с театров войны для их обнародования; случались и работы чисто исторические, например, составление для Николая I "краткого обзора хода военных действий в прежние войны России с Турцией с 1769 по 1829 годы". В целом, по собственной оценке Милютина, дела, которые ему поручались, составляли "высокий интерес современной действитель-

ности". Компетентность Милютина не вызывает сомнений. А профессиональные знания историка, природная наблюдательность и острота восприятия душевно тонкого человека позволили зафиксировать неповторимый колорит событий, подметить в казалось бы незначительных фактах проявление значительных и грозных факторов действительности.

Отдавая должное познаниям Николая I в военном деле, его необыкновенной энергии и трудолюбию, фантастической памяти, Милютин, вместе с тем, не одобрял его роли руководителя, входящего во все подробности военной администрации, при котором военный министр был на положении секретаря, пунктуально выполняющего высочайшие предписания. Более того, он отмечает в своих Воспоминаниях глубокие заблуждения монарха в стратегии военных планов. Так, незадолго до войны в собственноручных записках Николай I "излагал смелые планы экспедиций морских для понуждения Порты подчиниться его требованиям". Первоначально предполагался десант 13-й и 14-й пехотных дивизий на берега Босфора и занятие самого Константинополя; потом, вследствие замечаний морского министра князя А.С.Меншикова, решено ограничиться десантами в Варне и Бургасе. Как в записках Николая I, так и в соображениях его ближайшего соратника фельдмаршала И.Ф.Паскевича "выказывалось чрезмерное пренебрежение к военным силам Турции; все предполагавшиеся предприятия обусловливались полным бессилием ее, – отмечает Милютин явно неодобрительно. – Вместе с тем устранялась всякая возможность деятельного вмешательства западных держав, а со стороны Австрии даже допускалась возможность дружественного содействия". Не понадобилось много времени, чтобы убедиться в ошибочности этих представлений. И такие неожиданные разочарования в течение войны пришлось переживать не раз. Николай I совсем не предвидел стремительное развитие событий в Крыму, не сомневался, что "Севастополь будет обеспечен".

Уже в ходе военных действий обнаружилась неподготовленность к войне. Милютин критикует организацию действующей армии, техническую отсталость флота, отсутствие на местах военной администрации, чрезмерную централизацию в военном управлении, приводившую в условиях необъятности территории и отсутствия современных средств коммуникации к курьезам. "Слишком поздно открыли мы глаза на слабые стороны нашего военного устройства", – таков его неутешительный вывод.

Не более оптимистичны наблюдения по части дипломатических усилий накануне войны. Расчет на союз трех императоров, на благодарность Австрии, совсем недавно (в 1849 г.) получившей военную помощь от России для спасения целостности империи, эти романтические представления и верность традициям не выдержали испытания реалиями жизни. Красочные, запоминающиеся страницы Воспоминаний посвящены поездке Николая I в Австрию и Пруссию, встречам и переговорам монархов в Ольмюце, Потсдаме, Варшаве накануне войны. "На всех станциях железной дороги были почетные караулы, то прусские, то австрийские, что вызывало переодевание Государя то в прусский, то в австрийский мундиры". Торжественность, праздничность, даже некоторая экзальтированность почетных встреч на пути следования царского поезда производила на Милютина, сопровождавшего императора в составе свиты, "странное впечатление". Пока происходили эти "взаимные чествования между монархами трех союзных держав, пока Император Николай пытался откровенным разъяснением дела заручиться в благонадежности своих союзников", в то же самое время Турция, подстрекаемая западными державами (Англией и Францией), пошла на обострение конфликта и решила начать войну. Неожиданностью оказались и эта решительность Турции, и согласованность действий двух ведущих западных держав, вечных соперниц, открыто вступивших в войну в начале 1854 г., и тем более – враждебный нейтралитет Австрии и австро-прусский договор 8 (20) апреля того же года, к которому присоединились потом почти все государства Германского союза. Особенно возмущался Николай I Австрией, так что "повелено было полкам нашей армии, имевшим шефами особ австрийского императорского дома, не называться именами их, имевшим австрийские ордена – не носить их". Это спустя полгода после встреч, приветствий, объятий, переодеваний самого монарха.

Неприятной неожиданностью оборачивались и события внутренней жизни страны, которые вполне возможно было предвидеть. Например, известия о разрыве с западными державами дошли до камчатского губернатора только в половине июля, т.е. более чем через пять месяцев после свершившегося факта, а в середине августа Петропавловск уже подвергся обстрелу англо-французской эскадры.

Мемуары Милютина особенно интересны и ценны этими меткими наблюдениями, маленькими, но выразительными фактами, которые, как правило, не находят места в материалах официального делопроизводства.

Один из них – известие о поражении на реке Альме 8 сентября 1854 г. 7 дней мчался из Крыма с этим сообщением курьер от князя А.С.Меншикова, его адъютант ротмистр С.А.Грейг (будущий министр финансов в конце царствования Александра II). "15 сентября был день невыразимо печальный для гатчинского общества, – пишет Милютин. – ...Привезенное им (Грейгом – *Л.З.*) весьма короткое письменное донесение, написанное сейчас после проигранного сражения, не заключало в себе никаких сведений о самом ходе боя. Князь Меншиков предоставил своему адъютанту, как очевидцу, дополнить донесение устным рассказом... Но впечатлительный адъютант был до такой степени потрясен картиною боя, в котором случилось ему впервые участвовать, что даже после семидневной курьерской скачки (а быть может, под впечатлением этой продолжительной тряски на перекладной) не мог отделаться от испытанного им впечатления и рассказал виденное им сражение в таком неприглядном, обидном для наших войск освещении, что Государь рассердился, выбранил его и послал выспаться". Так как "нельзя было оставить публику в неведении, пришлось ограничиться лишь несколькими строками, в самом общем выражении", которые и были опубликованы 17 сентября. Но и после этого князь Меншиков не счел нужным составить обстоятельную реляцию сражения на Альме. Еще семь дней мчался курьер назад, теперь уже с собственноручными указаниями императора, которые вполне могли устареть к моменту получения их главнокомандующим в Крыму.

Казалось бы общеизвестный, хрестоматийный факт отсутствия железнодорожной сети в России того времени и телеграфной связи с югом страны под пером Милютина превращается в отдельный самостоятельный сюжет, образную зарисовку, за которой встает подлинная картина масштабных событий. Такой рассказ, ненавязчивый, искренний и человечный, переносит читателя в ту далекую уже от нас эпоху и врезается в память.

Не отличается новизной или оригинальностью известие о появлении весной 1854 г. в водах Балтийского моря англо-французской эскадры, двигавшейся к Кронштадту. Однако когда узнаешь, что петербургское общество, отдыхающее в Петергофе, рассматривает в подзорные трубы вражеские корабли, или читаешь строки из письма Николая I князю Меншикову от 18 июня 1854 г.: "Вижу неприятеля из своего окошка на северном фарватере",– привычные факты обретают особую силу воздействия на читателя.

Или получение телеграфных известий о событиях на театре военных действий, даже об обороне Севастополя, из Вены и Парижа вплоть до лета 1855 г., когда, наконец, была налажена телеграфная связь с Николаевом, — не менее впечатляющая информация.

Повествование Милютина о Крымской войне богато и малоизвестными фактами и наблюдениями. Например, мемуарист отмечает, что императоры и военачальники воюющих сторон обращались в особо ответственные моменты к исторической памяти народа. Высочайший манифест 9 февраля 1854 г., возвестивший о разрыве с западными державами, торжественно напоминал: "Мы и ныне не тот ли самый народ русский, о доблестях коего свидетельствуют достопамятные события 1812 года!" А после падения Севастополя князь М.Д.Горчаков в приказе по армии 31 августа 1855 г., ободряя войска, писал: "Вспомните, какую жертву мы принесли на алтарь Отечеству в 1812 году. Москва стоит Севастополя. Мы ее оставили после беспримерной битвы под Бородином. Трехсотсорокадевятидневная оборона Севастополя превосходит Бородино!" А французы предприняли очередную решительную атаку на Малахов курган 6 июня 1855 г. — "в день годовщины Ватерлооского сражения", которая, тем не менее, была отбита. Однако, замысел Наполеона III оттеснить, перекрыть тяжелые воспоминания французов о прежних поражениях в целом удался.

Милютин фиксирует на этом наше внимание, рассказывая о мирных переговорах в Париже: "Переговоры велись с таким расчетом, чтобы окончательное составление и подписание мирного трактата пригнать к 18 (30) марта — годовщине вступления союзников в Париж в 1814 году. В этот именно день, в 19-м заседании, и подписан этот важный акт, положивший конец продолжительной и кровопролитной войне. Договор этот считался торжественным в особенности для Франции и лично для Наполеона III, который видел в нем как бы возмездие за судьбу, постигшую Наполеона I сорок два года назад". Эти обращения к историческому прошлому, рассчитанные на чувства патриотизма, национальной гордости или, напротив, национального унижения, и сегодня не оставляют читателя равнодушным.

И, вообще, Воспоминания Милютина очень живые, хотя автор их отличался характером выдержанным, даже несколько педантичным. Он пишет не столько о событиях, сколько о людях, в них участвующих и их творящих.

Незабываемые страницы Воспоминаний Милютина относятся к описанию последних дней Николая I, хода болезни, сломившей

могучий организм еще не состарившегося монарха. Не претендуя на научную оценку личности самодержца и его тридцатилетнего царствования, Милютин дает свои наблюдения современника, далекие от упрощения и однозначности, которые весьма интересны и для историков, и для широкого круга читателей. "Беспристрастная оценка личности и значения Императора Николая, конечно, принадлежит истории. О такой крупной, можно сказать, колоссальной личности можно судить, как о всяком большом предмете, только отступая несколько поодаль", — это суждение Милютина-историка и сегодня вполне актуально. Еще предстоит всестороннее изучение личности и деятельности Николая I, и публикуемые Воспоминания Милютина, в которых помимо личных наблюдений мемуариста содержится богатый материал о переписке императора, могут этому содействовать.

Именно в этой книге появляется новый император — Александр II, который станет главным персонажем Воспоминаний Милютина вплоть до трагедии 1 марта 1881 г. Повествуя о начале царствования Александра II, Милютин подметил в нем черту, которая многое объясняет в деятельности императора, названного современниками "Царем-Освободителем": его способность под давлением объективных обстоятельств отказаться от своего ошибочного мнения или даже убеждения. Поддерживая в М.Д.Горчакове надежду отстоять Севастополь, Александр II писал ему 4 августа 1855 г.: "Если суждено Севастополю пасть, то я буду считать эпоху эту только началом новой настоящей кампании". То, что эти слова не были выражением эмоционального порыва, а соответствовали выношенному, осознанному убеждению, подтверждается рассказом А.Ф.Тютчевой, которая в своем дневнике 27 октября 1854 г. передала содержание беседы наследника престола со своей супругой: "Они говорили, что Россия никогда не будет у себя хозяйкой, пока не получит Дарданелл, что естественными союзниками России являются славянские народы, которых во что бы то ни стало нужно вырвать из-под ига Турции и образовать из них самостоятельные государства"*.

На волне этих настроений и уверенности в необходимости решительных действий Александр II отправился после падения Севастополя в Николаев, а затем — в Крым. Однако, ознакомившись на месте с ситуацией, он отказался от прежних планов продолже-

---

* *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Тула. 1990. С. 105—106.

ния войны и, вопреки мнению многих, пришел к заключению о пользе для России скорейшего ее окончания и установления мира, а вместе с тем и приступа к крупномасштабным преобразованиям внутри страны. Но это уже другая страница русской истории и другая книга Воспоминаний Д.А.Милютина.

Л.Г.Захарова,
доктор исторических наук, профессор

ОТ РЕДАКТОРА

Мемуарное наследие Д.А.Милютина, как и весь его архив, хранится в ОР РГБ (фонд 169). Незадолго до смерти, в ноябре 1911 г. Д.А.Милютин завещал свой богатый архив Императорской Николаевской Военной академии, в которой учился, а потом преподавал. Подробное описание этой истории читатель найдет в книге “Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1816–1843”*.

Оригинал Воспоминаний Д.А.Милютина “Мои старческие воспоминания” подготовлен к возможной публикации им самим, затем переписан под его личным наблюдением в 1900-х гг. (большая часть А.М.Перцовой). Этот список с автографа и положен в основу предлагаемого читателю издания. Сравнение обоих текстов обнаруживает, что при редактировании Милютин вносил в оригинал главным образом литературно-стилистическую правку отдельных слов, реже предложений. Эта правка автора, которой немного и которая не несет смысловой нагрузки, специально в издании не оговаривается. Напротив, те редкие случаи, когда Милютин вычеркивал в оригинале отдельные абзацы, содержащие дополнительные сведения о людях и событиях, специально отмечены и воспроизведены в подстрочных примечаниях. Список выполнен очень качественно, полностью соответствует отредактированному Милютиным оригиналу, описки единичны.

Список, с которого сделана эта публикация, составляет две объемистые тетради-книги (28 см x 22 см) под №№ 4 и 5 в переплете из материи болотно-зеленого цвета с кожаным черным корешком. Оглавление к книгам написано рукой Милютина. В фонде Д.А.Милютина (169) это две единицы хранения – картон 12, ед. хр. 4

---

* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1816–1843. Под редакцией профессора Л.Г.Захаровой. М. 1997. С. 469–478.

и картон 13, ед. хр. 1. Соответствующий им текст оригинала заключается в 12 тетрадях с самодельными обложками из плотной бумаги. Почерк Милютина аккуратен и разборчив, но чернила потускнели. В том же фонде это – картон 8, ед. хр. 19–30. Книга 6 сохранилась только в автографе в 5-ти тетрадях, списка не имеет: картон 8, ед. хр. 31–33, картон 9, ед. хр. 1–2.

В "Предварительном объяснении для читателя, в руки которого когда-нибудь попадут эти записки", Милютин сообщает, что писал свои Воспоминания за период с конца 1860 до апреля 1873 г. сразу после отставки и переселения в Крым, т.е. в 1881–1886 гг., а более ранний период Воспоминаний за 1816–1856 гг. — в последующие два года, 1887–1888. В самом тексте публикуемых Воспоминаний встречается и точная дата – 1888 г. Милютин считал, что в этой части его Воспоминаний помимо сведений биографических содержится повествование более общего характера – о служебной и общественной жизни в Петербурге, о Кавказской войне и, что особенно важно, о Крымской войне. "С 1853 года... – писал он, – воспоминания мои уже переходят в более общий круг, соприкасаясь с общими вопросами государственными и событиями политическими"*. Мемуарист вообще имел в виду задачу "представить по возможности общую картину эпохи в тех рамках, в которых вращалась моя личная деятельность". Он предупреждает читателя, что пользовался материалами своего архива, письмами своих корреспондентов, а в некоторых случаях даже газетами и книгами. Не исключая возможных отдельных погрешностей, в одном он ручается твердо, что "всеми силами старался устранить всякое пристрастие или преднамеренное искажение фактов; всегда становился на объективную точку зрения, не увлекался личными своими отношениями к людям и событиям"**.

Воспоминания Д.А.Милютина публикуются без каких-либо сокращений. Текст приведен в соответствие с современными правилами орфографии, однако сохранены стилистические и языковые особенности написания некоторых слов. Сохранена по оригиналу авторская транскрипция имен собственных и названий географических. Авторские подчеркивания отдельных мест или слов выделены курсивом. Пропущенные и недописанные слова, за ис-

* Там же. С. 38.
** Там же. С. 36.

ключением общепринятых сокращений, воспроизведены в фигурных скобках. Абзацы даются по оригиналу.

В подстрочных сносках звездочками приводятся авторские примечания, перевод иностранных текстов, смысловые расхождения выправленного автором текста с первоначальным вариантом, смысловые неисправности текста. Авторская правка стилистического и грамматического характера в подстрочных примечаниях не оговорена. Орфографические ошибки и описки устранены в тексте публикаторами без оговорок. Цифровые сноски — к комментариям в конце книги.

Фамилии всех лиц, упомянутых в Воспоминаниях, не поясняются в комментариях, а аннотируются в указателе имен, исключая отдельные случаи, когда для понимания контекста требуется развернутая характеристика государственных деятелей, определявших политику. Помимо указателя имен дается и указатель географических названий.

Издание снабжено иллюстративным материалом. К сожалению, в самом фонде Д.А.Милютина его сохранилось совсем немного.

* * *

Составители этого издания приносят глубокую благодарность всем, кто оказал содействие и помощь в подготовке публикации: В.И.Вельбель, Е.Е.Дашковой-Резниковой, особенно сотрудникам и руководству ОР РГБ, содействовавшим подготовке издания.

This work was supported by the Research Support Scheme of the Higher Education Support Programme grant N772/1995.

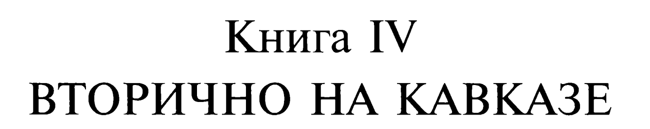

Д.А.Милютин

МОИ СТАРЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Книги IV—VI

1843 – 1856

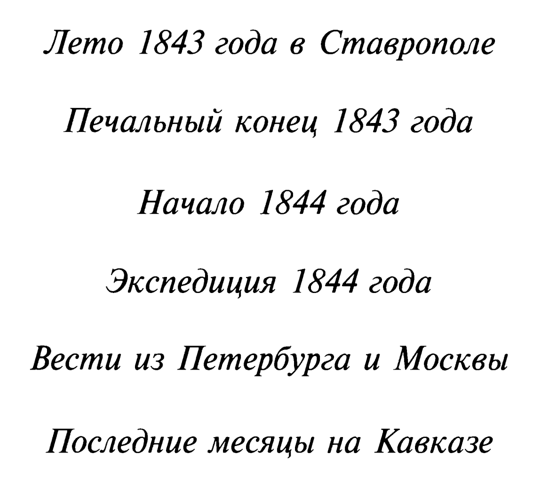
Книга IV
ВТОРИЧНО НА КАВКАЗЕ

ВОСЕМЬ ЛЕТ В СРЕДЕ УЧЕНЫХ, ЛИТЕРАТОРОВ И ПЕДАГОГОВ

1843 – 1853

ВТОРИЧНО НА КАВКАЗЕ

1843 – 1845

Лето 1843 года в Ставрополе

Печальный конец 1843 года

Начало 1844 года

Экспедиция 1844 года

Вести из Петербурга и Москвы

Последние месяцы на Кавказе

ЛЕТО 1843 ГОДА В СТАВРОПОЛЕ

Первые впечатления, испытанные мною и молодою моей женой по приезде в Ставрополь, были не очень приятны. Жилище, приготовленное для нас распоряжением полковника Норденстама, находилось совсем вне города, в "солдатской слободке", в соседстве с городским острогом. По обеим сторонам прямой, широкой, немощеной и пустынной улицы тянулись две линии редких, низеньких домиков или изб, большею частью турлучных, с соломенными крышами. Из ряда их выдавался нанятый для нас дом штабс-капитана линейного батальона (№ 1) Щепило-Залесского. Дом этот, хотя так же одноэтажный, как и другие, отличался тем, что был выстроен из местного плитняка и имел по фасаду пять окон. Он состоял из двух чистых комнат на улицу: первая, довольно большая, в три окна, служила нам и гостиною, и столовою, и кабинетом, а с приспособлением занавески образовалось и нечто вроде уборной для меня; другая комната в два окна, на улицу, была спальной нашей. По заднему фасаду дома, на двор, были передняя и две комнаты для прислуги, мужской и женской. Кухня помещалась отдельно во флигеле, в котором жил и сам хозяин дома. Мебель была очень скромная: несколько столов и стульев.

Помещение это, конечно, было незавидное и некомфортабельное. Но мы не слишком грустили об этом, потому, во-первых, что были предварены заранее самим Норденстамом о затруднительности приискания хорошей квартиры; во-вторых, что считали это помещение временным, пока полковник Норденстам занимал казенную квартиру обер-квартирмейстера в ожидании отделки предназначенного для него другого дома; а в-третьих, и главнейшее потому, что мы переживали еще медовый месяц, когда и в простой хижине живется хорошо.

Хозяйство наше устроилось на самую скромную ногу. Прислуга состояла из денщика Родиона и горничной-немки, привезенной из Петербурга, да повара Евтея, данного мне отцом из числа бывших крепостных. В первое время обходились мы только тем имуществом, которое привезли с собой; транспорт же с мебелью и другими предметами домашнего обзаведения, отправленный из Москвы только в конце июня, прибыл в Ставрополь уже в конце лета. Таким образом, первые месяцы мы прожили, можно сказать, на походной ноге.

Немедленно по приезде в Ставрополь, конечно, явился я к ближайшему своему начальнику — полковнику Норденстаму, сделал визиты разным должностным лицам*; а вслед за тем вступил в должность. Сам командующий войсками генерал Гурко был в отсутствии. Как уже было сказано, он пробыл некоторое время на правом фланге линии, в отряде, собранном для устройства новой Лабинской линии, а потом переехал на левый фланг, где войска также были заняты постройкою укреплений, так как после неудачных экспедиций 1841 и 1842 годов и вследствие поездки на Кавказ военного министра князя Чернышева, в Петербурге было решено испытать чисто оборонительный образ действий. Кавказскому начальству было предписано никаких наступательных экспедиций против горцев не предпринимать, а заниматься исключительно довершением или усилением обороны на наших линиях.

В течение трех лет со времени первого моего пребывания на Кавказе положение дел в крае чрезвычайно изменилось — и не к лучшему. Поэтому мне предстояло прежде всего прилежно заняться ознакомлением с текущей перепиской и современными обстоятельствами. Помощниками моими по управлению частью Генерального штаба были двое старших адъютантов или начальников отделений: штабс-капитаны Мацнев и Ольшевский — оба из академического выпуска 1840 года. Между ними разделено было все делопроизводство: в 1-м отделении, у Мацнева, производились дела, прямо относящиеся к военным действиям и передвижениям войск;

---

* В автографе далее зачеркнуто: в том числе, разумеется, губернатору генералу Ольшевскому и дежурному штаб-офицеру полковнику Кускову *(прим. публ.)*.

во 2-м, у Ольшевского, кроме дел по личному составу Генерального штаба, собирались и хранились сведения о войсках, о крае, о неприятеле, велась переписка по устройству кордонных линий, военных поселений и казачьих станиц и т.д. Топографической частью заведовал капитан корпуса топографов Петухов. Мацнев был офицер способный, живой, симпатичный, но, к сожалению, заика; Ольшевский — гораздо менее даровитый, менее развитой, даже несколько ограниченный, очень занятый собой, был большой волокита и дамский угодник*; капитан Петухов — уже немолодой, почтенный офицер, опытный топограф. Состоявшие при войсках Кавказской линии и Черномории офицеры Генерального штаба почти все находились в отсутствии: подполковник барон Вревский (Ипполит Александрович, родной брат состоявшего при военном министре) находился в Пятигорске и приехал в Ставрополь несколько позже; о нем я уже имел случай говорить в рассказе о первом моем пребывании на Кавказе. Капитан барон Торнау, о котором также упоминалось, — офицер старого Генерального штаба, делавший Турецкую кампанию и пробывший долгое время в плену у черкесов, — проводил лето вместе с женою своею в Тифлисе, в семействе корпусного командира Нейдгарта, которому он приходился племянником. Капитаны Облеухов (также старого Генерального штаба) и Голенищев-Кутузов, и штабс-капитан Веревкин находились в командировке: первый — во Владикавказском округе, при полковнике Нестерове, второй — на левом фланге, при генерале Фрейтаге, а третий — на правом фланге, при генерале Безобразове. Капитан Неверовский, считавшийся дивизионным квартирмейстером 20-й пехотной дивизии, находился при генерале Гурко. Затем в Ставрополе оставался только штабс-капитан Срезневский (брат известного слависта, впоследствии академика), а позже приехал из Пятигорска барон Вревский. Ожидалось прибытие вновь назначенных на Кавказскую линию поручиков Генерального штаба Колодеева и Ракинта (академического выпуска 1840 года) и причисленных к Генеральному штабу трех офицеров последнего выпуска (1842 г.):

* Оба они впоследствии дослужились до генерал-лейтенантского чина и начальствовали дивизиями.

штабс-капитана гвардейской артиллерии Трефурта, поручиков Граматина и барона Сталя. Наконец, следует еще добавить четырех офицеров* и несколько нижних чинов Корпуса топографов, да одного переводчика из туземцев (капитана милиции Девлет-Мирза-Шихалиева) — и вот весь состав подведомственного мне управления. С большею частью своих подчиненных пришлось мне лично знакомиться исподволь, по мере приезда их в Ставрополь.

Общество ставропольское состояло исключительно из лиц служащих и семейств их; в летнее же время оно как будто совсем вымирало; большинство семейств уезжало или на воды, или на родину. Таким образом, в первое время нашей жизни в Ставрополе у жены моей почти не было знакомых. Иногда навещали ее только старый доктор Ясинский с добродушною его супругой, да некоторые из наличных офицеров Генерального штаба: барон Вревский, Мацнев, Ольшевский. Можно сказать, что все лето мы с женой провели в полном уединении и благословляли судьбу, давшую нам возможность на первых порах нашей супружеской жизни всецело и безраздельно наслаждаться нашим счастием.

Обыкновенно все утро, с 9 часов и до 2 пополудни, проводил я в штабе или у начальника штаба (в часы личного доклада). С первых же дней по вступлении в должность я был завален работой. Перечитывая прежнюю переписку, чтобы ознакомиться с положением дел, я в то же время должен был приняться за разработку многих обширных и сложных дел, отлагавшихся в ожидании моего приезда. Из числа таких работ, исполненных мною лично в течение лета 1843 года, назову только главнейшие: 1) новые штаты местных управлений на линии; 2) переформирование Кавказского линейного казачьего войска и 3) общие соображения относительно образа действий на Кавказе[1].

Существовавшее тогда административное деление Кавказской линии не было установлено одновременно, а составилось случайно, в течение продолжительного времени. Вводимые урывками, без общего плана, местные управле-

---

* Корпуса топографов штабс-капитан Александров и прапорщик Осипов и произведенные в офицеры армейских полков бывшие топографы Горшков и Анисимов.

ния не имели даже узаконенного личного состава; начальники частей линии должны были вести лично делопроизводство, с помощью лишь временно прикомандированных строевых офицеров. Такое отсутствие всякой организации в местных управлениях неизбежно отзывалось на ходе дел, тем заметнее, чем более усложнялись обстоятельства. Генерал Гурко признал нужным установить более рациональное разграничение районов местных управлений, а вместе с тем каждому из них присвоить штатный состав, с определенными окладами содержания. Составленный проект нового разделения линии получил Высочайшее утверждение в сентябре того же 1843 года, а самые штаты были представлены на Высочайшее утверждение в ноябре.

Еще в первое мое пребывание на Кавказе, в зиму 1839—1840 гг., как в своем месте упомянуто, мне было поручено генералом Граббе составление записки по поводу представленного генералом Халанским проекта преобразования Кавказского линейного казачьего войска, с предполагавшимся обращением в состав его всего населения Кавказской области. Для опровержения этой линии я должен был тогда заняться обстоятельным изучением статистического состояния как линейного казачьего войска, так и гражданского населения области и магометанских ее народов (туркмен, или по-тогдашнему трухмен, калмыков, ногайцев и проч.). Последствием представленного генералом Граббе заключения по проекту Халанского было Высочайшее повеление (объявленное военным министром корпусному командиру генералу Головину 28 декабря 1841 года и подтвержденное генералу Граббе 11 февраля 1842) о разработке проекта преобразования означенного казачьего войска на особых, Высочайше указанных основаниях, а именно: полагалось все существовавшие тогда девять полков линейного войска привести в 12-сотенный состав, то есть довести население каждого полка до 12 тысяч душ мужского пола; для решения такой задачи прирезать к полкам недостающее количество земли и добавить необходимое число душ от прилежащего гражданского и мусульманского населения области. Последовавшая вскоре перемена начальства на Кавказе замедлила ход этого дела; а между тем Военное министерство и Департамент военных поселений (составлявший высшую инстан-

цию по делам казачьих войск) продолжали напоминать о скорейшем представлении проекта. Генерал Гурко, по вступлении в должность, донес 22 декабря 1842 г., что, по недавнему прибытию своему в край, не успел еще составить себе положительное мнение по столь важному вопросу. Дело это, в числе многих других, было отложено до моего приезда, и таким образом мне пришлось вторично заняться тою же работой, которая была в моих руках четыре года назад. В составленном мною проекте рапорта от имени генерала Гурко (подписанного им 11 сентября) опять довелось мне отстаивать гражданское и магометанское население Кавказской области от угрожавшего ему перечисления в казачье состояние. В том же смысле высказался и министр государственных имуществ граф Киселев, полагавший, что в случае безусловной необходимости лучше все магометанское население области передать в военное ведомство, чем отделять от него какие-либо части. В проектированном мною мнении генерала Гурко выставлялись разные невыгоды включения магометанских народов в состав казачьего войска и даже непреодолимые препятствия к приведению в 12-сотенный состав полков левого фланга, растянутых узкою полосой вдоль левого берега Терека. Потому разработанный мною проект представлен был в двух видах: один — на точном основании Высочайшего повеления — наглядно выказывал невозможность осуществления такого предположения; другой же — удобоисполнимый, но основанный на том предположении, что в одной половине войска (на правом фланге и в центре) полки приводятся в 12-сотенный состав, а в другой половине (на левом фланге) — в 6-сотенный. Выработка этих двух проектов, разумеется, требовала весьма сложных и кропотливых расчетов для возможного уравнения полков, как по числу народонаселения, так и по количеству земельного надела, с соблюдением притом необходимых условий кордонной службы. Впоследствии я должен был дополнить свою работу на основании полученного нового Высочайшего повеления: все полки линейного казачьего войска привести в 6-сотенный состав. Приведение в исполнение такого повеления уже не представляло затруднения: стоило только в прежнем своем проекте подразделить каждый из 12-сотенных полков правого фланга и центра на два: передовой (прилежащий

к кордонной линии) и задний или внутренний. На этом основании образовалось уже 20 полков (с включением вновь водворившихся и предположенных: трех Лабинских и двух Сунжанских), с распределением их на 5 бригад. В таком виде и последовало потом переформирование Кавказского линейного казачьего войска.

Из упомянутых трех главных работ, исполненных мною в течение лета 1843 года, особенно интересовала меня последняя: мне было поручено генералом Гурко редактировать от его имени ответ на предписание корпусного командира от 18 мая, которым требовалось от командующего войсками Кавказской линии мнение о системе действий на Кавказе. Я воспользовался случаем, чтобы развить те же мысли, которые были изложены в моей записке 1840 года и вполне одобрены генералом Гурко. В написанном мною пространном рапорте выставлялись невыгоды и даже опасность тогдашнего раздробленного расположения наших войск, разбросанных на огромном протяжении во множестве малых и слабо укрепленных пунктов; высказывалось, что если, с одной стороны, не приносили положительных результатов временно предпринимавшиеся «экспедиции» большими отрядами против непокорных племен, то, с другой стороны, было бы еще невыгоднее оставаться в пассивно-оборонительном положении, как было тогда предписано. Бездействие наше было бы принято горцами за признак нашей слабости, дало бы полный простор Шамилю утвердить и распространить свою власть над туземными племенами и даже могло бы иметь последствием упадок духа в наших войсках*. Из рассмотрения различных способов действий выводилось заключение о необходимости устройства впереди наших кордонных линий не малых фортов, предполагавшихся прежде, в виде передовых *линий*, а небольшого числа крупных пунктов, в виде

---

* Далее в автографе зачеркнуто авторское примечание: Странно, что генерал Фрейтаг, один из умных и опытных местных начальников, высказывал совершенно противуположное мнение, что следовало на некоторое время оставить Чечню на произвол судьбы в том предположении, что сами чеченцы будто бы не долго будут выносить железную власть Шамиля и сами сделают переворот в нашу пользу. Как жестоко мнение это было опровергнуто случившимися вскоре событиями *(прим. публ.)*.

укрепленных лагерей или штаб-квартир, с достаточно сильными резервами, которые могли бы предпринимать во всякое время и неожиданно наступательные движения в известном районе и тем держать окрестное население в постоянном страхе и повиновении. Основная эта мысль была подкреплена примерным указанием числа таких пунктов на всем протяжении Кавказа, с расчетом сил, потребных для осуществления предлагаемой системы. Составленный мною проект рапорта корпусному командиру был вполне одобрен генералом Гурко и подписан 11 сентября[2].

Таким образом, мои медовые месяцы прошли в усиленных занятиях служебных. Все работы мои принимались начальством одобрительно; все редактированное мною от имени командующего войсками утверждалось им без перемены. Личные отношения мои с генералом Гурко по приезде в Ставрополь были превосходные: Владимир Осипович постоянно оказывал мне и моей жене самую любезную внимательность. Не могу сказать того же о непосредственном моем начальнике полковнике Норденстаме, со стороны которого, почти с первого времени, начал я замечать какую-то натянутость и холодность в обращении со мной. Не могу и до сих пор объяснить себе причину такой перемены в наших отношениях: приписать ли это просто его тяжелому, сухому характеру или щепетильному желанию поддержать начальническую важность перед подчиненным (особенно со времени производства его в генералы); или же с моей стороны невольно подан был ему какой-нибудь повод к неудовольствию? Но казалось, что больше права имел я сетовать на него за то, что должен был более четырех месяцев жить в неудобном и жалком помещении и платить за него, пока казенную квартиру обер-квартирмейстера занимал Норденстам. Впрочем, я должен прибавить, что охлаждение между нами замечалось лишь в тоне обращения; на деловые же наши отношения никакого влияния не имело.

Как уже сказано было, мы с женой вели жизнь самую скромную; в хозяйстве своем должны были держаться строгой бережливости, отказывая себе во всем прихотливом. Но недаром гласит русская пословица — где тонко, тут и рвется. Все, что имели мы ценных вещей, как-то: серебряные приборы, женины туалетные украшения и небольшая сумма

наличных денег (около 1500 рублей ассигнациями), хранилось в небольшой шкатулке, которая обыкновенно стояла на подоконнике в комнате жены (или спальной); окно, не далее трех шагов от наших кроватей, выходило во двор, близ самых ворот. В одну из теплых июльских ночей я был разбужен шорохом в комнате; вскочив с постели и отдернув занавеску, увидел я в окне темную фигуру, которая, схватив шкатулку, мгновенно скрылась за ворота. Пока я набросил на себя халат и надел сапоги, вор уже исчез, и мы не только лишились того немногого, что имело какую-либо ценность, но остались без копейки даже для насущной жизни. Я должен был просить о выдаче мне на первый раз хотя бы небольшой суммы в счет жалования; впоследствии же по ходатайству начальства выдано было мне пособие в 1000 рублей. Что касается до украденных вещей, то все розыски полиции остались напрасными; воры не были найдены, хотя общее мнение приписывало кражу беглым арестантам, которые, благодаря распущенности в соседнем с нами остроге и негодности городской полиции, нередко укрывались в местных оврагах, ближайших к нашей слободке. По прошествии нескольких недель случайно была найдена в одном из огородов слободки только пустая, разбитая шкатулка.

Еще припоминаю в течение этого лета один день, когда на Ставрополь налетела густая туча саранчи. От пронесшейся массы насекомых оставался некоторое время след в виде толстого слоя пыли, покрывавшего улицы города и прилежащую к нему степь.

После долгого нашего ожидания, наконец в октябре месяце генерал Норденстам переселился в свое новое жилище; но потребовалось еще некоторое время на необходимую ремонтировку прежнего его помещения, которое мы заняли лишь в начале ноября. Оно находилось не очень далеко от нашего временного пристанища, также на самой окраине города, и состояло из отдельного, одноэтажного домика, выходившего своим фасадом на обширное поле, за которым виднелись вдали низенькие домики другой солдатской слободки. Позади дома и двора был небольшой сад, смежный с другим, более обширным садом, принадлежавшим к дому самого командующего войсками. Все казенные дома, не исключая и помещения главного начальника края, были од-

ноэтажные, похожие по наружности на казармы в бывших южных военных поселениях. В таких же постройках размещены были и части штаба. Новое наше жилище, хотя вовсе не затейливое, было все-таки несравненно просторнее и комфортабельнее прежнего и что всего важнее — находилось не в такой глуши. Однако и здесь перед нашими окнами прямо на север расстилалась необозримая степь, производившая крайне унылое впечатление, особенно в зимнее время.

С наступлением осени стали постепенно съезжаться отсутствовавшие члены ставропольского общества; городская жизнь несколько оживилась; начались даже балы Дворянского собрания, происходившие в единственной гостинице Наитаки. Раза два в течение осени появлялась на этих балах и моя жена. Я рад был, что ей пришлось наконец выйти из той однообразной, домашней жизни, которую она вела в продолжение всего лета; ей необходимо было какое-нибудь развлечение. Круг ее знакомства несколько расширился с прибытием жен генерала Безобразова, Норденстама, Николаева (атамана линейного казачьего войска) и других. Впрочем, в этих знакомствах было мало удовольствия; все отношения ограничивались обменом церемонными визитами. Приятнее всех других было знакомство с молодой и красивой женой председателя казенной палаты Де-Роберти. С нею жена моя преимущественно и сблизилась, пока не приехала в Ставрополь симпатичная баронесса Торнау.

ПЕЧАЛЬНЫЙ КОНЕЦ 1843 ГОДА

Уже с августа месяца получались тревожные известия с левого фланга. Значительное скопище горцев собралось у Дылыма, близ границы Кумыкской равнины; можно было предполагать намерение неприятеля помешать строительным работам в новом укреплении Куринском. Однако же вскоре открылось, что Дылымское скопище обратилось в сторону Дагестана, а затем получено было сведение, что Шамиль с большими силами появился 28 августа у селения Унцукуль (на Аварском Койсу), что вышедший из Цатаныха на выручку Унцукуля небольшой отряд полковника Веселицкого был окружен неприятельскими силами и весь истреблен, причем в руках у горцев остались два орудия, а затем самый Унцукуль, державшийся двое суток против всей массы Шамиля, был взят, и уцелевшие из гарнизона укрепления 60 нижних чинов принуждены были сдаться.

Известие это поразило нас как гром среди ясного дня. Оно указало, что Шамиль, пользуясь нашим бездействием и раздроблением войск, успел утвердить свою власть над всеми племенами Чечни и нагорного Дагестана и теперь решился сам перейти в наступление. Таким образом, те опасения относительно тогдашней нашей системы действий, которые только что высказаны были в составленном мною проекте рапорта от имени командующего войсками, подтвердились фактически. Последующие известия, приходившие одно за другим из Дагестана, все более были печальны. Командующий войсками в Северном Дагестане генерал-майор Клюки фон Клугенау, собрав все, что было у него свободных войск, поспешил с ними к Цатаныху; но тут, увидев несоразмерность своих сил с неприятельскими, вынужден был стянуть свои войска к Хунзаху; а между тем Шамиль распоряжался беспрепятственно и в течение каких-нибудь

двух недель овладел всеми нашими укреплениями, защищавшими Аварию и сообщение Хунзаха с Темир-Хан-Шурой. Слабые гарнизоны этих укреплений были истреблены; все орудия и запасы достались в руки неприятеля; все почти население Аварии и Койсубу передалось Шамилю, и к 20 сентября во всем нагорном Дагестане оставался в нашей власти один Хунзах без обеспеченного сообщения с плоскостью.

Такой печальный оборот дел, конечно, встревожил тифлисское начальство. Можно было опасаться потери всего Дагестана и гибели остальных войск, разбросанных малыми частями на всем протяжении от Сулака до Самура. Генерал Гурко получил от корпусного командира генерала Нейдгарта предписание отправиться лично в Северный Дагестан, принять там главное начальство и выручить блокированного в Хунзахе генерала Клюки. Немедленно генерал Гурко собрался в путь и, прибыв в Темир-Хан-Шуру (18 сентября), начал стягивать разбросанные части войск. Он не взял с собою ни Норденстама, ни меня, дабы не расстроить общего ведения дел на всем протяжении линии при тогдашних тревожных обстоятельствах. Притом, генерал Гурко, вероятно, и не предполагал, что ему придется оставаться долго в Дагестане, вне пределов непосредственно подчиненного ему края.

К счастью нашему, Шамиль после одержанных им огромных успехов счел необходимым приостановить на некоторое время свои наступательные действия в Дагестане. В конце сентября он с главной частью своих сил вдруг обратился в другую сторону и совершенно неожиданно подступил к крепости Внезапной, в которой оставался гарнизон всего из 5 рот. 30 сентября толпы горцев стремительно напали на селение Андреево и уже ворвались было в него; но смелое появление на помощь андреевцам неустрашимого командира Кабардинского егерского полка полковника Козловского с одной ротой и одним орудием остановило на этот раз успехи Шамиля. Толпы его обращены были в бегство, и в ту же ночь он отступил, а вслед за тем распустил большую часть своих скопищ, чтобы дать им месячный отдых на время поста (ураза).

Этот перерыв в действиях его дал возможность нашим войскам несколько оправиться; генерал Клюки мог беспрепятственно удалиться из Хунзаха, оставив однако же в

Ф.Клюки фон Клюгенау

нем 4 батальона с орудиями, под начальством подполковника Генерального штаба Пасека. Решившись удержать за собой этот опорный пункт нашего господства в Аварии, генерал Клюки должен был оставить еще 2 батальона с несколькими орудиями на сообщениях Хунзаха с Шурой, в Белоканах и Гергебиле, так что генерал Гурко, несмотря на полученные подкрепления, мог собрать в Темир-Хан-Шуре не более 6 слабых и расстроенных батальонов с 10 орудиями. Вот все силы, которые имел он под рукой.

Между тем Шамиль в конце октября возобновил свои наступательные действия, подступив с большими силами к Гергебилю. Занятием этого пункта он хотел, по-видимому, разобщить наши войска, находившиеся в Аварии, в Южном и Северном Дагестане. Слабый гарнизон гергебильского ук-

репления (всего $2^1/_2$ роты при 5 орудиях), отбив несколько приступов, продержался до 4 ноября, когда на окрестных горах появился сам Гурко, поспешивший на выручку осажденным. Но приведенный им последний резерв был так слаб, что он не решился с такими малыми силами спуститься в ущелье Койсу, к самому укреплению. Надежды на прибытие подкреплений из Южного и Среднего Дагестана не могли осуществиться, так как и в тамошнем населении началось уже сильное брожение. Опасаясь за самую Шуру, генерал Гурко счел нужным 6-го числа отступить к этому пункту. Малочисленный гарнизон Гергебиля, сократившийся до 50 человек, продержался еще два дня, и только 8 ноября горцам удалось наконец ворваться в укрепление.

Этот новый успех, одержанный горцами почти на глазах самого генерала Гурко, окончательно утвердил господство Шамиля в Дагестане. Акуша и Цудохара (в Среднем Дагестане) передались на его сторону; мехтулинцы (в Северном) также возмутились; даже в шамхальстве начались волнения. Шамиль с огромным скопищем, силою до 30 тысяч человек, двинулся к самой Шуре и обложил ее, между тем как толпы горцев сторожили отряд Пасека в Хунзахе, другие вторглись в мехтулинские владения, а тысяч шесть горцев бросились к Низовому укреплению (на берегу Каспийского моря), где находился огромный склад запасов. 11 ноября они обложили это укрепление, открыли по нему огонь из орудий и даже бросались не раз на штурм. Слабый гарнизон был в отчаянном положении и готовился уже взорвать укрепление, как вдруг появился на выручку его начальник левого фланга генерал Фрейтаг с небольшою колонной наскоро собранных им войск. Быстрое прибытие его спасло Низовое укрепление; но Фрейтаг не решился с таким малым отрядом мериться со всеми силами Шамиля, чтобы освободить генерала Гурко из блокады. Притом, более продолжительное отсутствие его могло быть опасно и для левого фланга; а потому он поспешил возвратиться на Кумыкскую равнину; жалкое укрепление Низовое было очищено, и находившиеся в нем запасы истреблены.

С другой стороны, подполковник Пасек, вследствие неоднократных и наступательных предписаний генерала Гурко, очистил Хунзах, отошел 16 ноября к Белоканам и, присоединив к себе находившийся там батальон, продолжал дви-

жение на Зыраны. Но далее путь ему был уже прегражден неприятелем, занимавшим Бурундук-кале и выход из Ирганайского ущелья на плоскость. В тылу его Белоканы также были заняты неприятелем, так что Пасек оказался окруженным в Зыранах, в глубоком ущелье Аварского Койсу.

Таким образом, наши войска в Северном Дагестане оказались в тесной блокаде, лишенные всяких сообщений, разобщенные между собой в трех пунктах: Шуре, укреплении Евгениевском и в Зыранах. Все, чего успели мы достигнуть тяжелыми усилиями в продолжение многих десятков лет, чтобы утвердиться в том крае, — было утрачено в какие-нибудь два месяца. Войска наши понесли огромные потери; гарнизоны мелких укреплений истреблены; множество орудий, оружия, запасов военных досталось в руки Шамиля, который сделался полным владыкой большей части Восточного Кавказа. Относительное наше положение к горцам совершенно изменилось как в военном, так и в нравственном смысле. Тактический перевес на нашей стороне значительно уменьшился с тех пор, как в руки неприятеля попала артиллерия. Шамиль уже имел как бы организованную военную силу, которой распоряжался по определенному плану. При последних боевых встречах замечалось в действии его скопищ как бы начало тактического обучения в подражание нашему строю. Так, цепи стрелков двигались по сигналам. Выстрелы из забранных у нас орудий были направляемы довольно удачно и разбивали с успехом наши жалкие укрепления. Но всего важнее было то, что среди туземного населения поколеблено было прежнее обаяние русского имени.

Встревоженный опасным положением дел, корпусной командир генерал-адъютант Нейдгарт счел необходимым лично переместиться ближе к театру военных действий и принять на себя непосредственно общие распоряжения по всей Кавказской линии и Дагестану. Избрав местом пребывания своего станицу Екатериноградскую, он предписал туда же прибыть генералу Норденстаму и мне. Вечером 27 ноября выехали мы вместе из Ставрополя.

В первый раз пришлось мне разлучиться с молодою женой. Невыразимо тяжела была эта разлука для нас обоих. В особенности грустно мне было то, что она, бедняжка, оставалась в полном одиночестве; в изолированном доме, на краю

города, в пустынной местности. Ей приходилось впервые заботиться о домашнем хозяйстве, которое нелегко было вести в таком захолустье, как Ставрополь, и при наших очень стеснительных средствах. К тому же она была беременна, и меня пугала одна мысль о возможности ее болезни. Единственную надежду возлагал я на доброго старика врача Ясинского, обещавшего мне часто навещать ее.

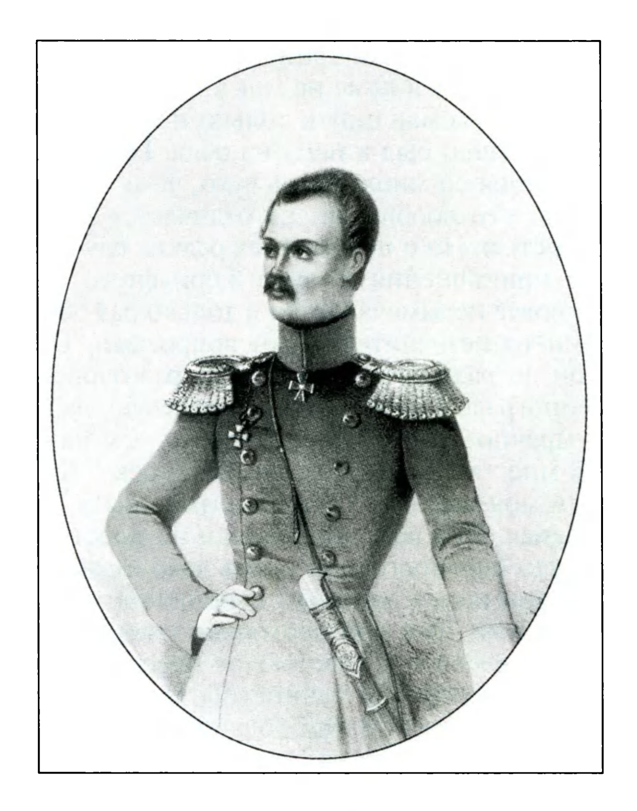
Приезд корпусного командира в Екатериноград был назначен 28-го числа; поэтому Норденстаму и мне следовало очень торопиться и ехать безостановочно. Тем не менее, мы прибыли в Екатериноград только в ночь с 28 на 29 ноября, когда генерал Нейдгарт уже находился там. Одновременно с нами приехал туда бывший мой товарищ подполковник Генерального штаба Николай Иванович Вольф, присланный из Петербурга с поручением от военного министра к генералу Нейдгарту*. Вольфу было приказано оставаться временно при корпусном командире, чтобы доставлять министру частые и обстоятельные известия о положении дел на Кавказе. В Екатериноградской станице отвели мне помещение в одной из казачьих хат совместно с Вольфом, чем я был очень доволен, вспоминая былое наше сожительство в первое пребывание мое на Кавказе.

Помещение наше было неприглядное; оно состояло из одной темной и холодной комнаты, с полуразвалившейся печью, одним столом, одним стулом и скамейкой. Спали мы в первое время на полу, на сене, что было очень неудобно, по множеству крыс и всяких насекомых. Однако же потом достали где-то плохие кровати, и тогда жилье наше приняло несколько более опрятный вид. В соседней с нами комнате (отгороженной от сеней) поместили мы импровизированную нашу канцелярию, с четырьмя писарями, а в холодных сенях водворились слуга Вольфа и приехавший с ним фельдъегерь.

Сожительство с Н.И.Вольфом вывело меня из довольно критического положения, в которое поставил меня Норденстам. Приняв предложение его ехать вместе с ним, в его экипаже и с его прислугой, я положился на его заявление,

---

* В автографе далее зачеркнуто примечание автора: подполковник Вольф преподавал в Военной академии обязанности офицеров Генерального штаба. В отсутствие его преподавание этого предмета было возложено на полковника князя Голицына *(прим. публ.)*.

Д.В.Пассек

что мне не было надобности брать с собой лишнего багажа, ни запасаться какими-либо предметами домашнего хозяйства, даже иметь особый чемодан. По прибытии в Екатериноград, когда пришлось мне поместиться отдельно от моего спутника (чему, впрочем, я был очень рад), очутился я совершенно в беспомощном положении: без прислуги, без самых необходимых вещей; а между тем оказалось к нашему горю, что пребывание наше в Екатеринограде могло затянуться на более продолжительное время, чем мы предполагали. Таким образом, мне пришлось жить как бы в гостях у прибывшего издалека Н.И.Вольфа, который, как путешественник, запасся всем необходимым для жизни в диком краю и любезно делился, чем мог, со мной; слуга же его, давнишний мой знакомец, усердно мне прислуживал.

С самого приезда в Екатериноград Норденстам засадил меня за работу, так что я даже не мог в первый день представиться корпусному командиру и только на следующий день, 30 ноября, приглашен был к нему на обед. Генерал Нейдгарт при этом обошелся со мною очень сухо, чему, впрочем, я не удивился, зная, что вообще он не отличается приветливостью и любезностью. Но и потом, в тех редких случаях, когда я удостаивался приглашения к обеду корпусного командира, он как будто вовсе не замечал меня и только раз обратился ко мне с какими-то незначительными вопросами. О делах же служебных он ни разу не удостоил меня разговором.

В Екатеринограде вели мы жизнь невеселую; на всех лицах выражалось мрачное настроение. Но более, чем на ком-либо, замечался на мне этот отпечаток грусти и тоски. Да, надобно сознаться, что моя жизнь в Екатеринограде была до крайности неприглядная. При всех лишениях и неудобствах материальных я должен был постоянно иметь дело и работать с утра до вечера с человеком, с которым отношения мои были натянутые и холодные. Дни мои проходили очень однообразно: вставал я рано, часов в 6, частью от бессонницы, частью потому, что еще до рассвета начиналось уже движение в соседней комнате у писарей. Затем большую часть утра должен был проводить у Норденстама, который жил через дом от нашей хаты. Приходилось ходить к нему по несколько раз в день, пробираясь с трудом по невылазной грязи, в которой случалось оставлять галоши. Хотя в ночь с 30 ноября на 1 декабря выпал снег, но он продержался недолго и только усилил слякоть на улицах станицы. К довершению неудобств, в квартире Норденстама приходилось работать по целым часам в обширной зале, такой холодной, что сам хозяин сидел обыкновенно в меховом тулупе. Случалось, что я буквально дрожал от холода, так что при всей своей черствости даже он, Норденстам, предлагал мне надевать шинель. Пробыв таким образом большую часть утра с Норденстамом, я возвращался домой к 2 часам, в то время, когда сожитель мой Н.И.Вольф уходил обыкновенно к генералу Нейдгарту; мне же приносили из харчевни простых щей, которые запивал я чаем. Впоследствии слуга Вольфа доставал иногда фазанов (которые продавались на базаре в изобилии) и жарил их, как умел; но это лакомое блюдо гастрономов, обращенное в ежед-

невную и почти исключительную пищу, при неискушенном приготовлении скоро совсем опротивело. В послеобеденное время, пока сожитель мой, по возвращении от корпусного командира, предавался сну, я продолжал работать; но случалось нередко, что и в эти часы присылал за мною Норденстам, часто по самым ничтожным поводам. В 8 часов вечера Н.И.Вольф ежедневно уходил опять к генералу Нейдгарту на партию виста. В отсутствие его я пользовался одиночеством, чтобы писать жене, с которою велась самая деятельная переписка. Как она, с своей стороны, так и я, писали каждый день длинные послания, хотя отправлять их можно было только в дни отхода почты или с курьерами, по временам посылаемыми в Ставрополь и обратно. К нашему горю, письма доставлялись крайне медленно и неаккуратно. Дороги были до того плохи, что случалось даже курьерам добираться до станций на волах; большею же частью курьерами посылались казаки верхом. Как для меня, так и для жены моей частые и длинные письма составляли единственное утешение в нашей разлуке. Норденстам не мог понять, что находили мы писать так часто друг другу.

Таким образом, могу сказать, что я вел жизнь узника: много работая, я мало с кем виделся и выходил из дома только по делам службы к Норденстаму. Впоследствии, когда с наступлением морозов улицы сделались удобопроходимыми, я позволял себе иногда, под вечер, ходить по станице или на берега Малки, чтобы подышать свежим воздухом. Живя вместе, в одной тесной комнате, мы с Вольфом вели такой различный образ жизни, что только изредка удавалось нам, преимущественно по вечерам, заводить дружеские беседы. При здравом, практичном уме Вольфа можно было вести с ним серьезные разговоры как о предметах общего интереса, о делах служебных, так и касательно вопросов личных; мнения его и советы были всегда дельные и честные. Несмотря на видимую сухость его характера, даже некоторую желчность, он всегда относился ко мне дружелюбно и с участием. Поэтому я охотно входил с ним в откровенный обмен мыслей. Между прочим, не скрывал я от него неприятностей и невыгод своего служебного положения, как вследствие натянутых отношений с ближайшим моим начальником, так и недостаточности материальных

средств для существования с семьей. Ему впервые заявил я намерение искать другой службы. Действительно, уже в это время запала у меня мысль об оставлении Кавказа при первой возможности. Н.И.Вольф отклонял меня от такого намерения, советуя несколько потерпеть, в надежде на открытие какого-либо более подходящего места здесь же на Кавказе.

С первых же дней пребывания корпусного командира в Екатеринограде постепенно съезжались туда лица со всех местностей Кавказского края. Уже 30 ноября прибыл барон Торнау с женой, проездом из Тифлиса в Ставрополь. Дядюшка его, генерал Нейдгарт, разрешил ему отвезти жену и немедленно возвратиться в Екатериноград. С удовольствием увиделся я с бароном Торнау и познакомился с его женой, милой, образованной, умной женщиной*. Меня радовал ее приезд в Ставрополь; настоятельно просил я, чтобы она познакомилась с моею женой. Барон и баронесса Торнау сдержали данное мне слово: немедленно по приезде в Ставрополь они посетили мою жену и в короткое время очень сблизились с нею. Из всего ставропольского общества баронесса Торнау сделалась самым приятным для моей жены знакомством.

Вскоре после Торнау приехали в Екатериноград подполковник Генерального штаба барон Росильон, того же штаба капитан Бибиков; затем из Ставрополя граф Штакельберг и Ермолов. Последние двое вздумали было поселиться у нас, но увидев, в какой тесноте мы сами живем, и переночевав кое-как в разных углах нашей хаты, на другой день приискали себе особое помещение. Из всех этих приезжих приятнее для меня был старый мой товарищ по Гвардейскому генеральному штабу Росильон, который приходил ко мне иногда по вечерам и своею беседой развлекал меня от грустных мыслей. Однако же я уже не нашел в нем прежнего веселого, оживленного собеседника; и на нем отразились печальные обстоятельства того времени. К сожалению, он пробыл в Екатеринограде лишь несколько дней.

Позже приехал еще один из прежних товарищей, а теперь подчиненных моих — барон Ипполит Вревский. Как друг

* Екатерина Александровна Торнау была побочная дочь князя Черкасского, родного брата супруги генерала Нейдгарта, и воспитывалась в доме последнего, вместе с его дочерьми.

детства Вольфа, он просиживал у нас многие часы, преимущественно поздно вечером и даже часть ночи; но я не стеснялся его присутствием и продолжал писать или засыпал в свой обычный час, под монотонный говор своих друзей.

В числе приезжих были некоторые местные начальники края, вызванные в Екатериноград корпусным командиром: начальники центра и правого фланга линии генерал-майоры князь Владимир Голицын и Безобразов; оба атамана казачьи: линейного войска — Николаев и Черноморского — Завадовский. Прибыл также из Тифлиса начальник артиллерии кавказской генерал-лейтенант Козлянинов, один из первых моих начальников в гвардейской артиллерии. Не упоминаю о целом сонме съехавшихся чинов Тифлисского штаба. В числе их познакомился я с корпусным обер-квартирмейстером полковником Герасимовым.

Таким образом, станица Екатериноградская, обыкновенно безжизненная и глухая, сделалась временно главной квартирой высших властей всего Кавказа. Генерал Нейдгарт, еще мало знакомый с краем, созвал главных местных начальников, чтобы совещаться с ними о средствах к сбору достаточных сил для подания помощи Дагестану. Необходимо было во что бы ни стало выручить генерала Гурко, блокированного в Шуре, и Пасека, находившегося в отчаянном положении в Зыранах. Долгое время мы не имели от них никаких известий. Знали через лазутчиков, что отряд в Зыранах, несмотря на свою малочисленность и весьма невыгодную позицию, отбивался от окружавших его скопищ неприятельских; но ему угрожало полное истощение запасов продовольственных и боевых; приходилось уже питаться кониною и голодать. От генерала же Гурко первые известия, также через посредство туземцев, получены были в Екатеринограде 6 декабря. С напряженным нетерпением ожидались донесения генерала Фрейтага, которому предписано было собрать все, что только было возможно войск и казаков, чтобы идти на выручку Шуры. Для этого вызваны были последние казачьи резервы; наскоро вооружены прибывшие из внутренних губерний России маршевые батальоны, состоявшие из рекрут, назначенных на укомплектование кавказских войск, и т.д. Все главные распоряжения исходили из Екатеринограда, и, разумеется, большая часть работы лежала на мне. Но время года и распутица чрезвычайно замедля-

ли передвижение войск и еще более транспортов с необходимыми запасами продовольственными и боевыми.

Наконец, генерал Фрейтаг, собрав отряд из $6^1/_2$ батальонов (с включением в то число до 2 тысяч рекрут), 1400 казаков и 18 орудий, двинулся 9 декабря через Кази-юрт к Темир-Хан-Шуре. Появление его 14 декабря заставило Шамиля снять блокаду и стянуть свои силы к Казанищам. Фрейтаг вступил в Шуру, и на другой день, 15-го числа, соединенные войска генерала Гурко и Фрейтага, выступив из Шуры, атаковали скопище Шамиля у Больших Казанищ. Горцы потерпели полное поражение и бежали*. Все шамхальство и мехтулинские владения были очищены от неприятеля. Оставалось выручить отряд Пасека, продержавшийся ровно месяц в самом ужасном положении. 17 декабря он был также высвобожден из блокады и присоединился к пришедшим на выручку его войскам.

Радостное известие об этом счастливом обороте дел привезено было в Екатериноград утром 21 декабря сыном генерала Нейдгарта, присланным курьером от генерала Гурко. Приезд этого давно желанного вестника произвел у нас общий восторг; все лица оживились, повеселели. Но что же должны были испытывать те, которые сами высидели целый месяц в тесной блокаде и были, наконец, высвобождены из отчаянного положения! В числе их возбуждал особенное сочувствие сам генерал Гурко, который совершенно случайно попал в несчастную дагестанскую катастрофу и поплатился за чужие грехи. С удалением Шамиля вглубь гор прибрежная часть Дагестана могла считаться обезопасенной на некоторое время, по крайней мере, на зиму. Поэтому генерал Гурко поспешил покинуть этот злосчастный край, чтобы возвратиться к прямым своим обязанностям.

Генерал Нейдгарт решил оставаться в Екатеринограде до приезда генерала Гурко, которого ожидали к 26 декабря. Но большей части созванных туда местных начальников было разрешено неотлагательно разъезжаться по своим местам. Молодой Нейдгарт отпущен был к своей семье в Тифлис. Барону Торнау, не спешившему возвращаться в Екатериноград под предлогом болезни, послано было приказание оставаться спокойно в Ставрополе. Даже и Н.И.Вольф в са-

---

* В автографе зачеркнуто: в горы *(прим. публ.)*.

мый день Рождества выехал в Тифлис, оставив меня на несколько дней в полном одиночестве.

Нужно ли говорить, с какой завистью смотрели на уезжавших те, которые были обречены на заточение до последнего дня и должны были встретить Рождественские праздники в грустной обстановке, вдали от семейств. К числу таких, конечно, принадлежал и я. Чем ближе подходил конец печальной разлуки с женой, тем томительнее становилось ожидание этого конца. Несмотря на успокоительные письма жены, меня постоянно тревожило ее одинокое положение и разные неудобства домашней обстановки, особенно с наступлением зимнего времени, когда наше жилище буквально заносится снегом. Уже с 6 декабря Ставрополь покрылся белой пеленой, и началась санная езда; но в ночь на 7-е число поднялась такая метель, что к утру образовался перед домом снеговой вал, и не было возможности ни выйти из дома, ни попасть в него. Только благодаря доктору Ясинскому, приехавшему утром навестить жену, прислано было, по распоряжению коменданта, несколько десятков арестантов из острога, чтобы прорыть въезд во двор, и таким образом жена моя была высвобождена из заточения. Но продолжавшаяся метель снова наносила целые горы снега, так что утром 8-го числа оказалось даже невозможным открыть ставни переднего фасада дома, а повар не мог выйти для закупки припасов. Пришлось вторично послать арестантов, чтобы разгребать снежные бугры, и такая работа повторялась несколько дней сряду, до 10-го числа, пока продолжалась метель. Благодаря такой погоде жена моя почти совсем не выходила из дома; только изредка видалась с любезною баронессой Торнау; раза два, по ее приглашению, каталась в санях; у нее же жена моя встретила праздник Рождества.

В Екатеринограде отпраздновали мы этот день официальным порядком: утром происходил у корпусного командира общий прием поздравлений; затем съезд к обедне в станичной церкви; наконец, парадный обед у генерала Нейдгарта. Все обошлось с обычной сухостью и натянутостью; но в этот раз уже не было прежней угрюмости на лицах как самого хозяина, так и его гостей. Все были заняты одной мыслью о предстоящем приезде генерала Гурко и скором после того выезде из Екатеринограда.

Вечером того же дня приехал генерал Гурко — ранее, чем было возвещено первоначально. Это было общей радостью. Немедленно же я поспешил явиться к своему уважаемому начальнику, который принял меня с обычной приветливостью и любезностью; но в этот вечер я мог видеться с ним лишь несколько минут, так как он торопился к генералу Нейдгарту. Весь следующий день, 26-го числа, прошел в свиданиях, разговорах, совещаниях, а также в приготовлениях к отъезду. Генерал Гурко имел продолжительные разговоры с корпусным командиром, обедал у него, принимал Норденстама, меня и других служащих.

Наконец наступил давно желанный день. 27 декабря утром выехали из Екатеринограда в противуположные стороны: генерал Нейдгарт — в Тифлис, а Гурко — в Ставрополь. В тот же день выехали и мы с Норденстамом, а затем и все другие поспешили, кто как мог, покинуть печальную станицу, в которой выдержали мы целый месяц заточения.

И вот, наконец, утром 29 декабря я дома. Нужно ли говорить, какой это был счастливый день и для меня, и для жены. По крайней мере, Новый год встретили мы вместе.

НАЧАЛО 1844 ГОДА

Первые два-три месяца 1844 года прошли как-то незаметно для меня. Заваленный письменною работой по штабу, я в то же время находился в тревожном ожидании первых родов жены и должен признаться, что страшился этого критического момента более, чем она сама. Поэтому большою для меня радостью было известие о намерении моей тещи приехать в Ставрополь ко времени предстоящих родов жены. Сначала мы даже не поверили такому радостному известию, зная, с какими затруднениями была сопряжена для моей тещи эта дальняя поездка, притом в зимнее время. Она должна была оставить на попечении посторонних лиц младшую дочь Дору, которая в этом году готовилась к конфирмации, что, по принятому в протестантской церкви обычаю, составляет эпоху в жизни девушки. Когда же выяснилось положительное решение нашей старушки предпринять путешествие, я обратился к ней с убедительною просьбой сообразить свои планы так, чтобы оставаться с моею женой и после родов ее на время новой отлучки моей по случаю предстоявшей продолжительной экспедиции. Так она и поступила. Приехав в Ставрополь в конце февраля, она поместилась в приготовленной для нее комнате, рядом со спальной жены, и оставалась с нею до половины августа. Жена моя переносила тяжелый период довольно бодро и 15 марта, в 8 часов утра, благополучно разрешилась дочерью, которую нарекли Елизаветой, в память моей покойной матери. Крестным отцом ее был Влад<имир> Осип<ович> Гурко, а крестною матерью бабушка новорожденной.

Отношения мои с генералом Гурко в это время были самые приятные. Он оказывал мне и жене моей всякие любезности; работами моими, по-видимому, был доволен; все, представляемое мною, было одобряемо. Со всеми сослужив-

цами и вообще с обществом ставропольским я ладил, а со многими даже был в приятельских отношениях. Только с непосредственным моим начальником генералом Норденстамом отношения мои оставались по-прежнему холодными и натянутыми. Педантизм его часто выводил меня из терпения, а сухость в обращении отталкивала от него. Все более и более я убеждался в том, что мы долго ужиться вместе не можем. Притом чрезмерная ограниченность моего содержания, недостаточного для самого скромного существования с семьей, побуждала меня искать другого рода службы. Об этом намерении своем сообщил я еще в конце 1843 года брату Николаю и Горемыкину. И тот, и другой в ответах своих советовали мне не торопиться оставлением места на Кавказе и в особенности отклоняли меня от мысли покинуть совсем военную службу. Впрочем, я и не имел в виду предпринять что-либо решительное прежде окончания предстоявшей в то лето большой экспедиции под начальством генерала Гурко; вопрос же о перемене службы был поднят мною в конфиденциальной переписке с друзьями именно для того, чтобы заблаговременно подготовить себе новый путь*.

При личном свидании генерала Гурко с корпусным командиром в Екатеринограде было между ними условлено производить в течение зимы внезапные набеги в Чечню, как со стороны левого фланга линии, так и Владикавказского округа. Однако же предположение это не приводилось в исполнение: с 1 января началась в том крае почти постоянная оттепель; дороги сделались непроходимыми. Между тем горцы, в ожидании с нашей стороны нападений, все время держались наготове; а потому движения наших отрядов не могли быть внезапными набегами, как предполагалось. Но всего важнее было то, что наши войска, изнуренные и обносившиеся вследствие беспрерывных в течение всего 1843 года движений и боевых действий, крайне нуждались в отдыхе, чтобы успеть приготовиться к предстоявшим весною новым движениям и экспедициям.

Между корпусным командиром и генералом Гурко велась переписка о планах предстоявших действий. Чтобы поправить дела на Кавказе, доведенные до крайне печального

* В автографе зачеркнуто: обеспеченный путь отступления *(прим. публ.)*.

положения, решено было в Петербурге еще усилить кавказские войска, и на подкрепление их направлен был почти весь 5-й пехотный корпус под личным начальством генерала Лидерса, так что к весне 1844 года военные силы на Кавказе достигли 68 батальонов с 14 донскими казачьими полками и соответствующим числом артиллерийских орудий. Представлялся вопрос: как воспользоваться таким небывалым на Кавказе приращением сил, чтобы восстановить наше господство в крае и достигнуть сколь возможно прочных на будущее результатов. Вследствие требования корпусного командира генерал Гурко должен был представить свои соображения по этому вопросу. Для обсуждения его пригласил он к себе на совещание генерала Норденстама и меня. Припоминаю это совещание, чтобы характеризовать личность моего ближайшего начальника. Высказанное мною предположение заключалось в том, чтобы сосредоточить по возможности большие силы на левом фланге линии и в Дагестане и действовать двумя большими отрядами с той целью, чтобы оттеснить Шамиля вглубь гор и затем приступить энергически к устройству в Чечне больших крепостей или укрепленных лагерей, в которых могли бы держаться круглый год довольно сильные резервы в постоянной готовности к наступательным движениям, для удержания в покорности окрестного населения в известном районе; впоследствии же позади этих передовых крепостей уже не встретилось бы затруднений к устройству казачьих поселений и кордонной линии по Сунже. Генерал Гурко склонялся к этому мнению; но генерал Норденстам упорно оспаривал мои предположения, перечисляя всевозможные препятствия сосредоточению слишком больших сил; в особенности доказывал невозможность обеспечения их продовольствием, и когда все его доводы были опровергнуты, он закончил таким наивным аргументом: “Да, наконец, кто же будет в состоянии командовать такими большими силами?..” Генерал Гурко улыбнулся молча; но, к сожалению, последствия показали, что в этом последнем доводе Норденстам не совсем был неправ.

В марте месяце генерал Гурко представил корпусному командиру свои соображения. Главной целью предстоявших действий ставилось приведение в исполнение предположенного устройства передовой Чеченской линии. Еще за год перед тем,

в марте 1843 года, также вследствие требования генерала Нейдгарта по этому предмету, сделан был предварительно запрос начальнику левого фланга генералу Фрейтагу, который представил свое мнение только в начале 1844 года. Начав с разбора прежнего проекта о передовой Чеченской линии, представленного генералом Граббе в конце 1840 года, Фрейтаг справедливо находил, что предполагавшаяся тогда линия мелких укреплений, возведенных при всех выходах из горных долин Чечни и занятых в общей сложности только 4 батальонами, не принесла бы никакой пользы и нисколько не повлияла бы на восставшее население чеченское*, а до тех пор, пока Чечня не смирится, едва ли можно было приступить к водворению казачьих станиц по Сунже. Но проект самого Фрейтага заключался все-таки в устройстве такой же линии укрепления, как и прежде предполагалось, только в большем еще числе и с удвоенною силою гарнизонов (в сумме до 8 батальонов); притом, по его расчету, для приведения в исполнение проекта потребовалось бы не 4 года, как полагал генерал Граббе, а целых 18 лет. В заключение генерал Фрейтаг высказал очень странное мнение — что при тогдашнем положении дел лучше всего было совсем ничего не предпринимать в Чечне, оставив чеченцев на произвол судьбы, в той надежде, что они, по своему легкомысленному характеру, не вынесут долго тяжелого владычества Шамиля и сами свергнут его. По выражению генерала Фрейтага, следовало "бездействием нашим утомить терпение чеченцев".

С таким мнением трудно было согласиться. Генерал Гурко, опровергнув мысль Фрейтага, в своем ответе корпусному командиру в марте 1844 года повторил и развил те же предположения, которые были изложены в прошлогоднем его рапорте от 11 сентября; а именно: он полагал на всем протяжении Чеченской равнины от верховьев Сунжи до Качкалыковского хребта возвести только три укрепленных пункта: центральный — на р. Аргуне, при выходе ее из горного ущелья, с подвижным резервом в 3 батальона, и два меньшие (один — около Маюртуна или Автура, другой — у Гехи или Ачхоя), каждый на 2 батальона. События последнего времени

* В автографе далее зачеркнуто: По мнению генерала Фрейтага, эти укрепления были бы сами в блокадном положении *(прим. публ.)*.

А.Н.Нейдгардт

в Дагестане не только не изменили прежних соображений, изложенных в упомянутом рапорте генерала Гурко, но даже подтвердили верность высказанного мнения об опасности малых, разбросанных укреплений, с малочисленными гарнизонами. Одно лишь новое обстоятельство – что неприятель владел теперь артиллерией – могло оказать влияние в будущем собственно на образ постройки наших укреплений. В предположениях же о действиях в 1844 году генерал Гурко заявил, что при тогдашнем положении дел считал необходимым обратить сколь можно большие силы и средства на левый фланг и Дагестан, отложив до другого времени всякие предприятия на правом фланге (т.е. за Кубанью). Подробный план действий не мог быть составлен, пока были неизвестны общее распределение сил и имевшиеся в виду действия в Дагестане.

Только в конце марта получено было Высочайше одобренное предположение генерала Нейдгарта о сборе двух сильных отрядов: Чеченского, под начальством генерала Гурко, и Дагестанского, под начальством генерала Лидерса. Действия обоих отрядов предполагалось разделить на два периода: в первый — Дагестанский отряд должен был восстановить русскую власть в Среднем Дагестане и потом двинуться в Аварию; а Чеченский — вступить в Салатау, занять Чиркей и, установив сообщение с Северным Дагестаном, заняться перевозкой запасов для снабжения обоих отрядов на второй период кампании. В этот второй период имелось в виду обоим отрядам содействовать друг другу движением в долину Аварского Койсу: Чеченскому — из Чиркея в Гумбет и Анди, а Дагестанскому — через Аварию.

На основании этих общих соображений предстояло разработать более подробный план действий для каждого отряда. Предназначенные в состав Чеченского отряда войска, первоначально в числе $12^1/_2$ батальонов с несколькими сотнями казаков, артиллерией и грузинской милицией, должны были предварительно собраться в двух пунктах: у Амир-Аджи-юрта (на переправе через Терек) и у станицы Червленной, куда намеревался прибыть и сам генерал Нейдгарт к 20 апреля. К тому же времени, разумеется, должен был туда прибыть и генерал Гурко, несмотря на то, что сбор всех частей, назначенных в состав отряда, мог быть окончен не ранее мая, а сбор перевозочных средств (транспортов колесных и вьючных) и подвоз запасов в разные складочные пункты — еще позже.

Таким образом, мне пришлось уже в начале апреля снова расстаться с женой, не совсем еще оправившейся после родов. Предстоявшая разлука, хотя и более продолжительная, чем прошлогодняя, тревожила меня гораздо менее. Не пугало уже меня одиночество, в котором тогда оставалась жена; теперь она имела дорогое для сердца матери утешение — ухаживать за новорожденным ребенком, которого сама вскармливала, а, с другой стороны, в случае каких-нибудь затруднительных обстоятельств или болезни, она могла пользоваться помощью и советами своей любящей матери.

ЭКСПЕДИЦИЯ 1844 ГОДА

Выезд генерала Гурко из Ставрополя назначен был на 14 апреля. Он пригласил меня ехать вместе с ним. Генерал Норденстам остался на некоторое время в Ставрополе в ожидании родов своей жены, которая вскоре и разрешилась дочерью. На время отсутствия генерала Гурко исправление должности командующего войсками на линии (т.е. ведение текущих дел) было возложено на атамана Черноморского казачьего войска генерал-лейтенанта Завадовского, который, прибыв в Ставрополь, поселился в доме командующего войсками.

Выехав утром, в прекрасную весеннюю погоду, мы прибыли в тот же день в Георгиевск, где остановились на ночлег. Вслед за генералом Гурко ехал барон Торнау с женой, которая намеревалась провести лето, так же как и в прошлом году, в Тифлисе, в семействе генерала Нейдгарта*. Ехали за нами также подполковник Муравьев** и капитан Генерального штаба Веревкин. Все мы, съехавшись в Георгиевск, провели приятно вечер у баронессы Торнау. На другой день, 15-го числа, генерал Гурко ездил утром в Пятигорск и возвратился к обеду в Георгиевск. В тот же день к вечеру доехали мы до Екатеринограда, где опять переночевали, а 16-го числа к вечеру прибыли в ст<аницу> Червленную.

Здесь предстояло нам высидеть довольно долго в ожидании сбора отряда и подвоза запасов. Как сказано выше, войска Чеченского отряда стягивались частью к Амир-Аджи-юрту, частью к Червленной и располагались в двух лагерях: одни — на правом берегу Терека, впереди переправы; другие — верстах в 6 от станицы на левом берегу Терека.

---

* В автографе далее зачеркнуто: А барон Торнау должен был отвезти ее и затем приехать прямо в действующий отряд *(прим. публ.)*.

** Будущий граф Муравьев-Амурский.

В Червленной устроился я довольно удобно; прислуживал мне казак Петр, взятый из Ставрополя. К обеду, ровно в 2 часа, все лица штаба и свита командующего отрядом, со включением ординарцев и в том числе двух юнкеров, собирались к общему столу в калмыцкой кибитке, разбитой во дворе дома, занятого генералом Гурко. Хозяин обыкновенно сидел на одном конце длинного стола и во время обеда старался поддерживать разговор с ближайшими соседями, садившимися по старшинству чинов. Он был вообще приветлив, со всеми учтив и любезен, хотя по временам замечались в его выражении и обращении озабоченность и задумчивость. В послеобеденное время, около 6 часов, выезжал он обыкновенно верхом в окрестности станицы, в сопровождении многочисленной свиты. В этих прогулках я редко участвовал, предпочитая одиночные поездки, которые иногда предпринимал, преимущественно по самому берегу Терека, где сохранилась еще узкая полоска леса. Вечера также проводил я большею частью у себя в хате, за письменною работой. И в это время, так же как в прошлогоднее сидение в Екатеринограде, кроме служебных дел, я вел непрерывную переписку с женой. Писал ей ежедневно, хотя бы несколько строк; это вошло уже в привычку, и каждое от нее письмо ожидалось с живым нетерпением. Такая переписка не прерывалась во все продолжение экспедиции, даже во дни передвижений отряда.

Пребывание наше в станице Червленной дало мне возможность дополнить мое походное снаряжение, запастись бурками, вьючными седлами и разными другими необходимыми в походной жизни принадлежностями. Главною же заботой было – обеспечить себя лошадьми верховыми и вьючными. На мою беду приведенная из Ставрополя верховая лошадь захромала в дороге; надо было искать другую, что было нелегко в такое время, когда лошади добывались нарасхват. Выручил меня из затруднения добрый генерал Гурко, предложив мне купить одну из его собственных лошадей, которой я был весьма доволен, пока она в свою очередь не захромала.

С самого выезда нашего из Ставрополя стояла постоянно прекрасная погода. 18 апреля генерал Гурко ездил в Амир-Аджи-юрт "поздороваться" с находившимися уже там войсками. 21-го же числа, с самого утра, весь наш штаб и свита генерала Гурко облеклись в парадную форму для встречи кор-

пусного командира, который однако же приехал только к обеденному времени. В числе прибывших с ним лиц были: корпусный обер-квартирмейстер полковник Герасимов и Н.И.Вольф. С приездом генерала Нейдгарта разом изменилась вся наша обстановка. После тихой, спокойной жизни началась непрерывная суета, беготня, сплошные работы, мелочные требования. 23-го числа я удостоился приглашения к обеду у корпусного командира. Как всегда, обед этот отличался натянутостью и страшною скукой; меня удостоил он едва несколькими словами. Столь же неприветлив был генерал Нейдгарт и на обеде, данном в честь его генералом Гурко 25-го числа. Каждому бросалась в глаза противоположность в характере и обращении обоих наших начальников: сколько Гурко был симпатичен, столько же Нейдгарт отталкивал от себя.

Между тем в лагере под Червленной собралась уже большая часть ожидаемых войск. 26-го числа генерал Гурко произвел им смотр. 1 мая приехал в Червленную генерал Норденстам, и с этого времени я подпал под гнет его тяжелого педантизма. В тот же день приехал и барон Торнау; я предложил ему поселиться вместе со мной. Мне приятно было иметь сожителем такого человека, которого положение служебное и семейное было несколько сходное с моим. В откровенных со мною беседах он часто высказывал неудовольствия на своего дядюшку генерала Нейдгарта и желание вырваться с Кавказа, несмотря на то, что он, можно сказать, сроднился с этим краем.

3 мая, утром, корпусный командир произвел смотр войскам в лагере под Червленной. 9-го же числа, в Николин день, справлялся полковой праздник гребенцев. Генералы Нейдгарт и Гурко удостоили своим появлением народный праздник казаков; целый день станица оглашалась песнями и ружейною стрельбой, по азиатскому обычаю. Это был исключительный день, когда Червленная проявила некоторые признаки жизни. Во все же остальное время присутствия высшего начальства она как будто замерла. Все попытки молодежи расшевелить оцепеневшую станицу устройством народных праздников, скачек на призы и тому подобными забавами как-то не удавались. Червленная в это время была совсем не та, какою искони славилась.

Во всю первую половину мая у нас в штабе кипела усиленная работа. Каждый день, уже с 7 часов утра, иногда и

ранее, я должен был метаться то к начальству, то в канцелярию; целый день проходил в суете и волнении. В это время обсуждались подробности предстоявшей экспедиции и делались последние распоряжения к начатию действий. Я уже говорил, что по первоначальному предположению Чеченскому отряду было предназначено в первый период экспедиции пройти Салатавскую землю, через Чиркей открыть сообщение с Евгениевским укреплением (на правом берегу Сулака, против Чиркея); перейти в Северный Дагестан и приступить к перевозке запасов сперва в Евгениевское укрепление для самого Чеченского отряда, а потом в окрестности Ирганая для Дагестанского отряда, который должен был, по окончании действий в Среднем Дагестане, вступить в Аварию. Во второй же период предполагалось обоим отрядам действовать совместно по обеим сторонам Андийского Койсу: Чеченскому — от Чиркея через спуск Кирки в Гумбет и Андию; Дагестанскому — со стороны Аварии подвезти запасы для Чеченского отряда.

По поручению генерала Гурко я должен был разработать подробности исполнения этого сложного плана кампании. Для своевременного выполнения задачи Чеченского отряда нужно было сделать точный расчет требуемых перевозочных средств и времени. Оказалось, что при имевшихся тогда средствах Чеченский отряд мог достигнуть Чиркея на 20-й день по выступлении со сборных пунктов, а затем перевозка исчисленных запасов для обоих отрядов потребовала бы около 26-ти дней. При этом имелось в виду первоначально весь колесный обоз и колесные транспорты отправить через Казиюрт в Темир-Хан-Шуру с тем, чтобы движение через Салатавию произвести исключительно с вьючным обозом. Что же касается второго периода экспедиции, то составление плана движения Чеченского отряда вглубь гор усложнялось новым обстоятельством: генерал Нейдгарт, вследствие заявления генерала Лидерса, находил необходимым, чтобы означенное движение было соображено без предполагавшегося прежде содействия Дагестанского отряда, то есть чтобы Чеченский отряд сам обеспечил свое довольствие на все время похода. Для этого следовало устроить на его пути сообщения несколько складочных пунктов, в которых оставить достаточное число войск, так однако же, чтобы дойти

до Анди с отрядом силою не менее 10-ти батальонов. По сделанному расчету состав Чеченского отряда оказывался недостаточным для выполнения такой задачи. В предположении, что все движение от главного складочного пункта (у спуска Кирки) до Анди и обратно могло быть выполнено в 20 дней, требовалось для подъема всего количества запасов на такой срок огромное число вьюков, которое крайне затрудняло бы движение по горным тропинкам; а между тем в означенный короткий срок едва ли возможно было достигнуть какого-либо положительного результата. По всем этим соображениям генерал Гурко заявил сомнение в удобоисполнимости предположенной экспедиции.

Соображения генерала Гурко были изложены в записке 7 мая[3]. Генерал Нейдгарт, одобрив план на первый период экспедиции, признал возможным для облегчения движения Чеченского отряда через Салатавские земли и для сокращения времени предписать генералу Лидерсу перейти с Дагестанским отрядом через Сулак у Евгениевского укрепления, занять Чиркей и двинуться навстречу Чеченскому отряду. Что же касается до соображений относительно второго периода экспедиции, то решение вопроса было отложено.

Пока в главной квартире разрабатывались и обсуждались подробности предстоявшей большой экспедиции, генералу Фрейтагу было предписано произвести внезапный набег на соседние чеченские аулы и рассеять скопища горцев, собиравшиеся на самых границах Кумыкской равнины. По этому случаю командированы были в его распоряжение барон Торнау и штабс-капитан Ольшевский, которые выехали из Червленной 10 мая. Движение генерала Фрейтага продолжалось около недели; мы слышали в Червленной дальние пушечные выстрелы; видно было зарево горевших аулов. Торнау и Ольшевский возвратились 21-го числа.

Наконец, 26 мая, после шестинедельного сидения в Червленной, переместились мы в соседнюю станицу Щедринскую и здесь опять провели несколько дней неподвижно. Я поселился по-прежнему с бароном Торнау. Замечая с некоторого времени угрюмое настроение генерала Гурко и перемену в его обращении, мы перестали ходить за общий стол. Вообще я держал себя сколько можно поодаль, устраняясь от солидарности с начальством в распоряжениях по экспе-

диции; но мне жаль было доброго Владимира Осиповича, который, по-видимому, сам чувствовал свое бессилие, находясь под влиянием двух бездарных педантов: с одной стороны, Нейдгарт стеснял его своим вмешательством во все подробности, мелочными требованиями и приказаниями; с другой — Норденстам, как ближайший исполнитель, искал во всем одни затруднения и препятствия.

31 мая, после раннего обеда, переехали мы из станицы Щедринской к переправе у Амир-Аджи-юрта и расположились с вечера в солдатской слободе на левом берегу Терека; но в ночь (на 1 июня) я должен был переправиться на правый берег, чтобы заранее разбить лагерь для всего Чеченского отряда и затем размещать войска по мере переправы их через Терек. Переправа шла очень медленно, на одном пароме и потому продолжалась пять дней. В течение этого времени генерал Гурко, весь его штаб и свита расположились в палатках. 4-го числа переехал в лагерь и сам генерал Нейдгарт со своим штабом. К 5 июня стянулись на правом берегу Терека все войска Чеченского отряда, состоявшего в это время из 12 батальонов пехоты*, роты стрелков, двух рот саперов, $4^1/_2$ сотен линейных казаков, 28 орудий** и милиций грузинской и осетинской.

В числе начальствующих лиц в отряде состояли семь генералов: генерал-лейтенант Гасфорт (начальник 15-й пехотной дивизии), генерал-майоры: Белявский (командир 2-й бригады 15-й дивизии), Фрейтаг (начальник левого фланга Кавказской линии), Безобразов, Лабынцев (командир Кабардинского егерского полка), Полтинин (командир Навагинского пех<отного> полка) и Плещеев. Из офицеров Генерального штаба при отряде находились: подполковник барон Торнау, капитаны Голенищев-Кутузов и Корсаков, штабс-капитаны Ольшевский, Веревкин и Граммотин.

6 июня началось движение всего отряда: в первый день дошли до Таш-Кичу, во второй — до Хасавъюрта, а 8-го числа — до крепости Внезапной. Все эти переходы соверша-

* А именно: 6 батальонов 15-й пехотной дивизии (Замостский и Люблинский полки), 4 батальона Куринского и 2 батальона Навагинского полков.

** В том числе 4 орудия батарейных, 12 легких, 8 горных и 4 конных (казачьих).

лись со всеми военными предосторожностями; генерал Нейдгарт с обычным своим педантизмом требовал самого точного соблюдения их: авангард, арьергард, боковые цепи, разъезды — все исполнялось так, как будто ожидалось ежеминутно неприятельское нападение. Для старых кавказцев подобные охранительные меры казались крайне странными, даже смешными на Кумыкской равнине, где обыкновенно самые мелкие команды и транспорты ходили без всяких опасений, где конвоирование проезжих считалось чуть не одною формальностью. На мне лежала обязанность ежедневно составлять диспозиции к походу и расставлять войска на привалах и ночлегах. Строгие меры военных предосторожностей, с которыми исполнялось наше движение до кр<епости> Внезапной, можно объяснить разве только предположением, что генерал Нейдгарт считал нужным с первых же дней похода преподать урок войскам, особенно вновь прибывшим на Кавказ полкам 5-го корпуса, входившим наполовину в состав Чеченского отряда.

9-го числа назначена была дневка у крепости Внезапной. Здесь отряд должен был запастись всем нужным для дальнейшего похода и оставить часть своих тяжестей. Как уже сказано, весь колесный обоз отряда с колесными же транспортами и артиллерийским парком отправлен был из Внезапной в Казиюрт, под прикрытием одного из батальонов Куринского егерского полка; а зато присоединились к отряду 3 батальона Кабардинского егерского полка, так что 10-го числа отряд выступил к Чир-юрту уже в составе 14 батальонов пехоты. В этот день вполне выказалась суетливость нашего начальства: строго было приказано войскам быть готовым к выступлению в 5 часов утра; а вместо того тронулись с бивака только в 10 часов. Такого рода распоряжения, имевшие последствием напрасное утомление войск, повторялись и позже, пока при отряде находился генерал Нейдгарт.

С приближением к Чир-юрту я, по заведенному порядку, выехал вперед к авангарду, чтобы заранее осмотреть местность для бивака и по мере прибытия войск указывать им места расположения, а также и те пункты, которые признавалось нужным занимать передовыми постами для охранения лагеря. После перехода мне пришлось еще долго оставаться на коне, переезжая от одной части войск к другой,

взбираясь попеременно на окрестные горы и спускаясь с них; между тем день был такой же жаркий, как и все предшествовавшие. До того я утомился, что по окончании расстановки войск, в ту минуту, когда подъехал к своей палатке, со мною сделался обморок, и я чуть не упал с лошади.

11-го числа предполагалась дневка у Чир-юрта с тем, чтобы передовая колонна, высланная в ущелье Сулака к селению Зурама, успела разработать дорогу по левому берегу реки, умышленно испорченную горцами. Исправление дороги было окончено ранее, чем предполагалось, — и вот совершенно неожиданно войска получили приказание выступать. Движение по трудной горной дороге начато было так поздно, что не было возможности исполнить переход засветло. Колонна растянулась, и некоторые части только к 6 часам утра подошли к бивачному месту у разоренного аула Зурама. После такого ночного перехода пришлось на весь тот день (12-го числа) оставаться на месте, у входа в горы. Таким образом, здесь опять выказались суетливость и неустойчивость в распоряжениях нашего начальства: в тот день, когда назначен был отдых, отряд был двинут неожиданно и должен был сделать бесполезно ночной переход по трудной, горной местности; на другой же день, когда предполагалось решительное движение в горы Салатавии и ожидалась первая встреча с неприятелем, пришлось стоять целый день на местности, не удобной для дневки.

13 июня назначено было выступление в 4 часа утра, к сел<ению> Инчхе. Сильный дождь ночью до того испортил дорогу, что небольшой этот переход длился целый день, и только к 6 часам вечера хвост колонны подтянулся к месту ночлега. Здесь мне довелось разбивать лагерь на местности очень знакомой, где в 1839 году два раза стоял отряд генерала Граббе. И тогда размещение войск обыкновенно лежало на моей обязанности; но теперь отряд был почти вдвое сильнее. Ночью неприятель тревожил нас выстрелами с окружавших высот, что привело в некоторое беспокойство наше непривычное к кавказской войне начальство. У нас оказалось 5 человек раненых.

По сведениям, полученным через лазутчиков, неприятель готовился встретить наш отряд в узкой долине впереди аула Хубар, где были устроены завалы. 14-го числа отряд

двинулся к Хубару. Но в это время генерал Лидерс с частью войск Дагестанского отряда уже перешел через Сулак, занял Чиркей и двинулся в тыл неприятельскому скопищу, занимавшему Хубарские теснины. Чтобы не попасть между двух огней, горцы должны были отказаться от защиты своей позиции и открыть нам путь без сопротивления. При проходе отряда через теснину раздалось только несколько безвредных выстрелов с лесистых высот. По занятии Хубарских высот оба отряда вошли в непосредственную между собою связь. Сам генерал Лидерс выехал навстречу генералу Нейдгарту.

Чеченский отряд расположился лагерем на Хубарских высотах, с которых открывался обширный горизонт: с одной стороны виднелось Каспийское море, с другой — равнина Кумыкская и течение Терека; с прочих сторон — вершины снеговых гор Кавказского хребта. В этот вечер почему-то замечалось в лагере более, чем прежде, оживления. На другой день, 15-го числа, мы продолжали движение, поднимаясь по отлогому склону гор (Дюз-тау). По сведениям от лазутчиков, неприятельское скопище, в числе до 15 тысяч человек, с 6 орудиями ожидало нас в той же самой позиции за балкою Теренгул, на которой пять лет назад отряд генерала Граббе имел первую встречу со скопищем Шамиля. Когда передовые наши войска приблизились к теренгульской балке, мы увидели за нею на возвышенной и открытой плоскости значительные толпы; стоявшее у самого края неприятельское орудие встретило наши передовые группы выстрелами. Можно было ожидать решительного боя. Войска наши, постепенно подходя к неприятельской позиции, выстраивались в боевой порядок; но растянувшаяся по горной дороге колонна не скоро могла сосредоточиться. Поздняя пора дня заставила отложить атаку неприятеля до следующего утра. При этом имелось в виду облегчить дело обходным движением части Дагестанского отряда в тыл неприятелю через гору Ибрагим-Дада. Однако же горцы, заметив это движение, опять поспешили оставить занятую позицию, и к утру 16-го числа уже не было видно за балкой ни одного горца.

Весь день 16-го числа отряд оставался на месте. К радости всего штаба (и вероятно, еще более самого генерала Гурко), в этот день генерал Нейдгарт распростился с Чеченским отрядом и переехал к Дагестанскому, с которым отправил-

ся в Темир-Хан-Шуру. Чеченский же отряд 17-го числа сделал еще переход до высшей точки горы Ибрагим-Дада. Здесь погода резко изменилась: после предшествовавших сильных жаров мы были вдруг охвачены холодным ветром; а на окружавших нас горах выпал снег. Холодная эта погода продолжалась три дня, а затем снова возвратилась жара, даже на той возвышенной местности, на которой расположился отряд.

На этой позиции простояли мы в бездействии целых 13 дней и, разумеется, очень скучали. 18-го числа генерал Гурко ездил с небольшим конвоем в Чиркей, а 20-го числа осматривал местность кругом нашего лагеря; в этой поездке и я сопровождал его. Через два дня (22-го числа) предпринято было с частью отряда нападение на соседний аул Зубут, который найден был пустым и предан истреблению. В тот же день, под вечер, показались на ближайших к лагерю высотах довольно значительные толпы горцев; отдано было приказание снять палатки и приготовиться к встрече неприятеля. Всю ночь войска простояли в ожидании нападения; генерал Гурко намеревался с рассветом сам атаковать горцев; но к утру неприятеля уже не было, и приказано снова разбить палатки.

23-го числа в отряд прибыл транспорт из Шуры с разными запасами. Сопровождавшие его войска выступили на другой день обратно в Шуру. Генерал Гурко воспользовался этим случаем, чтобы съездить туда для личных объяснений с генералом Нейдгартом. Его сопровождали генерал Норденстам и многочисленная свита; барон Торнау, больной и расстроенный, также поехал в Шуру; я же остался в отряде, чтобы дать отдых моим лошадям, до крайности изнуренным. Генерал Гурко возвратился из Шуры 27-го числа с известием, что Чеченскому отряду назначено выступление из Салатавии 1 июля.

Накануне этого дня я отправился в Чиркей, чтобы выбрать место для лагеря. Приехав туда в сопровождении двух рот пехоты, я приступил к осмотру пересеченной местности, окружающей полуразрушенный аул. Палатка моя была поставлена под развесистым орехом, и большая часть отряда могла быть размещена на террасах обширных чиркеевских садов. 1 июля прибыл отряд, а на другой день, в воскресенье, генерал Гурко с многочисленной свитой ездил к обедне в Евгениевское укрепление. Вечером того же дня возвратился барон Торнау и поселился

опять в моей палатке, но ненадолго. 4-го числа Чеченский отряд перешел на правую сторону Сулака и расположился лагерем в шамхальских владениях, на урочище Аджи-овлак, а генерал Гурко со всем своим штабом переехал в Темир-Хан-Шуру.

Здесь поместился я у Н.И.Вольфа, который по-прежнему принял меня с дружеским радушием. В Шуре нашел я некоторую перемену сравнительно с тем, что было пять лет назад: форштадт его разросся, принял вид маленького городка, с лавками, трактирами, общественным садом и выстроенным вновь католическим костелом. На другой день по приезде своем представился я генералу Нейдгарту, который на этот раз был несколько любезнее обыкновенного и пригласил меня к обеду. Гурко и Норденстам казались также в лучшем, чем прежде, расположении духа.

6 июля началось предположенное движение Чеченского отряда для открытия сообщения с Дагестанским отрядом, который к тому времени должен был занять высоты левого берега Аварского Койсу. Рано утром прибыли мы в лагерь отряда, а на другой день, 7-го числа, двинулись к Бурундук-кале, куда отряд дошел только к вечеру. Дорога была очень трудная и потребовала в некоторых местах продолжительной разработки, так что нам пришлось несколько часов простоять на одном месте, под палящим солнцем. День был очень жаркий; местность на спуске в ущелье Бурундук-кале чрезвычайно живописна.

Движение наше оказалось напрасным: получено было известие, что генерал Лидерс, несмотря на весьма значительные силы, направленные под его начальством в Аварию*, не решился перейти на левый берег Аварского Койсу и обратился к Гергебилю, где предположено было снова возвести укрепление. Генерал Гурко ограничился рекогносцировкой к Зыранам: 8-го числа с небольшою колонной налегке спустился он к Ирганаю, а на другой день, 9-го числа, возвратились в Бурундук-кале. При этом обратном движении имели неожиданно маленькую стычку с показавшимися на горах горцами. Таким образом, цель нашего движения не была достигнута**. 10-го числа отряд оставался у Бурун-

---

* По соединении Дагестанского отряда с Самурским (князя Аргутинского) у Лидерса было 20 батарей при 40 орудиях и 3.000 человек конницы.

** В автографе далее зачеркнуто: движение генерала Лидерса замедлилось, и мы не могли войти с ним в связь *(прим. публ.)*.

дук-кале, пока разрабатывалась дорога, а на другой день, 11-го числа, перешли опять на прежнее лагерное место близ Темир-Хан-Шуры.

Во время стоянки нашей у Бурундук-кале прибыл в отряд курьер с известием о пожалованных наградах за прежние военные действия. Награды эти, как часто бывает, порадовали немногих, а наоборот опечалили многих недовольных. В числе последних, к сожалению, был и мой сожитель барон Торнау; он заболел от желчи, уехал в Шуру и получил от генерала Нейдгарта разрешение отправиться в Тифлис за женой, чтобы вместе с нею ехать на воды в Пятигорск. Перед отъездом своим Торнау высказал мне твердое намерение свое покинуть Кавказ и стараться получить место в Москве или же совсем оставить службу и поселиться в своем имении в Нижегородской губернии.

12 июля возвратились мы в Шуру; я поместился по-прежнему у Н.И.Вольфа. Снова пошли переговоры между генералами Нейдгартом и Гурко, при участии Норденстама, о планах дальнейших действий Чеченского отряда. Независимо от личных свиданий, генерал Нейдгарт, по своей бюрократической привычке, вел письменно сношения с генералом Гурко и предписанием от 14-го числа потребовал от него снова соображений о предназначавшемся Чеченскому отряду наступательном движении от Чиркея через Гумбет в Анди, причем заявил свое решение усилить означенный отряд на счет Дагестанского до 20 батальонов. Получив это предписание утром 14-го числа, генерал Гурко призвал меня к себе для обсуждения ответа, удержал меня к обеду, после которого пригласил также и Норденстама. Совещание продолжалось до вечера. Возвратившись к себе, я принялся за работу. Мне пришлось повторить те же расчеты, которые были уже составлены три месяца назад в станице Червленной. Придача 6 батальонов к составу отряда, конечно, облегчала исполнение задачи; однако же не устраняла всех затруднений, заявленных генералом Гурко в апреле месяце. Расчет движения оставался в сущности прежний: предполагалось устроить ближайший склад запасов у спуска Кирки, под прикрытием 6 батальонов с 8 легкими орудиями; свезти туда продовольственные и другие запасы в таком количестве, сколько необходимо на весь отряд и на все время действий

его так, чтобы при дальнейшем наступлении войска были обеспечены по крайней мере на 20 дней. Предполагалось устроить еще два передовых склада на пути к Анди (в том числе один у входа в ущелье Буцоль-триколь или Андийские ворота); для охранения этих пунктов оставить еще 4 батальона, что составляло вместе с упомянутыми 6 батальонами у спуска Кирки всего 10 батальонов, оставляемых в тылу действующего отряда. Собственно же для движения в Анди признавалось необходимым иметь никак не менее 10 батальонов, с 16 горными орудиями и 4 сотнями конницы; а, следовательно, при общей силе отряда в 20 батальонов не было уже возможности что-либо уделить для занятия Чиркея. Для подъема исчисленного количества запасов, по сделанному расчету, оказывалось необходимым при отряде до 1925 вьюков, а с запасными лошадьми — не менее 2117 лошадей, независимо от тех перевозочных средств, которые были нужны для подвоза запасов от Чиркея до первого складочного пункта.

Составленные мною расчеты и соображения были представлены генералу Гурко утром 15-го числа, и в тот же день он подписал ответ корпусному командиру. В дополнение к приведенным соображениям, заявлена была совершенная необходимость предварительного приведения войск и транспортов в такое состояние, чтобы предположенное движение в горы сделалось возможным; ибо тогдашнее положение тех и других было далеко неудовлетворительно: войска, чрезвычайно ослабленные большим числом больных, нужно было укомплектовать свежими людьми; лошади не только в транспортах, но и в артиллерии были крайне изнурены, и число их оказывалось далеко недостаточным. В заключение генерал Гурко повторил прежнее свое заявление, что даже в случае успешного исполнения предположенного движения, едва ли можно было ожидать, при ограниченности времени, каких-либо результатов положительных.

Такой отзыв генерала Гурко был почти равносилен признанию невозможности предполагавшейся экспедиции в горы. Откуда было взять нужное укомплектование войск и недостававшее число лошадей, и сколько времени потребовалось бы на материальное улучшение состояния войск и транспортов! А между тем удобного для действия в горах времени оставалось уже немного. С каждым днем число больных в

войсках возрастало, не только между нижними чинами, но и между офицерами. В самой Шуре госпиталь и лазарет были переполнены. Все указывало на препятствия к исполнению движения, предполагавшегося по Высочайше утвержденному плану во второй период экспедиции. Генерал Нейдгарт не счел возможным настаивать на этом предположении, не желая, конечно, принять на себя ответственность за последствия. Вскоре заговорили об отмене предполагавшейся экспедиции; о передвижении войск Чеченского отряда на линию с тем, чтобы приступить к постройке первого пункта передовой Чеченской линии; о намерениях генерала Нейдгарта опять поселиться в Червленной.

В это время, не знаю почему, генерал Гурко выказывал мне опять такую же любезность, как в былое время; даже Норденстам сделался как-то мягче. Несмотря на то, я решился прямо и откровенно объясниться с тем и другим на счет желания моего покинуть службу на Кавказе. Генерал Гурко, уже подготовленный к такому с моей стороны шагу, отговаривал меня, выражал сожаление, что все покидают его, и не дал на первый раз никакого определенного ответа. На другой день, за обедом, заговорил он о своем желании побывать зимой в Петербурге и предложил мне сопровождать его в этой поездке; но я учтивым образом отклонил это предложение, выразив надежду на перемену службы моей еще до зимы.

В это время я начинал уже чувствовать себя не совсем здоровым; у меня делались головокружения, за которыми следовали головные боли и лихорадочное состояние; 17-го же числа я совсем слег в постель. Генерал Гурко навестил меня 19-го числа; я воспользовался случаем, чтобы просить увольнения из отряда, имея в виду последовавшую уже отмену предполагавшегося движения в горы. Не получив опять положительного ответа, я обратился к нему (21-го числа) с письменною просьбой и на другой день получил желанное разрешение, которым и не замедлил воспользоваться. Несмотря на то, что чувствовал себя еще очень слабым, начал я собираться в путь. К счастью моему, разразившаяся 20-го числа сильная гроза с ливнем освежила воздух. Ник<олай> Ив<анович> Вольф предложил мне доехать до Ставрополя в тарантасе, предоставленном в его распоряжение графом Стакельбергом.

С радостью покинул я Темир-Хан-Шуру с ее тяжелою атмосферой и не менее тяжелою обстановкой жизни. Ехал я сначала чрезвычайно медленно, шагом, с так называемыми оказиями, то есть под прикрытием конвоя, на Казиюрт и Кизляр. Я был еще так слаб, что почти все время ехал лежа. На этом пути меня одолевали мириады мелких мошек, кишащих в болотистых низовьях Сулака и Терека. От Кизляра же ехал уже довольно быстро; но первая часть дороги пролегала напрямик до станицы Наурской по ужасной песчаной степи, совершенно пустынной на сотни верст; горячий песок, переносимый ветром и образующий подвижные бугры, подобные волнам морским, облеплял мне все лицо, забивался в уши, в ноздри, в рот. Вообще путешествие это было для больного очень утомительно. Однако же надежда на скорое возвращение домой поддерживала мои силы физические, и к приезду в Ставрополь я чувствовал себя гораздо бодрее, чем при выезде из Темир-Хан-Шуры.

ВЕСТИ ИЗ ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ

До сих пор, в рассказе о своей жизни на Кавказе, я ничего не упоминал о том, что происходило в среде близких мне в Москве и Петербурге со времени моего выезда оттуда. Поэтому я должен возвратиться назад, к лету 1843 года.

Брат Николай через два, три дня после нашей разлуки написал мне самое сердечное письмо, в котором выражал благодарность за нашу постоянную дружбу, за мои добрые советы и проч. В другом письме, от 31-го июля, высказывая, какое удовольствие доставляли ему мои частые письма, он выразился так: "в них нахожу я светлую сторону той же медали, от которой вижу только темную сторону"[4]. Брат остался на прежней квартире, в доме Фредрихса; но вместо меня с ним поселился приятель наш Гельфрейх — человек умный, образованный и приятный, к сожалению, болезненный. По-прежнему брат был завален служебными делами. Составленный им проект Положения о городском управлении был вполне одобрен министром и поступил на рассмотрение в высшие инстанции[5]. В течение лета он давал себе отдых только по воскресеньям на даче у Авдулиных, которые и в этом году намеревались ехать за границу и опять должны были отложить поездку за неполучением денежных средств, на которые рассчитывали. У них, в Новой Деревне, брат находил единственное развлечение в приятельском обществе и в прогулках по островам. Иногда же ездил он в Павловск и навещал проводившую там лето мою тещу.

Отец мой жил летом на даче в Петровском парке с одним из сыновей — Владимиром, младший, Борис, должен был оставаться большую часть лета в Москве вследствие перенесенной им тяжелой болезни. Отец ежедневно приезжал в город навестить выздоравливавшего больного, а вместе с тем и по делам служебным, которыми занимался дея-

тельно. Как и в прежние годы, в Петровском парке жили Нееловы; а Сергей Дмитриевич Киселев проводил лето в своем подмосковном имении Елизаветине. В августе пробыл в Москве несколько дней граф Павел Дмитриевич Киселев, проездом в разные губернии для обзора подведомственных ему учреждений. К сентябрю месяцу, по случаю возобновления учебных занятий обоих младших моих братьев, отец должен был переселиться с дачи в город. Брат Владимир, окончив с замечательным успехом курс гимназии, поступил в университет по юридическому факультету, а младший, Борис, перешел в V класс гимназии.

В то время, за отсутствием Московского военного генерал-губернатора, князя Дмитрия Владимировича Голицына, исправлял временно эту должность генерал-адъютант князь Щербатов. Отец мой был в самых лучших с ним отношениях и отзывался с похвалами об образе действий своего временного начальника. В конце сентября приехал в Москву Император Николай Павлович с Императрицей и двумя Великими Княжнами. Государь, посетив работы по постройке Храма Спасителя, остался им очень доволен и оказал некоторые милости служившим в Комиссии. Отец мой, о службе которого князь Щербатов отзывался в самых лестных выражениях, получил опять денежную награду в 2 тысячи рублей серебром (по собственному его желанию, взамен предполагавшейся награды орденом св. Владимира 3-й степени).

Но вслед за тем служебное положение отца неожиданно пошатнулось. Поставив себе главной задачей строго соблюдать законность и формы во всех распоряжениях Комиссии и постоянно имея в памяти пример печальной развязки прежней Комиссии, строившей храм на Воробьевых горах, отец мой не мог всегда согласиться в мнениях с некоторыми из своих сочленов. В октябре 1843 года, по одному подрядному делу, он восстал энергично против постановленного всеми прочими членами решения о предоставлении одному крупному подрядчику многомиллионной работы, находя, что решение это нанесет казне громадный ущерб. Граф Сергей Григорьевич Строганов, председательствовавший за князя Щербатова, принял подрядчика под свое покровительство. После горячих прений отец вынужден был подать письменный протест, который, по установленному порядку, пред-

ставлен был министру внутренних дел. Тогда члены Комиссии, руководимые Голохвастовым*, подали жалобу** на отца моего, в которой обвиняли его в чрезмерной горячности и неуважительном отношении к присутствию Комиссии, в притеснении подрядчика и в других небывалых провинностях. Отец взял отпуск на 28 дней и 13 ноября отправился в Петербург просить законного расследования и суда.

В Петербурге отец остановился у брата Николая, который в то время жил в одиночестве, так как сожитель его Гельфрейг, по совершенно расстроенному здоровью, уехал от петербургской осени за границу. Брат проводил это время весьма грустно; часто хворал ревматизмом, геморроем и зубными болями; притом более, чем когда-либо, был завален работой, а потому сидел почти безвыходно дома. Сверх текущих дел, лежавших на нем по должности начальника отделения (городского), на него возложено было составление проекта преобразования статистической части. При всей своей деятельности брат опять жаловался на хандру. В письме от 13 октября он писал мне: "Вокруг меня обыкновенные толки, вранье, глупости, суматоха, без цели и значения. У меня самого нескончаемые хлопоты, беспокойства, постоянное напряжение в голове и пустота на сердце". Однако ж в том же письме встречается фраза, в которой выразилось его отзывчивое, любящее сердце: "Всякий раз, узнавая из твоих писем, что ты счастлив и весел, я сам делаюсь счастлив и весел"[6].

Грустное настроение брата, конечно, усилилось заботами о печальном положении отца, приехавшего в Петербург искать правосудия. Пререкание его с целым составом Комиссии было дело настолько серьезное, что восходило до Государя и по Высочайшему повелению должно было разбираться в Комитете министров. Можно было предвидеть, что оно затянется надолго и что отцу не скоро удастся вырваться из Петербурга. В отсутствие его из Москвы младшие мои братья оставались там как бы сиротами. Младший, Борис, был под надзором гувернера-немца; старший же, Владимир, совершенно предоставлен на свою волю. К счастью,

* В автографе далее зачеркнуто в скобках: давно уже выказывавшим нерасположение к моему отцу *(прим. публ.)*.

** В автографе зачеркнуто: донос на отца моего *(прим. публ.)*.

он отличался таким характером и такими нравственными качествами, что не было повода опасаться за него. По желанию отца, брат Владимир приехал к Рождеству в Петербург и провел там вакантное время до 12 января. Брат Николай писал мне, что “радуется, видя в нашем Володе юношу развитого умом и сердцем”[7].

Брат Николай в это время перенес новое огорчение: бедный Гельфрейг, не получив за границей никакого облегчения и как бы предчувствуя близкую смерть, не хотел умереть на чужбине и в конце года возвратился в Петербург в безнадежном состоянии. В начале января 1844 года он кончил жизнь на руках брата.

С другой стороны, неожиданною радостью для отца и для всей семьи была первая беременность сестры Авдулиной, после 4 лет замужества. Можно было надеяться, что рождение ребенка будет залогом согласия между супругами и семейного их счастья. В течение зимы принимались все предосторожности для охранения здоровья сестры; она вела совершенно спокойную жизнь, почти не выезжая из дома, кроме предписанных врачом утренних катаний в санях. Но, вероятно, эти самые катания по петербургским ухабам и разрушили возродившиеся надежды. 18 февраля сестра выкинула 5-месячного ребенка. Это было большим горем для всей семьи. После того, конечно, сестру долго держали в постели, и только в начале апреля начала она выезжать.

Между тем дело отцовское долго тянулось и не обещало благоприятного исхода, несмотря на то, что почти все члены Комитета министров в душе признавали правоту отца. Но мыслимо ли было ему тягаться с целым синклитом высокопоставленных сановников, сильных своими связями в Петербурге. Брат Николай в письме от 10 января 1844 года писал мне: “Хотя на стороне отца правда и закон, однако ж ему трудно оставаться на своем месте, чем бы ни кончилось официальное дело”[8]. Брат снова поднял вопрос о переселении отца в Петербург. Как смотрели на дело сами члены Комитета министров — о том можно судить по следующим строкам графа Павла Дмитриевича Киселева в письме к брату его Сергею Дмитриевичу (от 4 марта 1844 г.): “Милютин затеял дело не по силам, и сколько я слышал, без достаточных оснований. От суждения в Комитете я должен был отка-

заться; но при всем том возможное было сделано. С своей стороны, я полагаю, что если намерение его было и добросовестное, то данный ход не тот, который бы я принял. Протестовать против зла должно; но более того – считаю излишним. По крайней мере, мне так кажется"[9].

Сам же отец мой писал мне: "К сожалению, деморализация нашей служебной гражданской иерархии так велика, что большая часть даже высоких чинов не может себе представить, чтобы можно было действовать с отсутствием эгоизма" (письмо от 18 января 1844 года)[10]. Видимо, Комитет министров затруднялся решением щекотливого дела и долго не приступал к суждениям. Наконец, в марте 1844 года последовало такое странное заключение: не входя в существо взаимных пререканий, предоставить рассмотрение заявлений действительного статского советника Милютина относительно невыгодности для казны постановления Комиссии по постройке Храма частью Сенату, частью Главному управлению путей сообщения и публичных зданий; но вместе с тем, согласно ходатайству Комиссии, уволить Милютина от должности!! Хотя при этом положено было временно, впредь до рассмотрения дела по существу, сохранить отцу содержание, однако ж решение это было явною несправедливостью после столь недавних еще лестных отзывов начальства о полезной его деятельности и после только что полученной награды. Несправедливость эта глубоко огорчила его*. Постоянные в течение всей жизни неудачи могли хоть кого ожесточить. Но он и тут не упал духом и не хотел признать свое дело оконченным**. В одном из позднейших писем (17 июля 1844 г.) он писал мне, что несмотря на печальные для него последствия столкновения с членами Комиссии, он и теперь "нисколько не раскаивается в своих поступках, ибо остался по крайней мере чист и пред своею совестью, и пред законом".

Оставаясь в неопределенном положении, пока дело находилось на рассмотрении в Сенате и в Главном управлении путей сообщения, отец*** решился наконец, по настоянию

---

* В автографе зачеркнуто: возбудила в нем негодование *(прим. публ.)*.

** Письмо его от 22 марта.

*** В автографе зачеркнуто: был, конечно, весьма озабочен будущим положением своим и младших моих братьев, оставшихся в Москве на произвол судьбы *(прим. публ.)*.

брата Николая, совсем водвориться в Петербурге и перевезти туда остававшихся еще в Москве младших сыновей по окончании годичных экзаменов в университете и в гимназии. Брат Николай уговорил отца не искать нового помещения, а устроиться всем вместе, вчетвером, в прежней квартире (в доме Фредрихса). В мае 1844 г., когда Авдулины, по своему обыкновению, переехали на дачу в Новую Деревню, отец также поселился у них в маленьком флигеле, где провел лето вполне удобно и спокойно, пил Мариенбадские воды и чувствовал себя физически весьма удовлетворительно. Но в нравственном отношении положение его было самое прискорбное. В июле месяце последовало распоряжение о причислении его к Министерству внутренних дел, но без содержания. Такой исход дела лишил его и последних средств к жизни. Он решился совсем оставить службу и искать частной деятельности; но легко ли найти ее, особенно в его преклонные лета. В одном письме своем (от 21 июля 1844 г.) сестра моя писала о грустном положении отца: "имея столько горестей, он всегда в своем обхождении ровен, со всеми ласков и снисходителен. Глядя на него, часто хочется плакать"[11]. При всей твердости характера, выказанной им в стольких несчастьях в течение всей жизни, иногда вырывались даже у него жалобы на судьбу: "Признаюсь, — писал он мне, — если бы не вы, дети, благословенные и благословляемые мною, то может быть, давно бы решился на такой поступок, который отчудил бы меня от всей гадости жизни"*[12]. В другом письме**, по поводу моих сетований на мое неприятное служебное положение, отец, в успокоение мое, указывал на "ниспосланное мне Провидением семейное счастье" и при этом выразился так: "Когда у меня был такой друг, никакие превратности судьбы не ослабляли моего характера; а теперь, к стыду моему, бывают минуты столь тяжелые, что я ропщу на Провидение и колеблюсь в вере о благости Того, кто есть Сам — добро"[13].

В течение лета и мои младшие братья переселились в Петербург; Владимир перешел из Московского университета в Петербургский, а Борис — в 5-ю петербургскую гим-

---

* Письмо от 24 апреля 1844 г.

** От 21 июля 1844 года.

назию. Ради них отец должен был в первых числах сентября переселиться с дачи на городскую квартиру; сестра с мужем оставались в Новой Деревне до конца месяца. Что касается брата Николая, то здоровье его давно уже озабочивало отца, который писал мне: "Николай до такой степени занят, что это безбожно; он рвется, и я боюсь последствий; вижу, что его руками другие загребают жар. Это здешняя метода"[14]. Действительно, усиленные работы брата имели разрушительное влияние на его здоровье; он страдал желудком и нервами. Врачи посоветовали ему уехать куда-нибудь месяца на два, чтобы отдохнуть и вместе с тем покупаться в море. В этих видах придумана была командировка в Прибалтийский край с поручениями по делам Министерства внутренних дел. Он выехал из Петербурга в первых числах июля, вместе с братом Владимиром, в Ревель, где пробыл несколько недель и начал пользоваться морским купаньем; но продолжительное ненастье прервало его; исполнение служебного поручения затруднялось незнанием немецкого языка и неприятными отношениями немецкого населения к русскому молодому чиновнику*. Из Ревеля оба брата побывали в Гельсингфорсе, а затем приехал в Ревель и зять С.А.Авдулин, с которым брат Владимир в половине августа возвратился в Петербург. Тогда брат Николай переехал в Пернов, где закончил курс морских купаний в обстановке более спокойной, чем в Ревеле. Но "буколическая жизнь" в Пернове, по его выражению, была непродолжительна; он должен был, по делам службы, ехать в Ригу и Митаву, а затем через Дерпт возвратиться в Петербург к 17 сентября. Между тем его постигла новая беда: в Хозяйственном департаменте Министерства открылась растрата казначеем значительной суммы. Хотя к этому делу брат мой и не был нисколько прикосновен, тем не менее и на него, наравне со всеми начальниками отделений, пала известная доля взноса (около 900 рублей) на пополнение казенного ущерба, что при скудных его финансовых средствах было нелег-

* В Ревельском клубе случилось неприятное столкновение брата Николая с каким-то нагрубившим ему пьяным немцем. Брат, всегда славившийся своею вспыльчивостью, приколотил грубияна. Пустой этот случай наделал много шума в маленьком городе, но никаких дальнейших последствий не имел.

ко. Пришлось обратить на эту уплату большую часть годового жалованья и нести службу почти даровую. Чтобы извернуться из такого положения, он должен был, сверх лежавшей уже на нем массы работы по должности начальника отделения, принять на себя еще новую обязанность — помощника редактора "Журнала Министерства внутренних дел". Брат недоумевал, какими средствами будет он покрывать расходы совместной жизни с отцом и младшими братьями, имея притом в виду, что отец был уже в таких летах, когда трудно переменять образ жизни и отставать от давнишней привычки к известному довольству. "И вот, — писал он мне из Пернова, — ко всем заботам и расчетам моей холостой, труженической жизни присоединяется еще страх о будущем. И это жизнь, из-за которой мы так хлопочем!.. Но что делать? Будем бороться с судьбой до последней крайности"[15]. Летняя поездка несколько поправила здоровье брата; но в течение осени он опять начал хворать и еще более, чем когда-либо, был погружен в работу.

В августе месяце переехала в Петербург на постоянное житье тетка моя Варвара Дмитриевна Полторацкая, овдовевшая в декабре 1843 года. По смерти почтенного Алексея Марковича дела его оказались весьма в расстроенном состоянии. Тетка моя с двумя дочерьми, Ольгой и Софьей, поселились в скромной квартире; двух старших сыновей, Владимира и Алексея, поместила в Пажеский корпус, а третьего, Дмитрия, — в Александровский малолетний корпус (в Царском Селе).

В этом году как будто всю нашу семью преследовала злая судьба. После печального случая с моим отцом и несчастья, постигшего семью Полторацких, неожиданная беда обрушилась на дядю Сергея Дмитриевича Киселева. В Московской казенной палате обнаружена кража на значительную сумму (до 400 тысяч рублей) хранившейся в подвалах *медной* монеты, которую, конечно, не пересчитывали при обычных проверках кассы. Оказалось, что похищение совершалось казначеем в течение десятка лет. Около половины похищенной меди было разыскано; другая же половина растрачена, и таким образом на палату пало взыскание в общей сложности до 200 тысяч рублей. Причитавшаяся с председателя доля взыскания, конечно, нанесла чувствительное

расстройство ограниченному состоянию моего дяди; оставалось лишь утешаться тем, что случай этот не повлиял на его дальнейшее служебное положение, и по всем вероятиям, его выручила могучая помощь старшего брата, графа Павла Дмитриевича Киселева.

Таково было положение дел в нашем родственном кругу во время моего пребывания на Кавказе. Теперь скажу еще несколько слов о том, что происходило в мое отсутствие в другом, хотя и не родственном кругу, но с которым я сроднился душевно, — в среде бывших моих товарищей по Гвардейскому генеральному штабу.

Из них преимущественно поддерживали со мною сношения Горемыкин и Теслев; особенно первый всегда высказывал мне самые дружеские чувства. Через них я имел возможность следить за всеми переменами в петербургских военных сферах.

В течение 1843 года должность обер-квартирмейстера Гвардейского корпуса исправлял полковник Фролов, за отсутствием барона Ливена, который находился в продолжительной командировке в Белграде и по окончании возложенного на него дополнительного поручения не возвратился уже на прежний свой пост, а остался при особе Государя, продолжая исполнять случайные политические поручения. Обер-квартирмейстерами гвардейской пехоты и гвардейской кавалерии были полковники Волков и Горемыкин (вновь произведенный), а старшими адъютантами (начальниками отделений) — Вуич и Карцов.

Красносельский лагерный сбор 1843 года отличался усиленными занятиями; к большим маневрам привлечен был весь Гренадерский корпус, прибывший по внезапному повелению форсированным походом из-под Новгорода. Район маневров простирался до Луги. В последние дни действий сам Император принял начальство над одной стороной, а Наследник Цесаревич командовал его авангардом. Тогда же последовало Высочайшее повеление, чтобы впредь Гренадерский корпус ежегодно участвовал вместе с гвардией в Красносельском сборе, и потому выбрано было для этого корпуса особое лагерное место на речке Пудости.

В письмах своих из Красного Села Горемыкин писал мне, что несмотря на усиленную деятельность офицеров

Гвардейского генерального штаба, в кружке их уже не замечалось прежнего одушевления и прежнего дружеского единства. Сам Горемыкин был завален работой. Сверх должности по Гвардейскому штабу, он был профессором тактики в Военной академии и усердно занимался приготовлением курса, а, кроме того, на него возложено было составление устава внутренней службы. По мере изготовления статей этого устава, они представлялись на личный просмотр Великого Князя Михаила Павловича. Дельные работы такого умного и способного труженика ценились начальством. Несмотря на свою деятельность и видное служебное положение, Горемыкин по-прежнему хандрил и более, чем когда-либо, жаловался на свою судьбу. На этот раз причиною мрачного его настроения был вопрос о женитьбе: он просил руки одной очень молодой, красивой и богатой невесты. Отец ее не противился этому предложению; но откладывал решение под предлогом молодости дочери и по разным другим соображениям, так что мой бедный друг оставался более года в тревожном ожидании; быть может даже, он начинал сомневаться в благоприятной развязке. И действительно, впоследствии он испытал горькое разочарование и чувствительный удар его самолюбию.

Другой приятель мой Теслев на лето 1843 года был прикомандирован к Петергофскому лагерю Военно-учебных заведений для руководства практическими занятиями воспитанников и чуть было не сделался жертвою несчастного случая во время "тревоги". Столкнувшись на скаку с другим всадником, он был опрокинут вместе с лошадью и несколько времени находился в бесчувственном состоянии. Император, на глазах которого случилось это столкновение, выказал самое теплое участие пострадавшему и оставался близ него до тех пор, пока врачи не удостоверились, что он остался жив. Вследствие этого случая Теслев должен был некоторое время лечиться, а затем уехал на отдых в Финляндию. И ему наскучила жизнь холостяка; но он не погнался за богатою невестой, а избрал себе подругу из своей же семейной среды — одну из кузин его, Теслевых. По этому поводу писал он мне, что "не рассчитывает долго оставаться на службе в столице; а в своей отчизне

может довольствоваться и малым"[16]. Свадьба была, впрочем, отложена до осени 1844 года.

По окончании лагеря 1843 года Государь уехал в Берлин на прусские маневры и взял с собою полковника Фролова. Великий Князь Михаил Павлович также был за границей на водах. Большая часть офицеров Гвардейского генерального штаба разъехались. По мере возвращения их к осени все начали переселяться во вновь отстроенное здание Гвардейского штаба*. Некоторые из старших офицеров (Фролов, Волков, Горемыкин, Жуковский) принимали участие в большой военной игре, которая велась у Государя, сперва в Гатчине, а позже в Зимнем дворце. Сам Император относился к этой игре весьма серьезно и вел действия одной из сторон; противником его был генерал Веймарн (Иван Федорович); трудная же роль посредника лежала на бароне Ливене, который справлялся с нею, как опытный царедворец.

Начало 1844 года ознаменовалось не только торжествами по случаю браков Наследника Цесаревича Александра Николаевича** и Великой Княжны Елизаветы Михайловны, но и значительными переменами в высшей военной сфере. Великий Князь Михаил Павлович назначен главнокомандующим Гвардейским и Гренадерским корпусами; Наследник Цесаревич — командиром гвардейской пехоты, а генерал-адъютант Кноринг — гвардейской кавалерии. По этому случаю произошли перемены и в составе Гвардейского штаба. Генерал Веймарн (Иван Федорович) получил звание начальника штаба главнокомандующего обоих корпусов; в то же время Фролов назначен начальником штаба 3-го пехотного корпуса (в Вильне), а место обер-квартирмейстера Гвардейского и Гренадерского корпусов занял полковник Волков. Горемыкин остался обер-квартирмейстером гвардейской пехоты, а Теслев произведен в полковники с назначением обер-квартирмейстером гвардейской кавалерии.

---

* На Дворцовой площади, у Певческого моста.

** Это редкая для мемуаров Милютина ошибка памяти. Брак Наследника состоялся в 1841 г. (16 апреля, накануне его дня рождения, 23-летия) *(прим. публ.)*.

Также и в Генеральном штабе произошли в начале 1844 года крупные перемены. Генерал-квартирмейстер генерал Шуберт назначен членом Военного совета; место его занял генерал Берг. Нельзя представить себе двух личностей более противоположных: насколько первый отличался характером тяжелым, флегматичным и относился безучастно к делам службы, настолько преемник его выказывал изумительную живость, подвижность, изворотливость. На должность директора Военно-топографического депо, прежде совмещавшуюся с должностью генерал-квартирмейстера в лице Шуберта, назначен был генерал-лейтенант Тучков — человек симпатичный, пользовавшийся общим уважением в среде своих сослуживцев.

ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ НА КАВКАЗЕ*

Возвращаясь к прерванному рассказу о моем пребывании на Кавказе, я должен, прежде всего, сказать несколько слов об общем положении военных дел после моего выезда из Темир-Хан-Шуры в конце июля 1844 года.

Как уже было высказано мною, начальство кавказское не сумело воспользоваться в это лето предоставленными в его распоряжение небывалыми на Кавказе военными силами. Лучшее для действия в горах время года было упущено. Генерал Нейдгарт, не достигнув никаких результатов, кроме усмирения Акуши и Цудахары отрядами генерала Лидерса и князя Аргутинского, счел необходимым отказаться от предполагавшихся по непосредственному указанию самого Императора Николая наступательных действий в горы. Решено было в остальную часть года употребить собранные многочисленные войска для восстановления нашего оборонительного положения на плоскости: Дагестанскому отряду предназначалось, взамен прежде предполагавшегося возобновления укреплений в Гергебиле, заняться улучшением обороны Темир-Хан-Шуры, возведением нового укрепления на берегу Каспийского моря на месте бывшего Низового и предмостного укрепления на Сулаке в Чиркее; Чеченскому же отряду положено перейти на левый фланг линии и приступить к устройству передовой Чеченской линии возведением центральной крепости при истоке р.Аргуна из горного ущелья.

В исполнение такого решения Чеченский отряд, под начальством генерала Гурко, выступил из Северного Дагестана через Казиюрт на Терек и после двойной медленной пере-

* В автографе: последние месяцы моего пребывания на Кавказе *(прим. публ.)*.

правы через эту реку собрался к 12 августа у крепости Грозной, откуда 19-го числа двинулся через Ханкальское ущелье к Чах-кири-пункту, избранному для возведения крепости. Кроме маловажных перестрелок с чеченцами, отряд не встретил сопротивления и, заняв означенное место, приступил к строительным работам; в то же время начался подвоз из Грозной всех нужных материалов и запасов.

Сам генерал Нейдгарт, со своим походным штабом, переселился из Шуры в станицу Червленную. Приятель мой Н.И.Вольф, в письме от 25 августа, жалуясь на царившую там скуку, писал, что ходят слухи о перемещении корпусного командира в Екатериноград — de fatale et odieuse mémoire*[17]. Однако ж предположение это не состоялось, и в сентябре месяце генерал Нейдгарт отправился прямо в Тифлис. Генерал Норденстам также недолго оставался в Чеченском отряде: когда в лагере при Чах-кири дело пошло на лад и когда горцы, пытавшиеся мешать работать выстрелами с правого возвышенного берега Аргуна, были оттуда сбиты, Норденстам уехал в Ставрополь, передав должность начальника отрядного штаба полковнику Бибикову.

В Ставрополе, как уже упоминалось, временным заместителем генерала Гурко оставался генерал-лейтенант Завадовский — чистокровный черноморец, на вид благодушный, даже простоватый, но с подкладкою хохлацкой хитрости, как говорится — человек "себе на уме". Он держал себя скромно, вел текущие дела спокойно, без мудрования. По приезде моем в Ставрополь генерал Завадовский принял меня любезно; но мне почти не довелось войти в личные с ним служебные отношения. Сначала я был на положении больного; некоторое время не выходил из дома и не занимался делами; а потом, по приезде Норденстама, не было для меня и повода к прямым сношениям с генералом Завадовским. Благодаря спокойной, домашней жизни здоровье мое скоро поправилось. В половине августа теща моя уехала в Петербург, и мы по-прежнему остались вдвоем с женой, но с добавлением дорогого нам птенца. Дела у меня было не много. Досугами

---

* несчастной и пренеприятной памяти *(фр.)*

своими я воспользовался, чтобы пересмотреть дела старых времен. В особенности заинтересовали меня найденные в архиве штаба за 1828, 1830, 1832 и 1833 годы некоторые записки по поводу предполагавшихся в ту эпоху решительных мер к *покорению* Кавказа. В числе их замечательны были мнения, высказанные генералом Вельяминовым, Паскевичем и самим Императором Николаем. В них разительно выказывалось, с одной стороны, как основательно знал край и понимал условия Кавказской войны генерал Вельяминов, а с другой — как мало знали и понимали Паскевич и сам Император. Из рассмотренных дел составлял я выписки и заметки, в том соображении, что, быть может, когда-нибудь они пригодятся мне как материал для истории Кавказской войны[18].

Главною заботой моей в то время был вопрос о перемене службы. С нетерпением ожидал я ответов от отца, брата Николая и Горемыкина на мои письма, отправленные еще в июне с Хубарских высот. Ответы эти получил я только в начале августа, по приезде в Ставрополь, после уже моих объяснений с генералом Гурко. Как отец, так и Горемыкин старались еще отклонить меня от моего намерения, советовали, по крайней мере, не торопиться, не горячиться*; однако ж при этом Горемыкин вошел в мое положение с истинно дружеским участием; он старался придумать для меня новую службу, которая по возможности обеспечила бы мою участь в будущем. В письме своем он перебрал все ведомства, все должности, какие только мог я иметь в виду, и останавливался предпочтительно на двух: или по Военно-учебным заведениям, или в учрежденном вновь, под начальством статс-секретаря Позена, при Собственной Е.В. канцелярии, Отделении по кавказским делам. Не ожидая от меня ответа на свое письмо, Горемыкин решился заговорить о моем затруднительном положении с генералом Веймарном, как бывшим моим начальником, всегда оказывавшим мне самое благосклонное расположение. Иван Федорович Веймарн и на этот раз принял во мне теплое участие; сам вызвался поговорить с генералом Ростовцевым

* Письма от 16 и 17 июля. От брата Николая, находившегося тогда в путешествии, получил я письмо только от 15 августа из Пернова[19].

и с новым генерал-квартирмейстером генералом Бергом*. Ростовцев выразил полную готовность предоставить мне первое, какое откроется, место в ведомстве Военно-учебных заведений и предложил, чтобы на первое время я состоял при Главном штабе этих заведений. С другой стороны, генерал Берг предполагал назначить меня на открывшуюся должность обер-квартирмейстера 3-го резервного кавалерийского (драгунского) корпуса, которым командовал генерал-адъютант Потапов. В то же время Н.И.Вольф в письме от 25 августа из Червленной[21] советовал мне на первое время просить о зачислении меня в число состоящих в распоряжении военного министра и генерал-квартирмейстера штаб-офицеров Генерального штаба, о чем он и написал уже своему приятелю полковнику барону Вревскому (Павлу Александровичу), занимавшему должность вице-директора канцелярии Военного министерства.

Заручившись такими обещаниями, я подал 3 сентября генералу Норденстаму формальный рапорт о моем увольнении от должности, приложив медицинское свидетельство о расстроенном моем здоровье. От того же числа и о том же написал я частное письмо к генералу Гурко, а несколько дней спустя — начальнику корпусного штаба генералу Траскину, корпусному обер-квартирмейстеру полковнику Герасимову и старшему адъютанту того же штаба подполковнику Стишинскому, прося их содействия скорейшему решению дела. Но рапорт мой почему-то был задержан генералом Гурко, от которого представление пошло в корпусный штаб только 30 сентября. Пол-

* Далее в автографе зачеркнуто: 8 августа я снова писал отцу и Горемыкину, что нахожу невозможным откладывать на неопределенное время оставление своего места на Кавказе, о чем уже объявил самому генералу Гурко, поэтому я уполномочил Горемыкина действовать за меня в случае открытия какого бы то ни было места, хотя бы в провинции. В то же время писал я прямо И.Ф.Веймарну как бывшему моему начальнику, который и теперь выказывал мне теплое участие. В письме своем старикам я, как бы в оправдание, объяснял причины, заставившие меня искать новой службы. Ответы на оба мои письма от 8 августа получил в начале сентября, ответы отца и Горемыкина от 21-го и 23-го чисел[20]. Отец, не одобрявший до того времени намерения моего покинуть Кавказ, теперь уже признавал вполне уважительными поводы к такому шагу, а Горемыкин известил меня, что генерал Ростовцев в разговоре с И.Ф.Веймарном *(прим. публ.)*.

П.А.Вревский

ковник Бибиков, уведомив меня об этом (из Чеченского отряда), сообщил, что генерал Гурко согласился с большим сожалением на мое увольнение от должности; что многие в отряде были удивлены моим решением, но что он, Бибиков, вполне сочувствует мне и желал бы сам поступить точно так же. Вслед за тем получил я из Тифлиса письма Траскина, Герасимова и Стишинского (от 19 октября)[22], извещавшие меня, что немедленно по получении представления от генерала Гурко пошло представление корпусного командира к военному министру. При этом генерал Траскин писал в таких любезных выражениях: "Крайне сожалею, что вы поставлены в необходимость оставить Кавказ, где испытанная деятельность и способности ваши были так полезны для службы"[23] и т.д. Еще любезнее было письмо Герасимова, а Стишинский писал между прочим: "Индре-

ниус*, в руках которого было ваше дело, жалуется на сухость представления генерала Гурко; в нем нет ни сожаления о том, что здоровье ваше не позволяет продолжать службу, ни доброго слова о вашем усердии и полезной службе. Поэтому и корпусный командир ничего не мог сказать от себя"[24].

С своей же стороны, я не только не сетовал на то, что ближайшее мое начальство не сочло нужным или не догадалось усластить добрым словом мой уход с Кавказа и оставило без всякого знака внимания мою службу в те тяжелые годы, но я был почти рад тому. Главною моею заботой было – ускорить решение моей участи**. К сожалению, дело так затянулось, что возникала новая забота: наступила уже глубокая осень; пугало меня дальнее путешествие, среди зимы, с грудным ребенком. Возбуждалось даже опасение о том, не придется ли, против воли, продлить наше пребывание в Ставрополе до весны.

В конце ноября приехал, наконец, и генерал Гурко. Он оставался в лагере при Чах-кери до тех пор, пока новая крепость не была приведена в состояние держаться собственными силами и вполне обеспечена на зиму всеми необходимыми запасами. Новой крепости присвоено было, по непосредственному Высочайшему повелению, название Воздвиженской. Поводом к такому наименованию послужил найденный на ее месте врытый в землю каменный крест, свидетельствовавший о существовавшем там некогда христианстве. Оставив в Воздвиженской гарнизон из $6^1/_2$ баталь-

---

* Подполковник Генерального штаба, начальник отделения в корпусном штабе.

** Далее в автографе зачеркнуто: Поэтому я решился написать еще (24 октября) к генерал-адъютанту Анненкову[25], директору канцелярии Военного министерства, с просьбой об удовлетворительном решении моей участи. В это время Н.И.Вольф, на возвратном пути из Тифлиса в Петербург, проезжал через Ставрополь; с прежнею дружескою любезностью он обещал мне также помощь через своего приятеля Вревского благополучному исходу моего дела.

Между тем в Ставрополь из Пятигорска приехали барон и баронесса Торнау; они пробыли с нами лишь короткое время и отправились в Москву, где барон Торнау решился поселиться, взяв годовой отпуск. С отъездом их жена моя теряла единственное приятное для нее знакомство; но слишком жалеть о том не приходилось, так как мы сами утешали себя надеждою не долго еще оставаться в Ставрополе. Нас озабочивала лишь мысль о том, в какое время года придется совершить дальний и тяжелый путь *(прим. публ.)*.

онов с 10 орудиями и 2 сотнями казаков, генерал Гурко с остальной частью отряда выступил 22 ноября на Терек и распустил войска на зимние квартиры, а сам поспешил в Ставрополь, где приходилось ему пробыть недолго, так как в половине декабря он собирался уже выехать в Петербург.

В это короткое свое пребывание в Ставрополе генерал Гурко относился ко мне с обычною любезностью и не показывал ни малейшего знака неудовольствия. По-прежнему на мне лежало редактирование всяких сколько-нибудь серьезных бумаг, которые всегда утверждались им без замечаний. Так, между прочим, составлено было мною предписание о действиях на следующий 1845 год; оно было подписано генералом Гурко 22 октября, в лагере при Чах-кери[26]. Во время же пребывания его в Ставрополе составлена мною, по его же поручению, обширная записка[27], в которой вновь развиты во всей подробности прежние соображения, изложенные в первоначальной моей записке 1840 года и позже в рапорте генерала Гурко от 11 сентября 1843 года. Вполне усвоив себе эти соображения, он твердо проводил их. Возведенная у Чах-кери новая крепость была первым шагом к осуществлению давно проповедуемой мною системы, и, по мнению генерала Гурко, этот опыт оказался удачным: пока только созидалась эта крепость-лагерь, замечалось уже влияние ее на население Чечни. Шамиль должен был принимать самые крутые, жестокие меры для удержания чеченцев под своею властью. Генерал Гурко полагал и на будущий год употребить наибольшую часть сил на дальнейшее выполнение принятого плана; именно — докончить устройство Воздвиженской крепости и приступить к возведению другой, в Малой Чечне, около Урус-Мартана или Ачхоя. Таким образом, казалось, что те мысли, которые высказаны были мною несколько лет назад, уже осуществлялись на делах, и я обольщал себя надеждою, что после удаления моего с Кавказа останутся прочные следы двукратной моей службы в этом краю.

В исходе ноября получил я наконец от Горемыкина уведомление (от 17 ноября), что на увольнение меня от должности, с зачислением в число состоящих в распоряжении военного министра и генерал-квартирмейстера штаб-офицеров Генерального штаба, последовало 10 ноября Высочайшее со-

изволение*[28]. Однако ж официального уведомления о решении моей участи не приходило; а между тем генерал Гурко выехал из Ставрополя, взяв с собою подполковника Генерального штаба Веревкина. Только в половине декабря Герасимов уведомил меня, что окончательное распоряжение о моем увольнении приостановлено в Тифлисе, в ожидании представления от генерала Гурко о назначении мне преемника. Но вопрос о выборе лица на мое место оставался еще нерешенным. Подполковник Стишинский, который первоначально имелся в виду, отказался от предложенного ему назначения. Письмом от 22 декабря я просил генерала Гурко ускорить решение вопроса о назначении мне преемника, объяснив при этом, что неопределенность относительно времени моего выезда из Ставрополя ставит меня в большое затруднение[30]. И действительно, для меня было весьма важно определить положительно срок выезда, дабы иметь время для устройства моих домашних дел, в особенности для распродажи всего имущества, чтобы выручить необходимые для предстоявшего переезда денежные средства**.

К тому же Горемыкин торопил меня приехать в Петербург, находя личное мое присутствие необходимым для устройства будущего моего положения. Мне угрожало назначение на должность обер-квартирмейстера в какой-либо из армейских корпусов, что не только не улучшило бы моего положения, но еще более отяготило бы его. В то время мне еще не было известно, как близко было к исполнению то, чего я опасался. Позже узнал я, что по случаю увольнения генерала Менда от должности начальника штаба 5-го корпуса и назначения на его место полковника Генерального штаба Мильковского открылась вакансия обер-квартирмейстера 3-го пехотного корпуса (штаб-квартира в Вильне) и что сам Император, вспомнив о недавнем увольнении моем от дол-

---

* О том же известил меня и Н.И.Вольф, причем передал мне свое комическое объяснение с генералом Бергом. Известно, что последний был отъявленным врагом женатых офицеров. Когда Вольф заговорил с ним обо мне, Берг спросил его: "женат ли он (Вольф)?", и получив отрицательный ответ, сказал ему: "que je vous embrasse, cher colonel; ne vous mariez pas avant 40 ans; autrement nous ne pourrons plus compter sur vous"[29].

** В автографе зачеркнуто: В этом отношении путешествие зимним путем представляло значительные выгоды *(прим. публ.)*.

жности обер-квартирмейстера Кавказской линии, повелел уже назначить меня на место Мильковского в Вильну. К счастью моему, об этом узнали вовремя Горемыкин и И.Ф.Веймарн; они приняли деятельное участие в моем деле и успели отвратить грозившую мне беду. Пока шла переписка между военным министром и главнокомандующим действующей армией князем Паскевичем о моем назначении в Вильну, поднят был вопрос о замещении открывшейся в Военной академии должности профессора по предмету военной географии. Занимавший эту кафедру почтенный полковник Стефан оставил ее в октябре месяце; на место его готовился прежний мой товарищ по Гвардейскому генеральному штабу А.П.Кузминский; но в ноябре месяце он отказался от предназначавшейся ему кафедры под предлогом болезни, и с тех пор выбор профессора оставался нерешенным. По внушению Горемыкина вице-директор Академии генерал-лейтенант Ренненкампф поручил прежнему профессору Г.Ф.Стефану спросить мое согласие на занятие вакантной кафедры; но Горемыкин, видя, что нельзя было терять времени, решился, не ожидая моего ответа на письмо Стефана (от 17 декабря), дать за меня согласие на предложенное мне назначение и уладить так, что оно послужило поводом к приостановке внесения в приказ состоявшегося уже ранее назначения в Вильну. В этом случае Горемыкин оказал мне существенную, истинно дружескую услугу. В тот самый день (28 декабря), когда я только ответил Г.Ф.Стефану, уже последовало Высочайшее соизволение на новое мое назначение — профессором в Военную академию.

Горемыкин поспешил обрадовать меня извещением о счастливом исходе дела и писал (29 декабря), что уже нет причины особенно торопиться приездом моим в Петербург[31]. Новое назначение вполне успокоило меня. Правда, несколько смущала меня мысль, что я берусь за новое дело, к которому вовсе не подготовлен. Из всех предметов преподавания в Военной академии самым несовершенным и слабым был именно курс военной географии. Я знал, что потребуется много труда для переработки этого курса; но от труда я не убегал; даже рад был предаться всецело такой работе. Относительно степени обеспечения материальных средств к жизни, хотя профессорской должности в Академии присвоено было содержание в том же самом размере, как и

должности обер-квартирмейстера (всего около 1200 рублей серебром), однако ж обязанности профессора не препятствовали приисканию сверх того других побочных занятий, служебных или частных. В самом письме полковника Стефана указывалась возможность занятия впоследствии в самой Академии должности начальствующего штаб-офицера, а Горемыкин советовал принять на себя преподавание тактики в одном из военно-учебных заведений и т.д.

Назначение мое в Военную академию успокоило также моего отца, который до того времени тревожился опасением, чтобы я, слишком поспешно покинув свое место на Кавказе, не испортил навсегда так счастливо начатой служебной дороги. Брат Николай также радовался благополучной развязке кризиса в моем служебном положении и писал мне: "Надежда соединиться вскоре с тобой есть для меня не только бесконечная радость, но совершенное счастье. При теперешнем общем соединении нашего семейства в Петербурге, ты необходим и для него, и для меня в особенности. О многом нужно мне с тобою, — и с одним тобой, — поговорить, посоветоваться, погрустить, порадоваться; одним словом — поделиться мыслью, чувством, словом"*[32].

Рождественские праздники и сопряженное с ними обыкновенно затишье в бюрократическом мире несколько замедлили формальное распоряжение о новом моем назначении. Оно было объявлено в приказе 3 января 1845 года; официальное же уведомление от военного министра получено в Академии лишь 7-го числа.

Между тем произошли весьма важные перемены в высшем начальстве на Кавказе. Военные действия 1844 года высказали наглядно несостоятельность главных распорядителей и в особенности подорвали доверие к генералу Нейдгарту. В войсках кавказских, в среде старых служак, открыто осуждались и осмеивались его мелочность, педантизм, нерешительность, доходившая до боязливости. Кавказцам казалось непонятным, почему собранные громадные силы избегали решительного боя там, где в прежнее время одерживались блестящие успехи с самыми ничтожными отрядами. Распоряжения генерала Нейдгарта не одобрялись и в Петербурге; сам

* Письмо от 18 декабря 1844 года.

Император выразил ему в рескрипте свое неудовольствие. И действительно, единственным результатом действий этого года можно было признать постройку крепости Воздвиженской, что было первым твердым шагом к покорению Чечни. Но каково бы ни было значение этого шага в будущем, такой результат не мог удовлетворить Государя, ожидавшего, что значительное усиление Кавказских войск целым 5-м корпусом и несколькими Донскими полками даст возможность нанести непокорному горскому населению такой решительный удар, который произвел бы на него сильное нравственное впечатление, и тем исправить несчастья 1843 года. Военный министр, в представленном Государю обширном докладе, также порицал распоряжения генерала Нейдгарта; но высказанное им в заключение собственное мнение относительно предстоявшего образа действий на Кавказе вовсе не соответствовало воззрениям самого Императора. Князь Чернышев, вероятно, под влиянием только что возвратившегося с Кавказа полковника Вольфа не отступал от прежнего своего взгляда на бесплодность больших наступательных действий вглубь гор и признавал наиболее полезным употреблением собранных на Кавказе значительных сил – упрочение нашего оборонительного положения в крае. Государь же, вопреки мнению министра, продолжал настаивать на своем требовании – решительных наступательных действий в горы. Он смотрел на тогдашнее усиление войск на Кавказе как на меру временную, чрезвычайную, имевшую целью – сильным решительным ударом восстановить обаяние русской власти в крае; войска 5-го корпуса следовало при первой возможности возвратить в место их обыкновенного расположения; продолжение же систематических мер к упрочению нашего оборонительного положения в крае было, по воззрению Государя, обычным делом Кавказского корпуса в прежнем его составе. В таком смысле даны были Его Величеством указания генералу Нейдгарту, который и представил новое предположение на 1845 год, согласованное с Высочайшею волей. Пассивная покорность, с которою он таким образом отрекся от прежних своих убеждений*, не могла восстановить поколебленное доверие Импе-

* Далее в автографе зачеркнуто: подкрепленных мнением многих опытных кавказцев, близко знакомых с особенными условиями кавказской войны *(прим. публ.)*.

ратора к генералу Нейдгарту; в декабре решена была смена его. В преемники ему избран генерал-адъютант граф М.С.Воронцов, новороссийский генерал-губернатор, человек, пользовавшийся общим уважением и выказавший свои административные способности. 29 декабря 1844 года последовало назначение его, с присвоением звания наместника и главнокомандующего и с представлением весьма широких полномочий. 2 января граф Воронцов прибыл в Петербург для получения личных указаний Государя.

Вместе с тем состоялось и новое назначение генерала Гурко помощником графа Воронцова. Приехав в Петербург 24 декабря, он был принят весьма благосклонно Его Величеством; в Новый год пожалован ему орден св. Александра Невского. При свидании с Ив<аном> Фед<оровичем> Веймарном и моим отцом генерал Гурко выражал им свое сожаление о моем удалении с Кавказа, но показал вид, будто ему неизвестны были мои натянутые отношения с Норденстамом. Возникло было предположение, что перемена начальства на Кавказе может побудить меня остаться в крае. Гурко предлагал доставить мне место в Тифлисе и высказывал надежду застать меня еще в Ставрополе на возвратном его пути на Кавказ. Выезд его из Петербурга назначен был в первых числах февраля. Граф Воронцов полагал выехать несколько позже через Одессу и Сухум. Он также выражал желание удержать меня на службе в том крае. Мне писали, что графа Воронцова осаждало множество лиц, гражданских и военных, просившихся на Кавказ; многие из петербургской "золотой" молодежи устремились туда; но вместе с тем графом Воронцовым испрошено было Высочайшее соизволение на отмену ежегодной командировки гвардейских офицеров. Приятель мой Н.И.Вольф должен был снова ехать на Кавказ при новом главнокомандующем и наместнике.

И.Ф.Веймарн после разговора с генералом Гурко выражал желание, чтобы я не отказывался от предлагаемой мне блестящей дороги, чтобы не менял ее, по его выражению, на "инвалидную службу". Однако ж заманчивые предложения нового кавказского начальства не соблазнили меня. Я не хотел снова сбиваться с той дороги, на которую вывела меня сама судьба, и торопился выехать из Ставрополя, чтобы избегнуть встречи с генералом Гурко и новых предло-

жений. Притом, вице-директор Военной академии генерал-лейтенант Ренненкампф в весьма любезном письме (от 19 января) выражал желание чтобы я скорее прибыл в Петербург и вступил в свою новую должность[33].

22 января последовало, наконец, разрешение генерала Нейдгарта на отправление меня в Петербург, с передачею исполнения моей должности старшему из наличных офицеров Генерального штаба. Уведомление об этом привезено было подполковником Капгером, проезжавшим через Ставрополь в Петербург. Преемником же мне назначен позже подполковник Броневский.

Чтобы подняться в дальний путь, мне предстояло распродать почти все бывшее у меня в Ставрополе имущество. За покупщиками дело не стало, и мне удалось выручить порядочную сумму*. После обычных прощальных визитов я сдал должность свою 10 февраля подполковнику Неверовскому, откланялся начальству и на другой день выехал из Ставрополя по хорошей снежной дороге.

Но путешествие предстояло нам нелегкое, с ребенком, только что отнятым от груди. Ехали мы в возке самого простого изделия. Большие затруднения встретились относительно питания ребенка; взятые с собою припасы от сильных морозов привозились на станцию в обледенелом виде; станции же были так плохо устроены, что часто не было возможности ничего достать на месте, ни даже погреться. В проезде через обширные степи донские настигла нас страшная вьюга; были дни, что, проехав одну только станцию, рады были добраться к ночи до какого-нибудь пристанища. Раз мы даже сбились с дороги от метели, долго кружили и среди ночи должны были остановиться в какой-то избушке, на которую случайно наткнулись и где выждали рассвета вместе с приютившеюся там же кучкою рабочих. Путь избрали мы на этот раз через Ростов (на Дону), Харьков, Курск, Орел и Тулу; в этих городах останавливались для отдыха; в Москве же провели три дня** под гостеприимным кровом наших друзей — барона и баронессы Торнау. В Петербург прибыли только 12 марта, т.е. пробыв в дороге ровно месяц.

---

* Далее в автографе зачеркнуто: Вырученная от продажи имущества сумма вместе с добавлением полученных от казны прогонов составляла всего около 1900 рублей серебром *(прим. публ.)*.

** В автографе зачеркнуто: в гостинице Шевандышева на Тверской *(прим. публ.)*.

ВОСЕМЬ ЛЕТ В СРЕДЕ УЧЕНЫХ, ЛИТЕРАТОРОВ И ПЕДАГОГОВ

1845 – 1853

Лето 1845 года

1845–1846 учебный год

1846–1847

1847–1848

1848–1849

1849–1850

1850–1851

1851–1852

1852–1853

ЛЕТО 1845 ГОДА

По приезде в Петербург поместились мы на первые дни в квартире моей тещи, на Владимирской, через два, три дома от жилища моего отца и братьев (дома барона Фредрихса). Радостно было свидание с ними, после двух лет разлуки; но в эти два года много грустных обстоятельств перенесла наша семья; было о чем погоревать и посоветоваться. Не говорю о своем собственно положении, которое было в то время далеко не обеспечено при ограниченном содержании, присвоенном должности профессора в Военной академии; всего печальнее было положение отца, оставшегося на старости без всяких средств к существованию. После долгой трудовой жизни и постоянной борьбы с преследовавшими его неудачами всякого рода, он должен был жить на счет сына, который сам едва перебивался с получаемым скромным содержанием начальника отделения. К тому же здоровье брата Николая было в такой степени подорвано постоянною, в течение многих лет напряженною работой и разного рода огорчениями, что врачи признавали необходимым для него продолжительный отдых и лечение минеральными водами за границей. Брат решился взять продолжительный отпуск на несколько месяцев и собирался выехать с наступлением теплого времени, так что едва успели мы с ним свидеться, как уже предстояла опять разлука.

В то же время врачи посылали за границу и сестру Авдулину, здоровье которой также давно уже возбуждало опасения. К сожалению, денежные дела ее мужа значительно порасстроились вследствие пустого тщеславия, побуждавшего его вести жизнь на широкую ногу в так называемом большом свете. Уже несколько лет собирался он за границу, и каждый год путешествие отлагалось из-за денежных затруднений. То же повторилось и теперь; но на этот раз признавалось уже

невозможным далее отсрочивать лечение сестры; притом и сама она сознавала необходимость оторваться от той среды петербургского общества, в которую незаметно втянулась. Решено было в семейном совете, чтобы с наступлением теплого времени она отправилась за границу вместе с братом Николаем, который вызвался сопровождать ее, пока муж ее докончит дела, удерживающие его в Петербурге.

Что касается меньших моих братьев, то они заняты были учением: Владимир посещал университет и прилежно работал на втором курсе юридического факультета; меньший, Борис, ходил в 5-ю гимназию. Брата Владимира нашел я уже совершенно развитым юношей (ему было 18 лет); занимался он серьезно и подавал утешительные надежды. Учился успешно; но было что-то странное в его характере: с каждым годом все более отчуждался он от семьи и втягивался в свой особый кружок*.

Первые дни по приезде в Петербург были для меня чрезвычайно хлопотливы и утомительны: я должен был представляться начальству, делать визиты знакомым и родным (дяде графу Павлу Дмитриевичу Киселеву и тетке Варваре Дмитриевне Полторацкой), искать квартиру и в то же время приниматься за дело совершенно новое для меня — преподавание в Военной академии. Могу сказать, что голова шла кругом.

К счастью, мне удалось скоро найти жилье, очень скромное, как раз по нашему тощему карману и, разумеется, в дальней части города, именно в самой глуби Васильевского острова, по 6-й линии, за Средним проспектом. Это был крошечный деревянный флигель, совершенно напоминавший домики маленьких провинциальных городов. Выходил он на улицу тремя окнами и заключался в трех комнатах, из которых первая от входа получила назначение столовой; вторая, в два окна на улицу — гостиной, а третья, в одно окно на улицу же — моего кабинета; спальня же и детская поместились в мезонине, который выглядывал одним полукруглым окном на улицу, а другим — назад, во двор. За двором, к нашему великому удовольствию, отгорожен был небольшой садик или вернее — палисадник. Все это было очень миниатюрно, бедно, далеко от центра города; зато мы получили возможность, за весьма небольшую плату, водворить-

---

* В автографе зачеркнуто: своих школьных товарищей *(прим. публ.)*.

ся совершенно особняком, без близких соседей. Такое помещение мало отличалось от жилища, только что покинутого нами в Ставрополе, в котором прожили мы так счастливо. Жена принялась за устройство нашего маленького хозяйства, приискала прислугу и обзавелась всем необходимым.

Официальные мои представления начальству продолжались несколько дней сряду. Военный министр князь Чернышев и генерал-квартирмейстер генерал Берг встретили меня благосклонно, однако ж сочли нужным упрекнуть мне бегство мое с Кавказа*, а директор канцелярии Военного министерства генерал-адъютант Анненков прямо произнес приговор, что всегда, когда возникает несогласие между начальником и подчиненным, виноватым признается последний. Напротив того, вице-директор канцелярии барон Вревский, предупрежденный Н.И.Вольфом, выказал мне сочувствие; директор Академии генерал-адъютант Сухозанет и еще более вице-директор генерал Ренненкампф приняли меня очень любезно, объявили, что ждали моего приезда с нетерпением, так как кафедра военной географии оставалась уже несколько месяцев без профессора, и желали, чтобы я вступил неотлагательно в исполнение своих обязанностей. Я должен был просить у них хотя небольшую отсрочку, чтобы сколько-нибудь подготовиться к преподаванию; но мне объяснили, что из всего курса военной географии оставалась не пройденною на обоих курсах (практическом и теоретическом) только статья о Пруссии и что мне предстояло прежде всего приготовить литографированные записки по этой части курса, для доставления обучающимся офицерам возможности приготовления к экзамену. Заявление это значительно успокоило меня. Неотлагательно занялся я просмотром прежних, составленных моими предшественниками записок о Пруссии, и, убедившись в необходимости пересоставления их заново, принялся усидчиво за эту работу по тем материалам, которые мог добыть. В начале апреля я уже был в состоянии явиться в академическую аудиторию и начать лекции перед слушателями обоих соединенных курсов, а вслед за тем представил и отлитографированные на 34 листах записки о Пруссии.

---

* Так в тексте *(прим. публ.)*.

Преподавание военной географии в Академии нисколько не подвинулось вперед и не изменилось против того времени, когда я сам был учеником. Руководством служили прежние записки полковника Языкова и Стефана, не составлявшие ничего целого и редактированные без общего плана. Это был пестрый набор статей о Пруссии, об Австрии, Швеции, Турции, Финляндии, о западном пограничном пространстве России*; иные были переполнены мелкими топографическими подробностями, бесчисленными названиями рек, гор, местечек; иные же ограничивались элементарным географическим обзором страны или перечислением вооруженных сил.

Вообще я не нашел в Академии заметного успеха в течение 8, 9 лет, протекших с моего выхода из нее. На большей части кафедр оставались и прежние профессора: полковник Болотов — по геодезии, полковник Ласковский — по фортификации, действительный статский советник Шульгин — по истории политической, Палибин — по законоведению, даже чудак Бутырский продолжал юродствовать на лекциях русской словесности, а полуграмотный капитан Корпуса топографов Баструев по-прежнему руководил топографическим черчением. Потеряла Академия лучшего из прежних преподавателей — барона Медема, которого заменили на кафедре стратегии и военной истории двое: прежний адъюнкт барона Медема князь Ник<олай> Серг<еевич> Голицын и вновь назначенный вторым профессором полковник Богданович; первый, как уже было сказано прежде, был освобожден начальством от чтения лекций для того, чтобы успешнее подвинуть начатую им работу по составлению курса военной истории; преподавание же возложено было на Богдановича — усидчивого, но бездарного труженика, и на капитана Неелова, назначенного адъюнктом. По главному предмету академического курса — тактике место профессора занимал мой верный друг Ф.И.Горемыкин; адъюнктом же его был капитан Вуич — также один из моих прежних товарищей по Гвардейскому генеральному штабу. Благодаря этим свежим силам только и подвинулось несколько вперед преподавание тактики; напротив того, по курсу артиллерии

* В автографе зачеркнуто: отдельные части статей были вовсе не похожи одна на другую *(прим. публ.)*.

новый преподаватель капитан Силич далеко не мог заменить почтенного генерала Весселя, а кафедра "обязанностей офицеров Генерального штаба" никем не была занята с тех пор, как полковник Вольф, по распоряжению военного министра, командирован был на Кавказ, где оставался в течение большей части 1843 и последующих годов. В 1844 году он был совсем отчислен от Академии; кафедра его оставалась вакантною до 1848 года; преподавание же "обязанностей офицеров Генерального штаба" возлагалось попеременно то на одного, то на другого из профессоров (полковника Стефана, князя Голицына и других). Не говорю ничего о новых преподавателях иностранных языков: немецкого — Альберее и французского — Боннэ, как о личностях, не имевших никакого значения в жизни Академии. В числе же штаб-офицеров, "начальствующих над обучающимися офицерами", оставался из прежних только полковник Стефан, сохранивший за собою эту должность и по оставлении кафедры военной географии; полковник Богданович соединял должности профессора и штаб-офицера; затем Богговут и Дитрихс, не принадлежавшие к корпусу офицеров Генерального штаба (первый — майор гренадерского полка Императора Франца, другой — саперный полковник), были скромные, добрые личности, игравшие довольно пассивную роль и не имевшие авторитета в глазах обучающихся офицеров.

Таким образом, в числе новых сотоварищей по Академии нашел я трех давнишних знакомых: князя Голицына, Болотова и Горемыкина; с ними только и установились у меня близкие приятельские отношения. Горемыкин, как уже не раз имел я случай упоминать, показывал мне постоянно самое дружеское участие; князя Голицына и Болотова я посещал так же охотно, как и в прежние времена, находя у них всегда радушный прием и приятную серьезную беседу.

Несколько спустя еще сблизился я с Николаем Дмитриевичем Нееловым — симпатичным молодым человеком, обладавшим живым умом и горячо преданным своему делу. Что касается до прежнего моего товарища Вуича, который был на счету способных, образованных и даже привлекательных офицеров Гвардейского генерального штаба, — то он сам как-то уклонялся от сближения с товарищами, особенно со времени женитьбы его на дочери богатого еврея Гарфункеля.

С остальными лицами тогдашнего состава Военной академии я не имел других сношений, кроме служебных.

Имея всего три лекции в неделю (по вторникам, четвергам и субботам, с $12^1/_2$ до 2 часов), я мог располагать остальным временем, чтобы серьезно готовиться к возложенному на меня новому делу. Продолжать преподавание военной географии в таком безобразном виде, в каком она преподавалась с самого основания Академии, казалось мне совершенно невозможным; необходимо было выработать сколько-нибудь стройный курс, основанный на научных началах. Чем более подбирал я материалов для такой работы, чем более читал и обдумывал, тем более убеждался в том, что составить специальную военную "науку" из одних чисто географических знаний немыслимо. Имевшиеся в виду более или менее удачные опыты стратегического разбора отдельных театров войны также не могли составить науку и казались мне чем-то вроде учебных упражнений, лишенных реальной почвы, пока эти разборы не обусловлены всеми действительными данными, определяющими военные средства и силы воюющих государств. Отсюда выводил я заключение, что стратегические разборы известных территорий, могущих сделаться театрами войны, составляют только одну из различных сторон общего исследования военной силы государства. Такое только всестороннее исследование может составить предмет и цель научного преподавания. В таком смысле оно будет уже не военной *географией*, а специальным отделом статистики, которому может быть присвоено наименование "военной *статистики*"[34].

Придя к такому заключению, я не решился однако же с первого же шага прямо заявить предположение о совершенном преобразовании возложенного на меня курса. Я задумал провести свою мысль под скромным видом исправления служивших учебным пособием литографированных записок, которые необходимо было во всяком случае пересмотреть и вновь отлитографировать. Этой работе и предполагал я посвятить предстоявшее лето, причем имел в виду, составляя новые записки по каждому государству, держаться единообразной программы, подходящей к моему идеалу военно-статистического исследования. Программа эта, в главных чертах, заключалась в трех отделах: в первом — рас-

сматриваются с военной точки зрения общие статистические данные, обусловливающие материальные средства *государства:* территория, народонаселение, государственное устройство и финансы; во втором — заключается всесторонний разбор устройства вооруженных сил государства и военных его учреждений; наконец, в третьем — исследуются территориальные условия ведения войны оборонительной или наступательной. В такой рамке прежние стратегические разборы театров войн должны были войти в курс только в смысле исследования географического и топографического элемента при решении общей задачи — определения военного могущества государства.

В течение двух месяцев — апреля и мая прочитаны были мною лекции о Пруссии и, по принятому тогда в Академии порядку, все пройденное повторено последовательным спросом всех офицеров обоих отделений: практического и теоретического. Эти повторения дали мне возможность несколько ознакомиться с моими слушателями. Практическое отделение состояло из 17 офицеров, теоретическое — из 16. Первое показалось мне в общем составе слабее второго; то же оказалось и потом на экзаменах, производившихся после летних практических занятий, в сентябре и октябре, и подтвердилось впоследствии на самой службе офицеров в Генеральном штабе. Из выпуска 1845 года едва можно указать двух, трех выдающихся офицеров по их способностям и успехам (Свечин, Черницкий, Александр Батезатул); из состоявших же в теоретическом отделении получили впоследствии большую или меньшую известность: барон Николаи, Мезенцев, Нарбут, Макшеев, Чемерзин.

В конце мая лекции в Академии прекратились; обучающиеся офицеры разъехались на съемку. В половине того же месяца брат Николай с сестрою уехал за границу. Отец также собирался ехать в Москву и в Рязанскую губернию к сестре своей Елизавете Михайловне Якимовой, которую давно уже намеревался навестить в ее имении Измайлове (Скопинского уезда). Теща моя с младшею дочерью в июне уехала в Бессарабию, где намеревалась прожить года два, чтобы заняться своим имением (Леонтьево, на Днестре). Я же рассчитывал провести все лето спокойно и уединенно в своем укромном жилище, вдали от городского шума и рабо-

тать усидчиво над своим курсом. Но идиллические мои мечты не осуществились. Совершенно неожиданно получил я извещение, что начальник штаба Военно-учебных заведений генерал-адъютант Ростовцев желал повидаться со мною для некоторых объяснений. Приглашение это не удивило меня; очевидно, оно было последствием тех объяснений, которые генерал Веймарн имел с генералом Ростовцевым еще до назначения меня на должность профессора в Военной академии. Я.И.Ростовцев принял меня чрезвычайно любезно; наговорил мне много лестного и, выразив желание привлечь меня на службу по ведомству Военно-учебных заведений, совместимую с моими профессорскими обязанностями, предложил мне на первый раз принять на себя в предстоявшее лето руководство топографическими, тактическими и другими практическими занятиями воспитанников в Петергофском лагере. Предложение это, хотя и не улыбалось мне, так как оно отрывало меня от моей спокойной жизни и главной работы для Академии, — однако ж я счел неблагоразумным отклонить его при тогдашних моих обстоятельствах, не видя никакой возможности, даже при самой скромной жизни, обойтиться одним профессорским окладом. По совещании с Горемыкиным, с И.Ф.Веймарном, наконец, с согласия начальства Военной академии, я принял предложенное мне временное назначение. 5 июня, в предписании вице-директора Академии, объявлено мне Высочайшее повеление находиться при отряде военно-учебных заведений на время расположения его в лагере; в приказе же Его Высочества, главного начальника Военно-учебных заведений, от 16 июня добавлено, что на меня возлагаются обязанности обер-квартирмейстера при отряде и наблюдение за практическими военными работами воспитанников.

И вот, вместо предполагавшейся спокойной работы кабинетной, вместо уединенной жизни на Васильевском острове предстояло мне провести лето среди лагерной суеты, в беспрерывных хлопотах, вблизи от Двора и на виду самого Императора. Прежде всего, конечно, я должен был представиться Великому Князю Михаилу Павловичу как главному начальнику Военно-учебных заведений; затем генерал-лейтенанту Шлипенбаху, на которого возлагалось начальство в Петергофском лагере; ознакомиться со всею обстановкой

кадетского лагеря; собрать подробные справки о порядке занятий воспитанников в лагерное время и войти в соглашение с начальниками заведений и со всеми лицами, прикосновенными к лагерным занятиям. Наконец, нужно было приискать в Петергофе помещение для своей маленькой семьи, обзавестись верховою лошадью, седлом и другими лагерными предметами. Все это было сделано второпях, в самое короткое время. Съездив в Петергоф, я нанял там маленький домик, недалеко от лагеря, на канале (улица Волконская), и 21 июня переселился в это временное жилье, еще миниатюрнее городской моей квартиры.

В Петергофском лагере каждое лето размещались в бараках воспитанники семи петербургских военно-учебных заведений: Пажеского корпуса, Инженерного и Артиллерийского училищ, Дворянского полка и трех кадетских корпусов: 1-го, 2-го и Павловского. В строевом отношении отряд состоял из 6 батальонов и полубатареи Артиллерийского училища*. Так называемые практические занятия воспитанников заключались в следующем: 1) тактические – аванпостная служба и малая война, в виде маневров по-батальонно; 2) топографические – съемка с мензулой и буссолью для воспитанников двух старших (специальных) курсов и отдельные геометрические задачи на местности для IV общего класса; 3) инженерные – трассировка и постройка укреплений (уменьшенной профили), изготовление фашин, туров и т.д. для обоих специальных классов и 4) артиллерийские – для тех же классов, лабораторные работы и стрельба из орудий разных калибров. Программа была обширная и разнообразная; но действительное исполнение, как я скоро убедился, далеко не соответствовало задаче и достигало весьма малой пользы. Главною тому причиной была недостаточность уделяемого на все исчисленные занятия времени, а затем слишком малое число опытных руководителей и ограниченность материальных средств (инструментов, орудий и проч.) в соразмерности с большим числом участвовавших в занятиях воспитанников. Притом строевое начальство смотрело неблагосклонно на означенные практические занятия, от-

* Пажеский корпус и рота Инженерного училища составляли один сводный батальон (1-й), каждый из кадетских корпусов образовал особый батальон, а Дворянский полк – два батальона.

нимавшие время от строевых учений, гораздо более озабочивающих и батальонных командиров, и самого начальника отряда, которые с трепетом ожидали Царских смотров. Император Николай Павлович, во время ежегодного пребывания своего в Петергофе (обыкновенно с половины июля до половины августа), часто заезжал в "кадетский лагерь", иногда совершенно неожиданно, поднимал по тревоге весь отряд и производил учение или маневр, потешаясь, как игрушкой. Вот в этом случае, конечно, и мне приходилось появляться на сцене, получать личные приказания Царя и руководить исполнением. Дело это было для меня не новое: стоило только воскресить в памяти прежнюю службу в Гвардейском генеральном штабе. Мне удавалось благополучно разыгрывать свою роль обер-квартирмейстера лилипутского отряда. Император во всех случаях удостаивал меня благосклонного внимания.

Труднее было справляться с другими занятиями воспитанников, особенно со съемкой. Приходилось выторговывать у начальства каждый рабочий день. Кроме приведенной уже причины, начальство не любило эти занятия еще и потому, что при разбросанном распределении работ в окрестностях Петергофа нелегко было усмотреть за поведением воспитанников при малом числе офицеров, не всегда притом пользовавшихся авторитетом над молодежью. По недостатку в инструментах (например, при двух, трех мензулах на целый класс в 36 человек) действительно работали только немногие, более способные и бойкие воспитанники; остальные же товарищи, пользуясь привольем, валялись в кустах или затевали какие-нибудь шалости. Обучавшие офицеры привыкли с давних времен смотреть на все это сквозь пальцы и заботились лишь о том, чтобы к концу лагеря представить начальству требуемое число небольших клочков съемки, вычерченной большею частью с помощью самого учителя. Заметив с первого же раза такое легкое отношение к делу самих руководителей съемки и вообще несерьезное ведение практических занятий, я поставил себе в обязанность во все дни, назначавшиеся для работы, объезжать все участки и проверять лично порядок работ. Частые появления мои заставили и руководителей, и воспитанников добросовестнее заниматься съемкой.

А.С.Меншиков

Что касается до занятий по части инженерной и артиллерийской, то они велись в крайне ограниченных размерах, без системы, можно сказать — только для виду.

Во время больших маневров Гвардейского и Гренадерского корпусов Государю вздумалось привлечь к участию в них и части отряда военно-учебных заведений. Маневры в этом году происходили в обширном районе, до Нарвы. Приказано было сформировать из выпускных воспитанников сводный батальон с 2 горными орудиями Артиллерийского училища, в составе десантного отряда, который предположено было перевезти к устью р. Наровы. Для перевозки десантного отряда назначено было несколько военных пароходов. 25 июля утром сводный батальон Военно-учебных заведений с 2 орудиями был посажен на пароходы в Петергофе, в одно время с флот-

ским экипажем, посаженным в Кронштадте. Сам морской министр князь А.С.Меншиков присутствовал при посадке сводного батальона в Петергофе и сопровождал его до высадки. Батальоном командовал полковник Вешняков (Павловского кадетского корпуса), а мне приказано было исполнять обязанности начальника штаба десантного отряда и руководить действиями его по высадке на берег. Эскадрою командовал контр-адмирал Епанчин, а флотским экипажем – капитан 1-го ранга Князев. Распоряжения при посадке и высадке отряда возложены были на контр-адмирала графа Гейдена (Логгина Логгиновича). Князь Меншиков, с которым перед тем я виделся несколько раз для предварительных соглашений насчет предположенной операции, был весьма любезен со мною во все время нашего плавания и по своему обыкновению не упускал случая выказывать свои разносторонние познания, а по временам и колкое остроумие.

Перевозка отряда исполнилась совершенно удачно, при тихой и ясной погоде. Высадка произведена при самом устье р. Наровы, у деревни Смолки, с помощью малых пароходов, катеров и баркасов. По выходе на берег наш маленький отряд выстроился в боевой порядок и двинулся вдоль левого берега реки к редуту, построенному осаждающим крепость для защиты наведенного им же моста через реку у деревни Новой. На половине пути завязалась перестрелка с противником; маленький пароход, следовавший по реке, на одной высоте с отрядом, содействовал ему своими выстрелами. Навстречу десантному отряду выехал сам Император с обычной многочисленной свитой. Он подозвал меня, расспросил о нашем плавании и высадке и предоставил мне продолжать вести маневр. С приближением к редуту противника следовавший в резерве боевого отряда сводный батальон Военно-учебных заведений был выдвинут вперед и направлен на штурм редута. Молодежь наша с юношеским одушевлением бросилась на укрепление, наскоро построенное; атака признана успешною. Выбитый будто бы из редута противник должен был отступать через вязкое болото под боковым огнем стрелков флотского экипажа и парохода. Экипаж этот занял взятый редут, а сводному батальону Военно-учебных заведений приказано было продолжить движение к самой Нарове, где ему дан отдых. Государь остался совершенно

доволен маневром, благодарил начальников и приветливо обошелся с кадетами. На другой день десантный отряд перевезен обратно в Петергоф и Кронштадт.

Лагерь военно-учебных заведений закончился также маневром в присутствии Государя и также вполне удачно. В этот день в одном из батальонов (1-го кадетского корпуса) находились трое молодых Великих Князей: Константин Николаевич – за офицера, а Николай и Михаил Николаевичи – рядовыми. По окончании маневра и после краткого отдыха отряд продолжал следовать походным порядком до Стрельны, а на следующий день возвратился в Петербург.

Окончив возложенные на меня обязанности в Петергофском лагере, я представил (19 августа) генералу Ростовцеву отчет о ходе в том году практических занятий воспитанников. Высказав откровенно свое заключение о слабых результатах и несерьезности этих занятий, я изложил свои предположения о мерах на будущее время к усилению или, по крайней мере, упорядочению этих занятий, даже при том ограниченном числе дней, которое возможно уделять на них в течение лагерного времени[35]. Генерал Ростовцев остался очень доволен моим отчетом и приказал в свое время, при распределении в будущем году лагерных занятий воспитанников, иметь в виду указанные мною меры. В течение всего лагеря, конечно, мне приходилось не раз иметь личные свидания с Яковом Ивановичем, и постоянно он оказывал мне самое любезное внимание. При одном из этих свиданий, в половине июля, генерал Ростовцев спросил меня, не приму ли я должность начальника отделения в штабе Военноучебных заведений, именно третьего, так называемого воспитательного или учебного? Место это должно было вскоре сделаться вакантным по случаю предположенного перемещения начальника отделения князя Львова на место инспектора классов в Московском кадетском корпусе. Такое предложение было, конечно, для меня находкою, ибо я видел совершенную невозможность оставаться на одном профессорском окладе; но возникал вопрос: в какой мере возможно, без ущерба для дела, соединять обязанности начальника отделения с занятиями профессора? Генерал Ростовцев, которому я высказал некоторое сомнение на этот счет, успокоил меня и взялся лично уладить дело с начальником

Военной академии. 20 июля получил я от вице-директора Академии формальный запрос: признаю ли я возможным соединить обе означенные должности “без вреда для успехов преподавания в Военной академии?” По случаю временного отсутствия генерала Ростовцева я дал ответ лишь 9 августа, дождавшись возвращения его. Чтобы вполне рассеять мои сомнения, он познакомил меня с князем Львовым, дабы я мог от него узнать обстоятельнее весь круг деятельности начальника учебного отделения. Князь Львов был молодой еще человек, весьма обходительный и любезный; слабое здоровье вынуждало его переселиться в другой климат и потому принять назначение в Москву*. Князь Львов весьма любезно раскрыл мне во всей подробности занятия по учебному отделению, показал мне все свои работы и окончательно уговорил меня принять предложенное место. Дело было решено; но переписка о моем назначении затянулась долее обыкновенного, отчасти по причине отсутствия Великого Князя Михаила Павловича и самого Государя, который, по обыкновению, после Красносельского лагеря производил смотры в Москве и других местах сбора войск, а потом уехал в Палермо, где находилась Императрица Александра Федоровна.

С переездом из Петергофа в Петербург я снова принялся настойчиво за работу для Военной академии. В это время город был почти пустынный; не было никого из близких мне лиц: отец, как уже было упомянуто, находился еще у своей сестры в Рязанской губернии, а потом провел некоторое время в Москве и возвратился в Петербург к концу сентября. Брат Николай с сестрой Авдулиной, выехав из Петербурга в начале мая, провели несколько дней в Берлине, где советовались с тогдашнею врачебною знаменитостью докт<ором> Шенлейном**, затем останавливались в Лейпциге и Франкфурте (на Майне), спустились по Рейну до Кельна и через Брюссель прибыли в Париж, где была новая консультация. Первые виденные заграничные города Берлин и Лейпциг, так же как и вообще Германия, произвели на брата сильное

---

* К сожалению, эта перемена места ненадолго отсрочила роковой исход болезни (чахотки). В 1847 году бедный князь Львов должен был оставить службу и уехать за границу, а вскоре потом скончался.

** В автографе далее зачеркнуто: который советовал брату ехать в Киссинген, а после купаться в южном море *(прим. публ.)*.

впечатление. В одном из писем ко мне он в шутку поручал передать общему нашему другу И.П.Арапетову, что "начинает убеждаться в *почтенности* немцев, но находит, что было бы лучше, если бы их было поменьше"[36]. Из Парижа, уже в конце июля, брат и сестра отправились в Пиренеи, в местечко Котрэ, где сестра по указанию французских врачей пользовалась водами. Отсюда предприняли они занимательную экскурсию в Испанию, до Пампелуны, столицы Наварры. Там происходили в это время блестящие празднества по случаю свидания королевы Изабеллы с французскими принцами. Съехалась туда масса любопытных путешественников. Несмотря на все материальные неудобства путешествия по Испании, брат и сестра были в восхищении от своей поездки*, а затем отправились они через Марсель в Италию.

В продолжение путешествий письма брата Николая ко мне по-прежнему дышали самой трогательной дружбой; в них изливал он свои впечатления и сердечные чувства. Так, писал он 3/15 сентября, из Котрэ: "К тебе, мой милый Дмитрий, летят часто мои мысли. Твой домашний быт представляется мне маленьким уголком счастья и радости, и эти мысли услаждают меня. Как часто хотелось бы мне очутиться между вами, поделиться своими впечатлениями, быть может, укрепиться в любви и надежде, — и опять возвратиться к кочевой жизни, которая никогда мне не надоедает"[37].

Брат Николай с самого начала путешествия рассчитывал, пробыв с сестрою первую половину лета, потом самому заняться собственным лечением по предписанию врачей; но зять наш С.А.Авдулин почему-то все откладывал выезд за границу. В каждом письме и брат, и сестра спрашивали, когда же наконец он выедет; умоляли поторопить его. Так прошло все лето; брат вовсе не воспользовался поездкой для поправления своего здоровья; он был даже поставлен в большое затруднение, когда с наступлением срока его отпуска необходимо было ему возвратиться в Петербург. Выручила его случайная встреча в Генуе с Чернышевыми**. По-види-

---

* В автографе далее зачеркнуто: но бой быков произвел тяжелое впечатление. По возвращении из Италии они провели несколько дней в Баньере (Bagnéres-de-Luchon) для окончания курса лечения сестры *(прим. публ.)*.

** Флигель-адъютант Фед<ор> Серг<еевич> Чернышев и жена его Александра Афанасьевна, рожденная Шишмарева.

мому время уже изгладило тогда из сердца брата прежнюю его страсть и увлечение молодости; он сошелся дружелюбно с прежним своим соперником и, оставив сестру на попечение друзей ее и родственников, сам предпринял поездку по Северной Италии, а в конце октября возвратился за сестрой в Геную и вместе с нею отправился в Неаполь, куда вслед за ними приехали и Чернышевы. Там встретили они Новый год; Авдулин так и не выехал к жене; брату пришлось оставить сестру в чужой семье, в отдаленном заграничном городе.

Заговорив о наших путешественниках, я несколько забежал вперед; возвращусь к своему собственному петербургскому уголку в сентябре месяце.

1845–1846 УЧЕБНЫЙ ГОД

В ожидании назначения на новую должность я работал прилежно для Военной академии*. Сентябрь и часть октября составляли период экзаменов в Академии, а с половины октября возобновились лекции. В новом расписании учебных занятий назначено было мне по-прежнему три лекции в неделю, в одном практическом отделении. Конференция академическая и начальство не могли не признать основательный мой довод, что нерационально преподавать в курсе военной географии стратегические разборы театров войн прежде преподавания стратегии и военной истории.

Между тем я был озабочен ожидаемым приращением семьи. 11 ноября родился сын; роды совершились весьма благополучно, даже без приглашения врача. Новорожденному дали имя Алексей в честь моего отца, который был и восприемником с теткою моей Варварой Дмитриевной Полторацкой.

В начале того же ноября пришло, наконец, из Палермо Высочайшее утверждение представления начальства Военно-учебных заведений о прикомандировании меня к штабу этих заведений для управления третьим (воспитательным) отделением, с оставлением и профессором в Военной академии. 16 ноября объявлено об этом в приказе по Военно-учебным заведениям. Согласно представлению начальства, мне было определено содержание, присвоенное начальнику отделения (1401 рубль), независимо от профессорского оклада, так что с этого времени, получая по обеим должностям до 2700 рублей в год, я уже считал себя обеспеченным в средствах жизни.

---

* В автографе далее зачеркнуто: и успел к началу нового курса составить и налитографировать записки об Австрии и подготовить вчерне остальные части курса *(прим. публ.)*.

Соединение двух должностей по двум разным ведомствам, конечно, требовало напряженной деятельности. Благодаря моему сближению с князем Львовым я был уже подготовлен к новым своим обязанностям. На начальнике учебного отделения лежали, кроме текущего делопроизводства, разнообразные личные обязанности: он был делопроизводителем учебного комитета, собиравшегося еженедельно под председательством самого генерала Ростовцева; начальник учебного отделения заведовал испытаниями кандидатов в учителя и пробными их лекциями; присутствовал на разных экзаменах и, наконец, был редактором особого издания, выходившего через каждые две недели под названием: "Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений"[38]. Сверх того, предстояло мне, по примеру 1845 года, исполнять и впредь, в летнее время, обязанности руководителя практических занятий воспитанников в Петергофском лагере. Таким образом, занятия по новой моей должности отняли от профессорских моих работ гораздо более времени, чем первоначально я предполагал. Но занятиями этими я не тяготился; они как-то пришлись мне по душе и притом облегчались в значительной мере приятными отношениями с новым начальником. С ним легко было работать; он вел дело с любовью, сам много работал и ценил работу подчиненных. Обращение его было самое благодушное; он входил с участием в личное положение каждого подчиненного и вообще любил благодетельствовать всякому, пользуясь своею силою при Великом Князе Михаиле Павловиче и обширными связями. Со мною лично он был чрезвычайно любезен и внимателен.

В то время штаб Военно-учебных заведений был разделен на две части: некоторые отделения (по личному составу) были подчинены дежурному штаб-офицеру полковнику Оресту Семеновичу Лихонину; другие (хозяйственные) — управляющему делами совета Военно-учебных заведений статскому советнику Сергею Сергеевичу Шилову; учебное же или воспитательное отделение стояло в непосредственном подчинении начальнику штаба и никакого другого предшествующего начальства я не имел. Помощником моим был Иван Сергеевич Шилов, брат названного выше; но помощью его я почти не пользовался, даже редко видел его в

штабе; это был человек болезненный, ленивый, ни во что не входивший. Полезнее были мне, по канцелярской части, другой, скромный, выслужившийся из писарей чиновник, да старший писарь Рогов — бойкий и смышленый, попавший впоследствии в большую милость к Я.И.Ростовцеву и, к сожалению, закончивший свое служебное поприще ссылкою на поселение за мошеннические проделки. В учебном отделении, как уже я сказал, собственно текущее делопроизводство было не сложно и переписка не обширна; главные работы лежали лично на начальнике отделения. Имея беспрерывные сношения с инспекторами классов заведений, с главными наставниками-наблюдателями (специальными руководителями преподавания по разным группам учебных предметов), с учителями, я должен был видеться со множеством лиц, а по временам посещать заведения, чтобы знакомиться на деле с ходом учебной части.

В то время директорами петербургских военно-учебных заведений были: Пажеского корпуса — генерал Игнатьев (Павел Николаевич, впоследствии граф); Школы гвардейских подпрапорщиков и юнкеров — генерал Сутгоф; Артиллерийского училища — генерал-майор барон Розен; Инженерного — генерал-майор Ломновский; кадетских корпусов: 1-го — генерал-лейтенант Шлиппенбах; 2-го — генерал-майор Бибиков; Павловского — генерал-лейтенант Клюпфель; Дворянского полка — генерал-майор Пущин. Впрочем, мне приходилось иметь сношения преимущественно с инспекторами классов заведений. Должность эту в то время занимали: в Пажеском корпусе — полковник Иван Федорович Ортенберг; в Школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров — генерал-майор Павловский; в 1-ом кадетском корпусе — действительный статский советник Кушакевич; во 2-ом — полковник Яков Федорович Ортенберг*; в Павловском — статский советник Ржевский**; в Дворянском полку — полковник Павловский. Главными наставниками-наблюдателями были: по преподаванию Закона Божия — протоиерей Раевский; по военным наукам — генерал-майор барон Медем; по математическим — академик Остроградский; по естественным — академик Ленц;

---

* Тот самый, у которого я жил, быв юнкером гвардейской артиллерии.

** Заместивший А.Ф.Шенина.

по политическим — профессор Шульгин; по русскому языку и словесности — Н.И.Греч; по рисованию — действительный статский советник Сапожников.

Все вопросы по учебной части, как возникавшие со стороны заведений и главных наставников-наблюдателей, так и поднимаемые самим генералом Ростовцевым, предлагались им на обсуждение учебного комитета, который, как уже сказано, имел еженедельные заседания, по субботам, вечером, под председательством самого Я.И.Ростовцева, в его квартире (в казенном доме по Кадетской линии, рядом со строениями 1-го кадетского корпуса). Заседания эти продолжались часов до 11 ночи и были обыкновенно очень оживленны. Генерал Ростовцев охотно допускал прения, пока они не шли вразрез с какими-нибудь уже усвоенными им воззрениями и предназначениями. Он сам любил высказывать и развивать свои виды и соображения. Членами комитета были все главные наставники-наблюдатели и инспекторы классов петербургских Военно-учебных заведений. Приезжал также к каждому заседанию и полковник Федор Федорович Менц — инспектор Александровского кадетского корпуса (малолетнего) из Царского Села. По окончании заседания он обыкновенно приходил ночевать ко мне, пользуясь близостью моей квартиры. Из членов комитета имели преимущественно голоса И.П.Шульгин, Н.И.Греч, Яков Федорович Ортенберг, Ржевский. Приглашались иногда и посторонние лица в качестве компетентных авторитетов по каким-нибудь специальным вопросам. Моя обязанность заключалась в составлении протокола заседаний и, по утверждении его подписью председателя, в сообщении по принадлежности постановленных решений.

Пробные лекции кандидатов на учительские должности назначались также по вечерам в самом помещении штаба Военно-учебных заведений в присутствии инспекторов классов и подлежащего главного наставника-наблюдателя. На мне лежали как все исполнительные распоряжения, так и составление протокола с изложением постановленного присутствующими лицами заключения. Сам генерал Ростовцев присутствовал на пробных лекциях только в исключительных случаях. Из числа допускавшихся к пробной лекции кандидатов далеко не все выходили из этого искуса с успехом.

Наконец, редактирование "Журнала для чтения воспитанников военно-учебных заведений" было работой почти механической, потому что издание это наполнялось исключительно выборкою статей и отрывков из напечатанных уже книг и повременных изданий. Но уходило немало времени на пересмотр и прочтение таких книг и журналов, из которых можно было выбрать что-нибудь подходящее к цели специального издания для малолетних читателей. Такое занятие отрывало меня от других более серьезных и притом более полезных работ. Хотя и доходили до меня отзывы, что с принятием мною редакции "Журнал" сделался занимательнее, чем прежде, однако ж читался он все-таки очень мало теми, для кого собственно издавался. Воспитанники пренебрегали книжками, носившими на своей обертке штемпель штаба Военно-учебных заведений и виньетку с кадетской арматурой.

Таким образом, зиму с 1845 на 1846 год провел я в усиленных трудах, разделяя все свое время между обязанностями по Военно-учебным заведениям и по Военной академии. В течение этого учебного года я успел привести все части курса военной географии к единству по содержанию, объему и форме изложения. Отлитографированные вновь записки составили в общей сложности до 150 листов[39]. С этого уже времени введены были мною письменные работы обучавшихся офицеров на задаваемые мною темы по разным частям курса. Первый этот опыт указал, как слабо подготовлены были тогда наши молодые офицеры к письменным работам. Сочинения только немногих способнейших офицеров (барона Николаи, Мезенцова, Макшеева, Казаринова) можно было признать удовлетворительными. К концу означенного учебного года предложено было мне начальством Академии занять в теоретическом отделении одну лекцию в неделю, остававшуюся свободной за продолжительной болезнью адъюнкта военной истории и стратегии капитана Неелова, который имел несчастье переломить себе ногу, оступившись в комнате. Я воспользовался этим случаем для облегчения курса будущего учебного года, употребив предложенные мне дополнительные часы на прочтение офицерами теоретического отделения вступительной статьи, объясняющей значение и систему преподаваемого мною курса, а затем ознакомил их довольно подробно с Кавказским краем.

Не ограничиваясь составлением записок для моих слушателей по утвержденной начальством программе, я приступил к научной разработке "военной статистики". На первый раз поместил я в "Военном журнале" 1846 года (издававшемся при Военно-учебном комитете, под редакцией полковника Болотова) довольно обширную статью под заглавием: "Критическое исследование значения военной географии и военной статистики". Статья эта была выпущена потом и отдельною брошюрой под тем же заглавием[40]. Сущность ее заключалась в развитии той мысли, что все сочинения, появлявшиеся под названием "военной географии", весьма разнообразные по своему содержанию, не имеют научного значения; что напротив того, военная статистика, имеющая целью всестороннее исследование военных сил и средств государств, должна составить одну из специальных отраслей общей статистики и может, при такой постановке, получить стройную, научную обработку. Брошюра эта обратила на себя внимание не только в тесном военно-ученом кругу, но также и в более обширной среде ученых. О появлении ее заявлено было в номере "Русского инвалида" 15 октября. Впоследствии эта статья составила вступление к предпринятому мною тогда же более обширному сочинению, в котором я предположил, в виде опыта, применить высказанные мною мнения к военно-статистическому исследованию военных сил Пруссии[41].

Работы мои по Военной академии удостоились одобрения и благосклонного внимания начальства ее. Мне посчастливилось заслужить особенную благосклонность даже генерала Сухозанета*. Невыносимо тяжелый для подчиненных, он почему-то относился ко мне с исключительным благоволением. В марте 1846 года он вошел даже с представлением к военному министру о производстве меня на Пасху в полковники, указав при этом, что я состою уже 6 лет в чине и во все это время, несмотря на двухлетнюю службу на Кавказе, с участием в военных действиях, не получил ни одной награды. Но вместе со мною был представлен к производству и подполковник Богданович. Ходатайство генерала Сухозане-

---

* В автографе далее зачеркнуто: который не отличался мягкостью характера и был невыносимо тяжелый для подчиненных, как будто старавшийся при всяком случае давать им чувствовать свой гнет *(прим. публ.)*.

та не имело успеха. В ответе князя Чернышева сообщалось, что Государь Император не желал производством нашим обойти несколько старших подполковников, в списке которых я стоял 12-м, а Богданович — 15-м; в уважение же выставленных начальством заслуг наших пожалованы были на Пасху (7 апреля): мне — орден св. Анны 2-й степени, а Богдановичу — перстень с вензелем. Мотив, на котором основан был отказ в моем производстве, был не совсем основателен; ибо не принято было во внимание то обстоятельство, что при назначении на Кавказ (в 1843 г.) сохранено было мне право на повышение в полковники наравне с моими сверстниками по Гвардейскому генеральному штабу; а из этих сверстников никто не был бы обойден в случае моего производства. Промах, сделанный в представлении академического начальства, был исправлен годом позже новым ходатайством уже со стороны начальства Военно-учебных заведений.

Несмотря на испытанную неудачу по службе и на усиленную работу по двум должностям, я был в это время вполне доволен своим положением, скромным, но спокойным. Конечно, не обходилось без временных забот, неизбежных в жизни семейной. Тревожило меня и жену слабое здоровье новорожденного сына, а также положение отца моего, здоровье которого заметно пошатнулось. Несмотря на то, он сохранял всегдашнее свое благодушие, спокойствие, ровность в обхождении, хотя по временам и вырывались у него жалобы на судьбу, постоянно разбивавшую все его старания об обеспечении будущности семьи. Мы с братом Николаем сокрушались, что не имели возможности обставить жизнь отца всеми удобствами, к которым он привык. Пока здоровье позволяло ему, он часто навещал нас и был чрезвычайно нежен со своими внуками. Тогда мы не предчувствовали, что так недолго оставалось им пользоваться его ласками.

Брат Николай по возвращении в феврале месяце из-за границы снова погрузился в пучину служебных своих работ. В этом году он имел утешение увидеть практический результат многолетних своих трудов: введенное в Петербурге новое Положение о городском управлении было первым шагом к самоуправлению, получившему в позднейшие времена широкое развитие в городских и земских учреждениях[42]. Брат пользовался расположением и доверием тогдашнего мини-

стра Льва Алексеевича Перовского. Напряженные занятия служебные, как мои, так и брата, не мешали нам видеться довольно часто; к моей семье он всегда относился с сердечною добротой. Сестра Авдулина возвратилась из-за границы в Петербург в марте месяце с Чернышевыми.

Кроме братьев и сестры навещали нас некоторые из старых приятелей (Арапетов, Свечин) и прежних моих товарищей по Гвардейскому генеральному штабу. Вообще наш круг знакомых был очень ограничен. В тесном и убогом жилье, в отдаленной части города и при усиленных занятиях, разумеется, мы должны были жить уединенно и скромно. С ближайшими родственниками (Полторацкими и графом Киселевым) виделись мы не часто; однако ж последний однажды удостоил нас посещением в нашем захолустье. Преимущественно поддерживались связи с прежними знакомыми жены моей: семействами Шуберта, Крюковских (дочери генерала Шуберта), Веймарна, барона Ливена, Венцеля, Зедделера, Фишера, Тизенгаузена.

В конце апреля мы были опечалены кончиною близкого нам человека — Ивана Федоровича Веймарна. Здоровье его давно уже внушало опасения; часто случались с ним припадки удушья с болью в груди и сердцебиением. Подобная болезнь угрожала внезапным концом жизни. Больной собирался с наступлением весны ехать за границу; однако ж не оставлял служебных занятий до последнего дня жизни. Скончался он 28 апреля, а 1 мая происходили похороны. Мы с женой проводили гроб покойника до могилы и приняли живое участие в горести несчастной вдовы Елизаветы Максимовны. Едва прошли после того две недели, как новое несчастие поразило семью Веймарнов: 10 мая скончался и другой брат — Петр Федорович. Он заболел в самый день похорон младшего брата, смерть которого произвела на него тяжелое потрясение. Оба брата были очень дружны между собою. Петр Федорович был старше на многие годы; он уже участвовал в кампании 1812 года, был ранен под Бородином; пользовался особенным расположением Великого Князя Михаила Павловича, который присутствовал на обоих похоронах. Близкое совпадение кончины двух братьев произвело горестное впечатление на всех, знавших и глубоко уважавших этих достойных людей, отличавшихся честным,

прямодушным характером и строгими нравами. Семья Веймарнов принадлежала к секте гернгутеров[43].

Со смертью братьев Веймарнов открылись места дежурного генерала и начальника штаба Гвардейского и Гренадерского корпусов. На первое назначен был директор Пажеского корпуса генерал Игнатьев, а на второе – генерал Витовтов. Преемником же Игнатьева в Пажеском корпусе был генерал-лейтенант Желтухин.

В мае и начале июня к постоянным моим занятиям прибавились экзамены во всех военно-учебных заведениях, по окончании которых происходил общий сравнительный экзамен выпускных воспитанников всех петербургских заведений. Экзамен этот производился с большою торжественностью, в огромной зале 1-го кадетского корпуса; приглашалась многочисленная публика из высших сановников и ученых, начиная с министра народного просвещения и митрополита. Почетным гостям предоставлялось выбирать вопросные билеты и задавать устные вопросы вызываемым по каждому предмету выпускным воспитанникам разных заведений. В той же зале, несколько дней спустя, происходил осмотр чертежных работ и рисования воспитанников всех заведений. На эту выставку также приглашались почетные лица и компетентные судьи. Яков Иванович имел слабость выставлять напоказ успехи военно-учебных заведений по учебной части. Желание его пощеголять перед избранной публикой результатом своих многолетних усилий поднять учебное дело в кадетских корпусах не только было бы извинительно, но и могло бы иметь свою полезную сторону, если б только в этих парадных выставках не примешивалось в некоторой доле пускание пыли в глаза. Я.И.Ростовцев, например, смотрел сквозь пальцы на фальши в выставляемых напоказ произведениях, из которых некоторые слишком усердно исправлялись рукою учителя или даже вовсе не были ученической работой, а заготовлялись по заказу. Когда я раз попробовал указать Якову Ивановичу такие явные подлоги, он показал вид, что не слыхал, и отошел от меня. Бывали и другие случаи, убедившие меня в наклонности генерала Ростовцева к самообольщению. Это было одною из слабых, несимпатичных для меня сторон его характера.

Наступившее лето и в этом году я должен был опять провести в Петергофе, в качестве руководителя по тактическим

и другим практическим занятиям воспитанников. В половине июня отряд военно-учебных заведений выступил в лагерь. Я поселился, с маленькой своей семьей, в крошечном деревянном домике Старого Петергофа, близ Английского парка. Занятия воспитанников в этом году были организованы согласно представленному мною плану, в основание которого было положено строгое распределение занятий, утренних и вечерних, по составленному предварительно расписанию на все число дней, какое могло быть уделено из лагерного времени собственно на практические работы. На основании прошлогоднего опыта расписание было составлено на 18 дней. При огромном числе участвовавших в занятиях воспитанников (до тысячи), при ограниченности времени и материальных средств необходимо было разделить занятия на общие, для целого класса каждого заведения, и специальные — для выпускных воспитанников, соответственно роду службы, к которому каждый из них предназначался (артиллерийские, инженерные, ружейная стрельба и т.д.). Чтобы уделить по возможности более времени на эти специальные занятия, выпускные воспитанники были освобождены от работ топографических, которые производились только воспитанниками первых специальных и IV общих классов.

Несмотря на мои настойчивые старания и даже при доброй воле строевого начальства, не оказалось возможным уделить для практических занятий и то ничтожное число дней, на которое я рассчитывал. Со вступления в лагерь и до Царского смотра, состоявшегося 28 июня, нельзя было и думать о практических занятиях; все внимание начальства в это время было обращено на строевое подготовление батальонов к смотру. Из остального лагерного времени, продолжавшегося до 12 августа (44 дня), пришлось исключить 13 дней вовсе праздных (по случаю праздников и по другим причинам); затем на все вообще так называемые практические занятия, со включением и аванпостной службы, пришлось всего 12 дней. Таким образом, и в этом году, хотя было сделано все возможное для более серьезного направления занятий, все-таки результаты вышли очень слабые. Самой жалкой частью была ружейная стрельба, столь важная для пехотного офицера; можно сказать, что этим делом вовсе не занимались за неимением ни удобного мес-

та, ни годного оружия. Впрочем, это дело тогда стояло не лучше и во всей русской армии.

После двух дней маневров под Петергофом (7 и 8 августа) в присутствии Государя отряд военно-учебных заведений выступил 12-го числа из лагеря в Петербург. В конце того же месяца и я с семьей перебрался на зимние квартиры. Начались экзамены в Военной академии и обычные мои занятия по учебному отделению.

Наступившая осень принесла мне целый ряд семейных невзгод и огорчений. В сентябре у жены моей начались сильные невралгические боли в голове, от которых она потом долго страдала. Страдания эти были тем прискорбнее, что в то время она продолжала еще кормить младшего ребенка и не могла отнять его от груди, так как здоровье его очень тревожило нас. Причиною его болезни, по-видимому, было трудное прорезывание зубов; бедняжка сильно исхудал, ослабел, и всю зиму пришлось держать его в комнате; начал он поправляться только с наступлением весны.

В ту же осень 1846 года всю нашу семью постигло большое горе: отец мой, страдавший уже несколько месяцев опухолью ног и отдышкой, в сентябре совсем слег в постель и не выходил уже из комнаты. Явные признаки водянки усиливались очень быстро, и 6 октября, утром, он кончил жизнь на 67 году. Тело дорогого отца погребено на Волковом кладбище. В бумагах его найдена была записка, составленная незадолго до смерти, в виде завещания детям и как бы в оправдание печального исхода непрерывных трудов и забот, которые он должен был нести в продолжение всей своей жизни, в упорной борьбе за существование[44]. Все настойчивые заботы его о том, чтобы не оставить семью и детей без куска хлеба, встречали одни неудачи и разочарования, и кончил он эту тяжелую жизнь свою под гнетом горького сознания безуспешности всей своей деятельности. Приведенные в разных местах моих воспоминаний выборки из отцовских писем уже достаточно обрисовывают его личность, его глубоко честный, правдивый характер, доброе сердце, трогательные отношения семейные. Не раз высказывается в этих письмах мысль, что счастье в семье дает силу перенести все неудачи и невзгоды житейские.

По несовершеннолетию младших братьев моих предстояло учредить над одним — попечительство, над другим —

опеку. По общему нашему с братьями соглашению обязанности попечителя и опекуна принял на себя брат Николай, о чем и последовал 23 октября указ петербургской Дворянской опеки*. Затем от имени всех четырех братьев и сестры подано было заявление об отказе нашем от отцовского наследства и предоставление всего оставшегося его имущества на удовлетворение кредиторов. Так как все движимое имущество покойного отца хранилось в Москве, то распоряжения по распродаже этого имущества и обращению вырученных сумм по назначению принял на себя родственник наш князь Сергей Яковлевич Грузинский. Мы с братом Николаем были в то время так поглощены своими служебными занятиями, что не имели возможности лично входить в подробности отцовских дел и рады были найти человека, освободившего нас от щекотливых забот.

Однако ж желание наше устраниться от отцовских дел удалось нам не вполне. Длившаяся уже десятки лет тяжба с Евдокимовым все еще тянулась, и только год спустя после кончины отца объявлен нам указ Сената (6 сентября 1847 г.) по вопросу о каких-то спорных пустошах, которыми Евдокимов завладел неправильно. Пустоши эти решено было отобрать от него в пользу прежнего владельца. Получив объявление о таком решении, мы, конечно, заявили, что дело это, за отказом нашим от наследства, до нас не касается. Затем оказалось, что я лично состоял владельцем одной жалкой деревушки, входившей в бывшее отцовское имение, и по этому поводу на меня легли заботы, от которых не мог я освободиться в продолжение нескольких лет.

Дело это требует объяснения, и чтобы не возвращаться к нему впоследствии, расскажу его теперь же до конца, хотя и придется забежать вперед на несколько лет.

После продажи с аукциона заложенного отцовского имения села Титова (Калужской губернии, Лихвинского уезда), оставались еще не проданными в Алексинском уезде (Тульской губ.) село Панское и две маленькие деревеньки (Коробки и Федюнинки) с сотнею ревизских душ во всех трех и 382 десятинами земли. На эту часть имения, оцененную в 8 тысяч рублей, торги назначены были в начале 1839 года.

---

* Брат Владимир достиг совершеннолетия в 1847 году, а Борис — в 1851.

Не знаю, почему отцу моему захотелось непременно изъять из продажи в посторонние руки одну из названных деревушек Коробки, с 26 ревизскими душами и 116 десятинами земли. Посредством какой-то сделки с некоторыми из кредиторов устроено было так, что при продаже с аукциона деревушка эта осталась за мной. Хотя я узнал тогда же от отца об этой сделке, не совсем для меня понятной, однако ж, уезжая тогда на Кавказ, я не обратил особенного внимания на это дело, а потом совсем позабыл о нем. Только после кончины отца оказалось, что моими Коробками управлял один из соседних помещиков Петр Дмитриевич Беклемишев, посредник по полюбовному межеванию. Данную ему отцом моим доверенность следовало заменить новою, уже лично от меня, причем г. Беклемишев взялся по-прежнему собирать с имения доходы и вносить причитающиеся уплаты в Опекунский совет*. Как один из крупных помещиков он принял на себя заведование ничтожной деревушкой в виде одолжения, из приязни к моему отцу. В письмах своих, довольно безграмотных и бестолковых, он заявлял, что за внесением в Опекунский совет ежегодно причитающейся суммы остающийся от доходов с имения небольшой излишек будет доставляться ко мне; но вместе с тем уговаривал меня перезаложить имение с тем, чтобы полученную добавочную сумму употребить на прикупку соседней земли, в видах возвышения доходности имения. Сначала я относился к любезной услужливости соседа с полным доверием; но роль помещика была мне не по душе, и я мечтал о том, чтобы сбыть с рук эту неприятную обузу. Надобно вспомнить, что в то время предпринимались правительством первые робкие попытки к изменению юридического положения крепостных крестьян. Указ 2 апреля 1842 года об обязанных крестьянах[45] оставался почти без практического приложения; но обсуждались новые меры; готовился указ 8 ноября 1847 года о предоставлении крестьянам права приобретать земли в собственность и выкупаться при продаже помещичьих имений[46]. Все эти попытки правительства возбуждали много толков в помещичьей среде, принимались с

---

* В автографе далее зачеркнуто: с удовольствием дал я ему доверенность (6 декабря 1846 г.) *(прим. публ.)*.

явным неудовольствием и раздражением. Благие стремления Императора и настойчивые усилия графа Павла Дмитриевича Киселева встречали упорное противодействие в самом составе высшего правительства. Однако ж было немало и сочувствующих этим стремлениям, горячо желавших избавления русского народа от позорного рабства. Таков был почти весь кружок образованных, развитых людей, в котором я вращался.

В одном из ответных писем г. Беклемишеву[47] (от 30 декабря 1847 г.) я решился высказать ему свое задушевное желание относительно моих Коробок: "Весьма хотелось бы вовсе изъять эту деревеньку из числа помещичьих имений; но она так ничтожна, что сделать это отдельно едва ли будет возможно. В вашей губернии, как слышно, много толкуют об этом предмете; конечно, не под стать мелкопоместному сделать первый шаг; но признаюсь, весьма был бы не прочь сделать все зависящие от меня пожертвования для приведения этой мечты в исполнение..." В ответе своем от 8 февраля 1848 года Беклемишев, не отвергая прямо моей мысли, — как я ожидал, — дал ей такой оборот, что по приведении в порядок моих отношений к Опекунскому совету (подразумевая предполагавшийся перезалог имения) можно будет заключить с крестьянами формальный договор, которым они обязались бы сами вносить ежегодную плату в этот Совет и сверх того уплачивать владельцу условленный оброк. "Берусь вам это устроить, и вы будете первый, положивший первый камень по упрочению крестьян. Хотя имение ваше не большое, но может быть, оно принесет пользы своим примером, неисчислимые в последствиях".

Хотя в письмах своих Беклемишев не раз упоминал об остававшихся у него избытках доходов и спрашивал, как с ними поступать, однако ж я никогда не получал от него ни копейки; но полагал, что по крайней мере платежи в Опекунский совет производились исправно. Каково же было мое удивление, когда узнал я от старосты деревни, что там производилась опись, а вслед за тем и сам Беклемишев в письме настаивал на необходимости неотлагательного перезалога имения для спасения его от угрожавшей продажи с публичного торга. Такое неожиданное известие поколебало мое доверие к нему; я просил у него разъяс-

нения; но в его новых письмах не было прямых ответов на мои вопросы, а вместо того в исходе 1848 года он перезаложил имение; о предполагавшейся прикупке земли уже не было речи. Беклемишев извещал меня, что крестьяне и без увеличения земельных угодий изъявили полную готовность заключить формальный договор с обязательством исправно вносить ежегодную плату в Опекунский совет и сверх того уплачивать владельцу на первое время по 63 рубля в год, а впоследствии, по окончании расчета с Опекунским советом, до 183 рублей. При этом Беклемишев опять морочил меня фразой: "Вы будете первый в губернии, давший звание обязанных крестьян". На все требования мои разъяснить, почему не вносилась ежегодная плата в Опекунский совет и что сделано с полученною из него добавочною ссудой, так и не получил я прямых ответов. А между тем среди крестьян уже пошли толки о том, будто я продаю имение; явились даже покупатели; крестьяне письмами и через посланников в Петербург поверенных умоляли не продавать, ручаясь за исправный взнос платежей. Конечно, я успокоил их, а Беклемишеву написал резкое письмо с требованием возвращения мне данной ему на управление имением доверенности.

В начале 1850 года решился я, по предварительном объяснении с графом Павлом Дмитриевичем Киселевым, предложить Министерству государственных имуществ принять в свое ведение маленькое мое имение, причем предоставил самому министерству определить условия этой передачи, так как единственной моей целью было улучшение положения крестьян. Пошли разные справки, запросы; несколько раз имел я личные объяснения с директором департамента действительным статским советником Холодовским и другими чиновниками министерства. В феврале 1851 года представлено мною письменное обязательство крестьян вносить исправно оброк по 17 рублей 14 копеек с тягла. Дело это, по-видимому такое простое и ясное, не избегло бюрократической проволочки. Только в январе 1852 г. получил я от министерства совершенно излишний запрос: согласен ли я на определенное по капитализации дохода из 6% годовых вознаграждение в 4 тысячи рублей; когда же я повторил первоначальное мое заявление, что

согласен на всякое условие, то мне назначено было (в феврале) вознаграждение в 3750 рублей, а в июне того же года я был приглашен в 1-й департамент министерства для подписания формального акта, взамен купчей. Вслед за тем имение было принято в ведение тульской Палаты государственных имуществ. Определенное же вознаграждение было выдано мне уже в конце года, с большой сбавкой вследствие каких-то расчетов с Опекунским советом: всего получил я сумму в 1730 рублей, которой счел справедливым поделиться с братом Николаем.

Так закончился инцидент 6-летнего моего владения Коробками. Я перестал быть помещиком, душевладельцем, и совесть моя успокоилась.

1846–1847

В зиму 1846–1847 гг. продолжал я усидчиво работать по обеим своим должностям; но работа шла уже гораздо легче прежнего. Второй год преподавания в Военной академии не требовал такого же напряженного труда, как первый; уже не был я новичком в деле; записки для слушателей были составлены и налитографированы по всему курсу. Оставалось впредь только исподволь исправлять их, пополнять или сокращать, освежать новыми данными; сверх того нужно было составить приспособленную к курсу большую стенную карту. Главной же работой, которая в это время наиболее занимала меня, было предпринятое военно-статистическое исследование Прусского королевства и Германского Союза, о чем я уже упоминал выше. Сочинение это готовил я к изданию в течение 1847 года.

Хотя летом 1846 года назначен был адъюнктом по кафедре военной географии капитан Генерального штаба Петр Семенович Лебедев – офицер бойкий, способный, владевший пером, однако ж назначение это нисколько не облегчило моих трудов, которых не мог я делить ни с кем, а подавно с Лебедевым, не отличавшимся основательностью в работе и бравшимся за все с самонадеянной развязностью.

В отчете своем за минувший учебный год, указав на изданное мною исследование значения военной географии и военной статистики, я заявил, что преподаваемому мною курсу, при данном ему новом направлении, было бы соответственнее присвоить название *военной статистики* взамен военной *географии*[48]. Предложение это было принято и конференцией, и начальством Академии; но введено не сразу: в учебном году 1846–1847 в официальном расписании академического курса значились вместе “военная география и военная статистика”, и только в следующем учебном году,

1847—1848, окончательно оставлено за моим курсом одно наименование “военной статистики”.

В том же отчете заявлена мною необходимость пересмотра приемной программы по предмету географии, в которой обыкновенно познания поступавших в Академию офицеров оказывались очень слабыми. Составленная мною и одобренная конференцией новая программа была утверждена к предстоявшему в 1847 году приемному экзамену. Другое предложение мое — ввести на частном годичном экзамене письменные ответы — также было принято и применено к испытаниям в том же 1847 году.

По штабу Военно-учебных заведений к обыкновенным моим текущим занятиям прибавилась новая крупная работа, задуманная генералом Ростовцевым и лично занимавшая его: составлялось общее “Наставление по учебной части военно-учебных заведений”, в котором имелось в виду указать направление и дух преподавания каждого предмета. Статьи для этого “Наставления” составлялись первоначально главными наставниками-наблюдателями по принадлежности, на основании личных указаний Якова Ивановича, который потом пересматривал статьи, исправлял и большею частью переделывал их, вставляя иногда целые собственноручные страницы. К некоторым статьям и я должен был приложить руку, хотя и не разделял во многом взглядов Якова Ивановича. Возражать ему, оспаривать его указания было бы совершенно напрасно; да и сам генерал Ростовцев едва ли был искренно убежден во всем, что считал нужным высказывать. При тогдашнем режиме и духе времени все, что делалось, писалось, говорилось, должно было более или менее носить на себе отпечаток лицемерия и фальши.

В связи с разработкой “Наставления” пересматривались и все программы преподавания, составлялись конспекты и обсуждалось распределение учебных часов. В этой работе я принял деятельное участие и представил генералу Ростовцеву записку, в которой изложил мое мнение о некоторых общих недостатках тогдашнего способа преподавания[49]. Высказанная мною основная мысль состояла в том, что в преподавании у нас преобладало теоретическое учение, затверживание фактов, имен, чисел, слов, правил, и слишком мало времени оставалось ученику, чтобы вдумываться в изу-

чаемое, усвоить себе предмет, приобрести навык к практическому приложению науки. Я настаивал, чтобы учителя более заботились об умственном и нравственном развитии учеников, соответственно возрасту; более давали им случаев *упражняться* и менее затверживать на память; возбуждали бы в них любознательность и т.д. В дополнение к этим общим мыслям приложены были мною более подробные объяснения собственно о преподавании русского языка и истории*. В плане преподавания русского языка я более всего напирал на постепенность практических упражнений, письменных и устных, и на выбор таких тем, которые приучали бы учащихся преимущественно к точности, определительности, систематичности изложения. Что же касается до преподавания истории в средних учебных заведениях, то уже гораздо ранее у меня установился по этому предмету свой особый взгляд. Мне всегда казалось нерациональным прохождение всего курса истории через все классы, от низшего до высшего, в одном общем, последовательном повествовании, без соображения с возрастом учеников. По моим понятиям необходимо подразделить этот курс, так сказать, на три яруса: ограничившись для детского возраста самыми поверхностными, отрывочными, анекдотическими рассказами, пройти затем в средних классах в сжатом очерке весь курс с древних до новых времен, не вдаваясь, конечно, в подробности, но имея преимущественно в виду ознакомить учащихся с постепенным развитием человечества в культурном отношении и заботясь более всего о том, чтобы в памяти учащихся врезалась хронологическая последовательность судьбы народов и государств. Наконец, оставалось бы в высших классах повторить снова весь курс истории, уже более осмысленно с политической стороны, в тех видах, чтобы учащиеся старшего возраста получили по возможности понятие о разных условиях и формах государственного устройства и международных отношений. Такой курс, как мне казалось, восполнил бы, хотя бы в некоторой мере, тот пробел, который замечается в образовании большей части нашей молодежи вследствие исключения политических и юридических наук из учебного плана средних учебных заведений.

---

* В автографе зачеркнуто: политических наук *(прим. публ.)*.

Другая мысль, высказанная в моей записке, заключалась в том, чтобы преподавание географии в низших и высших классах связать с преподаванием истории, так чтобы оба предмета подвигались как бы параллельно, служа друг другу подмогой. Притом я настаивал на том, чтобы учащиеся всегда имели перед глазами карту; чтобы ни один исторический факт не обходился без наглядного указания места действия. В пояснение изложенных мыслей я представил примерный план предполагаемого хода преподавания истории в связи с географией. Эта мысль так занимала меня, что я даже замышлял составить учебник по предложенному плану, но другие занятия отвлекли меня от этой мысли и скоро совсем заглушили ее.

Я.И.Ростовцев, прочитав мои записки, испестрил их своими замечаниями. Нельзя сказать, что в них отвергались мои мнения; напротив того, некоторые из них он вполне одобрял; но в общем находил мои pia desideria* каким-то отдаленным идеалом, недостижимым при тогдашних наших педагогических силах. В общем своем заключении, набросанном по обыкновению карандашом, на последних страницах тетради, генерал Ростовцев высказал свои собственные взгляды на тогдашнее состояние учебной части у нас. Это некоторым образом его profession de foi**, а потому оно заслуживает, как мне кажется, быть приведенным, если не целиком, то в нескольких отрывках: "Много прекрасного, но, к сожалению, много теории, не приспособленной к средствам. Кафтан щегольской, но сшит не по мерке. Где деньги? Где время для наблюдения самостоятельного труда 600 или 1000 мальчиков? Специальность и тонкая отделка суть принадлежность цивилизованного государства; где добросовестность для такой поверки и для такой отчетности? Кто будет направлять? Кто будет следить? Кто будет произносить окончательный приговор? Не созрели мы для такого труда. Прежде всего создайте людей, – а до того ждите".

"Совершенно неожиданно судьба приковала меня к военно-учебным заведениям; я привязался к ним любовно, родственно; из обязанностей моих сделал я дело чести, и лучшие годы мои протекли в этом одностороннем труде. Благодарю

---

* благие пожелания *(лат.)*

** кредо *(фр.)*

Бога, что я еще не совсем устал и не совсем разочаровался, хотя сам удивляюсь, как я доселе не истощился борьбою. Меня поддерживают Бог, честь, любовь к России и Великий Князь. Клянусь честью, что я отдал бы остаток моей жизни в жертву за совершенство военно-учебных заведений и за процветание в них индивидуального, самобытного и самостоятельного образования; но при теперешних условиях военно-учебных заведений и России, оно еще недостижимо".

"Может быть, многие называют меня упрямцем или невежею; может быть, также будут судить обо мне и наши преемники, не зная нынешнего, современного нашего быта; но потомство для меня — в моей совести: тут и Бог, тут и отечество, тут и история..."

"Я бы мог пускать пыль в глаза и блистать отчетами; мог бы обнародовать новые теории воспитания для военно-учебных заведений, которые без средств исполнения существовали бы только на бумаге; но я никогда не унижусь до шарлатанства, которое уверяет других в том, в чем не уверен; и потому мне только остается жалеть, что многое справедливое и прекрасное не может быть выполнено при мне, и радоваться за того из моих преемников, при ком *идеал мой* осуществится..."

В этих строках сквозит уколотое самолюбие человека, который посвятил значительную часть жизни на созидание строения и которому указывают недостатки и несовершенства его произведения. Вовсе не с тем, конечно, писал я, чтобы критиковать военно-учебные заведения и выставлять их недостатки; я считал своим служебным долгом представить откровенно личное мнение по вопросу, поднятому самим же генералом Ростовцевым, и признаться не отдавал себе полного отчета в том, что предлагаемые мною изменения в преподавании могли показаться ему каким-то недосягаемым идеалом. Если действительно и трудно было достигнуть сразу такого идеала, то все-таки важно было уже то, чтобы знать, к какому идеалу следовало стремиться при постоянном, обязательном движении вперед. Так я и смотрел на предлагаемые мною изменения в системе преподавания; от начальства зависело принять или отвергнуть указанную дорогу.

Спешу оговориться, что рассказанный инцидент, затронувший, по-видимому, самолюбие моего начальника, не имел решительно никаких не выгодных для меня послед-

ствий и не оставил в нем ни малейшей горечи. И после того генерал Ростовцев продолжал оказывать мне по-прежнему самое доброе расположение и любезность; даже, может быть, еще укрепились наши личные отношения. В семье его я был принят весьма радушно. Я.И.Ростовцев умел быть приятным начальником и подкупал подчиненных своей заботливостью об их нуждах и служебных интересах. После неудавшегося в прошлом году представления генерала Сухозанета о моем производстве в полковники, Яков Иванович взялся поправить дело к Пасхе 1847 года, несмотря на то, что по правилам о наградах полученный мною взамен чина орден составлял теперь препятствие к новой награде ранее установленного срока. Ходатайство генерала Ростовцева имело более веса, чем всякого другого; он умел пустить в ход все пружины, заинтересовать всех, от кого зависел успех, пользуясь своими связями и влиянием. Недели за две до Пасхи он уведомил меня, что "все дали слово", а в самый день Светлого Воскресения получил я от него такую любезную записку:

"От всей любящей вас души поздравляю вас, мой добрый и милый Д.А.; поцелуйте за меня ручку у полковницы.

Надежно вам преданный Я.Р."[50]

Выше уже было замечено, что в зиму 1846—1847 гг. служебные мои занятия как по Военной академии, так и по Военно-учебным заведениям вошли, так сказать, в нормальную колею, и хотя работы было у меня не менее прежнего, но дело велось спокойно, без суеты; а потому я мог располагать своим временем и находил возможным кое-когда пользоваться обществом, преимущественно в среде ученых и литераторов*. Со многими из них привелось познакомиться и сблизиться у брата Николая, у которого часто собирались по вечерам прежние наши общие приятели: И.П.Арапетов, А.П.Заблоцкий, граф Ив<ан> Петр<ович> Толстой, Любимов, Крюковской и другие. К этому интимному кружку постепенно примыкали некоторые другие лица. В числе наиболее выдающихся был Ник<олай> Ив<анович> Надеждин, с которым брат Николай сошелся по редакции "Журнала Министерства внутренних дел"[51]. Это был человек замеча-

* В автографе далее зачеркнуто: и вообще людей интеллигентных *(прим. публ.)*.

тельный по своей обширной учености, начитанности, широкому взгляду на вопросы научные и государственные. Можно было заслушаться его широковещательных разглагольствований по всякому предмету, какой бы ни был затронут. Надеждин жил вместе с профессором Петербургского университета (по кафедре русского гражданского права) Конст<антином> Алексеев<ичем> Неволиным – ученым юристом, крайне скромным и* благодушным. Квартира их находилась около Владимирской церкви, недалеко от жилья моих братьев, и потому виделись они часто. У Надеждина собирался преимущественно кружок русских молодых ученых: профессор Вас<илий> Вас<ильевич> Григорьев – ориенталист (с которым, впрочем, мы не очень симпатизировали), Пав<ел> Степ<анович> Савельев, Вл<адимир> Иванович Даль, Вал<ерий> Вал<ерьевич> Скрипицын, Ив<ан> Петр<ович> Сахаров и другие. Познакомился я также через брата с академиком П.И.Кеппеном (с которым брат некогда путешествовал по Крыму), с профессором энциклопедии права Петр<ом> Григ<орьевичем> Редкиным, статистиком Григ<орием> Павл<овичем> Небольсиным, Конст<антином> Ст<епановичем> Веселовским (будущим непременным секретарем Академии наук), с братьями Ханыковыми (Яковом и Николаем), профессором статистики Викт<ором> Ст<епановичем> Порошиным и т.д. С Андр<еем> Алекс<андровичем> Краевским я был знаком уже прежде, как по его приятельским отношениям с Заблоцким, так и по прежнему его званию преподавателя в Павловском кадетском корпусе и, наконец, по редакции "Отечественных записок"[52]. Несколько позже присоединился к тому же кружку и Конст<антин> Дм<итриевич> Кавелин, оставивший в 1848 году кафедру в Московском университете. На вечерних сборищах этого кружка велась обыкновенно занимательная беседа о вопросах науки и искусства, всегда оживленная, часто с примесью шутки и забавных рассказов. Представителем юмористического, веселого элемента был Ив<ан> Ив<анович> Панаев, получивший позже некоторую известность литературную.

* В автографе далее зачеркнуто: и тихим, в противоположность своему сожителю *(прим. публ.)*.

Многие из названных лиц принимали в то время деятельное участие в только что образовавшемся “Русском географическом обществе”. Первая мысль об учреждении этого общества зародилась в 1844 году в кружке некоторых наших академиков и ученых-путешественников (Бэр, Миндендорф, В.Я.Струве, адмиралы Литке и барон Врангель); в 1845 году утвержден был временный устав нового Общества; звание председателя его принял Великий Князь Константин Николаевич, который тогда был еще 18-летним юношей; в действительности же во главе Общества стал воспитатель его и попечитель адмирал Литке, с званием помощника председателя, известный уже своими морскими путешествиями в Тихий океан и в полярные моря. Членами совета Общества и главными заправилами были преимущественно те же ученые, которым Общество было обязано своим зарождением: академики Бэр, Миндендорф, Струве и другие. Таким образом, новое Общество было “русским” только по названию; преобладающая в нем роль принадлежала старым академикам-немцам. Только в звании секретаря стоял человек русский, еще молодой, одушевленный самыми благими намерениями и неутомимый работник – Александр Васильевич Головнин, сын известного моряка, мореплавателя, служивший в то время при Великом Князе Константине Николаевиче по морскому ведомству и пользовавшийся лично особенным расположением молодого Великого Князя. Желая оживить Географическое общество и возбудить сочувствие к нему в русской публике, Головнин старался привлечь к участию в его деятельности свежие силы и для того склонял к поступлению в число членов русских молодых людей, выдающихся своим образованием или дарованиями. Такой цели как нельзя более соответствовал лицейский его товарищ Як<ов> Вл<адимирович> Ханыков – человек живой, увлекающийся, одаренный блестящими способностями и страстно желавший ученой известности. Как он, так и брат его Николай Владимирович и некоторые другие из названных выше молодых русских ученых поступили в члены Общества; в декабре 1846 года также избраны в число членов мой брат Николай и я.

В первое же после того общее собрание Общества, в начале 1847 года[53], явились мы в среду его как усердные адепты, горевшие желанием принести посильную лепту *отечествен-*

ной науке. Собрание было многочисленное и самое пестрое. Наш кружок почти весь находился тут в сборе. В программе заседания значился между прочим реферат нашего приятеля Як<ова> Вл<адимировича> Ханыкова, который вызвался сделать первый шаг деятельного участия русских молодых сил в трудах Общества. Мы все, конечно, считали себя солидарными с ним, хотя в сущности не познакомились даже предварительно с приготовленной Ханыковым запиской. Поднятый им вопрос относился к научной географической терминологии. Ханыков указывал на недостаточную точность терминов, употребляемых для обозначения видов и свойств местности; приводил пример множества существующих в народном языке слов для специального обозначения известных видов местностей, тогда как наука довольствуется каким-нибудь одним общим термином для выражения понятий весьма разнообразных. Заключением записки было предложение Обществу заняться предварительно сбором означенных местных терминов, употребляемых в разных частях России, как материала для установления затем более точной географической терминологии. Прочитанная Ханыковым записка была встречена враждебно присяжными немецкими учеными. В немногих замечаниях, высказанных некоторыми из них, ясно сквозил протест: как смеют соваться в дело специалистов какие-то молодые, неизвестные дилетанты!* Самолюбие нашего молодого кружка было затронуто за живое. По окончании заседания, когда собрание раздробилось на отдельные группы, около Ханыкова стеклось множество членов, возмущенных высокомерным отношением ученых специалистов к попытке не принадлежавших к их касте членов Общества служить целям его, работать на обширном поприще географии России. Горячо высказывалось негодование против этой исключительности немецких ученых, и вот образовалась против них многочисленная коалиция с целью низвергнуть их преобладание в делах Общества. Война с “немцами” была решена.

---

* Кроме того, немецкие ученые, как кажется, поняли предложение Ханыкова в смысле желания обруссить научную терминологию. К такому предположению дает повод тот факт, что позже, когда образовалась особая комиссия для разработки поднятого вопроса, комиссия эта получила от адмирала Литке запрос: как перевести по-русски слово *Erdkunde*, взамен географии?..

В совещании, происходившем потом в нашем кружке, положено было во что бы ни стало поддержать общими силами предложение Ханыкова и настоять на принятии его советом Общества. Для открытия кампании признано было нужным внести в совет коллективную от имени нескольких членов записку, в которой мысль Ханыкова была бы развита обстоятельнее, дабы устранить всякие недоразумения и превратные толкования. Редактирование этой записки было возложено на меня; несколько раз собирались у меня главные заинтересованные лица для обсуждения окончательной редакции, и наконец 31 марта записка пущена в ход[54]. Совет, несмотря на оппозицию некоторых членов, не мог найти благовидных поводов к отказу, и результатом этой бури в стакане воды было образование особой комиссии для разработки предложенного Ханыковым вопроса о “географической терминологии”. Сколько мне помнится, в состав этой комиссии были выбраны, кроме самого Ханыкова и меня, Конст<антин> Степ<анович> Веселовский, Викт<ор> Степ<анович> Порошин и еще кое-кто. Главным деятелем в этой комиссии, конечно, был Ханыков; он принял на себя лично все распоряжения для предварительного сбора сведений об употребляемых во всех частях России терминах для обозначения разнообразных видов и свойств местности. Составлено было от имени комиссии воззвание ко всем ревнителям отечественного просвещения с приглашением доставлять в Общество означенные сведения. Первоначально оно было напечатано в “Петербургских ведомостях” (1847 г. № 126), а потом и в других газетах, а также разослано повсеместно в отдельных листках. Работа затянулась, и как обыкновенно бывает у нас, русских, после горячего страстного приступа первый пыл скоро остыл, мало-помалу дело заглохло и потом совсем позабыто.

Однако ж возгоревшая в Обществе междоусобная война не прекратилась. По всякому поводу, при каждом новом вопросе проявлялся антагонизм и велась борьба между двумя лагерями. Но так как в течение летнего времени деятельность Общества прерывалась и заседания возобновлялись только осенью, то я оставлю пока дела Общества и возвращусь к своим служебным занятиям.

С прекращением лекций в Военной академии и экзаменов в военно-учебных заведениях снова предстояло мне про-

вести лето — уже третье — в Петергофе. На этот раз нашел я помещение несколько комфортабельнее прежних, также в Старом Петергофе, у садовника, при самом входе в Английский парк. Занятия мои в Петергофском лагере шли так же, как и прежде; но с каждым годом они все более регулировались, хотя результаты все-таки были очень слабые по чрезвычайной краткости уделяемого на работы времени. В этом году довольно заметное распространение получили инженерные работы, благодаря живому участию, принятому начальником Инженерного училища генерал-майором Ломновским, который усердно помогал мне всеми средствами. С его содействием произведен был, в июле месяце, маленький маневр за Английским парком, у Охотничьей слободы, с наводкой моста и переправой; велись саперные работы и т.д. Император постоянно оставался доволен смотрами, учениями и занятиями кадетов.

В это лето началось мое сближение с Александром Петровичем Карцевым, который был назначен (в начале августа) адъюнкт-профессором Военной академии по предмету тактики. Он был тогда женихом старшей дочери директора Дворянского полка генерала Пущина, Екатерины Николаевны*, и часто навещал семейство Пущиных, проводившее лето на даче между Петергофом и Ораниенбаумом. Я бывал у них, объезжая топографические работы воспитанников. Там же жил академик Ленц, с которым приходилось мне иметь сношения по его званию главного наблюдателя за преподаванием естественных наук в военно-учебных заведениях. Прекрасная семья Пущиных составляла целый пансион девиц разных возрастов. Все дочери выросли под непосредственным попечением умной и почтенной матери Эмилии Антоновны (состоявшей впоследствии, после смерти мужа, директрисой Патриотического института). Старшая из дочерей, тогда невеста, была очень умная и симпатичная девушка.

По окончании летних занятий в Петергофском лагере и переселении в Петербург снова принялся я за работу по Военной академии и по учебному отделению. В это время отпечатан 1-й том моего сочинения "Первые опыты воен-

* Она была собственно падчерицей Николая Николаевича Пущина, т.е. дочь Эмилии Антоновны Пущиной от первого брака.

ной статистики", заключавший в себе вступительную статью (о которой уже было говорено) и очерк политического и военного устройства Германского Союза. Я решился выпустить этот первый том, не ожидая отпечатания второго, в котором заключалась военная статистика Пруссии.

Выпуск офицеров из Военной академии в этом году был удачнее многих предшествовавших. В первый раз на выпускных экзаменах введена была, по моему предложению, оценка письменных работ офицеров на заданную тему. Некоторые из представленных сочинений по военной статистике оказались весьма удовлетворительными. Замечательно, что лучшими признаны были работы тех именно офицеров, которые впоследствии достигли по службе наиболее видных положений: штабс-ротмистра гвардейского Гродненского гусарского полка Казнакова, поручика одного из армейских гусарских полков Цимермана, поручика л.-гв. Конно-гренадерского полка Лошкарева и подпоручика л.-гв. Литовского полка Батезатула (брата выпущенного в 1845 году).

В заключение остается мне упомянуть, что в 1847 году мой брат Владимир окончил с замечательным успехом курс в университете. Решившись посвятить себя научной деятельности, он начал готовиться к магистерскому испытанию. Серьезные занятия историко-юридические не мешали ему зарабатывать себе хлеб трудами литературными, преимущественно для редакции "Современника". Он был деятельным сотрудником этого журнала и близко сошелся с редактором его Некрасовым. В "Современнике"1847—1854 годов можно найти много статей покойного моего брата, преимущественно по отделу литературной критики. Что касается до меньшого брата Бориса, то в это время он уже перешел в университет, также на юридический факультет.

1847–1848

С наступлением третьего учебного года моего преподавания в Военной академии оказалось нужным заново пересмотреть и налитографировать записки почти по всему курсу. При этом я старался, для облегчения своих слушателей, сколь возможно уменьшить объем записок, пожертвовав некоторыми частями курса и сжав редакцию, так что в результате достигнуто сокращение на 100 листов (с 220 доведено до 126). По самому свойству преподаваемого мною предмета необходимо было ежегодно освежать курс введением в него новейших данных о современном состоянии военных сил каждого государства; а такая задача была не легкая: для получения сведений об иностранных армиях я должен был обращаться с личными просьбами то в департамент Генерального штаба, то в канцелярию Военного министерства. В то время хотя и состояли при некоторых наших посольствах военные лица с званием "военных корреспондентов" (в Париже – полковник Глинка, в Берлине – генерал-майор свиты граф Бенкендорф, в Вене – полковник граф Стакельберг, в Стокгольме – генерал-майор Бодиско, в Константинополе – полковник граф Остен-Сакен), но в самом министерстве Военном часть военно-статистическая вовсе не была организована. Доставляемые по временам означенными лицами кое-какие записки о переменах в иностранных армиях считались секретными* и оставлялись без всякого употребления.

Надобно вспомнить, что 1848 год был эпохою бурных политических переворотов в Западной Европе. С самого начала года произошли такие перемены в некоторых государствах, что вся моя работа по военной статистике могла потребовать капитальной переделки. Однако ж это не помешало

* В автографе далее зачеркнуто: и сдавались в архив *(прим. публ.)*.

мне выпустить в мае месяце отпечатанный к тому времени 2-й том сочинения "Первые опыты военной статистики", заключавший в себе исследование военных сил королевства Прусского. В предисловии к этому тому было высказано, что именно вследствие означенных внезапных переворотов исследования военно-статистические приобретали практическое значение. "Военно-статистическое изучение европейских государств, имевшее прежде занимательность только для немногих, как предмет специальный, теперь должен получить живой интерес для каждого, кто следит за событиями современными"[55]. Так оправдывал я выпуск своей книги в то время, когда можно было ожидать значительных изменений в действительном положении государств. При этом высказывалось, что сущность науки заключается не в самом факте современности, а в тех выводах, которые извлекаются из сопоставления фактических данных; что к тому же главною целью предпринятого мною "Опыта" было — "показать в чем, по моему мнению, должна состоять военная статистика и каких результатов можно ожидать от этой отрасли статистических исследований"[56].

Немедленно по выпуске второго тома моих "Первых опытов военной статистики" экземпляры обоих изданных томов были представлены начальству, Особам Императорской фамилии и самому Государю, а впоследствии (в январе 1849 года) мой труд был представлен в Академию наук для соискания Демидовской премии. Начальство выразило свое одобрение денежною наградой (в 400 рублей); Академия же наук присудила (17 апреля 1850 г.) половинную Демидовскую премию.

Усиленные работы, как служебные, так и ученые, не оставляли много досужего времени. Несмотря на то, я продолжал принимать деятельное участие в делах Русского географического общества. Между прочим, я был назначен, вместе с В.С.Порошиным, в состав комиссии, составленной под председательством Ф.И.Прянишникова (главноначальствующего почтовой частью) и по его инициативе, для проведения в известность всего числа учащихся в учебных заведениях всех ведомств. Составленная нами программа вопросных пунктов, по которым признавалось нужным собрать сведения, была опубликована и разослана во все ведомства; но какие были результаты этого запроса — осталось

мне неизвестным. Более животрепещущим вопросом был предпринятый пересмотр устава Географического общества. Служивший до тех пор временный устав сосредоточивал всю деятельность Общества в его совете, то есть в том кружке "ученых", которыми Общество было основано и которые считали себя исключительно призванными к делу, представляя всему остальному составу Общества (быстро возраставшему) как бы роль публики, доставляющей денежные средства и присутствующей в общих собраниях. С истечением трехлетнего срока действия временного устава совет пригласил членов Общества доставить не позже 15 января 1848 года мнения о требуемых в устав изменениях, а 3 декабря 1847 года происходило в общем собрании избрание членов в состав особой комиссии, на которую возлагался самый пересмотр устава, под председательством Ф.П.Литке. В число избранных в комиссию четырех членов поступил и я. На меня выпал жребий быть как бы делегатом всего нашего кружка при решении вопроса, возбуждавшего общий интерес и существенно важного для будущего направления деятельности Общества. Лица, особенно принимавшие к сердцу это дело, собирались у меня для совещаний. В одном из этих совещаний, в начале января 1848 года, было положено представить совету коллективное мнение нескольких членов нашего кружка о главных основаниях, на которых признавалось желательным изменить временный устав. Первыми пунктами было постановлено: определить положительно круг действий совета как органа административного, распорядительного, с предоставлением самому Обществу, в общих собраниях или в отделениях, решать все ученые вопросы, предприятия, предложения членов и все те случаи, которые уставом не определены. Все прочие пункты составленной записки были только последствием основной мысли — расширить на больший круг членов участие в ученой деятельности Общества. Редактированная мною в таком смысле записка, подписанная почти всем нашим кружком, была внесена в комиссию[57]; всего же поступило заявлений более чем от 50 членов. Составление из всех этих мнений общего свода было возложено на меня. По многим пунктам оказалось внушительное единогласие, как, например, относительно точного определения круга действий совета, занятий отделений и общего

собрания, порядка избрания членов совета, председателей отделений, ученого секретаря и т.д. Вообще мнение, высказанное первоначально в нашем кружке, получило сильную поддержку. Более половины заявленных мнений касалось изменения самого разделения Общества на социальные отделения: взамен прежних отделений — 1) географии общей, 2) географии России, 3) статистики России, 4) этнографии России и двух особых комитетов: по географии математической и географии физической, — предлагалось деление на отделения: математической географии, физической географии, статистики и этнографии.

Несмотря на выразившееся ясно направление мнения большинства членов, наиболее интересовавшихся судьбою Общества, в комиссии, председательствуемой адмиралом Литке, возникли разногласия по многим существенным пунктам, и начались упорные прения. Окончательный протокол комиссии был составлен в таком смысле, что я должен был отказаться подписать его. Тем не менее протокол этот был разослан в июле 1848 года всем членам Общества с приглашением доставить заключения не позже 20 августа того же года. Однако ж дело так затянулось, что только два года спустя доведено было до конца; а потому я должен буду возвратиться к нему в свое время.

Скромная деятельность, научная и учебная, которой я предался в описываемый период моей жизни, вполне соответствовала моим склонностям. Чуждый всякого честолюбия и тщеславия, я был вполне доволен своим положением, не помышляя ни о какой перемене, и находил единственное счастье в своей семье, постепенно возраставшей. 19 февраля 1848 года (в четверг масленицы, в тот самый день, когда вспыхнула в Париже революция) жена моя родила.третьего ребенка — дочь Ольгу. Роды совершились не только благополучно, но необыкновенно легко, без всякой врачебной помощи. Новорожденный ребенок был замечательно здоровый и сильный. Но прежде чем жена оправилась от родов, встревожила нас опасная болезнь сына, у которого случился круп. Обстоятельство это замедлило крестины новорожденной дочери; обряд этот совершился только 19 апреля — в годовщину счастливого дня нашей помолвки. Восприемниками были брат Николай и сестра.

1848 год памятен жителям Петербурга появлением холеры, которая свирепствовала почти все лето, как в городе, так и в окрестностях. Эпидемия заставила в этом году отменить лагерный сбор военно-учебных заведений в Петергофе; воспитанники были все распущены к родителям; а потому и я освободился от своих лагерных обязанностей. Со всей семьей остался я на лето в Петербурге. Наше жилье, на окраине Васильевского острова, было более похоже на подгородную дачу, чем на городской дом; дети проводили целые дни в нашем крошечном садике. На эпидемию мы как-то не обращали внимания, хотя ежедневно мимо наших окон следовали один за другим погребальные поезда на Смоленское кладбище. Однако ж страшная гостья сочла-таки нужным и нам напомнить о себе. Однажды, среди ночи, жена моя почувствовала приступ холеры. К счастью, твердость ее характера предупредила развитие болезни; не потеряв ни на минуту присутствия духа, она сама распорядилась немедленно принять надлежащие меры и к прибытию врача была уже вне опасности. Тем не менее я пережил в эту ночь несколько очень тяжелых часов.

В конце июля жена моя решилась погостить некоторое время, со всеми тремя детьми, в Павловске, в семье генерала Шуберта. Я же оставался в городе и только изредка навещал свою семью. При всем уважении к добрейшей старушке Мине Федоровне Шуберт (сестре генерала) и чувстве благодарности ко всем членам этой семьи за постоянное их дружеское отношение к моей жене, признаться, я неохотно бывал в их доме, чувствуя непреодолимую антипатию к главе семьи — неприветливому, бессердечному старику-эгоисту.

Пробыв в Павловске около трех недель, моя семья во второй половине августа возвратилась в город, и вслед за тем начались у нас хлопоты переселения на новую квартиру. Домик, в котором мы прожили более трех лет, становился уже слишком тесным с увеличением семьи; в зимнее время он худо нагревался. К счастью, нашлась очень хорошая и недорогая квартира, на самой набережной Большой Невы, на углу 13-й линии, в доме Усова, насупротив Морского кадетского корпуса. Хотя она находилась в 3-м этаже, но в нее вела чистая, светлая и удобная лестница. Все помещение имело весьма опрятный вид и удобное, простор-

ное расположение. В том же доме, этажом ниже, поместились Карцовы. Это было соседство весьма приятное; жена моя, домоседка и не любившая выездов, находила всегда приятное сообщество с умной и практичной соседкой. Скоро они подружились и часто проводили вдвоем целые вечера. И я, с своей стороны, мог отводить душу в приятельской беседе с умным и прямодушным товарищем.

На новоселье мы водворились очень комфортабельно; жена, со свойственной ей распорядительностью и практичностью, умела устроить новую нашу домашнюю обстановку самым экономичным образом. Но к крайнему огорчению моему, с наступлением осени возобновились у нее прежние невралгические боли в голове, и никакие врачебные средства не унимали страшных ее страданий, пока они не утихали наконец сами собой.

По заведенному порядку весь сентябрь месяц и часть октября были поглощены у меня экзаменами в Военной академии. Выпуск в этом году был малочисленный — всего 13 офицеров; но из этого небольшого числа шестеро попали в разряд отличных. Первым стал л.-гв. Измайловского полка штабс-капитан Гасфорт (сын генерал-губернатора Западной Сибири, состоявший впоследствии военным агентом в Италии и кончивший жизнь в психическом расстройстве); из прочих достигли по службе видного положения П.Д.Зотов, Дандевиль, Гершельман, Богуславский.

Среди самых экзаменов Военная академия утратила достойного своего вице-директора генерал-лейтенанта Карла Павловича Ренненкампфа, скончавшегося 11 сентября вследствие тяжкой болезни. Должность эту он занимал в продолжение 14 лет; отличался чрезвычайно мягким характером и хотя через это поставил себя совершенно в пассивное положение, подчиняясь смиренно и беспрекословно всем самодурствам генерала Сухозанета, однако ж приобрел своей добротой любовь всех подчиненных. Кажется, никогда и никому не причинил он ни малейшего огорчения. Место его занял такой же добрый и так же трепетавший перед Сухозанетом полковник Густав Федорович Стефан, поступивший в Военную академию в одно время с генералом Ренненкампфом, в должность начальствующего штаб-офицера, в которой и оставался до вступления в должность вице-директора. В этой последней он был утвержден в декабре того же

года с производством в генерал-майоры. Вся наша Академия радовалась такому выбору; все знали вперед, что управление Густава Федоровича Стефана будет как бы продолжением кроткого управления покойного Карла Павловича Ренненкампфа. Доброта и гуманность вице-директора смягчали некоторым образом суровый терроризм директора.

В том же году произошли и некоторые другие перемены в личном составе Военной академии. Еще в начале года оставил ее полковник князь Николай Сергеевич Голицын, занимавшийся 14 лет преподаванием военной истории и стратегии; он вышел в отставку с чином действительного статского советника и получил место директора Училища правоведения*. Капитан Лебедев заместил профессора Бутырского на кафедре русской словесности, оставаясь однако же до истечения года адъюнктом по военной статистике. Правитель канцелярии капитан артиллерии Силич, бывший дотоле в большой милости у генерала Сухозанета, вдруг чем-то навлек на себя его гнев и в мае месяце уволен от этой должности, но оставался еще некоторое время преподавателем артиллерии. Место правителя дел занял штабс-капитан Генерального штаба Сакович. На оставленную Стефаном должность начальствующего штаб-офицера поступил бывший адъютант Академии капитан л.-гв. Измайловского полка Майков (родной брат моего первого начальника в гвардейской артиллерии), с переименованием в подполковники, а вместо него адъютантом назначен поручик Преображенского полка Костомаров. О некоторых еще переменах, последовавших в конце года, скажу в своем месте.

---

* Князь Н.С.Голицын поступил на место умершего Пышмана. Предпринятая князем Н.С.Голицыным работа по курсу военной истории так и осталась недоконченной. В течение семи лет он довел свой труд только до походов Юлия Цезаря; такая мечтательность в работе навлекла на него неудовольствие начальства; да и сам он сознавал, что многолетний труд его не удался. Три года спустя (в 1851 г.), по увольнении князя Голицына от должности директора Училища правоведения и перечислении его снова в военную службу (по Генеральному штабу), он возвратился на досуге к прерванной работе и благодаря своей замечательной усидчивости довел свой труд до войн конца XVIII столетия. Составленный им объемистый курс военной истории издавался в 17 томах с 1872 по 1878 г.

1848–1849

В сентябре 1848 года скончался известный наш военный историограф генерал-лейтенант Михайловский-Данилевский, занимавшийся официально, по Высочайшему повелению, описанием войн, веденных Россиею в новейшие времена. Император Николай Павлович лично интересовался этой работой, сам прочитывал в рукописи труды генерала Михайловского-Данилевского, который обрабатывал последовательно одну кампанию за другой, с замечательной регулярностью: ежегодно, в известные сроки, к торжественным дням, подносил он на Высочайшее воззрение новый том своих произведений. Каждый раз автор получал какую-нибудь награду; сочинение печаталось на отпускаемые ему суммы, и затем выручка от продажи книг обращалась в пользу сочинителя. Таким порядком генерал Михайловский-Данилевский успел в течение около 15 лет (с 1831* по 1846 г.) описать все войны царствования Императора Александра I. Каковы были эти сочинения — считаю излишним говорить; способ и условия работы неизбежно должны были отзываться на произведениях. По выпуске в 1846 году последнего сочинения о кампании 1806—1807 годов генерал Михайловский-Данилевский приступил к описанию войны 1799 года в царствование Императора Павла I; но на этот раз болезненное состояние и упадок сил не допустили его справиться с работой так же живо, как с прежними: он успел составить только 13 коротеньких глав, в которых излагались (весьма поверхностно) обстоятельства, предшествовавшие началу военных действий. Эти главы, составлявшие 1-ю часть сочи-

* В этом году вышли “Записки о кампании 1814 и 1815 годов”, а вслед за тем: “Записки о войне 1813 года”. Эти “Записки” и были началом его исторической деятельности.

нения, были уже подготовлены совсем начисто, вероятно, для поднесения к предстоявшему Николину дню. Неумолимая смерть прервала работу на этой первой части.

Приискивая преемника генералу Михайловскому-Данилевскому для продолжения начатой работы, военный министр князь Чернышев остановил свой выбор на мне. Полагаю, что этот выбор был подсказан ему бароном П.А.Вревским, который относился ко мне всегда с большим вниманием и любезностью. 28 сентября он объявил мне лично о намерении князя Чернышева и спросил, согласен ли я принять предположенное поручение. На другой же день я ответил барону Вревскому письмом[58], что принимаю лестное предложение и постараюсь оправдать его выбор; но объяснил при этом, что возлагаемая на меня новая работа неизбежно потребует освобождения меня хотя от одной из занимаемых мною должностей. Предоставив самому начальству решать, на которой из этих двух должностей будет признано более полезным меня оставить, я вместе с тем выразил надежду на возмещение той части содержания, которая отпадает с покидаемой должностью. После нескольких новых объяснений с бароном Вревским мне было объявлено решение министра — удержать меня на месте профессора в Военной академии, а взамен покидаемой должности начальника отделения в штабе Военно-учебных заведений зачислить меня в число состоявших при Военном министерстве для особых поручений, с тем же содержанием, которое получал я по должности начальника отделения*. Все это дело решилось с ведома генерала Ростовцева, так что последний не мог иметь никакого против меня неудовольствия; напротив того, он отнесся вполне сочувственно к предстоявшей мне новой деятельности и только выразил желание, чтобы я не совсем покинул ведомство Военно-учебных заведений, а продолжал, по мере возможности, быть ему полезным, оставаясь членом учебного комитета, на что я охотно согласился.

---

* Содержание это составляло 1401 рубль, так что вместе с профессорским окладом и за вычетом 200 рублей, ежегодно обращавшихся в уплату долга, сделанного мною еще в 1843 году, при назначении на Кавказ, действительно получал я всего 2791 рубль в год. Означенный вычет прекратился лишь в 1853 году, т.е. с истечением 10-летнего срока, в который долг был погашен.

А.И.Михайловский-Данилевский

О новом назначении моем “для особых поручений при военном министре” объявлено было в приказе 26 октября 1848 года; за мною оставили звания профессора Военной академии и члена учебного комитета. Тем же приказом назначен, вместо меня, управляющим учебным отделением капитан Карцов, также с оставлением адъюнкт-профессором Военной академии. Таким образом, ровно три года продолжалось мое управление учебным отделением. Покидая эту должность, я рад был, что приходилось передать дело в руки такого дельного и добросовестного преемника, каков был А.П.Карцов*. Между тем, от военного министра получил я

* В автографе далее зачеркнуто: живя с ним в одном доме, мы имели все удобства, чтобы сговориться обо всех подробностях ведения дел *(прим. публ.)*.

предписание (от 2 ноября), в котором сообщалось мне формально о Высочайше возложенном на меня поручении “продолжать занятия покойного генерала Михайловского-Данилевского по описанию войн российской армии”, причем поставлялось в обязанность *докончить* начатую “историю войны Императора Павла I против Французской республики”, а затем представить программу дальнейших военно-исторических работ. В предписании упоминалось, что я должен принять по описи, от капитана Генерального штаба Залесского, состоявшего при покойном генерале Михайловском-Данилевском для сбора материалов, все находившиеся у него рукописи, дела, книги, карты, полученные как из государственных архивов и библиотек, так и от частных лиц[59].

В исполнение этого предписания приступил я немедленно к приему от Залесского означенных материалов, собранных в большом количестве. Главная масса рукописных документов оказалась из Архива Министерства иностранных дел; из некоторой части материалов были подготовлены выписки. Необширная моя комната наполнилась целыми тюками. 1 декабря я донес военному министру о приеме материалов по приложенным описям; вместе с тем просил об открытии мне доступа в разные архивы и о выдаче из них материалов, в которых может еще оказаться надобность в дополнение к собранным уже покойным Михайловским-Данилевским. Просьба моя была немедленно удовлетворена благодаря любезному содействию барона Вревского, через посредство которого велись все мои служебные сношения с министром[60]. По распоряжению Вревского назначен мне хороший писарь из канцелярии Военного министерства, а для черчения карт и планов — топограф (Николаев) из Военно-топографического депо. Что же касается до капитана Залесского, то вскоре, по передаче мне материалов, он уехал в отпуск, а потом (в июне 1849 года) совсем был отчислен из моего распоряжения и отправился в действующую армию.

Прежде всего, конечно, предстояло мне пересмотреть и рассортировать принятую массу материалов. При всем видимом обилии, их потребовалось еще пополнить весьма значительно, а для этого я должен был пересматривать описи архивов, каталоги библиотек и Военно-топографического депо. Некоторые лица, ссудившие покойного генерала Михайлов-

ского-Данилевского фамильными документами, потребовали возвращения их; в том числе, по настоятельному требованию министра юстиции графа Панина я должен был возвратить ему, через М.И.Топильского, рукописи (в трех книгах) отца графа Виктора Никитича, бывшего в царствование Императора Павла I посланником в Берлине. Иначе поступил генерал-адъютант князь Александр Аркадьевич Суворов: он не только изъявил полное согласие на оставление находившихся у меня рукописей знаменитого его деда до минования в них надобности, но еще доставил мне некоторые дополнительные бумаги[61].

Принявшись за работу нового рода, я, однако же, не разорвал своих отношений с ведомством Военно-учебных заведений. Как уже упомянуто выше, за мною оставалось звание члена учебного комитета; а потому я продолжал каждую субботу вечером являться в заседание у Я.И.Ростовцева, который по-прежнему оказывал мне самое любезное внимание и по временам давал мне кое-какие поручения по учебной части. Мало того, он еще пожелал, чтоб я принял на себя новую обязанность — члена в учреждавшемся в то время другом учебном комитете при Главном управлении путей сообщения и публичных зданий. Стоявший во главе этого ведомства всесильный граф Клейнмихель обратился к Я.И.Ростовцеву с просьбою помочь приведению в лучшее устройство Института путей сообщения и Строительного училища. Польщенный таким приглашением, генерал Ростовцев принялся за это дело с обычным жаром и увлечением. Но в какой форме могло проявиться вмешательство его в дело постороннего ведомства? Не желая связать себя какими-либо обязательными отношениями и стать некоторым образом в положение подчиненное, он придумал такое средство: предложить графу Клейнмихелю образовать учебный комитет частью из чинов Корпуса инженеров путей сообщения, частью из членов посторонних; в число последних и предложил назначить, кроме меня, состоявших при Военно-учебных заведениях главных наставников-наблюдателей. Сам Яков Иванович, не приняв на себя официально звания председателя комитета, вызвался председательствовать неофициально, по крайней мере, на первое время, пока будет

это нужно для надлежащего направления занятий комитета, с целью провести через него все главные вопросы по предположенному переустройству учебной части в означенных заведениях. Назначение меня членом нового комитета последовало 19 декабря 1848 года. По этому случаю, конечно, я должен был представиться графу Клейнмихелю и начал принимать участие в еженедельных заседаниях. Яков Иванович повел дело совершенно так же, как и в своем учебном комитете. Заседавшим в новом комитете старым генералам путей сообщения, видимо, было не по сердцу вмешательство посторонних дилетантов в дела специального ведомства; однако ж им ничего другого не оставалось, как преклониться перед авторитетом председательствовавшего, привычного к начальническому ведению дела. Главными действующими лицами в комитете были: управляющий делами инженер-подполковник путей сообщения Баландин и инспектор классов Института, также инженер путей сообщения полковник Соболевский; оба они являлись к генералу Ростовцеву за *приказаниями*.

С самого открытия комитета поднят был общий вопрос о распределении всего учебного курса в Институте путей сообщения. Составленный инспектором классов Соболевским первоначальный проект был предварительно передан мне на рассмотрение и с моими замечаниями обсуждался в нескольких заседаниях комитета. Споров было не мало; из моих предложений иные были одобрены, другие отвергнуты, некоторые и сам я взял назад. Самым несговорчивым оппонентом моим был главный наставник-наблюдатель за преподаванием Закона Божия протоиерей Раевский, который представил письменно резкое возражение на мое предложение уменьшить число часов на Закон Божий и вовсе исключить преподавание этого предмета в двух высших классах Института, где не доставало времени на главные специальные предметы курса[62]. Впрочем, можно было вперед предвидеть, что подобное предложение встретит сильное сопротивление.

Здесь надобно упомянуть о перемене, происшедшей в самом штабе Военно-учебных заведений в конце 1848 года. Занимавший должность дежурного штаб-офицера полковник Орест Семенович Лихонин получил новое назначение — директором 1-го кадетского корпуса; открывшееся место

дежурного штаб-офицера принял полковник Горемыкин, вместе с почетным званием адъютанта Великого Князя Михаила Павловича и с отчислением от Гвардейского генерального штаба в л.-гв. Московский полк, в котором он начал службу. Попасть в адъютанты к Великому Князю было давнишним желанием моего друга Федора Ивановича; теперь он казался удовлетворенным относительно служебного положения и как бы помолодел в своем новом адъютантском мундире. Переселился он в казенную квартиру в здании штаба Военно-учебных заведений. Однако ж благодушное его настроение было непродолжительно: мало-помалу он снова поддался прежней своей хандре. Покинув Генеральный штаб, в котором он состоял в продолжение 12 лет в числе самых видных офицеров, он решился также расстаться и с Военной академией. В начале 1849 года напечатано составленное им для обучающихся в Академии офицеров "Руководство к изучению тактики"; сочинение это, в трех частях, признавалось заметным шагом в учебной литературе по этому предмету и впоследствии было удостоено Академией наук полной Демидовской премии. Но выпуск этого сочинения был как бы прощанием автора с кафедрой: не дождавшись даже конца учебного года, он уступил место профессора своему адъюнкту И.В.Вуичу, который также оставался на нем не долго.

В Военной академии произошли в исходе 1848 года и другие перемены после тех, о которых было уже упомянуто. Подполковник Силич, как сказано, попавший вдруг в немилость у генерала Сухозанета и устраненный в начале года от должности правителя дел Академии, должен был в ноябре оставить и кафедру артиллерии. Только после семи лет преподавания он был признан не способным понять требования и указания генерала Сухозанета относительно содержания этого курса. На место Силича назначен был преподаватель артиллерии полковник Ник<олай> Андр<еевич> Баумгарт. Заместивший Силича в должности правителя дел капитан Генерального штаба Сакович получил в ноябре сверх того и кафедру "обязанностей офицеров Генерального штаба", остававшуюся вакантною с декабря 1844 года, когда занимавший ее полковник Вольф был окончательно отчислен от Академии. С тех пор в течение четырех лет пре-

подавание этого предмета поручалось временно то одному, то другому из профессоров. Сакович предложил сделать в преподаваемом им курсе значительные изменения и расширить практические занятия обучающихся офицеров. В этих видах увеличено было число часов на этот предмет. Имелось в виду постепенно обратить прежнее преподавание "обязанностей офицеров Генерального штаба" в курс "военной администрации". Но Саковичу не довелось долго оставаться в занятых им должностях: не выдержав самодурства Сухозанета, он совсем оставил Академию к концу учебного года, а летом (1849 года), с открытием Венгерской кампании[63], уехал в действующую армию.

Другою, более прискорбною для Академии утратою, было окончательное увольнение от должности адъюнкта по военной истории и стратегии капитана Неелова, который после случившегося с ним в прошлом году перелома ноги лечился в деревне, но плохо поправлялся и был осужден остаться навсегда калекой. Я уже имел случай упоминать о симпатичной личности Николая Дмитриевича Неелова. Он занимался своей наукой с любовью и рвением. С 1847 года начал он печатать в "Военном журнале" (издаваемом Военно-ученым комитетом) ряд статей из составленной им книги "Очерк современного состояния стратегии". Статьи эти печатались в течение 1848 и 1849 годов, а потом все сочинение вышло отдельной книгой[64]. Положив в основу своего труда взгляд генерала барона Медема, изложенный в изданном еще в 1836 году "Обозрении известнейших правил и систем стратегии", Неелов сделал первую попытку осуществить основную мысль нашего почтенного учителя в систематическом очерке. Еще до выезда Неелова из Петербурга мы с ним часто сходились, толковали, спорили о наших обоюдных работах; а потом, когда он поселился в деревне, продолжали обмениваться мыслями в письмах[65]. С большим сочувствием относился он к моим работам по военной статистике. К крайнему моему прискорбию, не долго протянул он свое страдальческое существование: в 1850 году он кончил жизнь, еще в молодых летах. Спустя 25 лет после его смерти напечатаны были в "Военном сборнике" его записки о Польской кампании 1831 года[66].

На место Неелова адъюнктом по кафедре военной истории и стратегии назначен капитан Лебедев, бывший до того времени моим адъюнктом; на место же адъюнкта по военной статистике поступил (в ноябре 1848 года) капитан Генерального штаба Евгений Карлович Баумгартен — офицер не особенно даровитый, но добросовестный и усердный. О таком перемещении я не имел причины скорбеть: Лебедев был плохим для меня помощником; он брался за все разом и, конечно, всем занимался поверхностно, отрывочно, на лету. Состоя адъюнктом по военной статистике, он в то же время взялся преподавать русскую словесность и был одним из редакторов "Русского инвалида"; затем вдруг перешел на военную историю и стратегию, оставшись и профессором русской словесности, а несколько позже (в 1849 году) взял еще на себя и преподавание "обязанностей офицеров Генерального штаба" или "военной администрации". Обладая замечательною памятью, он смело говорил и писал обо всем с равною развязностью.

Деятельность Военной академии как-то особенно оживилась в зиму 1848—1849 гг., благодаря, быть может, тому, что генерал Сухозанет заметно опустился и угомонился. На обсуждение конференции внесено было несколько вопросов по учебной части; между прочим, рассматривалась представленная капитаном Саковичем программа курса военной администрации. В представленной мною по этому предмету записке[67] не только признавалось основательным предположение о введении военной администрации в учебный курс Военной академии, но высказывалось даже мнение, что предмет этот должен занимать в специальном образовании офицера Генерального штаба одно из главных мест. Однако ж вопрос о курсе военной администрации тянулся довольно долго; окончательное утверждение программы последовало лишь в 1852 году. Другой вопрос, обсуждавшийся в конференции, относился к военной истории. Несмотря на то, что этот курс, по своей обширности, был уже до крайности обременителен для учащихся, возникло предположение включить в него еще некоторые кампании новейших времен. Чтобы сколько-нибудь облегчить учащимся непомерное напряжение памяти, постановлено было перенести часть курса военной истории в теоретичес-

кое отделение, возложив чтение этой части на нового адъюнкта — капитана Лебедева.

По Географическому обществу занятия мои не только продолжались по-прежнему, но еще несколько усилились с избрания меня, 16 января 1849 года, в члены совета. Я попал, таким образом, в среду высокопоставленных сановников и ученых-академиков, из которых в то время состоял совет Общества. Членами его были: генерал-адъютант Берг (генерал-квартирмейстер), генерал К.В.Чевкин, генерал П.А.Тучков (директор Военно-топографического депо), тайный советник Александр Макс<имович> Княжевич, барон Егор Казимирович Мейендорф, Абрам Серг<еевич> Норов, наконец, Ив<ан> Петр<ович> Шульгин — один только из членов, не принадлежавший к высшим сановным сферам. Кроме названных членов в состав совета входили управлявшие отделениями Общества: горный генерал Гельмерсен — по географии общей, академик В.Я.Струве — по географии России, Андр<ей> Парф<енович> Заблоцкий — по статистике и Ник<олай> Ив<анович> Надеждин — по этнографии. Секретарем Общества в это время был Александр Карлович Гирс, племянник академика Литке. Совет имел заседания не часто; но сверх того мне приходилось участвовать в занятиях разных специальных комиссий. Так, в марте 1849 года я был избран в состав комиссии для рассмотрения сочинений, предложенных к соисканию Жуковской (В.Г.Жукова) премии, вместе с Григ<орием> Павл<овичем> Небольсиным и Конст<антином> Степ<ановичем> Веселовским. Продолжались и занятия комиссии по пересмотру устава Общества. Разосланный членам еще летом 1848 года проект устава вызвал столько замечаний и возражений, что комиссия вынуждена было сделать в нем значительные изменения, и в марте 1849 года напечатанный вновь проект был вторично разослан членам Общества[68].

В это время (в марте и апреле 1849 г.) заговорили в Петербурге о предстоявшем вмешательстве России в дела Австрии по случаю восстания мадьяр, угрожавшего Империи Габсбургов распадением. Вскоре после Пасхи сделалось известно решение нашего Императора послать русские войска на помощь соседней державе. С живым любопытством и участием

следили в нашем академическом кружке за движениями 2-го, 3-го и 4-го корпусов, выдвинутых в Венгрию со стороны Царства Польского, под начальством самого фельдмаршала князя Паскевича, и 5-го корпуса генерала Лидерса, вступившего в Трансильванию. В начале мая происходило в Варшаве свидание Императора Николая I с Императором Фердинандом IV, а в начале июня произведен Государем в окрестностях Дуклы смотр вступившим в Венгрию нашим войскам. Вслед за тем получено было из Варшавы Высочайшее повеление о немедленном отправлении в действующую армию офицеров, кончивших курс Академии, не ожидая обычного времени экзаменов. Офицерам этим были предоставлены все установленные преимущества по соображению с оказанными каждым из них успехами, руководствуясь годовыми аттестациями. На этом основании конференция Академии признала справедливым предоставить право 1-го разряда семи офицерам из числа 15 выпускных. Это были: л.-гв. Московского полка поручик Никитин, конной артиллерии подпоручик Новиков, Уланского полка поручик Волошинский, Днепровского пехотного Бушен, Кавказского саперного поручик Радецкий, л.-гв. Московского поручик Кормалин и Оренбургского линейного № 6 батальона подпоручик Буяльский. Кроме двоих из поименованных (Волошинского и Буяльского), умерших в молодых летах, прочие пятеро достигли видных служебных положений.

С наступлением летнего времени переселился я со своей семьей на дачу. Никакие служебные обязанности не приковывали меня к городу; я имел возможность исключительно заняться своей исторической работой и не стесняться при выборе летнего местопребывания условием близости от города. Мы поселились верстах в 20 от Петербурга, на правом берегу Невы, против Усть-Ижоры (дача Колзакова). Помещение было удобное, просторное и за весьма умеренную плату. Для сообщения с Петербургом можно было пользоваться или пароходами по Неве, или железною дорогой до Колпина, отстоящего от Усть-Ижоры верст пять, так что мне случалось, в хорошую погоду, проходить это расстояние пешком. Избранное место было довольно глухое; можно было жить, как в дальней деревне, без малейшего стеснения. Единственным развлечением были прогулки по

окрестным бесконечным лесам. Изредка, в праздничные дни, навещали нас в этом захолустье братья Николай и Владимир, с нашим другом детства И.П.Арапетовым. Также редки были и мои поездки в город. Погруженный в свою работу, роясь в массе собранных материалов, из которых делал выписки и заметки, чтобы вычерпать все, что могло выяснить разрабатываемую мною давнопрошедшую эпоху, я совершенно отрешился на это время от современной действительности и даже не любопытствовал следить за происходившими в Венгрии военными действиями.

При такой уединенной, трудовой жизни я был вдруг озадачен, получив (8 июля) от гофмаршала Великой Княгини Елены Павловны извещение, что Ее Высочество, прочитав представленную мною книгу "Первые опыты военной статистики", изъявила желание видеть меня и назначила мне прием в Павловске 12 июля. Такое приглашение к Особе Царской фамилии было тогда для меня случаем совершенно не привычным; но мне было известно, что хозяйка Павловска отличалась от всех других Царственных Особ необыкновенной приветливостью, любезностью, умной и непринужденной беседой. В назначенный день и час явился я в Павловский дворец и в первый раз удостоился беседы с незабвенной Великою Княгиней. В то время она было еще в цвете красоты и блеска. Несмотря на природную мою застенчивость, с первых же ее слов почувствовал я себя легко и свободно. Она завела речь о моих трудах по военной статистике, причем выказалось несомненно, что Великая Княгиня дала себе труд прочитать книгу и обратила внимание на такие подробности, на которых едва ли останавливались многие даже из ученых специалистов. Беседа продолжалась более получаса, и я вышел от нее в полном восхищении.

В это время Великий Князь Михаил Павлович находился в Варшаве. В конце августа получено было оттуда печальное известие о его кончине 28-го числа вследствие непродолжительной, но тяжкой болезни. 16 сентября тело покойного Великого Князя прибыло в Петербург и с обычной торжественностью перевезено в Петропавловский собор. Печальная процессия тянулась от Павловского кадетского корпуса (находившегося у Обухова моста) до крепости, сопровождаемая массою народа. 18-го же числа

совершен обряд погребения. После кончины Великого Князя Михаила Павловича адъютанты его были назначены флигель-адъютантами, и в том числе полковник Горемыкин, с оставлением в должности дежурного штаб-офицера в штабе Военно-учебных заведений.

Преемниками покойного Великого Князя Михаила Павловича были: по командованию Гвардейским корпусом — генерал-адъютант граф Ридигер, по Военно-учебным заведениям — Наследник Цесаревич Александр Николаевич, по артиллерии — генерал барон Ник<олай> Ив<анович> Корф, с званием инспектора всей артиллерии; наконец, по инженерной части — инженер-генерал Иван Ив<анович> Ден, также с званием инспектора.

1849–1850

Историческая работа моя значительно подвинулась вперед в течение лета 1849 года. Чем более я рылся в груде собственных и вновь добываемых материалов, рукописных и печатных, тем более увлекался этою работой. Мне хотелось исполнить ее добросовестно, так, чтобы мое изображение событий как можно ближе соответствовало истинной действительности. Убедившись в том, до какой степени в этом отношении грешит большая часть исторических описаний разных войн и походов, я поставил себе за правило писать не иначе, как на точном основании имеющихся документальных данных. Поэтому я не приступал к самому изложению хода событий прежде полного разъяснения их выборкой и сличением всех имевшихся под рукой источников. Случалось, что подготовленную вчерне работу приходилось переделывать капитально вследствие попадавшегося неожиданно нового указания, совсем не там, где можно было искать, иногда в какой-нибудь ничтожной на вид записочке или в полуразорванной ведомости.

Груда имевшихся уже материалов не переставала дополняться по мере того, как встречал я случайные указания на какие-нибудь новые для меня печатные или рукописные источники в архивах, библиотеках и у частных лиц. Не всегда было легко добывать желаемое. Между прочим, мне удалось в сентябре 1849 года достать очень любопытные записки барона Лёвенштерна – отставного генерал-майора, участвовавшего еще в молодые лета в походе 1799 года в корпусе генерала Корсакова. Я обратился к нему лично и познакомился с ним. Барон Лёвенштерн служил некогда под начальством Павла Дмитриевича Киселева, оставался близким ему человеком и вел с ним переписку. По выходе в отставку барон Лёвенштерн поселился в Петербурге и в

продолжение многих лет жил в одном и том же номере гостиницы Демут (на Мойке), имел обширное знакомство, вращался в высшем петербургском кругу и постоянно вел свой дневник (на французском языке). Он принял меня весьма любезно; без всякого затруднения выдал мне ту книгу своих записок, в которой заключался рассказ о походе Корсакова в 1799 году[69]. Около того же времени сошелся я с полковником Висковатовым, известным военно-историческими трудами. Он занимался, по Высочайшему повелению, "хроникой" русской армии, то есть составлял хронологическое описание всех перемен, происходивших в течение времени в составе и устройстве русских войск, в их обмундировании, снаряжении, знаках отличия, знаменах и т.п.[70] Император Николай Павлович лично интересовался этим предметом и знал до тонкости все мельчайшие подробности по этой части. Впрочем, круг занятий А.В.Висковатова составлял такую узкую специальность, что для моей работы можно было от него почерпнуть лишь некоторые справки весьма второстепенного значения.

Предавшись с увлечением своим историческим исследованиям, я упустил из виду реальную сторону моей работы; позабыл, что я не добровольный работник, а официальный историограф, исполняющий возложенную по Высочайшему повелению служебную обязанность. Большим разочарованием было для меня напоминание об этом барона Вревского, который, пригласив меня к себе (в начале октября), объявил мне неудовольствие военного министра тем, что в течение *почти целого года* я не представил еще ничего из моей работы. Князь Чернышев требовал, чтобы я следовал примеру моего предшественника, генерала Михайловского-Данилевского, то есть постепенно, по мере изготовления каждой части сочинения, представлял ее на Высочайшее усмотрение, в таком же виде, как прежде представлялось, и к тем же годичным торжественным дням. Такое приказание озадачило меня; оно совершенно расстраивало принятый мною порядок работы. В докладной записке, поданной мною барону Вревскому 12 октября, я объяснил, что, приступив к работе лишь в марте, я едва успел в истекшие с тех пор 6 месяцев разобраться в огромной массе материалов, и хотя подготовлено уже вчерне изложение

значительной части кампании Суворова (до сражения при Нови) с 65 картами и планами, однако ж работа эта еще требовала много пополнений и исправлений по мере открытия новых материалов; что поэтому, для исполнения требования военного министра, пришлось бы отступить от принятого порядка работы и, отказавшись от дальнейших расследований, обратиться прямо к окончательной редакционной отделке одной главы за другою. При такой работе все сочинение могло быть приведено к окончанию года в два; но в таком случае я просил заранее разрешения пересмотреть впоследствии весь свой труд прежде напечатания его.

Одновременно с официальной докладной запиской я написал барону Вревскому частное французское письмо*, в котором позволил себе высказать, что после 6-месячных напряженных трудов я никак не мог ожидать со стороны военного министра укора в медленности работы и что требование его тем прискорбнее для меня, что оно вынуждает меня отступить от принятого порядка работы в ущерб достоинству сочинения. Несмотря на все мои объяснения, я получил (26 октября) от барона Вревского подтверждение приказания князя Чернышева, чтобы "первые десять глав моего сочинения были представлены не позже Пасхи 1850 года, а остальные за тем главы сколь можно в непродолжительное время"[71]. Барон Вревский словесно пояснил мне, что Государь привык получать в известные сроки военно-исторические сочинения покойного генерала Михайловского-Данилевского и любил чтение этого рода.

Таким образом, я должен был, против воли и убеждения, приняться неотлагательно за окончательную обработку первых глав II части, в которой прямо приступил к описанию первых военных действий 1799 <года> на разных театрах войны. Эту II часть положил я представить вместе с I частью, составленной покойным Михайловским-Данилевским и уже окончательно переписанной набело для поднесения на Высочайшее воззрение. Ничего не трогая в этой части, я ограничился только подбором к ней таких же "Приложений" (Pièces justificatives), какие считал нужным присоединить и к после-

* В то время, — да и гораздо позже, — было принято, даже в сношениях по служебным делам, вести переписку на французском языке, когда желали придать ей характер неофициальный.

дующим частям сочинения. По мере последовательной обработки II части, одной главы за другою, работа переписывалась набело; топограф Николаев, по моим указаниям, мастерски отделывал планы и карты, а встретившееся затруднение в переписке набело документов, помещенных в приложениях на иностранных языках, было устранено полученным мною разрешением приискать переписчика по вольному найму.

Работа шла так спешно, что в течение трех зимних месяцев (ноября, декабря и января) окончательно обработаны мною II и III части, заключавшие в себе 21 главу; из них II часть переписана набело, снабжена планами и картами; также переписаны отдельно и приложения к двум первым частям, и в начале февраля обе эти части отданы в переплет, а 28 февраля представлены при рапорте военному министру. С того же времени приступлено к переписке набело III части и к редакционной обработке IV, — и так далее безостановочно шла работа одной части за другою. III часть представлена военному министру в августе того же 1850 года, а IV — в декабре.

Таким образом, с исхода 1849 и во весь 1850 год главной моей заботой было — удовлетворить настоятельное требование начальства и для того вести свою работу безостановочно и несколько спешно. Однако ж она не составляла исключительного моего занятия: я должен был уделять время и своим обязанностям по Военной академии, участвовал по-прежнему в делах Географического общества* и даже успел, в начале 1850 года, издать одну старую, почти позабытую свою работу "Описание военных действий в Северном Дагестане в 1839 году". Книжка эта доставила мне случай вторично представиться Великой Княгине Елене Павловне, которая перед своим отъездом за границу, в мае 1850 года, пригласила меня к себе и была так же благосклонна, как и в первое мое прошлогоднее представление Ее Высочеству.

В уцелевших от того времени отдельных заметках моих набросаны были занимавшие меня разнообразные мысли и предположения, как-то: об издании ежегодного сборника статистических сведений, о постепенном печатании хранящихся в разных архивах материалов для русской военной истории[72] и т.п.

---

* В автографе далее зачеркнуто: в котором продолжалась деятельно выработка нового устава *(прим. публ.)*.

В особенности мечтал я часто об изменениях, которые считал полезным ввести в устройстве и обстановке нашей Военной академии для того, чтобы поднять это прекрасное заведение на желанный высокий уровень. Впрочем, к этой теме обращался я неоднократно и в последующие годы.

Что касается до прежних моих занятий по военной статистике, то, к крайнему моему сожалению, я не имел уже никакой возможности продолжать начатое издание "Первых опытов" своих; оно остановилось на выпущенных двух книжках*; даже и военная статистика Пруссии осталась без окончания, то есть без третьего отдела, который должен был заключать в себе стратегический разбор возможных театров войны. Однако ж мне не хотелось совсем покинуть свое детище; я надеялся когда-нибудь возвратиться к нему и мечтал об издании со временем целого курса военной статистики, по плану совершенно новому, – уже не по государствам, а в виде сравнительного исследования главнейших европейских государств в общей совокупности. В таком смысле были уже подготовлены некоторые статьи и даже сделан опыт применения означенного сравнительного метода на лекциях в Военной академии. С тех пор, как обучающиеся офицеры были снабжены исправно составленными литографированными записками по всему курсу, мне казалось бесцельным проповедовать с кафедры то же самое, что слушатели могли прочесть в записках. Между тем обязательная программа ограничивалась только военной статистикой соседних с Россией государств, оставляя вовсе в стороне другие большие державы, которых военные силы, по моему мнению, не могли оставаться чуждыми каждому образованному офицеру Генерального штаба. Поэтому-то я задумал, не изменяя обязательной программе и не обременяя моих слушателей увеличением курса, употребить назначенные для моих лекций часы частью на означенные выше *сравнительные* военно-статистические исследования всех больших держав, а частью на чтение и разбор письменных работ самих слушателей. Темами для этих работ служили мои лекции, которые записывались и редактировались офицерами поочередно.

* За эти две книжки половинную Демидовскую премию (в 2500 рублей ассигнациями), как уже упомянуто, Академия наук присудила в заседании 17 апреля 1850 года.

Кроме того, они сами составляли, по указанным источникам, военно-статистические обзоры государств, не входивших в обязательную программу. Таким способом все обучающиеся офицеры приобретали сведения о военных силах всех вообще европейских государств. Первый опыт таких занятий был сделан мною в учебный год 1849—1850; но в полном объеме удалось мне осуществить мой план только в следующий учебный год.

В личном составе Военной академии произошли две перемены: на место капитана Саковича (как сказано, выбывшего из Академии летом 1849 года) назначен правителем дел подполковник Генерального штаба Штюрмер, товарищ мой по выпуску из Академии, а кафедру "обязанностей офицеров Генерального штаба" занял подполковник Лебедев, удержавший за собою и кафедру русской словесности, и место адъюнкта по военной истории и стратегии. Этот универсальный профессор не убоялся взяться и за новый предмет преподавания, который еще предстояло тогда создать. Составление курса "Военной администрации" требовало громадной работы; но для Лебедева все было ни по чем: он скомпилировал кое-как сборник из свода военных постановлений, и только впоследствии преемником его Аничковым выработан настоящий систематический курс.

В Географическом обществе продолжалась в эту зиму упорная борьба по поводу нового устава. Вторично разосланный проект комиссии был внесен на обсуждение в общем собрании и встретил сильную оппозицию. К прежнему нашему кружку пристали многие лица, авторитетные и даже сановные. В числе самых горячих противников проекта комиссии явился тайный советник Михаил Николаевич Муравьев, занимавший должность главноуправляющего Межевым корпусом, — человек с характером и настойчивостью. Кроме наклонности к квасному патриотизму и немцофобии, у него было, как кажется, и другое побуждение к вмешательству в происходившую борьбу: он был не прочь заместить адмирала Литке в звании помощника председателя Общества, а для того нужно было ему приобрести популярность в среде большинства членов Общества. Вероятно с этим-то расчетом и стал он во главе того кружка, который не столько многочисленностью, сколько горячим участием в делах Общества мог повлиять на предстоящие выборы. И вот Михаил

Николаевич Муравьев делается центром, около которого группируются главные участники борьбы. В числе их были и мы с братом Николаем и нашими близкими друзьями. У Михаила Николаевича, в его квартире на Загородном проспекте, собирались мы на совещания, и тут за стаканами чая, в густом облаке табачного дыма, обсуждался план кампании, редактировались предлагаемые изменения в статьях проекта, распределялись роли в предстоявших собраниях Общества. Рассказывать подробно весь ход прений, происходивших 38 лет тому назад*, не по силам моей памяти; скажу только, что успех остался на нашей стороне; проект был изменен согласно нашим требованиям и в таком измененном виде получил окончательное утверждение[73]. Последствием же нового устава были выборы вице-председателя, членов совета и других должностных лиц. В звание вице-председателя избран огромным большинством голосов Михаил Николаевич Муравьев. В это же время адмирал Литке, стоявший четыре года во главе Общества, получил новое по службе назначение — ревельским военным губернатором и главным командиром Ревельского порта.

Среди разнообразных занятий домашняя моя жизнь протекала спокойно и счастливо. Дети подрастали: старшей дочери Лизе было уже 6 лет; жена давала ей уроки французского языка; я же урывками учил ее читать по-русски; ребенок показывал замечательную понятливость. Здоровье сына укрепилось. Вторая дочь Ольга развивалась очень быстро. 10 мая 1850 года родился четвертый ребенок — дочь Надежда. И на этот раз роды были чрезвычайно счастливы; восприемниками новорожденной были брат мой Владимир и добрая наша соседка Екатерина Николаевна Карцова. Лишь только жена оправилась, мы переселились на летнее время опять в те же пустынные места, где провели прошлогоднее лето, — на правом берегу Невы, против Усть-Ижоры, на дачу Брока, соседнюю с прежней.

Второе лето, проведенное в этой глуши, опять помогло мне подвинуть вперед мою историческую работу настолько, что приведение ее к концу к назначенному мною сроку было уже вполне обеспечено. Во все лето только раза два

---

* Писано в 1888 году.

посетили наше захолустье братья и И.П.Арапетов. Поездки мои в город были весьма редки.

В этом году брат мой Владимир обратил на себя внимание ученых диссертацией, представленной к испытанию на степень магистра. Диссертация эта составляла обширное историческое исследование о недвижимых имуществах духовенства в древней России. Труд этот не ограничивался строго специальною темой — о вотчинных правах церкви в древней России, рассмотрением разных видов недвижимой собственности духовенства, разных способов приобретения имущества, — но затрагивал более общие и важные вопросы, исторические и юридические, по государственному праву древней России. Выводы из этого обширного труда, формулируемые в 29 тезисах, составляли целый ряд интересных вопросов науки и до сих пор не утратили своего значения. Публичную защиту своей диссертации брат Владимир выдержал блестящим образом и получил степень магистра государственного права. Диссертация его показала выходящие из ряда способности и познания; не замыкаясь в тесные рамки специальной темы, он успел обнять науку с высшей точки зрения*. В том же 1850 году он получил назначение в Петербургском университете адъюнктом по русскому государственному праву и начал читать основные законы Империи, а также законы о состояниях, губернские учреждения и постановления о гражданской службе. Лекции его отличались такой занимательностью, что аудитория молодого профессора (ему было тогда всего 24 года) была постоянно полна; стекались слушать его студенты других факультетов.

* Диссертация была напечатана только после смерти автора в "Чтениях Московского общества истории и древностей России" за 1859—1861 годы.

1850–1851

Ежегодно, с неизменной регулярностью, летний период моего дачного приволья сменялся с наступлением сентября унылой петербургской осенью, с экзаменами в Военной академии, с возобновлением лекций, заседаний разных комитетов и комиссий и всеми разнородными обязанностями служилого люда в петербургский зимний сезон.

Выпуск из Академии в 1850 году был не блестящий: из 16 кончивших курс офицеров можно указать только четверых, дослужившихся потом до высших чинов: штабс-капитана л.-гв. Драгунского полка Леонтьева, занимавшего впоследствии почти 16 лет должность начальника Академии Генерального штаба; штабс-капитана Романовского, о котором мне придется не раз упоминать в моих воспоминаниях, подпоручика л.-гв. Павловского полка Альфтана – впоследствии губернатора в Финляндии и поручика конной артиллерии Орановского – впоследствии отличного начальника дивизии.

Я уже говорил о принятой мною новой системе занятий с офицерами по военной статистике. Мои лекции сравнительной статистики приняли в учебный год 1850–1851 характер полного систематического курса. Употребив 14 лекций на сравнительное рассмотрение основных элементов военной силы пяти главных держав (территории, народонаселения, государственного устройства и финансов), я объяснил в последующие 6 лекций военные системы и устройство вооруженных сил Пруссии, Австрии, Франции, Англии и Швеции, стараясь при этом выказать особенности каждой системы и зависимость ее основных начал от общих условий исторических и географических; наконец, 3 лекции были посвящены стратегическому разбору Западной Германии и Альпийской полосы, как самого поучительного, можно сказать классического Европейского те-

атра войны. Таким образом, уделено было всего 23 лекции на сравнительную статистику, а потом 10 лекций на военный обзор Кавказского края. Вперемешку с моими лекциями производились повторения курса по литографированным запискам, читались и разбирались письменные работы самих офицеров. Мне казалось, что мои лекции интересовали слушателей, хотя должен откровенно сказать, что между ними очень немногие были к ним достаточно подготовлены.

В конце 1850 года произошла перемена адъюнкта по военной статистике: на место капитана Баумгартена, получившего назначение по Военно-учебным заведениям, поступил подполковник Генерального штаба Иван Михайлович Гедеонов — офицер добросовестный, образованный и человек весьма симпатичный. Другая перемена в личном составе Военной академии состояла в замене инженер-полковника Ласковского, преподававшего фортификацию с самого учреждения Академии, инженер-капитаном Квистом.

С того времени, когда я был назначен для особых поручений при военном министре, стали присылать мне по временам из канцелярии Военного министерства получаемые из-за границы печатные брошюры и рукописные статьи, касающиеся военных вопросов и военных сил иностранных государств, для представления военному министру докладов по содержанию тех брошюр и записок. Поручения этого рода приносили пользу и для моего курса военной статистики. Но это были только случайные отрывочные сведения; для постоянного же освежения курса я не имел источника, и само министерство не заботилось о систематическом собирании подробных и точных сведений о военных силах иностранных государств. Пользуясь установившимися служебными отношениями моими в канцелярии Военного министерства, я представил военному министру, через барона Вревского (в августе 1850 г.) записку по этому предмету, в которой привел справку о производившейся еще в двадцатых годах, по департаменту Генерального штаба, переписке по поводу предложения генерала Довре, в 1827 году, о посылке за границу военных офицеров для собрания верных сведений об иностранных армиях и составленной тогда же полковником Бергом (теперешним генерал-квартирмейстером) программе в руководство этим офицерам. Предположения эти встретили тогда

противодействие со стороны Министерства иностранных дел; но несколько позже допущено было с той же целью причисление военных офицеров к некоторым из наших посольств. К сожалению, деятельность этих офицеров ограничивалась лишь присылкою случайных, отрывочных сведений; для систематического же свода этих сведений в самом министерстве Военном не принималось никаких мер. В поданной мною записке предлагалось: 1) иметь в столицах всех больших государств специальных военных агентов, на которых возложить обязанность постоянно собирать и пополнять сведения о военных силах тех государств, и 2) в самом Министерстве учредить военно-статистический комитет, в котором получаемые от заграничных военных агентов сведения приводились бы в систематический порядок[74]. Записка моя была принята благосклонно; по приказанию военного министра потребованы были от состоявших при некоторых посольствах "военных корреспондентов" сведения по представленной мною программе, и впоследствии от некоторых из них получены сведения более или менее удовлетворительные; но имела ли моя записка какие-либо дальнейшие последствия относительно организации военно-статистической части в министерстве – мне неизвестно.

Впрочем, военная статистика в это время стояла у меня уже на втором плане; главным же предметом моих занятий была историческая работа. Представленные мною еще в начале 1850 года, в рукописи, первые две части "Истории войны России с Францией в царствование Императора Павла I, в 1799 году" были в то же лето прочитаны Императором и возвращены мне при предписании товарища военного министра генерал-адъютанта князя Долгорукова[75]. В предписании сообщалось, что "Государь Император, рассмотрев с удовольствием" эти части сочинения, изволил повелеть приступить к печатанию их. Император прочитал представленные на его воззрение рукописи с такой внимательностью, что давал себе труд делать собственноручные заметки и даже поправки попадавшимся опискам. Так, на I части (составленной покойным Михайловским-Данилевским) сделано было несколько отметок; на моей же II части в одном месте, против слова "амбаркация" написано рукою Его Величества "посажение на суда", а в другом взамен "Гатчина" поправлено "Павловск". По-видимому, прочитанные Государем первые две части об-

ратили на себя особенное Его внимание: несколько месяцев спустя, в марте 1851 года, когда в Петербург приехал фельдмаршал князь Варшавский, я получил Высочайшее повеление препроводить к нему означенные рукописи для прочтения, что и было исполнено. Продержав их у себя дней десять, фельдмаршал возвратил их (24 марта).

Продолжая последовательно обрабатывать и переписывать следующие части сочинения, я представил, как уже упомянуто, еще в 1850 году III и IV части (в августе и декабре), а V — в апреле 1851 года. Между тем, с возвращением от Государя первых двух частей (с октября 1850 года) начались для меня новые заботы — об издании сочинения. На расходы по изданию прежних произведений покойного генерала Михайловского-Данилевского отпускались ему примерные круглые суммы из "комнатных сумм Его Величества", а иногда из Государственного казначейства. Применить тот же порядок к настоящему случаю я не считал удобным по невозможности предварительного составления даже приблизительной сметы расходов, требуемых на издание всего сочинения при множестве карт, планов и приложений. По личном объяснении с бароном Вревским было решено, чтобы суммы на издание отпускались постепенно, по мере действительного расходования, с представлением мною потом подробной отчетности. В особенности озабочивали меня карты и планы, для изготовления которых требовались и крупные средства, и продолжительное время. Поэтому с самого приступа к моей работе (еще в марте 1849 года) поднят был мною вопрос о том, чтобы тогда же приступить к гравированным работам. Но разрешения на это не последовало; притом, предлагалось мне вместо гравирования довольствоваться литографированием; указывалось на поручение работы ученикам батальона военных кантонистов, о чем представлялось мне войти в личное соглашение с директором Военно-топографического депо генералом Тучковым. Когда же, по указаниям последнего, составлена была примерная смета стоимости работы, то военный министр решил отложить вопрос до представления мною первых частей сочинения. Таким образом, время было упущено на полтора года; граверная работа начата только с октября 1850 года, и тогда решено было все карты и планы (число которых достигло до 100) гравировать на меди, пору-

чив эту работу нескольким опытным граверам Военно-топографического депо, по определенной вперед расценке*.

Занятия мои по Географическому обществу продолжались по-прежнему. В начале 1851 года мне было поручено советом редактировать объяснительную записку от его имени по поводу доклада ревизионной комиссии, составленной на основании нового устава для рассмотрения отчета совета за 1850 год. В то же время в статистическом отделении Общества, по предложению председательствовавшего в нем А.П.Заблоцкого, возникло предположение о составлении и издании географического статистического словаря Российской Империи. Совет отнесся к этому предположению весьма сочувственно; но признал необходимым прежде всего найти лицо, которое могло бы принять на себя обязанности главного редактора. Выбор остановился на Н.Г.Фролове, проживавшем в Москве и издавшем тогда географический сборник под заглавием "Магазин землеведения и путешествий". Советом поручено было мне войти в сношение с Фроловым, с которым я был уже несколько знаком. Сначала ответ был уклончивый; он считал предлагаемое ему дело не по силам ему; впоследствии вице-председатель Общества М.Н.Муравьев сам имел в Москве личные объяснения с Фроловым, который уже подавался на предложение и намеревался приехать в Петербург для окончательных переговоров. Однако ж дело это почему-то не состоялось и было снова поднято только шесть лет спустя (в 1856 г.). Результатом этих попыток был "Географическо-статистический словарь", изданный впоследствии под главной редакцией П.П.Семенова, в пяти томах, постепенно появлявшихся в свет в течение 22 лет – с 1863 по 1885 год.

Зима с 1850 на 1851 год оставила в моих воспоминаниях и некоторые черные точки. 30 ноября 1850 года совершенно внезапно скончался хороший мой товарищ и друг Фед<ор> Ив<анович> Горемыкин. Еще утром того дня я был у него и

* Далее в автографе зачеркнуто: изготовление карт и планов требовало много времени, а потому <с> печатанием текста нечего было торопиться. Кроме того, разрешено было мне приложить к сочинению литографированные портреты Императора Павла I, князя Суворова и рисунок перехода русских войск через Чертов мост, скопированный с современного изображения *(прим. публ.)*.

не заметил в нем никакого болезненного признака; а вечером дали мне знать, что его уже не стало. 4 декабря происходило отпевание в церкви 1-го кадетского корпуса, при стечении многочисленных его сослуживцев, приятелей и родных. В начале же 1851 года лишился я дяди Сергея Дмитриевича Киселева, который давно уже страдал водянкою. Он оставил многочисленную семью; старшие сыновья Павел и Николай, красивые юноши, только что кончили курс в Московском университете; третий сын Алексей еще учился в Лазаревском институте восточных языков, а четвертый — Петр поступил в Морской кадетский корпус и по праздникам приходил к нам в дом; затем несколько дочерей находились при матери Елизавете Николаевне. Последние годы жизни моего дяди Сергея Дмитриевича были отравлены продолжавшимся долгое время делом о случившемся в Московской казенной палате похищении казначеем медной монеты; он так и не дожил до решения этого дела.

На Пасху 1851 года (16 марта) я получил очередную награду — орден св. Владимира 3-й степени. В мае переселился с семьей на дачу. На этот раз местом летнего пребывания избран был Павловск. Гравировка карт и планов к Истории войны 1799 года требовала частых моих поездок в город; а в отношении к удобству сообщения Павловск представлял большие выгоды, между тем как жизнь там была довольно покойная и простая. Притом для жены моей это местопребывание доставляло приятное общество в кругу семейства Шуберт и других близких знакомых.

1851–1852

Представленные мною в августе и декабре 1850 года рукописи III и IV частей Истории войны 1799 года, по прочтении их Императором, возвращены мне 7 сентября 1851 года, причем было мне объявлено: "Государь Император изволил найти, что они весьма хорошо составлены, и признал необходимым исключить в них только некоторые места, отмеченные Его Величеством карандашом"[76]. Отмеченные строки, касавшиеся политики Венского кабинета, не имели никакой важности и могли быть просто исключены.

4 декабря того же года возвращена мне и рукопись V части (представленной в апреле 1851 года), без всяких отметок. В это время приступлено мною к печатанию текста сочинения в типографии Военно-учебных заведений*. Все издание рассчитано было на пять томов**. В первых числах декабря прислан мне из типографии первый корректурный лист***.

В феврале 1852 года представлена мною рукопись IV части; в то же время переписывалась набело VII часть и обрабатывалась последняя VIII. Таким образом, если считать началом моей работы март 1849 года, то на все сочинение было употреблено ровно три года.

---

* Далее в автографе зачеркнуто: Сверх сумм, уже полученных мною в несколько приемов из канцелярии Военного министерства (до 2300 рублей) собственно на изготовление карт и планов, отпущено было еще 2059 рублей на покупку бумаги *(прим. публ.)*.

** Далее в автографе зачеркнуто: из которых I и II заключали в себе четыре первые части (по две в каждом томе), III же и IV том – по одной части (V и VI), а V том – по остальным последним двум частям (VII и VIII) *(прим. публ.)*.

*** Далее в автографе зачеркнуто: а 13 декабря утвержден военным министром представленный мною для образца оттиснутый начисто первый лист *(прим. публ.)*.

Последнюю VIII часть представил я лично князю Чернышеву, который принял меня в своем кабинете в канцелярии Военного министерства, посадил и завел речь о том, к какой работе предполагаю я приступить. Когда я заявил намерение приняться за историю Кавказской войны, начиная с первых походов русских войск в тот край, военному министру, видимо, это не понравилось; он признавал более "интересным" ближайшие к нам войны царствования Императора Николая Павловича, имея, конечно, в виду Турецкую войну 1828–1829 годов и Польскую 1830–1831. На мое простодушное замечание, что эти войны еще слишком близки от нас, князь Чернышев с неудовольствием возразил, что именно потому и следует пользоваться свежими воспоминаниями, показаниями живых участников и свидетелей. На этом объяснение и прервалось. Но я твердо решился не поддаваться требованию, которое поставило бы меня в крайне неприятное и неудобное положение – сочинителя панегириков в прославление властей предержащих. И на этот раз повел я дело через барона Вревского, тонкого политика, умевшего ловко улаживать самые щекотливые вопросы.

Занятия мои в Военной академии в учебный год 1851–1852 шли тем же порядком, как и прошлогодние. Сроднившись, можно сказать, с Военной академией, я не переставал мечтать о желательных в ней преобразованиях, чтобы поднять ее значение и расширить полезное ее влияние. В набросанных мною в 1851 и 1852 годах мимолетных заметках[77] основная мысль заключалась в том, чтобы Военная академия, согласно с указанной в самом уставе ее двойственной целью, была не только *учебным* заведением для специального приготовления офицеров к службе Генерального штаба, но и высшим учреждением военно-*ученым*, центром научного образования всего военного ведомства. В отношении к первой цели – учебной — высказывалось желание, чтобы Академия сколько возможно сбросила с себя характер школьный, чтобы усилена была практическая сторона занятий обучающихся офицеров, а для того указывалась между прочим необходимость лучшего выбора руководителей (начальствующих штаб-офицеров) исключительно из опытных офицеров Генерального штаба. С другой стороны, предполагалось развить ученую деятельность препода-

вателей Академии поощрением коллективных работ, облегчением издания трудов их и т.д. Указывалось между прочим на отмену существовавших “публичных экзаменов” и замену их ежегодными торжественными собраниями наподобие университетских годичных “актов”.

Странным кажется теперь, что в то время правительство было озабочено постоянным уменьшением числа поступавших в Академию офицеров и огромным некомплектом в корпусе Генерального штаба. Дело дошло до насильственного задержания состоявших в этом корпусе офицеров; положительно воспрещен был выход из него во всякий другой род службы. По этому вопросу набросаны были мною мысли в январе 1852 года. Лучшее, единственное средство для привлечения офицеров в Академию и для устранения некомплекта в Генеральном штабе, по моему мнению, заключалось в том, чтобы сделать привлекательной самую службу в этом корпусе, а для того указывались разные мысли, как для улучшения материальной обстановки офицеров, так и для открытия им хода в службе (в противоположность насильственному закрепощению). В особенности считал я необходимым расширить самый круг деятельности этого рода службы, слишком специализованного, одностороннего, устраненного от всякого общения с войсками в обычной, так сказать, вседневной их жизни. В означенной записке уже высказывалась мысль об учреждении должности дивизионного начальника штаба (действительно учрежденной четыре года спустя) и о слиянии в высших инстанциях (до Военного министерства включительно) части Генерального штаба с частью строевой или инспекторской. Последняя эта мысль выражена была положительнее несколько позже (в октябре 1853 года), в связи с некоторыми другими предположениями (как, например, об организации интендантства), которые посчастливилось мне самому осуществить в позднейшее время.

Академический выпуск 1851 года ограничивался всего 12 офицерами; но в этом числе были две личности, получившие впоследствии большую известность, хотя совершенно в различных родах: Ник<олай> Павл<ович> Игнатьев — будущий наш посол в Константинополе и кратковременный министр внутренних дел и Мих<аил> Гр<игорьевич> Черняев — будущий воитель в Средней Азии и главнокомандую-

щий-волонтер Сербской армии. Новый состав практического отделения Академии был несколько многочисленнее и богаче даровитыми личностями. В составе начальства и преподавателей никаких перемен не произошло. Самодурство нашего директора генерала Сухозанета заметно укротилось; все реже проявлялось его личное, гнетущее вмешательство в ход дела, а потому оно велось мирно и спокойно.

В Географическом обществе также наступило успокоение после бури предшествовавших лет. В начале 1852 года, по истечении трехлетнего срока, я выбыл из состава совета, но продолжал принимать деятельное участие в занятиях Общества. В секретари Общества был избран младший мой брат Владимир.

Зиму 1851—1852 года провела в Петербурге моя теща с младшей дочерью Дорой Михайловной. Они поселились в самом близком с нами соседстве, на Васильевском острове, на набережной Большой Невы. Пребывание их в Петербурге было большим утешением для моей жены. В первых числах февраля 1852 года мы переселились на казенную квартиру, в дом Военной академии, со стороны Галерной улицы*. Новое наше жилье было довольно тесное и не совсем удобное по внутреннему расположению; но всякая казенная квартира представляет такие выгоды в разных отношениях, что можно мириться с некоторыми неудобствами.

В начале 1852 года произошли некоторые перемены в нашем родственном кругу: обе дочери моей тетки Варвары Дмитриевны Полторацкой вышли замуж: сперва (30 января) — младшая, Софья, за московского молодого человека Пушкарева, а два месяца спустя (3 апреля) — старшая, Ольга, за майора Уланского полка (квартировавшего в Торжке) Вертёля. В этом же году кончил жизнь Сергей Алексеевич Неелов — муж моей тетки Александры Дмитриевны.

По случаю ожидавшихся родов моей жены мы переехали в этом году на дачу ранее обыкновенного. Снова избрали для летнего местопребывания Павловск. Вскоре после переезда, 4 мая, жена разрешилась сыном, которому дано было имя

---

* В автографе далее зачеркнуто: О предоставлении мне этого помещения поднят был вопрос еще в январе 1851 года, но занимавший ее чиновник департамента Генерального штаба статский советник Медведев, оставивший уже службу, не мог по разным причинам очистить квартиру ранее начала 1852 года *(прим. публ.)*.

Николай. Восприемниками были брат мой Николай и свояченица Дора Михайловна Понсэ. Так же, как и других детей, жена сама кормила новорожденного, который казался ребенком здоровым, хотя уже с первых месяцев замечалась в развитии его некоторая ненормальность*.

В продолжение этого лета я должен был ездить в город довольно часто по случаю печатания Истории войны 1799 года. Немало было хлопот с типографией, граверами, иллюминовщиками планов, переплетчиками и т.д. Чем ближе дело подходило к выпуску первых томов сочинения, тем более встречалось мелких подробностей, требовавших личных моих забот. Кроме корректур собственного своего труда, я был занят в то же время корректурами курса тактики, составленного для военно-учебных заведений полковником Карцовым, который проводил лето в новгородской деревне (близ Старой Русы) и потому, за невозможностью лично держать корректуру, просил меня принять этот труд на себя. В это время А.П.Карцов уже получил новое назначение в ведомстве Военно-учебных заведений – главным наставником-наблюдателем по военным наукам (на место генерал-лейтенанта барона Медема); на должность же начальника учебного отделения поступил бывший московский профессор Конст<антин> Дм<итриевич> Кавелин.

Спокойная моя жизнь в Павловске была только раз прервана по случаю празднования 26 августа юбилея 25-летнего управления князя Ал<ександра> Ив<ановича> Чернышева Военным министерством. В означенный день повелено было всем высшим чинам министерства и состоящим лично при министре съехаться в Петергоф для принесения ему поздравления. Для переезда туда приготовлен был казенный пароход, который в 7 часов утра отчалил от Английской набережной. Съезд назначен был в $9^1/_2$ часов утра в большом Петергофском дворце. В торжестве принесения поздравления маститому юбиляру приняли участие сам Император и Великие Князья. После поздравления дан был большой парадный обед во дворце. А вечером тот же пароход отвез нас всех обратно в Петербург.

---

* В автографе зачеркнуто: когда жена совсем оправилась после родов, теща моя собралась в путь за границу, в Гамбург – родину почти всего ее родства. 25 июня мы простились с ней на Павловском железнодорожном вокзале *(прим. публ.)*.

С этого дня бывший товарищ военного министра Василий Андреевич Долгоруков вступил в управление министерством. Князь Чернышев, по преклонности лет освобожденный от должности военного министра, сохранил за собою звания председателя Государственного Совета, Комитета министров и некоторых других комитетов. Несколько времени спустя после отпразднованного юбилея, в департаменте Генерального штаба поднят был вопрос о том, чтобы в одной из зал департамента повесить портрет князя Чернышева вместе с портретом князя Петра Михайловича Волконского, считавшегося основателем Генерального штаба в настоящем значении этого учреждения. С Высочайшего соизволения открыта была по всему ведомству Генерального штаба подписка для изготовления копий с известных крюгеровских портретов обоих сановников*.

В первых числах сентября переехали мы из Павловска на петербургскую нашу зимнюю квартиру, и как обыкновенно, начались экзамены в Военной академии. Выпуск этого года оказался одним из удачных: из числа 16 выпущенных офицеров можно назвать 8 таких, которые впоследствии занимали видные служебные положения: Шидловского — в должности товарища министра внутренних дел; Полторацкого, Глиноецкого, Клугина, Залесова, Кравченко — начальствовавших дивизиями; Окольничего — занимавшего губернаторскую должность в Западной Сибири, и Аничкова** — занявшего вскоре должность профессора военной администрации в Военной академии, а в позднейшее время (управления моего Военным министерством) принимавшего деятельное участие в большей части предпринятых тогда реформ в военном ведомстве.

* В автографе далее зачеркнуто: Поездка в Петергоф не обошлась мне даром: вследствие простуды я потом долго страдал зубами *(прим. публ.)*.

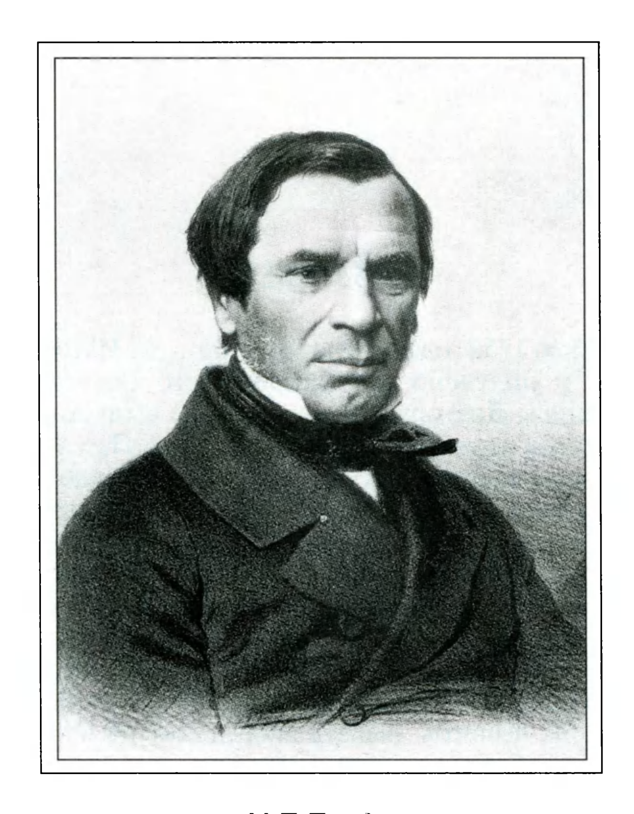
** В автографе зачеркнуто: самого даровитого из всех *(прим. публ.)*.

1852–1853

К сентябрю 1852 года отпечатаны три тома Истории войны 1799 года[78] и получено от управляющего Военным министерством князя Долгорукова разрешение выпустить эти три тома, не ожидая отпечатания остальных двух. При этом объявлено мне, что издание поступит в продажу в мою пользу, за отделением соразмерной части выручки за I часть сочинения в пользу наследницы генерала Михайловского-Данилевского г-жи Берновой. Согласно представленному мною предположению о назначении продажной цены экземпляра по 2 рубля за каждый том положено было отделять в пользу г-жи Берновой по 1 рублю с каждого экземпляра, и притом всю причитающуюся за напечатанные 1500 экземпляров сумму, без всяких вычетов, выдать вперед сполна из министерства, с тем, чтобы этот отпуск пополнить из первой выручки от продажи экземпляров. Г-жа Бернова, получив такое щедрое удовлетворение*, возбудила, однако же, вопрос о своих правах на последующие издания сочинения. От меня потребовано было мнение по этому предмету; в ответе своем я высказал, что, конечно, в случае включения в новое издание составленной покойным генералом Михайловским-Данилевским I части, наследница должна воспользоваться соразмерной частью *чистой* выручки, то есть за вычетом расходов издания, так как расходы эти, без сомнения, уже не будут приняты на счет казны; что вместе с тем должно быть предоставлено ей право самой издавать означенную часть отдельно, если пожелает, также как и мне — право на изда-

---

* Не было принято в расчет, что не все отпечатанное число экземпляров поступило в продажу, что с каждого проданного экземпляра выручается не полная объявленная цена, а за вычетом известных процентов за комиссию и, наконец, что “Приложения” к I части были составлены мной.

М.П.Погодин

ние моего труда, без включения составленной покойным Михайловским-Данилевским I части[79]. Оговорку эту я счел необходимым сделать заранее, имев уже тогда в виду приступить к составлению вновь первой части для второго издания. Мнение это было одобрено управляющим Военным министерством, и в таком смысле дан ответ г-же Берновой.

В течение октября отпечатанные тома переплетались и брошюровались; планы иллюминовались; заключено условие с книгопродавцем Ратьковым, принявшим на себя продажу всего издания с уплатою ему 10% от объявленной цены экземпляра. 9 ноября представлены мною князю В.А.Долгорукову экземпляры для подписания Особам Императорской фамилии, также для князя Чернышева и для самого князя Василия Андреевича. В тот же день появилось первое объявле-

ние о выходе трех томов сочинения, а вслед за тем (15 числа) в "Русском инвалиде" помещен краткий отзыв о вышедшей книге за подписью подполковника Лебедева. В числе многих лиц, которым посланы мною даровые экземпляры (всего до 60), были г-жа Бернова и генерал-адъютант князь Александр Аркадьевич Суворов, который в письме от 9 декабря выразил мне свою благодарность в самых лестных выражениях[80].

Великая Княгиня Елена Павловна поручила своему гофмейстеру барону Розену благодарить меня за поднесенный экземпляр и прислала дорогой перстень с ее вензелем[81].

Начальство Военно-учебных заведений сделало распоряжение (приказ 29 января 1853 г.) о приобретении 102 экземпляров сочинения для библиотек всех этих заведений.

В "Северной пчеле" появился 29 января отзыв о вышедшей книге, довольно бесцветный.

Последние два тома сочинения (части VI, VII и VIII) отпечатаны в феврале 1853 года и выпущены в продажу в марте. 15 числа этого месяца представлены мною князю Долгорукову экземпляры этих томов для Особ Царской фамилии, и 22 числа получил я от него уведомление о пожаловании мне Государем перстня с вензелем Его Величества.

В то же время получены мною лестные письма от многих лиц; почти во всех периодических изданиях появились отзывы о моей книге, с большими или меньшими похвалами; но более всего лестная для меня, можно сказать, восторженная рецензия появилась в "Москвитянине" (№ 4, 1853), за подписью М.П., то есть самого Мих<аила> Петр<овича> Погодина. В этой рецензии помещены были выписки из сочинения на 50 страницах. Статья начиналась таким вступлением:

"Сокровище приобрела в этой книге новая русская история; сокровище приобрела современная литература, которая состоит большею частью из мелочей, пошлостей и претензий; сокровище приобрела читающая публика, коей, после грязных явлений ежедневной жизни, представляемых так или иначе нашими повествованиями, сладко будет отдохнуть на подвигах чести, мужества, храбрости, силы, талантов, в кругу обширных соображений. И какая сцена! Италия, Альпы, Апеннины! Сокровище приобрело, наконец, в этой книге военное учащееся юношество, которое найдет себе здесь целый курс в лицах и действиях, — не тактики, не

стратегии, — а науки побеждать, на русском языке, в русском духе, с русскими приемами!!."[82]

Тогда я не был еще знаком лично с М.П.Погодиным; тем не менее написал ему письмо (10 марта), в котором выразил, как мне приятен был *его* одобрительный отзыв, а в особенности упоминание в его статье о том, что я воспитанник Московского университетского пансиона. В ответе на это, он, с своей стороны, высказал (26 марта), как доволен был моим письмом, "а за университетское чувство — готов бы был вас обнять и расцеловать...Четверть тома я проглотил. Чудеса, да и только! У нас кричат много о национальности: если б почаще выходили книги, подобные вашей, так дело национальности выигрывало бы несравненно более..."[83]

Также весьма приятен был мне лестный отзыв профессора Грановского в письме к Евг<ению> Фед<оровичу> Коршу; по этому поводу послан был мною Т.Н.Грановскому экземпляр сочинения, при письме[84].

Академия наук в заседании 17 апреля 1853 года присудила моему сочинению полную Демидовскую премию, о чем сообщено мне непременным секретарем Академии Фуссом 18 мая[85].

Уже с конца 1852 года начал я постепенно возвращать по принадлежности имевшиеся у меня материалы, а 3 апреля 1853 года представил окончательный отчет в израсходованных на издание суммах. Оказалось, что издание обошлось всего в 9785 рублей, из которых одни карты и планы стоили почти 3800 рублей (конечно, с оттисками и иллюминовкой). Как ни значительна эта цифра, однако ж, она была весьма умеренна соразмерно с объемом сочинения и в особенности с богатством приложенных карт, планов и рисунков*.

Для пополнения суммы, выданной вперед г-же Берновой из канцелярии Военного министерства, как уже ска-

---

* Еще в октябре 1852 года, при последней выдаче сумм на расходы, барон Вревский сделал мне вопрос: будет ли этот отпуск последним? Вследствие такого намека на слишком большие расходы я представил ему справку о размере сумм, которые отпускались покойному Михайловскому-Данилевскому на печатание его сочинений. Оказалось, что соразмерно с объемом изданий эти суммы составляли на каждый печатный лист от 60 рублей (война 1812 г.) до 114 рублей (война Турецкая), тогда как расходы на мое издание, снабженное картами и планами несравненно в большем числе и более тщательной отделки, приходились на каждый лист всего 52 рубля.

зано, удерживалась часть выручки от продажи экземпляров; а так как издание расходилось очень быстро, то вся сумма (1500 рублей) была пополнена в течение 1853 и 1854 годов, и таким образом, к 1 января 1855 года все расчеты мои по изданию были закончены.

История войны 1799 года доставила мне лестную известность в ученом и литературном мире; этому сочинению обязан я избранием меня (в январе 1854 года) в члены-корреспонденты Императорской Академии наук и в члены учрежденной при Киевском университете св. Владимира "Комиссии для описания губерний Киевского учебного округа". Издание этого сочинения доставило мне и в финансовом отношении существенную подмогу. В общей сложности все вырученные от продажи экземпляров суммы*, с присоединением Демидовской премии и стоимости пожалованных двух перстней, составили до 13.500 рублей. Такое случайное приращение денежных средств не только вывело меня из прежнего стесненного домашнего положения, но даже дало возможность отложить некоторую сумму в запас на черный день.

Еще до выпуска моего сочинения получил я несколько предложений о переводе его на французский и немецкий языки. Первое предложение было сделано Александром Степановичем Гуро (сыном известного в Петербурге преподавателя французского языка), служившим в IV отделении Собственной Е.В. канцелярии (по воспитательным заведениям Императрицы Марии)[86]. Это был редкий человек по своей доброте, честности, услужливости. Впоследствии он оказывал мне и моей семье много неоценимых услуг и сделался для нас настоящим другом. В описываемое время он был еще молод, не женат и располагал досугом. Задумав перевести мою Историю войны 1799 года на французский язык, он уже перевел несколько глав; но как человек до крайности скромный, не доверявший собственным своим силам, он усомнился в успехе предприятия, встретив большие трудности в переводе некоторых приведенных в книге мест из своеобразного суворовского стиля, так же как и некоторых старинных документов, помещенных в Приложениях. Предложив мне впоследствии свои услуги для дру-

* Расчеты с книгопродавцем Ратьковым закончены только в мае 1856 года.

гого дела, — именно по второму изданию сочинения, — А.С.Гуро прекратил начатую работу перевода.

С другой стороны, предполагали заняться переводом: пастор Зедергольм (сын которого был женат на дочери М.П.Погодина) — на немецкий язык, а проживавший в Париже Яков Матвеевич Толстой — на французский. Последний прислал мне для образчика перевод нескольких трудных мест. Живший в Стутгарте князь Сергей Голицын также спрашивал мое согласие на помещение отрывков из моего сочинения в каком-то предпринятом им издании на французском языке. На все эти предложения я отвечал полным согласием и сочувственным одобрением[87]; однако ж ни одно из предположений этих не осуществилось. Уже гораздо позже, в 1856 году получил я от одного баварского офицера, лейтенанта 2-го пехотного Кронпринца полка Шмитта при письме экземпляр перевода им на немецкий язык первого тома первого издания, а несколько спустя и следующие 2-й и 3-й тома. В письме упоминалось, что к этому переводу отнесся весьма сочувственно фельдмаршал Принц Карл Баварский, которому и посвящено немецкое издание. Издание это было точным воспроизведением русского: совершенно те же планы, карты, легенды, только с немецкими надписями. В ответе своем лейтенанту Шмитту я благодарил его, но вместе с тем выразил сожаление о том, что он не дождался второго русского издания, которое тогда уже вышло из печати[88].

Так как я далеко забежал вперед, говоря об издании Истории войны 1799 года, то, дабы не возвращаться впоследствии к тому же предмету, скажу здесь же несколько слов относительно второго издания этого сочинения. Как уже упомянуто, первое издание разошлось очень скоро; уже в октябре 1855 года Ратьков продавал экземпляры не дешевле 15 рублей (вместо объявленной цены 10 рублей). Поэтому добрейший наш приятель Ал<ександр> Ст<епанович> Гуро уговорил меня неотлагательно приступить ко второму изданию, притом советовал не входить ни в какие сделки с книгопродавцами-издателями, а взяться за дело самому, и предложил мне безвозмездную свою помощь, особенно в просмотре корректуры. Мне и самому было желательно скорее выпустить новое издание, в котором все части были бы моей работы. Поэтому еще до выпуска 1-го издания я уже принялся за составление I части вза-

мен прежней, составленной Михайловским-Данилевским. Вместе с тем, считал я необходимым пересмотреть и все другие части сочинения для исправления недостатков, неизбежных при поспешной и срочной работе. С этою же целью вошел я в сношения с некоторыми лицами, от которых мог получить новые сведения для пополнения или исправления моей первой работы. Некоторые лица сами, по прочтении первого издания, сообщили мне подобные данные, конечно, преимущественно анекдотического характера. Так, например, старик князь Андрей Иванович Горчаков, племянник фельдмаршала князя Суворова, бывший постоянно при нем в кампании 1799 года и проживавший в преклонные годы в Москве*, сообщил мне несколько фактов, касавшихся лично Суворова. Погодин доставил некоторые библиографические указания. Князь Алекс<андр> Арк<адьевич> Суворов передал мне рукописные документы, не имевшиеся у меня прежде. Адмирал Ф.П.Литке сообщил замечания свои на два места сочинения: одно – относительно английского адмирала Нельсона, выведенного у меня на сцену (часть IV, гл. 38) не совсем в выгодном свете; другое – касательно Швейцарского похода Суворова**. Всеми полученными указаниями, конечно, я воспользовался с благодарностью.

Из составленной мною вновь I части последняя глава, IX, посвященная изображению личности Суворова, была предварительно напечатана в “Русском вестнике” 1856 года (№ 6), гораздо ранее до выхода в свет второго издания. Печатание этого нового издания началось только в конце 1855 года в типографии Академии наук и продолжалось весь 1856 год. Новое издание было более компактное, чем первое. Вместо прежних пяти томов крупной печати оно состояло из трех томов, из которых первые два заключали в себе текст всех восьми частей, а Приложения выделены в 3-й том для большего удобства читателя. Карты, планы и рисунки остались прежние. В этом деле А.С.Гуро оказал мне большую помощь добросовестным, тщательным просмотром корректуры, осо-

* Скончался 11 февраля 1856 года, там же в Москве.

** Переписка с Ф.П.Литке напечатана в Приложениях к LVIII тому “Записок Имп. Академии наук” и в отдельном оттиске составленной В.П.Безобразовым биографии графа Федора Петровича. Спб. 1888.

бенно Приложений, заключавших в себе много документов на иностранных языках. Когда же позже получил я новое служебное назначение, А.С.Гуро взял на себя и все хозяйственные распоряжения по изданию, так что оно было окончательно выпущено уже после моего отъезда на Кавказ.

История войны 1799 года обратила на себя внимание не только в военном отношении, но и в политическом: в ней документально обрисовывались виды и побуждения разных кабинетов в описанную эпоху. В брюссельской газете "Le Nord" 1856 года (№ 193, 11 июля) напечатана была заметка о моей книге (под рубрикой "Variétés, bibliographie"*), где указывалось на открытые новые документы, обличавшие политику Венского двора в конце прошлого столетия, во многом подходившую к современному образу действий Австрии в разыгравшемся тогда Восточном вопросе. Упомянув, что первое и второе издание разошлись, так что книга сделалась уже редкостью, автор заметки приводил факт, который не был мне известен тогда: что еще до выпуска сочинения из печати австрийское правительство переполошилось, узнав о предстоявшем разоблачении дипломатических документов, бросающих невыгодную тень на Венский кабинет; австрийский посол будто бы обратился к графу Нессельроду с жалобой на нескромность (indiscrétion) автора книги; на что наш вице-канцлер ответил, что книга эта составлена по личной Высочайшей воле, и тогда посол решился обратиться к самому Императору Николаю I, который ответил: "Прошло уже 50 лет, и хотя не всем еще известно то, что теперь опубликовано, тем не менее это уже не тайна". Автор газетной заметки прибавил, что все-таки была сделана небольшая уступка, и будто бы пришлось перепечатать 13 листов с выпуском некоторых мест. Но в действительности этого не было; как выше сказано, выключены были очень незначительные места в самой рукописи, а стало быть, можно усомниться в верности всего рассказанного факта. В заключение автор заметки говорит: "Cependant l'échange d'explications dont ce travail historique avait été l'objet avait produit une irritation rancunière, qui s'envenima encore par la publication de l'histoire de la campagne de l'armeé russe en Hongrie, de sorte

* "Смесь, библиография " *(фр.)*

que dés l'année 1850 il ne pouvait plus être question d'une entente cordiale entre le cabinet de Vienne et celui de S^{t}Pétersbourg"*. Затем приводилась довольно длинная выписка из самой Истории войны 1799 года.

По окончании моего труда по истории войны 1799 года, предстояло мне приняться за новую военно-историческую работу — именно за Кавказскую войну. Выбор этого предмета, как я уже упоминал, не понравился бывшему военному министру князю Чернышеву; но с увольнением его от этой должности и вступлением в управление министерством князя Вас<илия> Андр<еевича> Долгорукова не представлялось уже особого затруднения настоять на моем плане, и в начале 1853 года я приступил к сбору материалов по истории Кавказа. В помощь мне назначен был подполковник Генерального штаба Мацнев — бывший мой подчиненный в штабе войск Кавказской линии и Черномории. В это время он уже был женат. Общими силами приступили мы предварительно к изучению литературы нашего предмета, то есть к составлению полной по возможности описи печатных источников по каталогам разных библиотек, предполагая затем перейти к обозрению официальных материалов в архивах.

Заботы по выпуску Истории войны 1799 года одновременно с переработкой того же сочинения для второго издания и с первым приступом к новому историческому труду о Кавказе — все это, разумеется, оставляло мало места другим моим занятиям. Поэтому и Военная академия, и военная статистика отошли на второй план. В учебный 1852—1853 год я ограничивался лекциями по своим прошлогодним конспектам. Однако ж в этот год удалось, благодаря добросовестным трудам подполковника Гедеонова, добавить к курсу военной статистики новую статью — об Оренбургском крае, и таким образом исполнилось, наконец, хотя отчасти, предположение, о котором заявлялось в моих отчетах за несколько лет сряду. Подполковник Гедеонов, приведя в порядок кое-какие собранные его предшественниками материалы и

---

* "Тем не менее, перемена толкований, предметом которой стала эта историческая работа, произвела злобное раздражение, которое еще усугубилось публикацией истории кампании русской армии в Венгрии, так что с 1850 года уже не могло быть речи о сердечном согласии между Венским кабинетом и кабинетом Петербурга" *(фр.)*.

пополнив их, принял на себя и чтение лекций об означенном крае. Оставалось впереди довершить работу составлением обзора остальной нашей Азиатской окраины.

В личном составе Военной академии произошли в начале 1853 года две перемены: выбыл полковник Болотов, преподававший геодезию с самого учреждения Академии; заменил его бывший с 1851 года адъюнктом его поручик Корпуса топографов Воинов. В число же начальствующих штаб-офицеров поступил полковник Генерального штаба Маркович на место выбывшего полковника Дитрихса.

Я уже говорил, что наш директор, генерал Сухозанет, почему-то благоволил ко мне и не раз пытался оказать мне свое покровительство, что однако же ни разу не удавалось ему. В феврале 1853 года вздумал он войти с представлением об усилении совета Академии более свежими силами назначением в число его членов представителей от трех специальных родов военной службы: артиллерии, инженеров и Генерального штаба; при этом указывалось на генерала Безака — от артиллерии, Политковского или Лосиновского — от Корпуса инженеров и меня — от Генерального штаба. В своем представлении он не поскупился на похвалы моим заслугам и опытности для доказательства той пользы, которую, по его мнению, я мог принести в совете Академии. Но в ответе на это представление, по уведомлению управляющего Военным министерством, "Государь Император изволил отозваться, что опытность полковника Милютина по службе Генерального штаба и по учебной части приносит пользу Академии в конференции академической; назначение же его членом совета представляло бы неудобство соединения в одном лице званий членов двух совещательных учреждений, из которых одно подчинено другому". Так предположение генерала Сухозанета осталось опять без последствий; но в числе наград на Пасху мне объявлено Высочайшее благоволение "за отлично-усердную службу".

Среди постоянных моих служебных занятий случалось по временам исполнять и по Военно-учебным заведениям поручения Я.И.Ростовцева: просматривать новые учебники, программы, предположения и т.п. В 1853 году составлялись конспекты и программы для вновь учрежденных третьих специальных классов. По мысли Я.И.Ростовцева, эти классы

должны были довершать военное образование тех кадетов, которые готовились к службе в специальных родах оружия; предполагалось вместе с тем развить в широких размерах практические самостоятельные работы учеников. Вызванный Яковом Ивановичем высказать мое мнение о составленных для этих классов конспектах, я должен был заявить со всей откровенностью, что нашел эти конспекты не соответствующими ни возрасту, ни степени умственного развития молодых людей, не подготовленных к предположенным самостоятельным работам; что при таком направлении дела, какое выражалось в составленных конспектах, новое учреждение может, вместо пользы, принести вред. "Вместо того, чтобы воспитанники при выходе из учебного заведения стали, так сказать, на твердые ноги, для дальнейшего пути, они станут на ходули; вместо того, чтобы идти вернее, они могут совсем попадать. Самонадеянность, фразерство, ложные блестки – суть недостатки, от которых более всего надобно воздерживать молодое поколение вообще, а в особенности ту долю, которая предназначается к поприщу военному. Все усилия должны клониться к тому, чтобы внушать воспитанникам добросовестность в работе, приучать к умственному терпеливому труду, к точной исполнительности" и т.д. В таком смысле составлена было мною подробная записка, представленная генералу Ростовцеву в начале июля 1853 года[89]. Записка эта была прочитана в заседании учебного комитета и, видимо, не пришлась по вкусу; она прошла бесследно, не вызвав даже обсуждения*.

В то же время, т.е. летом 1853 года, приказом Его Высочества главного начальника Военно-учебных заведений (Наследника Цесаревича) возложено было на меня председательство в комиссии, ежегодно назначавшейся для рассмотрения и проверки практических работ воспитанников в Петергофском лагере. Приходилось также исполнять и некоторые поручения по учебному комитету Главного управления путей сообщения и публичных зданий. В числе членов этого комитета я и получил благодарность от графа Клейнмихеля в приказе по Главному управлению (2 марта 1853 года).

---

* Управляющим делами комитета был в то время Григ<орий> Григ<орьевич> Данилович.

По Географическому обществу я помещал по временам статьи в "Вестнике" этого Общества[90], а в исходе 1852 года принял на себя редакцию IX книжки "Записок" Общества*. В то же время (в октябре 1852 г.) избран я советом Общества в состав комиссии, назначенной под председательством Ник<олая> Ив<ановича> Надеждина, для обсуждения проекта и программы предполагавшейся ученой экспедиции в Восточную Сибирь и Камчатку. Кроме меня, членами этой комиссии были: академик Бэр, горный инженер Гельмерсен, А.И.Зеленый, А.А.Зеленый, капитан 1-го ранга Рейнеке и горные инженеры Машин, Ивашенцов и Соколов. Представленная мною в комиссию записка оказалась в существе сходной с мнениями Бэра и Гельмерсена, которые так же, как и я, полагали, что предназначенные на предположенную большую экспедицию денежные средства окажутся недостаточными для достижения серьезных результатов на таком обширном пространстве, какое представляют вся Восточная Сибирь и Камчатка, и что означенные средства полезнее употребить постепенно на частные ученые исследования в той же стране, пользуясь для сего существующим на месте органом Общества – Сибирским отделением его. Комиссия наша, не отвергая такого мнения, признала однако же своей обязанностью исполнить возложенное на нее советом поручение и войти в подробное обсуждение самой программы предположенной экспедиции. Мне же поручена была и самая редакция протокола.

Затем, в апреле 1853 года я был вторично избран Географическим обществом в состав комиссии для рассмотрения сочинений, представленных к конкурсу на Жуковскую премию. Сочленами моими были: Конст<антин> Степ<анович> Веселовский (будущий секретарь Академии наук) и Евг<ений> Ив<анович> Ломанский.

Еще новая работа была возложена на меня II отделением Академии наук (бывшей "Российской Академией"): письмом от 11 октября 1852 года тогдашний непременный сек-

---

* В автографе далее зачеркнуто: В эту книжку вошло несколько крупных статей: Н.Я.Данилевского о климате Вологодской губернии, А.Н.Попова – путешествие Фиорио Бекевани в Персию, Бухару и Хиву (заключавшую в себе любопытные исторические сведения о походе князя Бековича-Черкасского) *(прим. публ.)*.

ретарь Академии Фусс сообщил мне предложение означенного отделения принять на себя редакцию относящихся к военному делу слов в “Словаре церковно-славянского и русского языка” для предпринятого второго издания его*[91]. Работа эта была не тяжелая. В феврале 1853 года представлены мною в Академию пересмотренные слова на первые две буквы азбуки; таких слов в прежнем издании Словаря оказалось всего 133; мною же добавлено еще 41 слово. За эту работу я получил (18 марта 1853 года) благодарность Академии и вместе с тем предложение продолжить работу на следующие буквы. В июне месяце представлены мною обработанные слова на буквы от В до Ж, то есть все, вошедшие в I том Словаря. К числу входивших в прежнее издание 180 слов добавлено мною еще 31 слово. На этом работа и остановилась; мне даже осталось неизвестной дальнейшая судьба предпринятой Академией переработки ее Словаря, говоря откровенно, весьма несовершенного.

Лето 1853 года провел я с семьей в новой местности — между Петергофом и Ораниенбаумом, близ деревни Мартышкиной, на даче Корсакова, нанятой нами пополам с Карцовыми. С такими приятными сожителями мы вполне наслаждались всеми удобствами прекрасной, большой дачи, среди довольно обширного сада, на возвышенном берегу морском. При постоянно прекрасной погоде этого лета мы пользовались совершенно свободно деревенской жизнью, купанием в море, дальними пешеходными прогулками, которые предпринимали иногда сообща обеими семьями. Хозяйство у нас было общее; две хозяйки чередовались понедельно. Несмотря на отдаленность нашего местопребывания, нередко наезжали из города близкие нам или Карцовым гости.

В близком с нами соседстве, на самом берегу морском, проводил лето брат Владимир вместе с И.И.Панаевым. Они жили в живописном chalet**, среди тенистой рощи и проводили время в приятельском кругу литераторов. В это время брат мой уже занимал профессорскую кафедру полицейского права, заместив старого профессора Рождественского.

Сестра моя Авдулина должна была в этом году опять ехать за границу по совету врачей. И на этот раз муж ее почему-то

* Первое издание этого Словаря вышло в 1847 году.

** швейцарский домик, шале *(фр.)*

нашел для себя неудобным выехать из Петербурга; молодая женщина должна была странствовать вдвоем с такой же молодой больной девицей Полиною Людерт – приятельницей моей жены. Выехав из Петербурга в начале июля, они прямо отправились в Крейцнах, где оставались до половины августа, а затем переехали в Швейцарию, на берега Женевского озера. Полина Людерт страдала в сильной степени астмой; воды Крейцнахские не принесли ей пользы; напротив того, она дошла до такого состояния, что не могла уже ни ходить, ни говорить. Сестра моя была вынуждена расстаться с бедной своей спутницей и уехать с каким-то английским семейством в Париж, для совещания с тамошними врачами. В письмах своих она жаловалась на то неловкое положение, в которое поставил ее муж, задерживая возвращение ее в Петербург под предлогом приискания новой квартиры. Возвратилась она только в начале ноября.

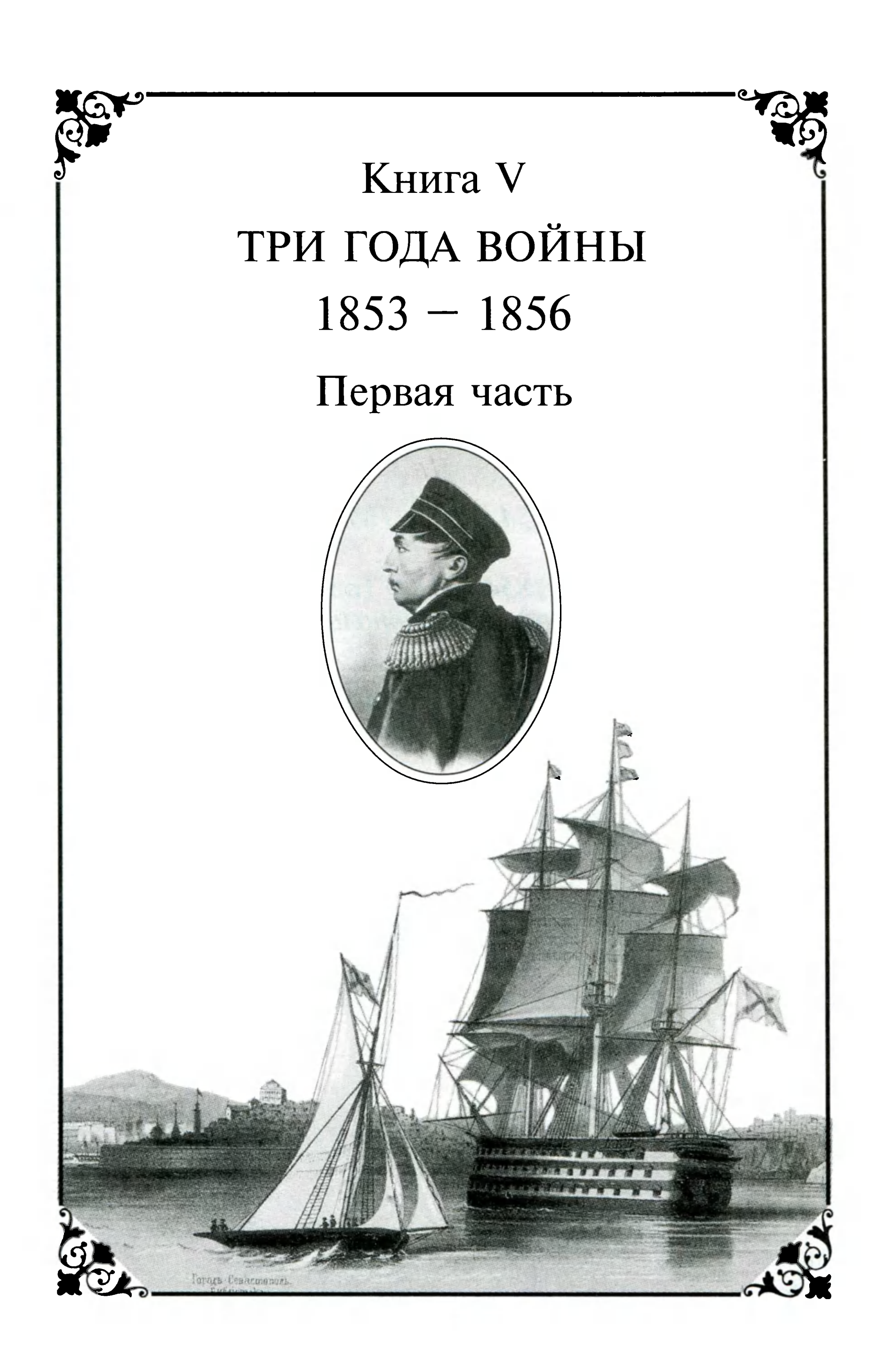

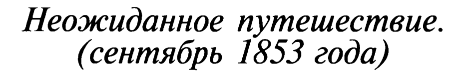
Книга V

ТРИ ГОДА ВОЙНЫ

1853 – 1856

Первая часть

Неожиданное путешествие.
(сентябрь 1853 года)

Последние три месяца 1853 года.
Начало войны

Первые четыре месяца 1854 года.
Разрыв с западными державами

Лето 1854 года в Петергофе

Осень 1854 года в Гатчине.
Первый период Севастопольской эпопеи

Начало 1855 года до кончины
Императора Николая I

НЕОЖИДАННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ (СЕНТЯБРЬ* 1853 ГОДА)

Не суждено было мне докончить лето 1853 года в своем уединенном местопребывании на берегу Финского залива. Тогдашние политические усложнения по Восточному вопросу, от которых я был так далек, вдруг оторвали меня от спокойной дачной жизни. Вызванный внезапно управляющим Военным министерством, я получил от него приказание ознакомиться с производившейся в то время в министерстве перепиской касательно военных приготовлений с тем, чтобы исполнять личные поручения князя Вас<илия> Андр<еевича> Долгорукова по этому предмету.

Таким образом я должен был покинуть дачу и семью, поселиться одиноко в Петербурге и проводить большую часть дня в канцелярии Военного министерства или в департаменте Генерального штаба, за чтением дел, а по временам являться к князю Долгорукову. Только изредка, преимущественно по воскресным и праздничным дням, удавалось на несколько часов отрываться от канцелярской работы и навещать семью.

В то время, как известно, войска наши (4-го и 5-го корпуса), под начальством генерал-адъютанта князя Мих<аила> Дм<итриевича> Горчакова, уже вступили в Дунайские Княжества**; но война еще не была объявлена и надеялись избежать ее. На занятие Княжеств смотрели как на материальный залог для побуждения Порты к исполнению требований Петербургского Двора, справедливость которых признавалась дотоле и другими большими державами. Императором нашим было положительно заявлено, что лишь только Порта уступит этим требованиям, немедленно же

* В автографе: август и сентябрь *(прим. публ.)*.

** Манифест о занятии Княжеств 14(26) июня; переход наших войск через Прут – 21 июня (ст. ст.).

Княжества будут очищены нашими войсками. По этому поводу велись деятельные переговоры между кабинетами; Вена была центром этой дипломатической работы, результатом которой была знаменитая “Венская нота” 20 июля (1 августа)[92]. В этом дипломатическом акте от имени трех больших держав: Англии, Франции и Австрии (Пруссия устранилась от участия) предлагались условия, на которых признавалось возможным уладить возникшее между Россией и Турцией несогласие. Предложение это было принято Петербургским Двором; Император Николай, искренне желая устранить войну, подавался на всякие уступки, совместные с достоинством России. Но Порта, подстрекаемая великобританским послом Стратфортом-Редклифом, отъявленным нашим врагом, не подчинилась коллективному предложению западных держав и предъявила свои условия, на которые со стороны России уже не было возможности согласиться.

В таком положении стояли политические дела в то время, когда я был впервые привлечен к участию в работах Военного министерства. Из пересмотренной мною переписки видно было, что несмотря на все желание и надежды нашего Государя покончить мирным путем столкновение с Портой, уже с самого начала года принимались некоторые предварительные меры на случай могущего произойти разрыва. В собственноручных записках своих Император излагал смелые планы экспедиций морских для понуждения Порты подчиниться его требованиям. Первоначально предполагался десант (13-й и 14-й пехотных дивизий) на берега Босфора и занятие самого Константинополя; потом, вследствие полученных от морского министра (начальника Главного морского штаба Е.И.В.) князя Меншикова замечаний, означенное предположение ограничено десантом в Варне и Бургасе. Император Николай, лично руководивший военными делами и входивший во все подробности военной администрации, часто излагал свои мысли и приказания в обширных собственноручных записках, обыкновенно писанных карандашом, очень мелким, неразборчивым почерком, иногда на нескольких почтовых листах большого формата. В этих записках он не ограничивался указанием главной мысли, а входил во все подробности исполнения, перечисляя части войск, все частные распоряжения по снабжению и

довольствию их, доходя до самых мелочей. Упомянутые записки Государя о замышлявшихся военных мерах против Турции были препровождаемы на заключение фельдмаршала князя Варшавского, к военной опытности которого Император питал безграничное доверие. Паскевич отозвался сочувственно о смелых планах Государя и высказал свои собственные мнения, которые однако же трудно было признать сообразными с действительным положением дел. Как в записках Императора, так и в соображениях фельдмаршала выказывалось чрезмерное пренебрежение к военным силам Турции; все предполагавшиеся предприятия обусловливались полным бессилием ее. Вместе с тем устранялась всякая возможность деятельного вмешательства западных держав, а со стороны Австрии даже допускалась возможность дружественного содействия понудительными против Турции военными мерами.

В собственноручной записке Государя в апреле месяце явилась мысль о занятии Княжеств Дунайских, для чего считалось достаточным употребить один 4-й пехотный корпус; но все еще не оставлялась мысль о десантах и даже о движении к Константинополю, хотя уже допускалась возможность вступления флотов Англии и Франции в Черное море. В то время, когда русский чрезвычайный посол князь Меншиков находился еще в Константинополе, в начале мая, повелено было привести 4-й и 5-й корпуса на военное положение. Только в июне, когда начало явно выказываться сомнительное отношение Парижского и Лондонского кабинетов и двуличный образ действий Венского, оставлены были замыслы отдаленных морских предприятий и положено ограничиться вступлением 4-го армейского корпуса и части 5-го в Дунайские Княжества.

Одна из дивизий 5-го корпуса, 13-я, расположенная в Крыму, с самого начала возникших недоразумений предназначалась к перевозке морем на Кавказ. Еще в феврале повелено было князю Воронцову принять оборонительные меры в Закавказье; а так как, по донесению кавказского наместника, из всех войск Кавказского корпуса можно было стянуть к турецкой границе едва $7^1/_2$ батальонов, то и решено было подкрепить войска на Кавказе 13-й пехотной дивизией и вместе с тем усилить крейсировавшую вдоль кавказского берега эскадру. Князю Меншикову, возвратив-

шемуся тогда из Константинополя в Одессу, предписано было приступить к распоряжениям по морской части для перевозки означенной дивизии в Сухум.

Но вслед за тем, когда дипломатические переговоры в Вене, казалось, приняли благоприятный оборот и возродилась надежда на мирное улажение недоразумений с Портой, возникла новая мысль: в случае мирного исхода дела приготовленную уже к перевозке морем 13-ю дивизию временно употребить на Черноморской береговой линии для нанесения решительного удара вождю горцев Магомет-Амину и для приведения в исполнение давнишнего предположения о твердом занятии треугольного пространства между низовьями Кубани и морским берегом до предположенной передовой линии вдоль речки Адагума.

Вот эти именно предположения, вероятно, и подали князю Долгорукову первую мысль привлечь меня к работе в Военном министерстве. За неимением в то время лица, коротко знакомого с кавказскими делами (в прежнее время специалистом по этой части был Н.И.Вольф), вспомнили обо мне и вырвали меня из того замкнутого, скромного круга учебной и ученой деятельности, в котором я прожил восемь лет и который считал уже окончательно своим призванием. Приходилось возвратиться, хотя, по-видимому, и временно, к прежнему роду деятельности — военно-административной, канцелярской, и первой встречей на этом пути были опять дела кавказские.

О Кавказе я ничего не упоминал в своих воспоминаниях за все время, протекшее с моего выезда оттуда; но по своей привязанности к этому краю и по своей обязанности постоянно освежать в курсе военной статистики статьи о Кавказе, я не переставал следить за ходом тамошних дел. А перемен произошло немало в течение восьми лет! Личный состав местной администрации совершенно изменился со вступлением князя М.С.Воронцова в должность наместника и главнокомандующего. С 1847 года, по увольнении генерала Гурко от звания помощника главнокомандующего и наместника, назначен был начальником гражданского управления и председателем совета Главного управления Закавказского края генерал-лейтенант князь Вас<илий> Осип<ович> Бебутов. Место начальника корпусного штаба после генерал-майора

Траскина* занял опять (с 1846 г.) генерал Коцебу, а корпусным обер-квартирмейстером с того же времени назначен генерал-майор Вольф**. Но летом 1853 года генерал-адъютант Коцебу получил новое назначение — начальником штаба войск, предназначенных для занятия Княжеств Дунайских, и тогда место начальника штаба Кавказского корпуса занял генерал-адъютант князь А.И.Барятинский, бывший в молодые годы любимым адъютантом Наследника Цесаревича Александра Николаевича и оказавший замечательные военные отличия в продолжение службы своей на Кавказе, сперва в звании командира Кабардинского егерского князя Чернышева полка (1847—1850), а потом начальника 20-й пехотной дивизии и левого фланга Кавказской линии (1851—1853). С назначением князя Барятинского начальником штаба генерал Вольф покинул Кавказ и вскоре вышел в отставку***, а место корпусного обер-квартирмейстера занял генерал-майор Индрениус.

На Кавказской линии оставался командующим войсками генерал-лейтенант Завадовский до самого исхода 1853 года, когда он почти внезапно кончил жизнь на возвратном пути из отряда, прорубавшего просеки за Кубанью. Тогда вступил в должность командующего войсками на линии генерал Викентий Михайлович Козловский, старый кавказец, простой, бесхитростный, но заслуживший общее уважение храбрый воин. Должность начальника штаба Кавказской линии после генерала Норденстама (назначенного в 1845 году губернатором в Ставрополь) занимал опытный и умный офицер Генерального штаба генерал-майор Филипсон до 1849 года, когда он был назначен начальником штаба 4-го пехотного корпуса, а вслед за тем должен был, по домашним делам, оставить на время

* Генерал-майор Траскин назначен попечителем Киевского учебного округа.

** Вольф заместил генерал-майора Герасимова, назначенного генерал-квартирмейстером действующей армии.

*** Поводы к назначению князя Барятинского исправляющим должность начальника штаба и увольнению генерала Вольфа подробно объяснены в биографии князя Барятинского, составленной А.И.Зиссерманом[93]. Генерал Вольф оставался в отставке во все время Крымской войны и поступил снова на службу в Военное министерство в 1856 году.

М.С.Воронцов

службу*. После него состоял некоторое время начальником штаба бывший корпусной обер-квартирмейстер генерал Герасимов, а в исходе 1852 года назначен генерал-майор Капгер. Наконец, обер-квартирмейстером на линии, после меня, был полковник Броневский до 1849 года, когда он получил Дагестанский пехотный полк и передал должность обер-квартирмейстера подполковнику Рудановскому.

Положение дел на Кавказе далеко не соответствовало этим оптимистичным ожиданиям, которые сопровождали назначение генерала Воронцова наместником и главнокомандующим. В первый же год его начальствования (1845) предпринятая им в обширных размерах экспедиция в Чечню и Северный Дагестан (заслужившая название "сухарной" экспедиции) имела весьма неудачный, можно сказать, бедственный исход. После полученного тяжелого урона князь Воронцов** отказался от подобных дальних экспедиций вглубь гор; если с тех пор и предпринимались по временам наступательные действия в Дагестане, то они имели целью только остановить успехи возраставшего владычества Шамиля (осады Гергебиля, Салтов, Чоха); в Чечне ежегодно вырубались просеки, производились движения колонн вдоль плоскости, устраивались укрепления и опорные пункты (Чир-юрт, Хасав-юрт, Воздвиженское, Ачхой). Таким образом здесь приводился в исполнение тот именно план, которому начало было положено еще по моей инициативе, и могу сказать, что только в этой части края и сделаны были в то время некоторые успехи в смысле утверждения русского владычества. Вообще же в течение всех девяти лет начальствования князя Воронцова положение наше на Кавказе почти не улучшилось. Власть Шамиля прочно утвердилась в горах восточного Кавказа, а в западном почти все горское население было в руках Шамилева наместника Магомет-Амина. Положение наше было таково, что для обеспечения спокойствия и безопасности в крае признавалось необходимым держать на Кавказе до 270 тысяч войска, а когда возникли опасения разрыва с Турцией, то для охранения границы от внешнего врага оказалось воз-

* Филипсон был в отставке до 1855 года.

** Княжеское достоинство пожаловано ему в 1845 году именно за эту несчастную Даргинскую экспедицию.

можным выделить из означенной громадной силы не более семи батальонов. Один слух об ожидаемом разрыве привел в брожение все горское население. В особенности тревожно было положение Черноморской береговой линии, и начальствующий ею адмирал Серебряков уже в мае 1853 года доносил, что жалкие наши прибрежные форты не в состоянии будут удержаться даже против одного неприятельского фрегата.

Намерение Государя употребить 13-ю пехотную дивизию для решительных действий в 1-м отделении Черноморской береговой линии первоначально обрадовало кавказское начальство; но когда заявлена была положительная Высочайшая воля, чтобы означенная дивизия в ту же осень непременно возвратилась в свое постоянное расположение, то князь Воронцов усомнился в возможности достигнуть в столь короткое время каких-либо серьезных целей. Противного мнения был князь Меншиков, которому Государь и предполагал вверить главное начальство экспедиции, предназначая в начальники штаба его адмирала Серебрякова. Предположение это было выражено в Высочайшей резолюции на доклад военного министра 13 августа. Еще в это время Государь не оставлял намерения своего предпринять означенную экспедицию, "ежели Турецкое дело будет кончено не позже 1 сентября".

Таким образом, в то время, когда я был привлечен к занятиям лично при военном министре, первой моей работой были распоряжения о перевозке морем 13-й пехотной дивизии, снаряжении ее и дальнейшем употреблении в том или другом предположении: на Черноморской ли береговой линии или в Закавказье, в случае разрыва с Турцией. По сложности вопроса и по краткости времени приходилось вести деятельную переписку с князем Воронцовым, князем Меншиковым, командиром 5-го корпуса генералом Лидерсом, командовавшим войсками на Дунае князем Горчаковым и в то же время давать указания подлежащим департаментам министерства по части артиллерийской, инженерной, провиантской и проч.

Однако ж, надежда Государя уладить дело с Турцией не сбывалась. Как уже сказано выше, Порта не приняла коллективного предложения трех держав и предъявила новые требования, на которые согласиться нам было невозможно. Получались донесения о деятельных военных приготовлениях в Турции, о сборах турецких войск на кавказской грани-

це, о намерении турок оказать поддержку горцам восточного Черноморского берега и т.д. По всему было видно, что война неизбежна; а потому 27 августа последовало Высочайшее повеление приготовить все к немедленной, по первому приказанию, перевозке 13-й пехотной дивизии, в полном составе и с обозами, в Сухум, откуда дивизия должна была следовать пешим порядком на турецкую границу. Само собой разумеется, что прежняя мысль об экспедиции на Черноморской береговой линии была уже оставлена. Все распоряжения по перевозке войск были возложены на князя Меншикова и генерала Лидерса; дальнейшее же направление высаженных войск и необходимые для того административные меры были предоставлены кавказскому начальству.

Казалось тогда, что западным кабинетам после изъявленного Императором Николаем согласия на коллективное их предложение (в Венской ноте 20 июля/1 августа) и отказа со стороны Порты предстояло если и не принять понудительных мер против последней, то по крайней мере уклониться от дальнейшего оказания ей поддержки. Но вышло иначе: означенные три кабинета признали предложенные Портой условия лишь маловажными изменениями против коллективного предложения больших держав и решили склонить Петербургский кабинет к принятию этих перемен; но когда со стороны Императора Николая последовал отказ, и в то же время по какому-то странному нарушению дипломатической тайны разглашены были самые соображения нашего Министерства иностранных дел, в глазах которого предложенные Портой перемены далеко не казались маловажными, – то Парижский и Лондонский кабинеты объявили, что ввиду высказанного Россией взгляда на положение дела они уже не могут поддерживать в Константинополе прежние свои предложения. Означенные нескромные разглашения сделались предметом злобной полемики в печати и возбудили еще более враждебное нам настроение общественного мнения в Европе.

Тот же канцелярский промах встревожил и Венский Двор. Колебание его ввиду настойчивых усилий западных морских держав привлечь не только Австрию, но и Пруссию к враждебной России коалиции побудило Императора Николая предпринять поездку за границу, чтобы личным свиданием с Импера-

тором Францем-Иосифом разъяснить недоразумение. Местом свидания назначен был Ольмюц. Предположение это, конечно, оставалось в тайне; в конце августа только сделалось известно, что Государь, по своему обыкновению, едет на несколько дней в Москву для смотров собранных в Ходынском лагере войск.

28 августа совершенно неожиданно князь Вас<илий> Андр<еевич> Долгоруков объявил мне, что по случаю поездки его с Государем в Москву я должен сопровождать его "для исполнения поручений, которые будут им на меня возлагаемы" (как сказано в полученном мною предписании от 29 августа). Поспешно собрался я в дорогу и, пробыв с семьей на даче 29 и 30 августа (субботу и воскресенье), утром 31-го выехал по Николаевской железной дороге вслед за Царским поездом. В Москве отвели мне помещение в Кремлевском дворце, и я имел те же самые занятия при военном министре, как в Петербурге и Петергофе. Хотя работы было не мало, однако же благодаря обычному при Дворе образу жизни, проходящей в непрерывной суете, разъездах, военных смотрах, я улучал каждый день по нескольку часов для посещения немногих остававшихся еще в Москве родственников и близких знакомых. Обедал я ежедневно у тетки Елизаветы Николаевны Киселевой; виделся с другой теткой Нееловой, жившей на даче в Петровской парке; провел два вечера у Вас<илия> Петр<овича> Боткина и Тим<офея> Ник<олаевича> Грановского, в обществе московских профессоров и литераторов. Так прошли незаметно для меня три дня пребывания Государя в Москве. В течение этого времени я занят был преимущественно перепиской относительно отправления на Кавказ 13-й пехотной дивизии. Хотя у нас все еще питали надежду избегнуть войны, однако ж ввиду деятельных военных приготовлений в Турции и сборищ, угрожавших границе Закавказского края, решено было не отлагать долее перевозку означенной дивизии в Сухум. 4 сентября отправлены из Москвы предписания по этому предмету князю Меншикову, князю Воронцову и генералу Лидерсу. Для занятия караулов в Севастополе приказано было перевезти туда из Одессы одну бригаду 14-й пехотной дивизии с 2 батареями артиллерии.

Выезд Государя из Москвы назначен был на 4 сентября. Только накануне этого дня сделалось известным, что Его

Величество едет за границу через Смоленск и Варшаву. Тогда же, 3 сентября, я был крайне озадачен неожиданным объявлением мне князя Вас<илия> Андр<еевича> Долгорукова, что я должен сопровождать Государя в этом путешествии; что вследствие полученного в тот же день из Петербурга известия об опасном положении супруги князя Василия Андреевича, внезапно заболевшей холерой, ему разрешено немедленно возвратиться в Петербург и что потому я буду состоять при графе Владимире Федоровиче Адлерберге, который обыкновенно, в путешествиях Его Величества, в случае отсутствия военного министра, заведовал Военно-походной канцелярией и был докладчиком по военным делам. Графу Адлербергу вовсе не были известны ни ход предшествовавшей переписки военной, ни распоряжения по случаю тогдашних обстоятельств; а потому моя помощь признавалась для него еще необходимее, чем для самого князя Долгорукова. Но поездка моя решилась совершенно внезапно; я не был включен в составленное заранее расписание Государевой свиты, и распоряжение на счет моего переезда до Варшавы было сделано экспромтом только в самый день выезда. Поэтому мне пришлось ехать в хвосте всей вереницы экипажей Царского поезда.

Выехав из Москвы 4-го числа, вечером, в прекрасную погоду, я мчался безостановочно с такой же быстротой, с какой совершал обыкновенно свои путешествия Император Николай. Благодаря остановке на несколько часов в Бресте для смотра войск, я застал еще там Его Величество, успел наскоро разобрать привезенные фельдъегерем из Петербурга конверты и отправить туда некоторые спешные бумаги. На остальном пути до Варшавы я уже ехал в общем поезде.

Приехав в Варшаву рано утром 9-го числа, я немедленно же должен был приняться за присланные из Петербурга бумаги. Квартиру отвели мне в том же флигеле Лазенковского дворца, где помещались Военно-походная канцелярия и сам граф В.Ф.Адлерберг. В 11-м часу утра, по заведенному порядку, Государь поехал в православный собор вместе с наместником и в сопровождении многочисленной свиты. Улицы, по которым проезжал Его Величество, были переполнены толпами народа; город имел вид праздничный, с флагами, вывешенными коврами, гирляндами и проч. Весь день прошел в беспрерыв-

ной суете, разъездах, представлениях и только отчасти в письменной работе. На другой день, 10 сентября, утром, происходил Высочайший смотр войскам на Повонзском поле. В лагере находился в сборе весь 2-й пехотный корпус (4-я, 5-я и 6-я пехотные и 2-я легкая кавалерийская дивизии), которым командовал генерал-адъютант Панютин, и кроме того несколько полков иррегулярной конницы. Погода была прекрасная, даже жаркая; парад прошел блистательно, в присутствии множества съехавшихся иностранных гостей. Вечером Государь и вся свита присутствовали на парадном спектакле.

С первого же дня занятий с графом Вл<адимиром> Фед<оровичем> Адлербергом я нашел в нем приятного начальника, весьма обходительного, разумного и привычного к делам. Спутниками и товарищами моими по Военно-походной канцелярии были: статский советник Ник<олай> Фед<орович> Шауфус и Андр<ей> Ник<олаевич> Кирилин — личности симпатичные, с которыми я скоро сошелся и мог проводить без скуки свободное от занятий время. Мы все трое, почти одинаково, были заняты не столько работой, сколько беготней, участием в разных торжествах, а в особенности выжиданием тех моментов, которые наше начальство могло урывками посвящать делам. Для меня нелегко было выносить такой образ жизни после 8 лет спокойной кабинетной работы.

11 сентября, в 2 часа пополудни, Государь в сопровождении фельдмаршала князя Варшавского и всей свиты выехал по Варшавско-Венской железной дороге. Переезд этот был для меня первым опытом путешествий в Царской свите, и с первого же шага случилось попасть в положение весьма неловкое. На одной из железнодорожных станций (чуть ли не в Скерневицах) приготовлен был для Государя и свиты обед. Войдя несколько позже других в комнату, где накрыт был общий стол, я, к крайнему моему смущению, нашел все места уже занятыми; для меня же не было прибора. Приписать ли это простой нераспорядительности тех лиц, от которых зависело включение меня в список Государевой свиты, или умышленному исключению меня из нее как случайно попавшего в путешествие, — во всяком случае минута была для меня критическая. На меня обратились взгляды всех сидевших за столом и в том числе самого Императора. Как мне было поступить? Выйти из комнаты и остаться вместе с

фельдъегерями, писарями и прислугой? Думать было некогда. В порыве какой-то безотчетной решимости я беру стул и сажусь между товарищами своими по Военно-походной канцелярии. В ту минуту, сильно взволнованный, я, конечно, не мог подметить, какое впечатление произвел мой поступок на присутствовавших и на самого Государя; каково бы оно ни было, я не имел причины раскаиваться в той решимости, с которой вышел из своего трудного положения. После того уже не случалось мне оставаться без места за Царским столом; бывали даже случаи, что в пути, при малочисленном составе сопровождавших лиц, Государь за обедом удостоивал меня благосклонного разговора.

На дальнейшем нашем пути в тот же день случилась неожиданная остановка вследствие какого-то повреждения железной дороги, замеченного впрочем своевременно. К вечеру прибыли мы на пограничную станцию Мисловицы, где переночевали, а на другой день, 12-го числа, тронулись далее только в 11 часов утра, с таким расчетом, чтобы прибыть в Ольмюц к 7 часам вечера. Навстречу Государю прислан был австрийский генерал, который и оставался при Его Величестве во все время пребывания в пределах Австрии. На всех станциях железной дороги выставлены были почетные караулы, то прусские, то австрийские, что вызывало переодевание Государя то в прусский, то в австрийский мундиры; мы же все ехали от самой границы в парадной форме. Этот переезд, с повторявшимися на каждой станции почетными встречами, при звуках русского народного гимна, стечении толпы жителей и возгласах “ура”, производил на такого новичка, как я, странное впечатление. На предпоследней станции Прерау встретил Государя сам Император Франц-Иосиф с блестящей свитой. В то время ему было всего 23 года от роду; он имел вид незрелого, жидкого, белокурого юноши. При встрече Император Николай обнял и расцеловал юного монарха; затем, войдя в комнату, представил ему свою свиту, после чего представлена была Императором Францем-Иосифом его австрийская свита. В Ольмюц оба Императора въехали вместе, в одном экипаже; встреча была блестящая. Всей русской свите отведены были прекрасные помещения в самом дворце (собственно составлявшем помещение мест-

ного архиепископа). Немедленно же по приезде мы все были приглашены к парадному обеду, а потом в спектакль.

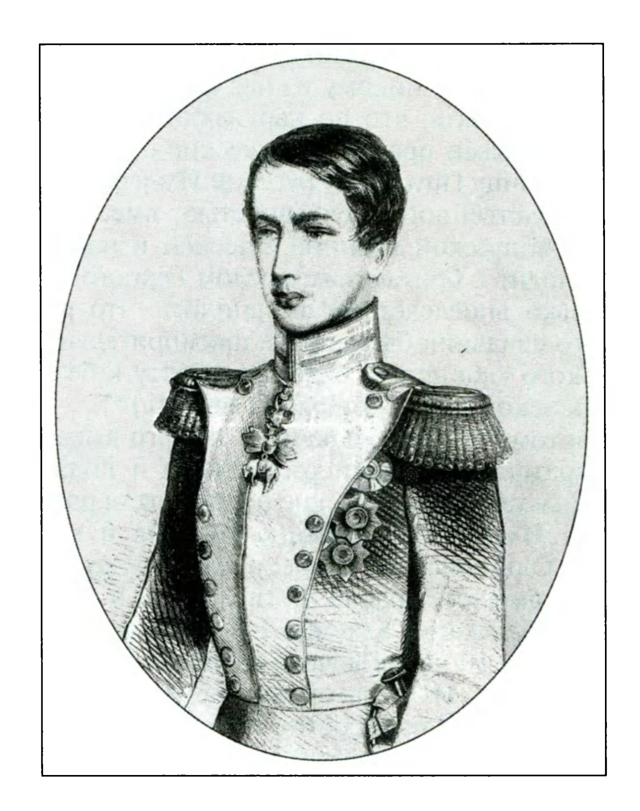
Следующий день, 13-е число, прошел в беспрерывном движении и суете. Утром мы присутствовали на смотре войск, собранных под Ольмюцем и состоявших из трех корпусов силою до 50 тысяч человек. Корпусами командовали генералы: Шлик, Клам-Галас и Шафгоче, под общим командованием графа Вратислава. Смотр происходил на обширной равнине, среди которой расположен укрепленный город. Прекрасная погода, щеголеватый вид австрийских войск, пестрота мундиров съехавшихся многочисленных иностранных гостей* — все вместе способствовало эффекту зрелища. По окончании смотра все дообеденное время было употреблено на официальные визиты эрцгерцогам**, принцам и высшим сановникам. Чтобы не сделать какого-нибудь промаха, я присоединился к опытному в придворных порядках барону Ливену и разъезжал вместе с ним. Мы сделали до 25 визитов, расписываясь, где следовало, или оставляя визитные карточки. Некоторым из особ австрийского Императорского Дома и главных сановников я был уже представлен накануне или во время смотра. Из них оставили в моей памяти впечатление преимущественно первый министр Буль, фельдмаршал Виндишгрец, бан Еллачич, первый генерал-адъютант Императора фельдмаршал-лейтенант граф Грюнс. После парадного обеда за императорским столом опять мы были приглашены в городской театр, на котором давала представление Венская придворная труппа. Город во все вечера был иллюминован.

Остальные три дня пребывания русского Императора в Ольмюце (14, 15 и 16 сентября) провели мы в такой же суете и непрерывном движении. По утрам угощали нас военными

---

* В числе их находились: Прусский наследный Принц Вильгельм (будущий Король и Император) с сыном Принцем Фридрихом, два Баварских Принца: Карл и Людвиг, владетельные Герцоги Моденский и Пармский и Принц Александр Гессенский. В числе же иностранных офицеров выдавался французский генерал Goyon, присланный с несколькими офицерами Наполеоном III.

** Эрцгерцоги: Карл-Людвиг — младший брат Императора, 20-летний юноша, Карл-Фердинанд — сын знаменитого Эрцгерцога Карла, командир 6-го корпуса, расположенного в Италии, и шеф русского Уланского (Белгородского) полка, и два сына Эрцгерцога Райнера: Леопольд — шеф русского Уланского (Украинского) полка и Эрнест.

Франц-Иосиф I

зрелищами, учениями, маневрами; потом обед за Императорским столом, а по вечерам – спектакль. К сожалению, погода испортилась; 14-го числа почти во весь день шел дождь с холодным ветром. Показывали нам между прочим инженерные работы и взрывы мин посредством электричества. Зрелище это чуть было не закончилось катастрофой: при одном из произведенных взрывов оказался такой промах в расчете инженеров, что выброшенные миной глыбы земли и град камней посыпались на досчатую крышу павильона, с которого оба Императора со всеми съехавшимися принцами и свитами смотрели на действие мин. К счастью, навес оказался довольно прочным и не был пробит; все кончилось благополучно.

В промежутках между военными зрелищами, парадными обедами и спектаклями велись дипломатические совещания

и беседы между обоими Императорами глаз на глаз. В чем они заключались, конечно, никому из нас не было известно. Мы могли только замечать, что по наружности поддерживались между Императорами прежние дружеские отношения, что к Наследнику Принцу Прусскому русский Император относился с обычной, родственной задушевностью; вместе с тем был любезен с французской военной миссией и напротив того, обошелся холодно с британским послом Герцогом Вестмореландом. Только впоследствии выяснилось, что результатом Ольмюцского свидания было новое примирительное предложение Венского кабинета – склонить Порту к безусловному принятию Венской ноты 20 июля (1 августа)[94]*.

По принятому обычаю, накануне нашего выезда из Ольмюца Императоры обменялись орденами и подарками сопровождавшим их лицам. Русские ордена были розданы всем окружавшим Императора Франца-Иосифа и командирам частей войск Ольмюцского сбора, а все лица русской свиты получили австрийские ордена. В числе их и я украсил свою шею орденом Железной Короны 2-й степени.

16 сентября в 10 часов вечера выехали мы из Ольмюца обратно в Варшаву. Император Франц-Иосиф распростился со своим Августейшим гостем на вокзале железной дороги, впрочем ненадолго, ввиду предстоявшего нового съезда обоих Императоров с Королем Прусским в Варшаве. По возвращении туда, 17-го числа, в 2 часа дня, я нашел массу присланных из Петербурга бумаг и должен был заниматься ими до самой ночи. В первые три дня (18, 19 и 20 сентября), несмотря на ненастную погоду и дожди, Государь ежедневно производил учения войскам 2-го пехотного корпуса. 21-го числа Его Величество выехал на первую станцию Варшавско-Венской железной дороги навстречу обоим своим венценосным гостям. Вечером большая часть свиты собралась у подъезда дворца, где выставлен был почетный караул. В оба следовавшие за тем дни (22 и 23 сентября) с утра до вечера вся Варшава была в движении и в праздничном наряде; погода была свежая, но по крайней мере без дождя. В первый день (22 числа) происхо-

* Предложение это заявлено трем другим кабинетам нотой австрийского министра Буля от 16(28) сентября; но отвергнуто обеими западными морскими державами.

дил большой смотр войскам на Повонзском поле. Перед обедом во дворце Государь представил Королю Фридриху Вильгельму IV свою свиту, причем удостоил меня особенного благосклонного внимания, представив как автора "Истории войны 1799 года"[95]. За обедом оба венценосных гостя сидели по сторонам Императора Николая; лица их свиты были рассажены вперемешку с русскими. За обедом, разумеется, возглашались тосты в честь всех трех монархов. Смотря на них при этой обстановке, слыша их взаимные приветствия, можно было думать, что между ними царила по-прежнему самая тесная дружба; что заветный "священный"[96] союз сохранял полную свою силу. Никому не приходило на мысль, что союз этот в то время был уже подорван; что Австрия, за четыре года перед тем спасенная Императором Николаем от грозившего ей распадения, "удивит мир своею неблагодарностью", а Пруссия хотя и не присоединится к враждебной нам коалиции, однако же и не станет явно на сторону России.

Во второй день (23-го числа) утро было опять посвящено военным занятиям: произведен маневр или корпусное учение в окрестностях лагеря; затем обед во дворце и спектакль; оба вечера город был иллюминован.

О том, что происходило по дипломатической части в продолжение трехдневного съезда в Варшаве[97], мы, конечно, не могли ничего знать; нам даже не было известно до самого дня выезда из Варшавы о намерении Государя немедленно же отдать визит Прусскому Королю; все еще толковали о предполагавшейся прежде поездке в Киев и Одессу для смотров 3-го и 5-го корпусов. Конечно, не были нам известны в то время и поданные Государю фельдмаршалом князем Варшавским две записки, в которых излагались его соображения на случай войны с Турцией[98]. В первой предлагалось действовать наступательно на обоих театрах войны: на Европейском, по мнению фельдмаршала, следовало нашей армии переправиться через Дунай в низовьях (около Гирсова) и приступить к осаде крепостей: Силистрии, Варны и Шумлы; на Азиатском же – он находил возможным, из находившихся уже на Кавказе многочисленных войск, усилить действующий против Турции отряд гораздо в большей мере, чем предполагал князь Воронцов; но считал необходимым заранее снять укрепления Черноморской береговой линии. В

записке этой высказывался странный оптимизм князя Варшавского: никакого внимания не обращалось на угрожавшее положение западных морских держав и на присутствие их флота в Дарданеллах, откуда он мог во всякий момент вступить в Черное море. Вторая записка фельдмаршала, помеченная 24 сентября (т.е. в самый день выезда Императора из Варшавы), была составлена уже совсем в ином смысле: приняв за основание выражение Государем желания не вызывать войны и не ссориться с Европой, Паскевич предполагал оставаться на Европейском театре действий в оборонительном положении, не переходя за Дунай, а действовать наступательно в Азиатской Турции.

24 сентября, утром, мы проводили Императора Франца-Иосифа на станцию Варшавско-Венской железной дороги, а вечером Император Николай Павлович, вместе с Королем Фридрихом Вильгельмом IV, выехали по той же дороге до Мисловиц, откуда продолжали путь на Бреславль и Берлин и 25-го числа вечером прибыли в Потсдам. Само собою разумеется, что и здесь не обошлось без торжественных встреч, с почетными караулами и представлениями начальствующих лиц; а в Потсдаме нам пришлось выдержать два дня, такие же суетливые и тяжелые, как вынесенные перед тем в Ольмюце и Варшаве, с военными смотрами и маневрами, по утрам, с представлением многочисленным принцам, с визитами высшим сановникам, с парадными обедами во дворце и спектаклями по вечерам. С непривычки у меня шла голова кругом от множества новых лиц и беспрестанно менявшейся обстановки, так что проведенные в Потсдаме два дня почти не оставили в моей памяти никакого следа. Едва нашел я время съездить на несколько часов в Берлин для кое-каких закупок. Мы все были так утомлены, что радовались, когда дождались выезда в обратный путь. И здесь, на прощание, всем лицам Царской свиты розданы были ордена или подарки; на мою долю достался крестик Красного орла 3-й степени.

27-го вечером выехали мы из Потсдама через Берлин по существовавшей в то время железной дороге на Штетин, Бромберг, Диршау до Кенигсберга, откуда приходилось продолжать путь на лошадях по шоссе через Вержболово, Ковну, Вилькомир, Динабург, Остров, Лугу (оставляя в стороне Вильну и Псков). После безостановочной, быстрой

езды Государь прибыл 1 октября в Царское Село; я же поспешил к своей семье в Петербург.

Месяц, проведенный мною в путешествии, в Царской свите, был одним из интересных эпизодов в моей жизни; он доставил мне случай видеть много нового для меня, ознакомиться изблизи с обычаями и порядками русского и иностранных Дворов. Путешествие это снова поставило меня на глаза Императора Николая, возобновило в его памяти прежнего молодого офицера Гвардейского генерального штаба. Однако ж испытанный мною впервые образ жизни в придворной атмосфере не показался мне привлекательным; приманки честолюбия и тщеславия не соблазнили меня; только и думал я о возвращении к своей мирной, семейной жизни и кабинетной работе.

Семья моя, после моего отъезда, оставалась еще некоторое время на даче под Ораниенбаумом; но наступившая в первые же дни сентября холодная погода заставила Карцовых и брата Владимира переселиться в город; 11-го же сентября и жена моя последовала их примеру. Как на даче, так и в городе посещали ее часто братья, И.П.Арапетов, Карцовы, Лебедевы и другие наши приятели. Несколько дней жена со старшей дочерью провела в Павловске у Шубертов.

Возвращение мое в семью было на этот раз нерадостное. В дороге, при быстрой езде, в открытом экипаже, в ненастную осеннюю погоду, я застудил свои глаза и должен был в первые дни сидеть безвыходно дома, что ставило меня в неловкое положение в отношении к моему начальству. Лишенный возможности явиться к князю Вас<илию> Андр<еевичу> Долгорукову, убитому смертью супруги, я не мог приняться и за письменные работы, в такое время, когда положение дел чрезвычайно озабочивало военного министра и требовало от него напряженной деятельности. На другой же день моего приезда заболел у нас младший ребенок, Николай, которому тогда шел второй год. Он только что начинал ходить и произносить несколько слов; но здоровье его давно уже возбуждало опасения ненормальным сложением (непропорциональные размеры головы и груди); с ним часто случались приступы удушья. В течение лета ребенок, казалось, совсем поправился; но с переселением в город возобновились страдания малютки. 2 октября случился опять сильный припадок удушья. Эта детская болезнь, известная

под названием “гортанной одышки” (astma thymicum) продолжалась всего два дня; никакие врачебные средства не помогли, и 4-го числа он кончил жизнь в сильных страданиях. 6 октября, в годовщину кончины моего отца, мы с женой отвезли прах младенца на Волково кладбище; к сожалению, мы должны были похоронить его особняком, в дальнем расстоянии от отцовой могилы. Жена была глубоко опечалена первой потерей ребенка, которого она сама вскормила и горячо полюбила.

Вслед за этим семейным горем встревожил нас другой прискорбный случай: с Кавказа получено было известие о несчастном приключении с братом моей жены Евгением Михайловичем Понсэ, состоявшим с 1847 года на службе при князе Воронцове. Командированный с каким-то поручением на турецкую границу, он сделался жертвою нападения заграничных турецких хищников, часто тревоживших в то время окраины Закавказья. Получив несколько серьезных ран, он был брошен замертво на месте происшествия. К счастью, раны оказались не смертельными: привезенный в Александрополь, он пролежал там довольно долго и поправился благодаря заботам и попечениям о нем занимавшего должность Александропольского коменданта старого моего товарища Шульца. Об этом происшествии мы узнали из собственного письма Евгения Михайловича от 10 октября из Александрополя, а потому избегли напрасных преувеличенных беспокойств.

ПОСЛЕДНИЕ ТРИ МЕСЯЦА 1853 ГОДА. НАЧАЛО ВОЙНЫ

Поездка Государя за границу и дружественные свидания его с Императором Австрийским и Королем Прусским не привели к желанному результату. Пока происходили в Ольмюце, Варшаве и Потсдаме взаимные чествования между Монархами трех соседних держав, пока Император Николай пытался откровенным разъяснением дела заручиться в благонадежности исконных своих союзников, — в то же время между обеими западными морскими державами устанавливалось окончательное соглашение относительно дальнейших совместных действий против России под предлогом охранения независимости Турции. Как уже сказано, кабинеты Парижский и Лондонский отклонили примирительное предложение Венского кабинета от 16(28) сентября[99] и вместе с тем дали приказание эскадрам, стоявшим у Безика, перейти к Босфору под видом обеспечения Константинополя.

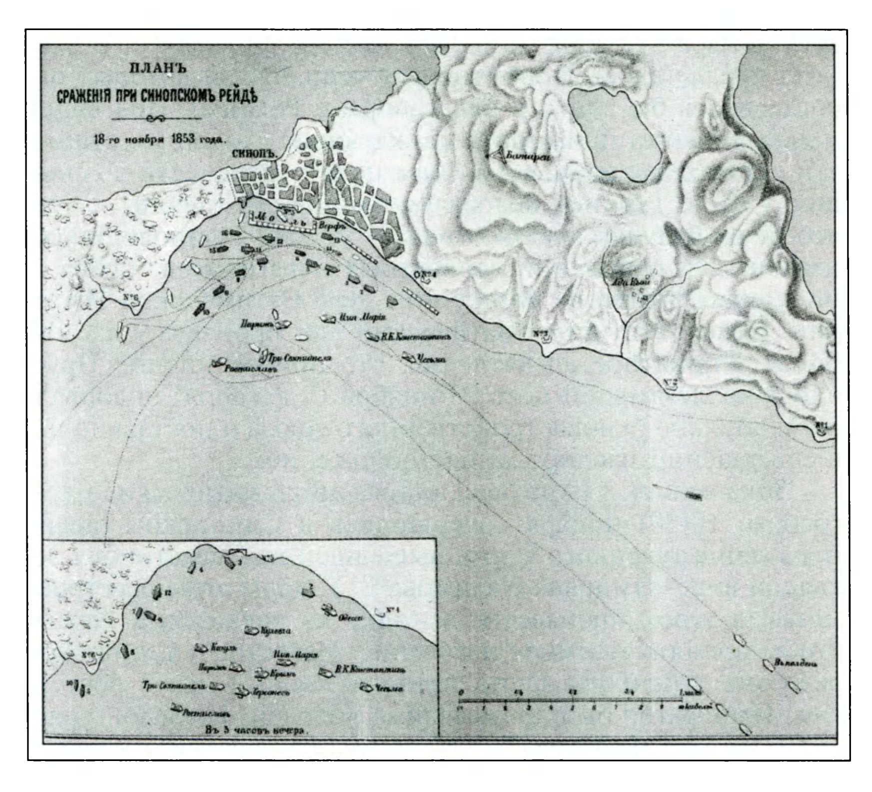
Явная поддержка западных морских держав, в особенности же подстрекательство русофоба лорда Стратфорда-Редклифа придали туркам самонадеянность. С кипучей поспешностью делались военные приготовления как в Европейской, так и в Азиатской Турции; отовсюду стягивались войска и редифы, с одной стороны — к Дунаю, под начальством Омер-паши, с другой — к нашей закавказской границе, под начальством Абди-паши. Увлеченные воинственным задором, турки решили сами объявить войну. В конце сентября (27 сентября/9 октября) командующий войсками в Княжествах Дунайских князь Горчаков получил от Омер-паши дерзкое письмо с требованием очищения территории Валахии и Молдавии в двухнедельный срок.

Таковы были первые известия, полученные в Петербурге по возвращении Государя из-за границы. Ответом на заносчивое требование турецкого главнокомандующего был

Императорский манифест 21 октября (2 ноября) об окончательном разрыве с Портой[100]. Между тем еще до истечения срока, назначенного в ультиматуме Омер-паши, турки уже 3(15) октября открыли военные действия против наших передовых войск на Дунае; в половине же октября перешли из Виддина на левый берег этой реки и заняли Калафат, а в ночь с 15-го на 16-е произвели на кавказской нашей границе внезапное нападение на пограничный пост св. Николая при устье реки Чолока. Вслед за тем турецкие отряды и толпы башибузуков вторглись на разных пунктах в пределы закавказских наших областей. Малочисленные наши войска, какие успели тогда собрать на границе, не имели возможности прикрыть ее на всем протяжении и защитить край от варварского разорения.

В конце октября военные действия были уже в полном разгаре на обоих театрах войны. На Дунае турецкий отряд, собранный в Туртукае, перешел 21-го числа на левый берег реки и укрепился в Ольтеницском карантине; первая попытка генерала Данненберга (23 октября) выбить неприятеля из этой позиции оказалась безуспешной. Однако ж 31 октября турки ушли за Дунай, не дождавшись готовившейся более решительной атаки со стороны наших войск. В то же время и на Азиатском театре войны турки, в больших силах, перешли 31 октября через Арпачай и заняли позицию у Баяндура, несколько южнее Александрополя. Встреченные тут малочисленным русским отрядом, собравшимся в Александрополе, под начальством генерал-лейтенанта князя Бебутова, турки, несмотря на свое значительное превосходство в числе, ограничились одной канонадой (2 ноября) и потом отступили за Арпачай, дав таким образом время собраться в Александрополе направленным туда подкреплениям, частью из войск Кавказского корпуса, частью из 13-й пехотной дивизии, высаженной в Сухуме.

Итак, на обоих театрах войны действия открылись по инициативе турок, а не с нашей стороны. Можно сказать, что мы даже и не приготовились к серьезной войне. Тогда у нас смотрели с таким пренебрежением на военные силы Турции, что никак не ожидали, чтобы она сама навязалась на войну с Россией. Что же касается западных держав, то ввиду традиционного их антагонизма признавалось неверо-

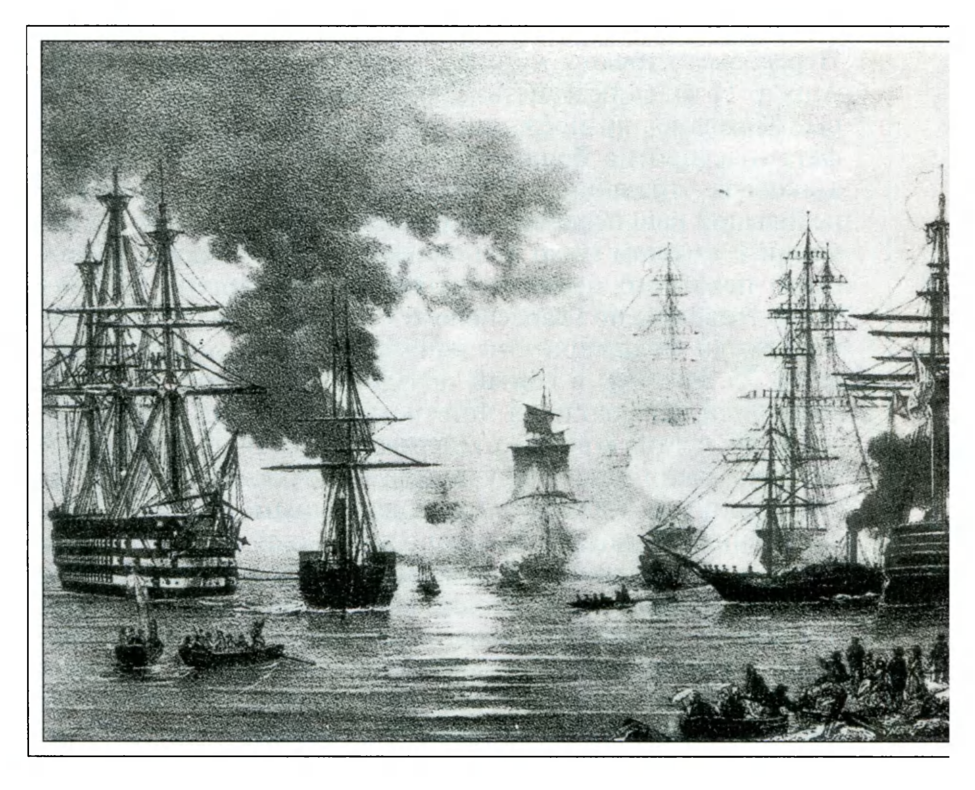
План сражения при Синопском рейде 18 ноября 1853 г.

ятным совместное их вооруженное вмешательство в русско-турецкий конфликт. Противодействие, встреченное русской политикой в восточных делах, приписывалось преимущественно Лондонскому кабинету; а потому дипломатические наши отношения к Парижскому Двору поддерживались в примирительном духе. Еще 5(17) ноября наш посланник в Париже Н.Д.Киселев, приглашенный в Фонтенебло, был принят весьма любезно Наполеоном III, который выражал надежду на сохранение мира, хотя в то время французская эскадра вместе с английской стояла уже у Золотого Рога, а в Тулоне деятельно производились приготовления к посадке на суда 20-тысячного десантного корпуса. Дипломатические переговоры продолжались в Вене, и результатом их была новая коллективная нота 23 ноября (5 декабря), уже от имени

всех четырех держав, со включением и Пруссии[101]. В этой ноте предлагалось Порте заявить условия, на которых она согласилась бы войти в переговоры с Россией. Под видом новой попытки примирить враждующие стороны в сущности скрывалась враждебная нам цель — перенести возникшие у нас с Турцией недоразумения на суд Европы, с тем, чтобы на будущее время отнять у России установившиеся издавна, на основании сепаратных переговоров, права ее на вмешательство во внутренние дела Оттоманской Империи. Новый этот дипломатический шаг произвел у нас тем более неприятное впечатление, что присоединение Пруссии к коллективной ноте 23 ноября (5 декабря) подорвало окончательно основы тройственного союза и поставило нас в совершенно изолированное положение.

Пока велись в Вене бесплодные дипломатические переговоры, 18(30) ноября совершилось в Синопской гавани поражение турецкого флота вышедшей из Севастополя эскадрой вице-адмирала Нахимова[102]. Ударом этим расстроен замысел турок произвести высадку на кавказском берегу, чтобы поднять туземное население. Известие о Синопском разгроме турецкого флота принято было у нас с восторгом; Император был чрезвычайно доволен; Нахимов получил орден св. Георгия 2-й степени, все участники блестящего Синопского боя награждены. Зато в Европе известие об истреблении турецкого флота, так сказать, на глазах стоявшей в Босфоре союзной эскадры произвело страшное раздражение, подало повод к новым против России упрекам и окончательно склонило Лондонский и Парижский кабинеты к заключению союза против России.

Почти одновременно с успехом нашего флота при Синопе одержаны успехи и на сухом пути, на Азиатском театре войны. Турки, несмотря на громадное свое превосходство в силах, потерпели целый ряд поражений: после отбитого 7 ноября генерал-лейтенантом Бруннером нападения их на Ацхур, генерал-майор князь Андроников с 7-тысячным отрядом разбил 14-го числа 18-тысячный корпус Али-паши под Ахалцихом, а 19-го числа князь Бебутов с 10-тысячным отрядом одержал под Башкодыхларом полную победу над главной Анатолийской армией силою свыше 30 тысяч человек. Турки отступили к Карсу, а князь Бебутов расположил свои войска

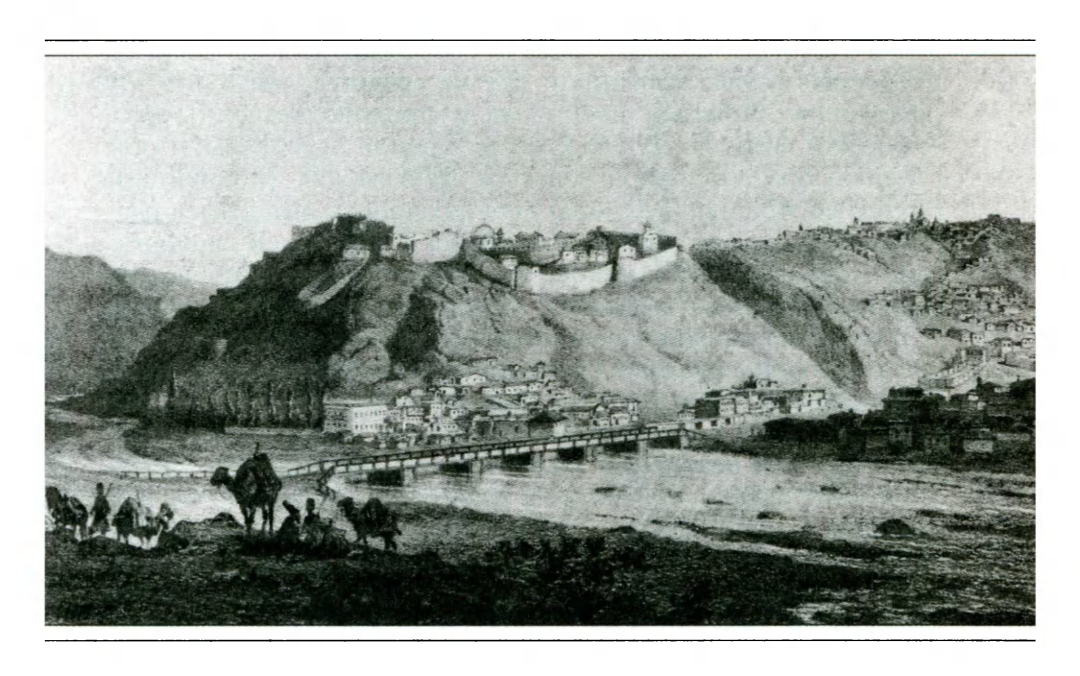
Победный флот входит на Севастопольский рейд 22 ноября 1853 г.

на зимние квартиры в Александрополе. Победы эти, обеспечившие на целую зиму спокойствие в пограничных местностях, произвели в Петербурге самое успокоительное впечатление и как бы фактически оправдали существовавшее у нас пренебрежение к турецким военным силам. По обыкновению, все отличившиеся в упомянутых делах были осыпаны наградами. Князь Бебутов получил орден св. Георгия 2-й степени, а князь Андроников — 3-й степени.

На Европейском театре войны не предпринималось ни с той, ни с другой стороны никаких действий во все продолжение ноября и первой половины декабря. Князь Горчаков заботился только о доставлении войскам по возможности удобных на зиму квартир. По мере прибытия в Княжества направленных туда войск 3-го корпуса, район расположе-

ния нашей армии раздвигался к стороне Малой Валахии. Передовым отрядом к этой стороне начальствовал генерал Анреп. И здесь бездействие было прервано турками, которые держались по-прежнему на левом берегу Дуная, в Калафате (насупротив Виддина). 19 декабря турецкая кавалерия атаковала стоявший у Четати (верстах в 17 от Калафата) небольшой наш передовой отряд из одного батальона с 2 орудиями и взводом гусар под начальством командира Тобольского пехотного полка полковника Баумгартена (бывшего моего товарища по Гвардейскому генеральному штабу). Наши выдержали молодецки это нападение; но спустя несколько дней, 25 декабря, в самый праздник Рождества, турки возобновили нападение на Четати уже большими силами, тысяч до 40, против которых у генерала Анрепа было всего 7 тысяч человек, растянутых полукружием, мелкими постами, для наблюдения за Калафатским укрепленным лагерем. Войска полковника Баумгартена упорно держались в Четати до прибытия подкреплений от ближайших войск генерала Бельгардта. Бой продолжался с ожесточением, пока наконец движение самого генерала Анрепа, угрожавшее пути отступления турок, не заставило их прекратить атаки и отойти к Калафату. В этот день наши войска, имев против себя втрое или вчетверо сильнейшего противника, понесли большие потери: число убитых и раненых превышало 2 тысячи человек, что составляло почти половину всего числа сражавшихся. Героем этого дня был полковник Баумгартен, награжденный орденом св. Георгия 3-й степени и произведенный в генерал-майоры. Император, наградив отличившихся в бою, остался, однако же, недоволен понесенной бесплодно огромной потерей, а также и представленной генералом Анрепом неясной реляцией. Государь потребовал от князя Горчакова разъяснения распоряжений этого генерала. Последствием этого, вполне заслуженного Царского неудовольствия, была смена генерала Анрепа и назначение, вместо него, начальником Мало-Валахского отряда генерала Липранди.

Таково было начало войны, разразившейся совершенно вопреки воле Императора Николая I. Нельзя было тогда предвидеть, какие грозные размеры примет эта война. Наступление зимы — очень суровой в этом году — прервало на время военные действия на обоих театрах войны. Между тем со-

«Ахалцих, перед которым генерал-лейтенант князь Андронников разбил турецкий корпус 14 ноября 1853 г.»

ставлялись планы для предстоявшей в следующем году кампании. Еще в начале ноября сам Император изложил свои предположения по этому предмету: Государь имел в виду действовать наступательно и в Европе, и в Азии; притом основная мысль его плана действий в Европейской Турции состояла в том, чтобы главные наши силы переправились через Дунай в верхних частях его течения, в Малой Валахии и наступали через западную Болгарию, дабы действовать в связи с сербами и поддержать восстание, готовившееся в других христианских областях Балканского полуострова. Предположение это, как водилось тогда, было сообщено на заключение фельдмаршала князя Варшавского, который отвечал письмом от 14 ноября: признав мысль Государя "новою и блестящею", он, однако же, дополнил ее своим довольно странным предположением: для облегчения предполагавшейся в верхних частях Дуная переправы главных сил Паскевич предлагал предварительно переправить часть войск в низо-

вьях реки, где удобнее собрать потребные для означенной переправы суда, понтоны и другие средства; нагрузить эту флотилию запасами военными и продовольственными и провести вверх по Дунаю к месту главной переправы, чтобы таким образом воспользоваться Дунаем как удобнейшим путем сообщения. *Попутно* предполагалось овладевать расположенными по правому берегу реки турецкими крепостями[103]. Князь М.Д.Горчаков, от которого также требовалось мнение, решился высказать в записках от 21 и 29 ноября, что находит предположение фельдмаршала опасным, и со своей стороны предлагал предпринять переправу части войск на низовьях Дуная только в виде демонстрации, то есть для привлечения туда внимания неприятеля; средства же, необходимые для переправы главных сил в верхней части течения, заготовить и сплавить по рекам Ольт и Джио[104]. Фельдмаршал в новой записке от 29 декабря и в письмах к князю Горчакову возражал на соображения последнего и настаивал на преимуществах своего плана[105]. Удивительно, что сам Император склонялся на сторону фельдмаршала. Как могла укрыться от светлого взгляда Государя совершенная несбыточность предложенного Паскевичем сплава целой флотилии, нагруженной громадными запасами для армии, по всему течению Дуная, когда правый берег реки находился в руках неприятеля и занят несколькими сильными турецкими крепостями?

Но все эти планы рушились сами собой. Общая политическая обстановка, а в особенности отношения Венского кабинета постепенно принимали такой неблагоприятный для нас оборот, что не могло быть и речи ни о предполагавшемся наступательном движении нашей армии через западную Болгарию, ни о содействии сербов и других христианских племен Балканского полуострова.

Чтобы не забегать вперед в своих воспоминаниях, я должен здесь прервать рассказ о ходе общих дел политических и военных. Притом же я вышел бы совершенно из своей программы, если б вздумал последовательно рассказывать все события Восточной войны — события более или менее уже известные и составляющие предмет многотомных сочинений. Если я касаюсь дел, составляющих общеизвестное достояние истории, то лишь настолько, насколько мне кажется это нужным,

чтобы осветить рассказываемые частные факты моих личных воспоминаний. В описываемую эпоху, разумеется, общее внимание было обращено на ход военных действий и на политические отношения, все более и более усложнявшиеся. Это было главным, почти единственным предметом разговоров во всех слоях общества; все были озабочены исходом возгоревшейся войны. Для меня же в особенности тогдашний ход дел военных и политических имел близкое и прямое значение по служебным моим занятиям при военном министре. Князь Вас<илий> Андр<еевич> Долгоруков поручал мне преимущественно работы такого рода, которые имели характер военно-политический и выходили из обычных рамок делопроизводства департаментов министерства. Так, составлял я для Государя записки по разным возникавшим вопросам, расписания войск; редактировал для обнародования известия с театров войны и т.д. Случались и более крупные работы, как например составление для Его Величества краткого обзора хода военных действий в прежние войны России с Турцией, с 1769 по 1829 годы[106].

Занятия такого рода, конечно, были бы для меня весьма приятны, если б начальник мой, при всей своей обходительности, не подвергал иногда испытанию мое терпение своим педантизмом и формализмом. Князь Василий Андреевич Долгоруков, в высшей степени аккуратный и пунктуальный, придавал значение мелочам, на которые не стоило терять время, и более заботился о гладкости редакции, чем о самой сущности дела. Зато нельзя было не ценить в нем всегдашней ровности в обращении и невозмутимого спокойствия. Вообще он был для подчиненных начальник приятный. Ко мне же, в частности, относился он всегда весьма любезно и, кажется, был доволен моею работой. Так, по крайней мере, считаю себя в праве заключить из того, что в скором времени (11 апреля 1854 г. на Пасху) удостоился я производства в генерал-майоры по "манифесту", что составляло выдающуюся награду, так как я прослужил полковником всего семь лет и обошел очень многих старших меня в этом чине.

Работая по поручению военного министра над вопросами, представлявшими высокий интерес современной действительности, я не мог уже, конечно, уделять столько же времени, как прежде, ни занятиям историческим, ни Воен-

ной академии. Хотя я продолжал еще читать лекции по своим конспектам прошлых лет, однако же исполнение этой обязанности отошло уже на второй план; о работах по военной статистике, об усовершенствовании или развитии курса — не могло быть и речи. Годовые экзамены 1853 года прошли в мое отсутствие, пока я был в путешествии. Выпуск в этом году был как-то особенно слаб и в численном, и в качественном смысле*. Однако ж и в эту зиму на меня было возложено председательство в двух временных комиссиях**. Одной из них поручено было рассмотрение новой программы преподавания геодезии, проектированной подпоручиком Неовиусом, кандидатом на должность адъюнкта геодезии в Академии. Другая была учреждена по моей инициативе, вследствие заявления моего о необходимости радикального изменения тогдашнего порядка экзаменов и способа оценки успехов учащихся офицеров. Предложенные мною новые основания для аттестаций после долгих, тщательных суждений были приняты комиссией, и составленный проект представлен начальству 23 января 1854 года; но затем долго еще обсуждался и в конференции, и в совете Академии[107].

Чтобы не возвращаться в своем рассказе к нашей Военной академии, скажу, что в судьбе ее совершилась в том же учебном году (1853—1854) весьма важная перемена. 4 февраля 1854 года последовало Высочайшее повеление о передаче этого высшего военно-учебного и военно-ученого учреждения под начальство Его Высочества главного начальника Военно-учебных заведений. Должность директора Академии упразднена, а вице-директор получил звание начальника Академии и поступил в число членов учебного комитета Военно-учебных заведений, в тех видах, чтобы поставить Академию в ближайшую связь с прочими подчиненными главному начальнику заведениями. С той же целью инспек-

---

* Всего выпущено 9 офицеров; из них трое получили ход на службе: Махотин — достигший звания главного начальника Военно-учебных заведений, Беренс — занимавший должность профессора в Военной академии и Лаврентьев — редактор “Военного сборника” и “Русского инвалида”.

** Далее в автографе зачеркнуто: Одна из них, состоявшая из полковников Богдановича, Лебедева и Майкова, занималась составлением проекта новых правил для производства экзаменов и для аттестации успехов учащихся офицеров *(прим. публ.)*.

торы классов Артиллерийского и Инженерного училищ вошли в состав академической конференции.

На первое время тем и ограничилась перемена; но мне, по личным отношениям с генералом Ростовцевым, были известны его давнишние виды: неоднократно высказывал он мысль, что Военная академия должна быть не специальным заведением для приготовления только офицеров Генерального штаба, а высшим средоточием военного образования, вроде военного университета, с тремя факультетами: Генерального штаба, инженерным и артиллерийским. Поэтому надобно было ожидать существенных преобразований в нашей Академии, для разработки которых, разумеется, нужно было время. Первоначально же единственным ощутительным для Академии фактом было освобождение ее из-под начальства генерала Сухозанета, который, оставшись за штатом, получил звание почетного члена Академии. На прощание с прежними своими подчиненными он отдал 5 февраля приказ, заключавшийся такими выражениями: "По преданности к службе и привязанности к Академии, с радостью в сердце предусматривая блестящую будущность под счастливым для нее начальством Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича, нахожу в этой будущности и для самого себя величайшую награду". В том же приказе генерал Сухозанет, воздав похвалы своим прежним подчиненным, отозвался с особенной благосклонностью о "важных заслугах", оказанных Академии генерал-лейтенантом Медемом и мною*.

Несмотря на последние сладкие речи покидавшего нас начальника, никто не пожалел о разлуке с ним. Он оставил по себе самую незавидную память. Гнет, под которым считал он нужным держать своих подчиненных, под видом охранения дисциплины, не только был крайне тяжел для них лично, но вместе с тем тормозил самые успехи заведения, подпавшего под его железную ферулу. Менее всех других имел я повод жаловаться на генерала Сухозанета; повторю уже сказанное, — что он даже был почему-то особенно ко мне

---

* На мою долю при этом досталась уж чересчур лестная аттестация: "Полковник Милютин изданием "Первых опытов военной статистики" обогатил курс Академии и воззрением с новой точки опередил в этой науке всех писателей Западной Европы".

благосклонен, — и несмотря на то, я всегда испытывал какое-то тяжелое чувство всякий раз, когда случалось иметь с ним личные сношения. Академия могла только выиграть, став под начальство Наследника Цесаревича и генерала Ростовцева. Признаюсь, однако же, что мое удовольствие смущалось только одним опасением, чтобы последний не увлекся своим широким идеалом будущего "военного университета" в ущерб специальному назначению Академии — приготовлять офицеров к службе Генерального штаба.

По установленному порядку, Академия в полном своем составе представилась как прежнему ее директору, так и новому начальству. Генерал Ростовцев при первом посещении Академии осматривал в подробности все помещения, библиотеку, учебные пособия и, найдя все недостаточным, скудным, тут же заявил свое намерение изыскать средства к распространению помещений и к увеличению вообще материальных средств Академии. Всему этому можно было только радоваться.

В личном составе Академии не произошло почти никакой перемены. Начальником ее остался генерал-майор Стефан. Только правителем дел вместо подполковника Штюрмера поступил в марте месяце штабс-капитан Генерального штаба Бушен, а на открывшуюся вакансию начальствующего штаб-офицера (за оставлением этой должности полковником Богдановичем) назначен вновь подполковник Генерального штаба Астафьев.

Состав слушателей в описываемом учебном году был многочисленнее, чем когда-либо. В практическом отделении состояло до 34 офицеров, тогда как до тех пор число их ежегодно колебалось между 9 и 16, и только раз за все время существования Академии достигло 19. Выпуск ожидался блестящий. Достаточно назвать такие имена, как Обручева, Ропа, Леера; кроме этих выдающихся личностей, дослужились впоследствии до высших чинов: Океерблом, Яновский, Ростовцев (старший сын Якова Ивановича), Молоствов, Корево, Цытович, Комаров (Константин).

В заключение скажу несколько слов о своей домашней жизни. В семье моей никакой перемены не произошло, кроме скоропостижной смерти близкого родственника — зятя моего Сергея Алексеевича Авдулина, найденного в бане мертвым. Другой такой же печальный конец произошел в кружке близких моих товарищей по службе. 20 декабря 1853 года утром

покончил жизнь самоубийством полковник Александр Петрович Кузминский. Прослужив с честью 16 лет в Гвардейском генеральном штабе, он пожелал перейти в строевую службу и только что назначен был командиром одного из армейских гусарских полков. Казалось, он был совершенно доволен этим назначением; приготовлялся к отъезду, хлопотал о своей обмундировке и обзаведении. Наконец, он уже облекся в новую форму, которая шла превосходно к его статной и красивой наружности, – и вдруг, в означенный роковой день, утром, слуга, войдя в спальню своего господина, находит бездыханный труп. Весть о том, что А.П.Кузминский застрелился, поразила своей неожиданностью всех нас, приятелей и товарищей его. Мы терялись в догадках о причине такого печального конца для человека, не имевшего, по-видимому, повода жаловаться на свою судьбу. По службе он пользовался прекрасной репутацией; начальство благоволило ему; товарищи любили и уважали его; финансовые дела его были всегда в порядке; он жил в довольстве и комфорте. Что же могло побудить его к самоубийству? За неимением никаких данных для решения загадки прибегали, как обыкновенно, к разным произвольным предположениям. Незадолго до своей смерти А.П.Кузминский написал духовное завещание, в котором распределил свое движимое имущество, предоставив кое-какие вещицы на память товарищам, награды — прислуге, а все остальные наличные суммы назначил в дар нескольким церквам. Отдельной запиской, непосредственно перед смертью, он назначил меня и А.П.Карцова исполнителями его последних распоряжений; но по странному упущению, завещание не только не было облечено в узаконенные формы, но даже оказалось без подписи, а потому не могло иметь законной силы. Мы с Карцовым были поставлены в невозможность исполнить предсмертную волю нашего несчастного друга и товарища, кроме лишь уплаты некоторых долгов и выдачи денежных наград прислуге из оставшейся в наличности суммы. Затем дело о наследстве пошло общим формальным порядком. Тело покойного, согласно с выраженным в завещании желанием его, было положено в гроб в мундире Гвардейского генерального штаба (хотя он уже был отчислен от штаба) и погребено со всеми подобающими обрядами на Волковом кладбище, возле свежей еще могилки моего младшего сына.

ПЕРВЫЕ ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА 1854 ГОДА. РАЗРЫВ С ЗАПАДНЫМИ ДЕРЖАВАМИ

1854 год начался под самыми тревожными предзнаменованиями. Соединенная англо-французская эскадра вступила в Черное море с формальным заявлением намерения обоих западных кабинетов принять под свою защиту суда и берега Турции против всякого нового покушения со стороны русского флота и с требованием, чтобы наши суда не выходили из своих портов. Такой решительный шаг был почти равносилен объявлению войны; однако ж и тут Император Николай выказал такую сдержанность, такую уступчивость, каких нельзя было ожидать от его гордого, непреклонного характера. Еще раз сделана была попытка устранить окончательный разрыв с западными державами, придав новой их выходке по возможности наименее враждебное значение. Представителям России в Лондоне и Париже повелено было просить разъяснения принятой меры: если она имела целью только нейтрализовать Черное море, то обе воюющие стороны должны быть поставлены совершенно в равные условия. В случае отрицательного ответа, приказано было нашим представителям прервать дипломатические сношения и выехать из Лондона и Парижа[108].

Новая эта попытка русского Императора избегнуть войны оказалась напрасной. Как в Англии, так и во Франции окончательно взяла верх воинственная политика; враждебное против России настроение в обществе и печати все возрастало. Война была решена, хотя и не объявлена формально. Оба западных кабинета не желали принять на свою нравственную ответственность страшные последствия предпринимаемой грозной борьбы. С этой целью Наполеон III еще 17(29) января обратился к Императору Николаю с письмом, в котором толковал по-своему весь ход возникших недоразумений, стараясь, конечно, свалить всю вину на Россию, и, прикрыва-

ясь маской миролюбия, снова призывал к мирному разрешению столкновения, под условием предварительного очищения Дунайских Княжеств нашими войсками[109]. В то же время на запросы барона Брунова и Н.Д.Киселева относительно вступления соединенных эскадр в Черное море, обоими кабинетами даны ответы в таком враждебном смысле, что не оставалось уже другого выхода, кроме открытого разрыва. Оба представителя России исполнили данные им повеления и в 20-х числах января (ст. ст.) покинули свои посты, а вслед за тем выехали из Петербурга послы великобританский и французский (лорд Сеймур и генерал Кастельбажак).

На письмо Наполеона III Император Николай ответил (28 января/9 февраля) с твердостью и достоинством: разъяснив в истинном свете ход дела по возникшим между Россией и Турцией недоразумениям и выставив всю неправоту действий западных держав по этому поводу, Государь заключил, однако же, свое письмо выражением готовности забыть все прошлое и протянуть руку примирения, если только будет выказано со стороны западных держав должное уважение к правам и достоинствам русского Императора*[110].

На другой же день по отправлении этого ответного письма (29 января) Государем подписан указ Сенату о рекрутском наборе в западной полосе Империи, по 9 рекрут с каждой тысячи ревизских душ, а 9 февраля Высочайший манифест возвестил России о разрыве с западными державами. Напомнив, по какому поводу возгорелась война с Турцией, манифест в заключение гласил: “Итак, против России, сражающейся за православие, рядом с врагами христианства становятся Англия и Франция. Но Россия не изменит святому своему призванию, и если на пределы ее нападут враги, то мы готовы встретить их с твердостью, завещанною нам предками. Мы и ныне не тот ли самый народ русский, о доблестях коего свидетельствуют достопамятные события 1812 года! Да поможет нам Всевышний доказать сие на деле! В этом уповании, подвизаясь за угнетенных братьев, исповедующих веру Христову, единым сердцем всея России воззовем: Господь наш! Избавитель наш! Кого убоимся! Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!”[111]

---

* Письмо Наполеона III появилось в печати одновременно с отправлением его; поэтому и ответ Императора Николая также был опубликован.

Государственный канцлер граф Нессельроде циркуляром 18 февраля (2 марта) ко всем представителям России за границей подробно разъяснил иностранным дворам истинный ход дела, дабы выказать, на кого действительно должна пасть ответственность за все последствия возгоревшейся войны[112].

И действительно, можно ли добросовестно возлагать вину на Императора Николая после всех сделанных им уступок для избежания войны? Совершенно ложно иностранные публицисты выставляли, будто Россия сама вызвала войну, заранее приготовившись к ней. Напротив того, война застала нас, можно сказать, врасплох; совершенно неожиданно очутились мы лицом к лицу перед могущественной коалицией и поставлены были в крайне опасное положение. Русская армия, казавшаяся столь грозной по многочисленному составу ее в мирное время, была весьма мало приспособлена к широкому развитию сил в случае большой войны. Не было у нас правильно организованных резервов; а потому приходилось с открытия войны прибегать к усиленным рекрутским наборам и формированию новых частей войск. Существовавшая в мирное время организация "действующей армии" оказывалась неприспособленной к тем именно условиям, при которых война действительно возгорелась. Нужно было формировать новые армии, раздробляя при этом и существовавшие в мирное время корпуса. За неимением на местах установленной военной администрации (за исключением азиатских окраин), все распоряжения, до самых мелочных, должны были исходить из центра — из министерства или, точнее говоря, — из Зимнего дворца. Как уже было мною упомянуто, Император сам собственноручно составлял расписания войск, указывал все подробности формирования их, снаряжения, устройства. Военный министр был, в буквальном смысле слова, только секретарем Государя по военным делам; он приводил в исполнение Высочайшие повеления, почти ни в чем не принимая на себя инициативы.

В течение февраля деятельно принялись у нас за военные приготовления. Для совещаний по этому поводу вызван был из Варшавы фельдмаршал князь Паскевич. Прежде всего необходимо было распределить наши боевые силы по тем окраинам Империи, которые могли сделаться театром военных действий. Указом Сенату 16 февраля вся пограничная полоса

К.В.Нессельроде

от Северного океана до персидской границы объявлена на военном положении, и в каждой части главным начальникам присвоены права главнокомандующего или командира отдельного корпуса в военное время[113]. Районы этих отдельных театров военных действий определены были таким образом:

На прибрежье Балтийского моря наибольшее число войск назначено для защиты Петербурга с Кронштадтом и ближайших берегов: в одну сторону — до Нарвы, в другую — до Выборга. Главное начальство в этом районе возложено на главнокомандующего Гвардейскими и Гренадерским корпусами Наследника Цесаревича Александра Николаевича. Начальником штаба его был инженер-генерал-лейтенант Витовтов.

За Выборгом в Финляндии главное начальство вверено генерал-лейтенанту Рокосовскому; а на южном побе-

режье Финского залива командовали отдельными отрядами: в Ревеле — генерал-адъютант Берг, в Риге — генерал-адъютант князь Суворов.

От берегов Курляндии до Черного моря, на всей западной сухопутной границе, общее главное начальство вверялось фельдмаршалу князю Варшавскому, которому подчинялись как войска, расположенные в Царстве Польском и западных губерниях (1-й и 2-й пехотные корпуса), так и отдельный отряд генерала Сиверса в Курляндии и войска, расположенные в Новороссийском крае по правую сторону Южного Буга, под начальством генерал-лейтенанта барона Остен-Сакена.

Дунайская армия, состоявшая из 3-го, 4-го и части 5-го пехотных корпусов, оставалась под начальством генерал-адъютанта князя М.Д.Горчакова; но вскоре и эта армия была подчинена под высшее начальство фельдмаршала*. На случай отсутствия последнего из Варшавы непосредственное начальство войсками в Царстве Польском возлагалось на генерал-адъютанта Ридигера.

Охранение северных берегов Черного моря было разделено между тремя не зависимыми друг от друга начальниками. Между устьями Днестра и Буга, как уже сказано, начальствовал генерал-лейтенант Остен-Сакен, имевший пребывание в Одессе и подчиненный фельдмаршалу; в Крыму — морской министр князь Меншиков, находившийся в Севастополе; охранение же берегов Азовского моря до устий Кубани возложено на атамана Донского казачьего войска генерала от кавалерии М.Г.Хомутова.

Наконец, предстояло решить вопрос относительно начальства на Кавказе. Местный наместник и главнокомандующий князь М.С.Воронцов, чувствуя упадок сил, удрученный болезнью, не раз уже просил Государя о замене его лицом, более

* В известном оскорбительном письме к князю М.Д.Горчакову, продиктованном князем Паскевичем на смертном одре, упоминалось между прочим, что Император Николай был так недоволен распоряжениями командующего Дунайской армией, что намеревался отнять у него начальство и будто бы умилостивился только благодаря заступничеству фельдмаршала[114]. Но показание это как-то не вяжется с теми благосклонными, полными доверия Высочайшими рескриптами, которые постоянно получал князь Горчаков и прежде того, и после. Известно, что князь Паскевич, в своей безмерной гордости и самомнении, не упускал случая унижать своего начальника штаба.

соответствующим требованиям службы при тогдашних трудных обстоятельствах. Уступая новым настояниям больного наместника, Император все-таки не согласился на полное увольнение его, а предложил ему 6-месячный отпуск для отдохновения и лечения; на время же отсутствия князя Воронцова исправление его должности как по военной части, так и по гражданской было возложено на состоявшего при нем генерала от кавалерии Реада — человека почтенного, заслуженного, но мало знакомого с Кавказом и вовсе неодаренного качествами, необходимыми для начальствования в таком крае и при тогдашних условиях. Само собою разумеется, что генерал Реад не мог иметь ни авторитета, ни самостоятельности; он был начальником только номинальным; в сущности же все управление осталось в руках молодого и энергичного начальника штаба князя А.И.Барятинского, так же как и прежде при князе Воронцове, который в последнее время, по своему болезненному состоянию, едва мог уже заниматься делами. 1 марта он выехал из Тифлиса и покинул Кавказский край.

Командование действующим корпусом на турецкой границе по-прежнему было возложено на князя Вас<илия> Осип<овича> Бебутова; однако ж боковые отряды: Ахалцихский генерал-лейтенанта князя Андроникова и Эриванский генерал-лейтенанта барона Врангеля — не были ему подчинены. Князь Бебутов имел репутацию опытного и разумного генерала; но в последнее время стал хворать, так что в течение зимы был даже вынужден временно уехать из отряда и лечиться в Тифлисе. Государя озабочивал вопрос: кем заместить князя Бебутова в случае новой болезни или смерти. Князь Воронцов указал на князя Барятинского, который уже прошлой осенью принимал участие в действиях Александропольского корпуса. Выбор этот был одобрен Государем, с тем, чтобы князь Барятинский прибыл в действующий корпус ко времени возобновления военных действий.

При общем распределении наших сил положено было подкрепить войска на Азиатском театре войны, и для этого в течение зимы передвинуты были на Кавказ 18-я пехотная дивизия и два драгунских полка (Новороссийский и Тверской). Имелось в виду направить туда же и 17-ю пехотную дивизию; но потом признано более необходимым обратить ее в подкрепление войскам в Крыму.

Самой опасной частью на Кавказе была Черноморская береговая линия, состоявшая из ряда мелких, изолированных фортов на берегу моря, у подошвы гор, обитаемых враждебными и воинственными племенами. Как уже было упомянуто, необходимость упразднения этих укреплений признавалась и прежде; со вступления же в Черное море англо-французской эскадры необходимость эта сделалась еще очевиднее и настоятельнее; но вместе с тем весьма затруднилось самое исполнение предположенной меры. Приходилось снимать гарнизоны укреплений и вывозить огромное количество грузов в виду союзной эскадры, готовой открыть враждебные действия. Крайне озабоченный критическим положением гарнизонов, отрезанных от всякой помощи, Государь возложил трудную операцию спасения их от неминуемой гибели на особое попечение князя Меншикова, в руках которого были все наши морские силы в Черном море. Положено было воспользоваться первым удобным временем, чтобы снять все укрепления средней части береговой линии между Гелендчиком и Гаграми, оставив лишь Анапу и Новороссийск в северной оконечности линии, равно как и укрепления Абхазии, в том соображении, что войска в этих пунктах не были безусловно лишены путей отступления в случае крайности.

Согласно Высочайше утвержденному распределению военных сил, производились в течение февраля и марта передвижения войск. В то же время принимались деятельные меры к защите берегов Балтийского моря на случай появления и в этом море неприятельского флота и десантных войск; обсуждался вопрос об образе действий нашего Балтийского флота. Надобно было при этом принять в соображение, что противники наши, с эскадрами, наполовину состоявшими из паровых судов, имели громадный перевес над нашим флотом, исключительно парусным. Император Николай, изложив свои соображения по этому предмету, потребовал мнения от наших адмиралов, считавшихся авторитетами в морском деле: князя Меншикова, графа Гейдена, Литке, Корнилова. По мнению большей части этих лиц следовало немедленно по вскрытии льда в Финском заливе сосредоточить весь Балтийский флот в одном из двух пунктов его стоянки — Кронштадте или Свеаборге, где он мог бы, под прикрытием береговых

укреплений, выдержать бой с превосходными силами противника, а в случае благоприятного исхода выйти в открытое море. Однако ж окончательно последовало решение — оставить флот в обычном его расположении: две дивизии — в Кронштадте, третью — в Свеаборге, а флотилию канонерских лодок — в Або. Вместе с тем решено для усиления средств береговой обороны поспешно строить новые канонерские лодки, формировать морское ополчение и т.д.

Из множества приморских пунктов, носивших громкие имена крепости или укрепления, только весьма немногие были в состоянии оказать неприятелю серьезное сопротивление. Даже и Кронштадт, считавшийся неодолимой твердыней, поглотивший несчетные миллионы рублей, требовал новых значительных работ для приведения его в оборонительное положение и для обеспечения самой столицы. Главное начальство в Кронштадте было возложено на инженер-генерала Дена, под руководством которого устраивались новые заграждения, возводились батареи, усиливалось вооружение и т.д.

В другом первостепенном оплоте нашем — Свеаборге также необходимо было заграждать проходы между островами, прикрывающими рейд, а некоторые из этих островов занять полевыми укреплениями и батареями. Со своей стороны и генерал Берг принялся со свойственной ему горячностью усиливать обветшалые укрепления Ревельского порта. Работали усердно и в Динамюнде, и в Риге, Нарве, Выборге и в других пунктах, не заслуживающих даже названия укрепленных. Везде работы кипели, несмотря на зимнее суровое время. Артиллерийское ведомство напрягало все усилия для доставления многочисленным укреплениям требуемого вооружения и боевых запасов, в которых не было избытка в наших складах.

Сам Государь проявлял чрезвычайную деятельность, лично следя и наблюдая за ходом военных и морских приготовлений. По временам ездил Он в Кронштадт, где появления Царя служили могущественным стимулом для усиленной работы. С той же целью Император предпринял в начале марта поездку в Финляндию вместе с тремя молодыми Великими Князьями: Александром, Николаем и Михаилом Николаевичами (Великий Князь Константин Николаевич уже находился там ранее). Осмотрев работы в Свеаборге, Выборге и

других пунктах на пути, разрешив на месте разные меры обороны, Государь возвратился 5 марта в Петербург.

Между тем в самый день выезда Его Величества из Петербурга, 1 марта, получена была нашим государственным канцлером депеша английского министра иностранных дел лорда Кларандона, от 15(27) февраля, запоздавшая по затруднительности тогдашних сообщений. Она заключала в себе формальное требование от имени обеих западных держав, чтобы русские войска очистили Дунайские Княжества в двухмесячный срок, с предупреждением, что отказ на это требование или оставление его без ответа будут приняты за объявление войны[115].

Такой нахальный ультиматум, конечно, оставлен был без ответа, и тем решился роковой вопрос; но формальное объявление войны западным державам последовало лишь 16(28) марта, после бурных заседаний в Палатах, разразившихся яростными нападками на Россию и лично на ее Государя. Само собой разумеется, что министры той и другой страны не преминули свалить на Императора Николая всю вину ими же затеянной войны*.

Итак, нам предстояло выдержать тяжелое испытание. Не оставалось сомнения в том, что война примет колоссальные размеры, на суше и на море. Поэтому необходимо было с нашей стороны принять меры к самому обширному развитию наших боевых сил. С самого возвращения Государя из Финляндии последовал ряд Высочайших повелений по этому предмету и приступлено со всей поспешностью к исполнению их. Гвардейские и гренадерские полки приводились в четырехбатальонный состав обращением резервных батальонов их в действующие, а запасных — в резервные и формированием новых запасных (шестых) батальонов. В пехотных полках всех армейских корпусов запасные батальоны также перечислялись в резервные и формировались резервные бригады и дивизии (из пятых и шестых батальонов). Соответственные распоряжения делались по артиллерии, по стрелковым батальонам и прочим частям армии; вызывались на службу все льготные казачьи полки и т.д. С приведением всех

* Уже 28 февраля (12 марта) заключен обеими западными державами договор с Портой относительно совместных военных действий против России; окончательная же военная конвенция между Англией и Францией подписана 29 марта (10 апреля)[116].

этих повелений в исполнение наши силы численно должны были увеличиться в полтора раза. Но следует заметить, что усиление это было основано почти исключительно на прибывавших рекрутах, из которых формировались новые части. Не имелось достаточно офицеров, ни унтер-офицеров; встречались затруднения к своевременному вооружению и снаряжению новых частей. Чтобы сколько-нибудь подкрепить личный состав войск, придумывались меры к привлечению на службу отставных солдат предоставлением им некоторых льгот и преимуществ (Высочайшее повеление 14 марта)[117]; вызывались отставные офицеры; рассылались ремонтеры для закупки лошадей и т.д.

Приведение в исполнение всех этих распоряжений было в то время делом нелегким при наших бесконечных расстояниях, при тогдашних путях сообщения, скудных материальных средствах и отсутствии на месте организованной военной администрации, кроме одного лишь корпуса внутренней стражи, на котором и лежала самая тяжелая работа. Требовалось много времени, хлопот и чрезвычайного напряжения деятельности всех исполнителей, чтобы создать новые войска, для которых не было ничего подготовлено в мирное время. Можно ли ожидать при таких условиях, что новосозданные войска, наскоро сколоченные из рекрутов и набранных с разных сторон офицеров, будут в состоянии мериться с благоустроенными войсками французскими и английскими!

Таким образом, нельзя не признать, что мы приняли вызов Западной Европы не подготовленные к предстоявшей борьбе, с недостаточными силами, которые впоследствии оказалось необходимым постоянно подкреплять формированием еще новых частей и даже ополчений. К несчастью, не было у нас и военачальников, способных к тому, чтобы своим именем возместить скудость боевых сил.

Трудное положение, в которое поставил нас разрыв с западными державами, усугубилось сомнительным отношением соседних государств – Австрии и Пруссии. В правящих сферах Вены и Берлина боролись две партии: одна отстаивала старые традиции дружбы и союза с Россией; другая клонила к сближению с Западом. В Пруссии перевес большей частью оставался на стороне приверженцев России благода-

ря близкой родственной связи и личной дружбе Короля Фридриха Вильгельма IV с Императором Николаем. В Австрии же стоял во главе правительства истый русофоб — граф Буль, и потому, несмотря на неоднократные дружественные заверения самого Императора Франца-Иосифа, в Вене явно брала верх политика, враждебная России. Император Николай все еще не терял надежды удержать своих давнишних союзников от присоединения к коалиции западных держав и еще в январе пытался заручиться по крайней мере обязательством их сохранить беспристрастный нейтралитет. С этой целью послан был тогда в Вену генерал-адъютант граф Алексей Федорович Орлов. Но миссия эта не имела успеха: обе соседние державы отклонили предложенные им условия, сославшись на то, что они уже связаны принятыми на бывших Венских конференциях обязательствами. Венский кабинет не замедлил сообщить в Лондон и Париж полученные из Петербурга предложения, а в письме Императора Франца-Иосифа к Императору Николаю выражалось, хотя и в дружественном тоне, домогательство, чтобы наши войска не переходили за Дунай и не предпринимали никаких движений, которые могли бы возбудить восстание среди христианского населения Балканского полуострова. В то же время сделано было распоряжение об усилении австрийских войск на границах Трансильвании, в тылу нашей Дунайской армии.

При таком положении дел не могло уже быть речи о прежнем плане действий, начертанном самим Императором Николаем и дополненном предложениями фельдмаршала князя Варшавского. Однако ж Государь все еще не отказывался от перехода за Дунай; быть может даже, полученные дерзкие требования западных держав, поддержанные Австрией, подстрекнули Государя к более решительному образу действий, пока мы еще имели дело только с турками. Князю М.Д.Горчакову повелено было предпринять сколь можно неотлагательно переправу через Дунай, но уже в низовьях его, и стараться овладеть придунайскими крепостями турецкими, не предрешая дальнейших наступательных действий. Государь торопил князя Горчакова исполнить предположенную переправу не позже начала марта, хотя уже в письме Его Величества от 8-го числа этого месяца предусматривалась возможность встречи с англо-французскими войсками, ожидаемыми на помощь туркам[118].

Действительно, в это время, то есть еще до формального объявления войны Парижским и Лондонским кабинетами, уже известно было у нас о посадке десантных войск в портах Франции и Великобритании. Назначенные от обеих держав главнокомандующие союзными силами — маршал С.Арно и лорд Раглан уже прибыли в Константинополь, где были приняты торжественно. По газетным сведениям, назначено было на первый раз в поддержку туркам 40 тысяч французов и 20 тысяч англичан. Но транспортировка этих войск, по-видимому, встречала много затруднений и шла медленно, так что даже к началу апреля было высажено у Галиполи не более 15 тысяч человек.

Ожидаемое прибытие англо-французских войск на помощь туркам, а еще более получаемые из Вены известия о двусмысленной политике Австрии крайне встревожили фельдмаршала князя Варшавского. Ему казалось опасным для нашей Дунайской армии не только переходить за Дунай, но и оставаться в Княжествах, имея австрийцев в тылу. Князь Варшавский старался склонить Государя к отмене повеления о переправе через Дунай и к отводу наших войск из Малой Валахии. Император не разделял опасений фельдмаршала, имея в виду, что союзникам нужно еще немало времени, чтобы собрать значительные силы на театре военных действий; относительно же Австрии, если и нельзя было вполне полагаться на личные заявления Императора Франца-Иосифа, что не будет воевать с Россией, то с другой стороны, имелись положительные донесения нашего военного агента в Вене графа Стакельберга, что Австрия пока и не готовилась к войне. Несмотря на все это, князь Паскевич оставался под гнетом преследовавшего его призрака — вступления австрийцев в Княжества в тыл нашей Дунайской армии, и в то время, когда Император Николай торопил князя Горчакова перейти Дунай, фельдмаршал, собираясь сам принять начальство Дунайской армией, предписывал, чтобы до его прибытия князь Горчаков не предпринимал переправы; в случае же, если б уже она совершилась, приостановил всякие дальнейшие наступательные действия, а принял меры к постепенному очищению всех наших складов и госпитальных учреждений в Княжествах впереди линии Серета.

Приказание это получено князем Горчаковым уже после того, как Высочайшая воля была исполнена: переправа через

Дунай совершена 11 марта вполне успешно, в трех пунктах: в Браилове, в присутствии самого князя Горчакова и по ближайшему распоряжению начальника главного штаба армии генерал-адъютанта Коцебу; в Галаце — под начальством генерал-адъютанта Лидерса и в Измаиле — под начальством генерал-лейтенанта Ушакова. Переправленная часть армии (около 45 тысяч человек) заняла Гирсов, Бабадаге и почти все пространство до Троянова вала. Турки были в полном отступлении. Но дальнейшее движение наших войск было приостановлено в ожидании фельдмаршала, который прибыл только 3 апреля в Фокшаны и принял начальство Дунайской армии. Таким образом войска наши оставались несколько недель на правом берегу Дуная в бездействии. Турки также ничего не предпринимали, обнаруживая тем полное свое бессилие.

Припомню теперь, что происходило между тем на Кавказе.

Несмотря на присутствие сильной англо-французской эскадры в Черном море, нам удалось исполнить совершенно успешно трудную задачу снятия укреплений береговой линии. Все гарнизоны с более ценным имуществом были свезены на военных судах и транспортах; все же оставленное истреблено и самые укрепления по возможности разрушены. Государь, с нетерпением ожидавший исхода этой рискованной операции, успокоился только по получении донесения о снятии последнего форта и выразил в Высочайшем рескрипте 23 марта свою благодарность князю Меншикову.

Но кавказское начальство, встревоженное опасением неприятельской высадки на кавказские берега, сочло недостаточным очищение лишь части береговой линии, оно признало необходимым вывести заблаговременно войска также из Абхазии, в том соображении, что на верность тамошнего населения нельзя было полагаться и что при первом появлении неприятеля у берегов отступление означенных войск могло быть преграждено. В представленном генералом Реадом еще в начале февраля распределении войск на Кавказе и плане действий главной заботой было обеспечение Закавказского края и Черномории от неприятельской высадки. В этих видах предполагалось заранее приготовить укрепленные пункты в Рионской долине и на путях к Тифлису; о наступательных же действиях в Азиатской Турции уже не было и речи[119].

Предположения эти не были одобрены Государем. В собственноручной записке 22 февраля Его Величество изложил свои соображения относительно распределения сил на Кавказе[120]: находя излишним оставлять внутри края, для прикрытия его от горцев, такое громадное число войск, какое предполагалось кавказским начальством, Государь признавал возможным выделить из этой массы некоторую часть для усиления действующих отрядов против внешнего врага и между прочим четыре батальона из Дагестана. Препровожденная генералу Реаду записка Его Величества окончательно смутила тифлисское начальство. Оно признало неизбежным, для выполнения Высочайших указаний, пожертвовать не только Абхазией, но и Мингрелией, Гурией и Дагестаном. В новом представлении генерала Реада, от 17 марта, предполагалось вывести войска из всех пунктов Нагорного Дагестана, обратить главные заботы на охранение Лезгинской линии и сообщения по Военно-Грузинской дороге, а резервы стянуть в окрестности Тифлиса[121].

Командовавший войсками в Дагестане генерал-лейтенант князь Григ<орий> Дм<итриевич> Орбельяни был совершенно поражен предположением тифлисского начальства покинуть Дагестан, стоивший столько жертв и усилий с нашей стороны. Он горячо опровергал такое намерение (в письме к князю Барятинскому), выставив гибельные последствия его, и в заключение умолял: "Спасите край и честь, и славу нашего оружия"[122].В Петербурге означенное предположение также не было одобрено. Военный министр, в отзыве от 29 марта, сообщил генералу Реаду, что предположение Государя об отделении четырех батальонов из Дагестана для усиления действующих против турок отрядов было указано отнюдь не в виде обязательного повеления и потому не может оправдать такую меру, как предполагаемое очищение Дагестана, что вообще распределение войск предоставлялось ближайшему решению самого генерала Реада, по соображению с обстоятельствами. Также и касательно Абхазии, Его Величество, хотя и не усматривал еще необходимости преждевременного очищения этой части края, однако ж предоставляет решение и этого вопроса местному начальству[123].

Имея таким образом развязанные руки относительно Абхазии, кавказское начальство не замедлило привести в

исполнение свое предположение. Оно считало небезопасным даже и заблаговременный вывод войск из этой страны, а потому признало нужным поручить общее руководство операцией владетелю Абхазии генерал-лейтенанту князю Михаилу Шервашидзе, которому приписывалось личное влияние на соседние непокорные племена джигетов, убыхов и других. И при этом, однако же, для вящего обеспечения со стороны этих горцев движения наших войск к границам Мингрелии, удержан был гарнизон в укреплении Гагры. В инструкции, данной коменданту этого укрепления, ставилось ему в обязанность упорно держаться против всех покушений горцев, но только до тех пор, пока не будет угрожать союзная неприятельская эскадра; в случае же появления последней и открытия бомбардирования из орудий больших калибров, гарнизону прямо разрешалось сдаться неприятелю; мало того, заявлялось, что такое действие не только не будет вменено в вину, но даже поставится в заслугу.

Такое странное распоряжение кавказского начальства возбудило в Петербурге большое неудовольствие. Военный министр в письме к князю Барятинскому от 31 марта сообщил, что Государь крайне удивлен данным коменданту *разрешением* — беспримерным в нашей армии, привыкшей считать долгом чести жертвовать последней каплей крови для защиты вверенного поста[124]. Князь Долгоруков указывал примеры подобного геройского самоотвержения в наших войсках; добровольная же сдача неприятелю считается позорной; она может быть при особых крайних обстоятельствах разве только извиняема, но никак не разрешаема вперед, а тем менее поставляема в заслугу. Замечаниями этими князь Барятинский был задет за живое; в оправдание свое он приводил мнение, что начальство не вправе обрекать какую-либо часть войск на неминуемую гибель и что подвиги самоотвержения совершаются не по предписаниям начальства. Впоследствии мне случалось слышать от него лично пространные рассуждения на эту тему.

Что касается вопроса о Дагестане, то он продолжал еще служить предметом переписки во все продолжение апреля. Кавказское начальство не оставляло мысли об очищении укреплений в Дагестане с целью усилить войска в Закавказском крае ввиду новой мнимой опасности — враждебных действий

со стороны Персии. Предполагалось оставить в Дагестане лишь самое небольшое число войск, стянув их в два подвижные отряда: один – в Северном Дагестане, на Сулаке, другой – в Южном, на Самуре. Предположение это представлено (13 апреля) в Петербург и в то же время сообщено князю Орбельяни. Последний снова возражал самыми убедительными доводами и закончил свой рапорт (от 27 апреля) словами: "Оставить Дагестан все равно, что оставить весь Закавказский край"[125]. Со своей стороны, и военный министр сообщил генералу Реаду (от 24 апреля), что Государь, не усматривая необходимости покидать Дагестан, даже и в случае войны с Персией, признает, что "не вынужденные неотвратимою крайностью и так сказать добровольные уступки отнюдь допущены быть не могут, и если бы какая-либо часть занятого нами края была преждевременно оставлена без самой настоятельной в тот момент необходимости, то вся ответственность за подобную меру падет на того, кто предписал оную"[126].

Таким образом Государь не допустил осуществить несчастную мысль об оставлении Дагестана. Хотя в позднейшем отзыве генерала Реада (от 9 мая) к военному министру объяснялось, что "иногда вынужденная какими-либо соображениями временная уступка может принести более пользы, чем вреда", однако ж, едва ли такой афоризм мог прилагаться к настоящему случаю: оставление Дагестана, хотя бы и временное, несомненно отдалило бы на десятки лет окончание Кавказской войны.

Относительно Абхазии распоряжение кавказского начальства было приведено в исполнение без особых затруднений; войска были выведены из Сухума и других пунктов края со всем их имуществом, и Владетелю Абхазскому князю Михаилу Шервашидзе было выражено Высочайшее удовольствие пожалованием ордена Белого Орла. Даже и гарнизон гагринский не был поставлен в печальную необходимость воспользоваться данным ему разрешением на позорную сдачу: он был снят и перевезен в Керчь одним смелым греческим шкипером, предложившим эту услугу безвозмездно.

Нельзя было не радоваться и не дивиться удачному снятию нашей Черноморской береговой линии в виду владевшего Черным морем англо-французского флота. Деятельность

неприятельской эскадры в Черном море в течение нескольких месяцев ограничивалась рекогносцировками наших берегов и прикрытием подвоза запасов в турецкие порты. Но вот 9 апреля большая часть эскадры собирается перед Одессой, в числе 19 линейных кораблей и 9 пароходов-фрегатов. Союзники решили открыть военные действия нападением на мирный торговый город, которого защита заключалась в нескольких полевых батареях, наскоро устроенных по распоряжению генерал-адъютанта барона Остен-Сакена. 10 апреля, в Страстную субботу, неприятель бомбардировал город и покушался произвести высадку на Пересыпи; но значительного вреда не причинил и удовольствовался сожжением нескольких купеческих судов в гавани. При этом батарея наша из четырех полевых орудий, под начальством прапорщика Щеголева, не только отвечала в продолжение шести часов на огонь 350 неприятельских морских орудий, но успела даже нанести его судам повреждения; в наших же войсках и населении потеря была самая незначительная. Молодой прапорщик Щеголев сделался героем дня; имя его вдруг стало известно в целой России. Государь произвел его через два чина в штабс-капитаны и послал ему со своей груди Георгиевский крест при собственноручном рескрипте, написанном в самых задушевных выражениях. Барон Остен-Сакен награжден орденом св. Андрея.

После своего жалкого подвига перед Одессой союзный флот отплыл к Севастополю, а часть судов направилась к кавказским берегам; также появлялись суда у Очакова, перед устьями Дуная, и во все лето действия эскадры ограничивались рекогносцировками. Плавание это не всегда обходилось благополучно: в конце апреля один английский пароход-фрегат "Тигр" сел на мель у самого берега близ Одессы и принужден был огнем прибывших к тому месту двух наших полевых орудий с двумя ротами пехоты и взводом улан сдаться в плен со всем экипажем (до 200 человек).

В начале того же апреля месяца появилась и в Балтийском море неприятельская эскадра, под начальством адмирала лорда Непира и Парсеваль-Дешена. Первые неприятельские суда (два английских парохода) показались 5 апреля у Либавы, другие крейсировали в виду Виндавы, а в конце апреля английская эскадра появилась перед устьями Дви-

ны, перед Ревелем, у берегов острова Наргена и в других пунктах. В первое время неприятельские суда, ничего не предпринимая на берегу, ограничивались рекогносцировками с моря, захватом рыбачьих лодок и самоуправством над бедными беззащитными обывателями островов.

Вообще образ действий наших врагов, в особенности же недостойное нападение на Одессу, возбуждали у нас сильное негодование. Когда опубликованы были письма, которыми обменялись Наполеон III и наш Государь, а вслед за тем появился манифест 9 февраля о разрыве с Англией и Францией, то публикации эти произвели настоящий взрыв патриотизма во всей России. Резкие, злобные речи против России в Английском парламенте, даже в устах самих министров оскорбительные выражения против личности Монарха, превратные, недобросовестные толкования европейской печати — возмущали чувства справедливости и национального достоинства. Замечательно, что уже в эту эпоху, когда еще трудно было разобрать, которой из двух объявивших нам войну западных держав принадлежала главная роль в образовавшейся против нас коалиции, у нас все-таки относились с гораздо большим озлоблением к англичанам; на них падали все укоры, все выражения народной ненависти.

Доставалось также и нашим соседям, нашим исконным союзникам. Хотя они и не присоединились к враждебному против России союзу западных держав, однако ж явно подчинились давлению со стороны последних и оказывали им дипломатическую поддержку. В заключительном протоколе Венских конференций, подписанном 28 марта (9 апреля) уполномоченными всех четырех участвовавших держав, подтверждено было обязательство поддерживать совместно целость Оттоманской империи и верховные права султана, поставлялось первым условием восстановления мира — очищение Дунайских Княжеств русскими войсками[127]. Берлинский кабинет принял на себя инициативу, обратившись к Императору Николаю с увещанием, — впрочем в дружественном тоне, — согласиться на неотлагательное очищение Княжеств. Несколько спустя, 8(20) апреля, заключен между Австрией и Пруссией формальный договор, оборонительный и наступательный, с целью взаимного обеспечения своих интересов ввиду возникшей войны: обе стороны обязались, в случае надобно-

сти, выставить определенную часть своих военных сил; но военные действия против России открыть только в случае окончательного отторжения ею Дунайских Княжеств от Оттоманской империи или перехода русских войск за Балканы. К этому австро-прусскому договору присоединились потом почти все государства Германского Союза[128].

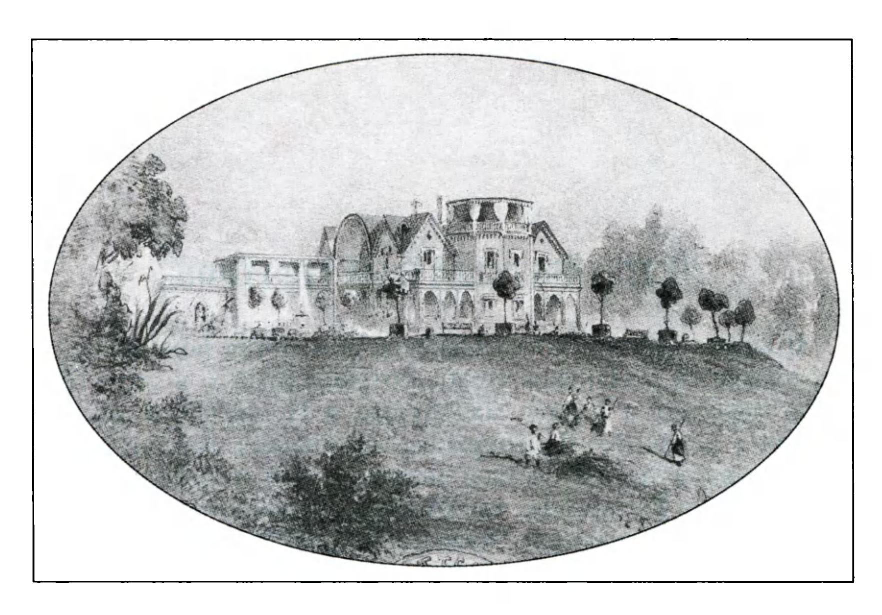
Такой образ действий Венского и Берлинского кабинетов представлялся в глазах России предательством, изменой, после столь недавних еще дружественных излияний между тремя монархами в Ольмюце, Варшаве и Потсдаме. В особенности возбуждало у нас негодование поведение Австрии, которая не ограничивалась, подобно Пруссии, одной дипломатической поддержкой наших врагов, но осмелилась принять в отношении к России угрожающее положение, выставив войска в Трансильвании, в тылу нашей Дунайской армии. Враждебность, выказанная Венским кабинетом, огорчила и раздражила самого Императора Николая, так что повелено было полкам нашей армии, имевшим шефами особ австрийского императорского дома, не называться именами их, а всем русским, имевшим австрийские ордена, не носить их.

11 апреля, в день Пасхи, обнародован новый Высочайший манифест, в котором снова подтверждалось, что русский Император, подняв оружие единственно для восстановления нарушенных прав подвластных Порте православных христиан, не искал и не ищет ни завоеваний, ни преобладающего влияния в Турции; но что с самого начала возникших недоразумений встречено было недоверие и противоборство со стороны Англии и Франции, которые превратным истолкованием намерений русского Императора старались ввести Порту в заблуждение. Далее манифест гласил: "Наконец, сбросив ныне всякую личину, Англия и Франция объявили, что несогласие наше с Турцией есть дело в глазах их второстепенное; но что общая цель их — обессилить Россию, отторгнуть у нее часть ее областей и низвести отечество наше с той степени могущества, на которую оно возведено Всевышнею десницею". Манифест заканчивался призывом православной России к единодушной борьбе с врагами за веру христианскую и для защиты единоверных братий. "С нами Бог, никто же на ны!"[129].

ЛЕТО 1854 ГОДА В ПЕТЕРГОФЕ

В конце апреля, когда Царское семейство обыкновенно переселялось в Царское Село, заговорили, что в этом году Двор переедет в начале мая прямо в Петергоф. 3 мая, за обедом у князя В.А.Долгорукова, он объявил мне, что переезд назначен на следующей неделе и что я должен также находиться в Петергофе, где будет отведено для меня помещение в так называемых "кавалерских флигелях". На другой же день я с женой отправился туда, чтобы приискать дачу для семьи. Мы нашли скромное помещение на большой улице против Кадетского лагеря, довольно близко от "кавалерских флигелей". Квартира для меня была отведена в том же флигеле, где помещался и военный министр, только в верхнем этаже, окнами на дорогу, ведущую вдоль ограды большого парка, от дворца к старому Петергофу.

С переездом в Петергоф начался для меня новый и довольно тяжелый образ жизни. В противоположность тому спокойствию и той свободе, которыми я пользовался в предшествовавшие годы, проводя лето на дачах с семьей, – теперь пришлось мне жить врозь с нею и постоянно быть, как говорится, начеку, с утра до поздней ночи, во всегдашней готовности явиться к министру для получения от него приказаний или работы. Ежедневно, с безусловной аккуратностью, надобно было являться к нему в те моменты, когда мое присутствие было ему нужно: утром, до выезда его с докладом в "Александрию" (миниатюрный коттедж среди парка, где жили Их Величества); затем по возвращении от доклада начиналась главная работа в кабинете министра, продолжавшаяся и во время его завтрака до того часа, когда он снова выезжал. Князь Василий Андреевич даже и в это тревожное время не изменял своей обычной жизни царедворца, не пропускал ни одного приглашения к Императрице и

Коттедж-дворец Императрицы Александры Федоровны

Великим Княгиням, участвовал во всех прогулках и собраниях во дворце, а после обычного вечернего собрания у Их Величеств, уже часу в 11-м, ежедневно отправлялся на Сергиевскую дачу к Великой Княгине Марии Николаевне, откуда возвращался очень поздно, около часа ночи. Мне приходилось ожидать его возвращения на случай новых приказаний о подготовке каких-нибудь записок или справок к утреннему докладу. Случалось поработать для этого часть ночи, иногда над совершенно мелочными предметами, имевшими, однако же, первостепенную важность в глазах министра. Ежедневно, отправляясь к докладу, он должен был вооружиться целой кипой разных справок, в которых могла встретиться надобность для ответа на вопросы Царя, входившего во все подробности, лично всем интересовавшегося и требовавшего неотлагательного исполнения всякого повеления. Работа моя и находившейся лично при министре маленькой канцелярии усиливалась в дни прибытия курьера с которого-либо театра войны: тогда с особенной поспешностью снимались копии с привезенных реляций или донесений, составлялись из них извлечения и статьи для обнаро-

дования. Более всего хлопот доставляло мне именно редактирование газетных известий; оно чрезвычайно озабочивало князя Василия Андреевича, который боялся, чтобы не проскользнуло в публику ни одно лишнее слово. Он был крайне разборчив на выражения; по нескольку раз пересматривал и исправлял представленную ему редакцию. Пуризм его доходил до того, что не допускалось повторения одного и того же слова на расстоянии нескольких строк.

Таким образом на меня выпала в это лето не легкая доля. Живя вблизи своей семьи, я однако же мало с нею виделся; только урывками навещал жену и детей; не всегда удавалось попасть на дачу в обеденный час, и потому большей частью ходил я к обеду в большой дворец за гофмаршальский стол. Прогулки с семьей почти никогда не могли состояться. К тому же лето было очень жаркое; я начал страдать печенью, болями в спине и ногах, так что ходил сгорбленный и прихрамывая. Болезненное это состояние было, конечно, в тесной связи с нравственным настроением. Мною овладела непреодолимая тоска; самые пустые случаи раздражали меня. Опротивела мне вся придворная обстановка, в которую судьба неожиданно меня втянула. Новые знакомства в придворном кругу более тяготили меня, чем развлекали. Не соблазняли меня и любезности некоторых из них (особенно из женской половины), рассчитывавших выведывать от меня военные новости и распоряжения.

Впрочем и все общество петергофское было не в веселом расположении духа; все более или менее были озабочены ожидаемым появлением неприятельского флота перед Кронштадтом. Государь чаще прежнего ездил туда, чтобы следить за продолжавшимися работами. Для ускорения известий о приближении неприятельских судов устраивались сигналы вдоль обоих берегов залива. При всем доверии к силе кронштадтских твердынь принимались меры и к охранению самого Петербурга. Собственно гарнизон столицы составляли гвардейские резервные войска под начальством генерал-адъютанта Арбузова. Город был объявлен на военном положении и разделен на несколько отделов, с назначением в каждый из них военного губернатора из среды генералитета. Многие трусливые обитатели столицы спешили выехать, и город постепенно пустел.

Государь с большим нетерпением ожидал известий от фельдмаршала о начатии наступательных движений за Дунаем. Но князь Варшавский, под влиянием опасения за тыл Дунайской армии со стороны австрийцев и появления англо-французских войск на помощь турецкой армии Омер-паши, снова пытался убедить Государя (в письме от 11 апреля) не только в опасности наступательных действий за Дунаем, но и в необходимости сосредоточения армии ближе к границам Империи, дабы стать в более выгодное для нас стратегическое положение, а вместе с тем отнять у австрийцев повод к присоединению к враждебной нам коалиции[130]. Государь, однако же, оставался непреклонным: в письме от 17 апреля он снова настаивал на исполнении прежнего плана движения к Силистрии и почти с негодованием отвергал "странные", по его выражению, предложения князя Варшавского, находя "постыдным бросить все даром без причин, и воротиться со стыдом!" "Мне право больно и писать подобное", — так выразился Император в своем письме к фельдмаршалу[131].

После такого решительного ответа князь Варшавский уже не счел возможным противиться Высочайшей воле и двинул войска к Силистрии, но с крайней медленностью и нерешительностью, и в то же время делал такие распоряжения, которые явно выказывали приготовления к очищению Княжеств: отряд генерала Липранди, прикрывавший правый фланг армии со стороны Калафатского лагеря, в Малой Валахии, отведен за Ольту; госпитали, парки и другие склады, разбросанные в тылу армии, поспешно перемещались назад и т.д.

4 мая войска под начальством генерала Лидерса подошли к Силистрии и на другой день приступили к осадным работам, под главным руководством инженер-генерала Шильдера, славившегося своей энергией, предприимчивостью и знанием дела. Положено было вести осадные работы прежде всего против передового форта Араб-Табиа, вновь возведенного турками с восточной стороны крепости и не совсем еще доконченного ко времени приближения наших войск. Осадные работы велись на низменности, примыкая правым флангом к Дунаю, а левым занимая возвышенности нагорного берега реки. Вопреки настоятельным требованиям генерала Шильдера, крепость не была обложена вполне и сохраняла сообщения.

Известия об успешном начале осады, полученные в Петергофе в половине мая, доставили удовольствие Государю; но в то же время сделалось известно, что оба союзные главнокомандующие, генерал С.Арно и лорд Раглан, прибыли в Варну и что к половине мая в Галиполи уже высажено до 37 500 человек англо-французских войск. 25 мая пришло из Варны по телеграфу первое прискорбное известие о неудачном штурме, произведенном под Силистрией в ночь с 16-го на 17-е число, на редут Араб-Табиа. Вскоре полученные донесения от князя Варшавского разъяснили, что этот штурм предпринят был самовольно начальником 8-й пехотной дивизии генерал-лейтенантом Сельваном; что вначале покушение это имело успех, но сам генерал Сельван и многие из начальников были убиты, и неизвестно по чьему приказанию подан был сигнал отбоя. При отступлении, конечно, войска понесли большую потерю.

Государь, огорченный этим известием, писал фельдмаршалу, что "скорбит о напрасной трате драгоценного войска, о потере стольких храбрых и во главе их почтенного Сельвана, дорого заплатившего за свою излишнюю отвагу"[132]. В числе раненых был сын графа Алексея Федоровича Орлова, молодой флигель-адъютант граф Николай Алексеевич Орлов, лишившийся одного глаза.

Почти одновременно с неудачным штурмом под Силистрией, произошло и другое прискорбное дело полковника Карамзина в Малой Валахии. Этот штаб-офицер, сын знаменитого нашего историографа, только что был прислан из Петербурга в главную квартиру Дунайской армии и назначен в отряд генерала Липранди, стоявший, как сказано, на р. Ольте. Чтобы доставить ему случай отличиться, генерал Липранди поручил ему 16 мая командование отрядом из гусарского полка, сотни казаков при дивизионе конной артиллерии, для рекогносцировки неприятеля на правой стороне Ольты. Вопреки данной ему инструкции, Карамзин, по неопытности и увлечению молодости, наткнулся на сильную неприятельскую конницу при Каракуле и потерпел поражение. Так что отряд едва избег полного истребления; все четыре орудия остались в руках неприятеля, и сам Карамзин был в числе убитых.

Полученные почти в одно время известия о двух неудачах произвели в Петергофе и Петербурге тяжелое впечатле-

ние. В высшем обществе горевали о смерти Карамзина и тяжкой ране графа Орлова.

Несмотря на усиленную деятельность наших инженеров, руководимых кипучим Шильдером, форт Араб-Табиа не сдавался. Турки, по своему обыкновению, неутомимо работали над новыми оборонительными сооружениями, чтобы продлить защиту, несмотря на произведенные уже разрушительные действия нашей артиллерии и минных взрывов. Крепость свободно получала извне подкрепления и запасы; никаких мер к прекращению сообщений не принималось. Очевидно, фельдмаршал не рассчитывал на успех и вел осаду против своего убеждения, подчиняясь настоятельным требованиям свыше. В письме к Императору от 25 мая князь Паскевич снова высказывал свои опасения и вместе с тем жаловался на расстроенное свое здоровье[133].

В ответе своем от 1 июня Государь продолжал ободрять фельдмаршала; но уже сам высказывал беспокойство на счет предательской политики Венского кабинета. “Настало время, – писал Император, – готовиться бороться не с турками только и союзниками их, но обратить все наши усилия против вероломной Австрии и горько наказать за бесстыдную неблагодарность”. К этому Государь присовокупил, что по имевшимся сведениям, австрийцы будут готовы не ранее 1(13) июля, а потому полагал воспользоваться остающимся целым месяцем, чтобы ускорить осаду Силистрии, а между тем постепенно вывозить из Княжеств все лишние тяжести; *в случае* же невозможности скорой сдачи крепости, сам Император уже находил более осторожным снять осаду, сплавив осадный парк по Дунаю к Измаилу[134].

Прежде чем было написано это письмо, фельдмаршал вдруг вздумал предпринять под Силистрией общую рекогносцировку. 28 мая большая часть осадного корпуса была выдвинута на высоты, с которых князь Варшавский обозревал в трубу укрепления с южной стороны крепости. При этом произошла на левом фланге стычка с турецкой кавалерией. Когда приказано было уже отводить войска на прежние места их расположения и сам фельдмаршал отъехал назад со всей своей многочисленной свитой, поблизости от него упала неприятельская граната, от которой испуганная лошадь его круто перевернулась. Однако ж, по свидетельству всех окружавших князя Варшавс-

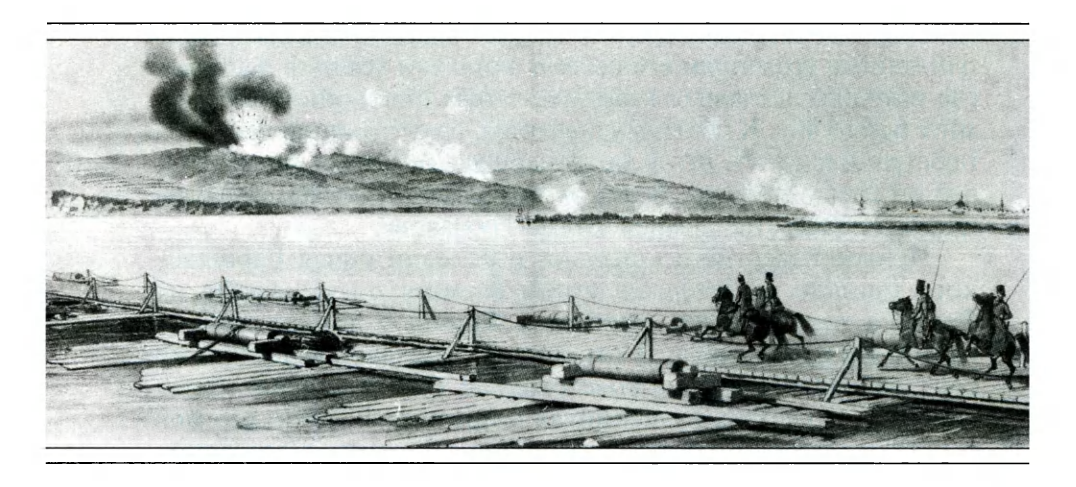
кого, он сам остался невредим, казался бодрым, веселым. Приближенные уговорили его сесть в экипаж и уехать в Калафат, где находилась главная квартира, чтобы отдохнуть после утомительного дня. К общему удивлению, на следующий день распространился слух, что у фельдмаршала оказалась контузия и что он слег в постель. Вслед за тем уехал он в Яссы, передав главное начальство армией князю Горчакову.

Первое известие о контузии и болезни князя Варшавского пришло в Петергоф утром 6 июня по телеграфу из Вены, а вслед за тем прибыл и курьер с донесением от самого фельдмаршала. В тот же день Государь выразил ему свое соболезнование и советовал не оставаться на театре войны, а переехать куда-нибудь в пределы России, где мог бы, вдали от военных тревог, вполне отдохнуть и восстановить свои силы. Государь уже потерял надежду на скорое взятие Силистрии и соглашался, что в случае действительного прибытия англо-французского корпуса на помощь турецкой армии Омер-паши, было бы напрасно нашей Дунайской армии оставаться за Дунаем; однако ж, Император надеялся, что и в таком случае князю Горчакову удастся встретить союзников в поле, где мы имели бы большой перевес над противником в кавалерии и артиллерии.

Князь Горчаков не обольщал себя подобным оптимизмом. Он прямо высказывал мнение, что армия наша, оставаясь за Дунаем, могла быть поставлена в критическое положение в случае наступательного движения союзников со стороны Шумлы или Варны*. Тем не менее осада Силистрии продолжалась точно так же, как и при фельдмаршале, который, находясь уже в Яссах, все-таки вмешивался в распоряжения по Дунайской армии и по временам присылал приказания, даже помимо самого командующего армией. Работы саперные и минные по-прежнему велись деятельно против форта Араб-Табиа. К общему сожалению, армия лишилась главного руководителя работ: 1 июня взрывом бомбы в траншеях оторвало ногу у генерала Шильдера, и через десять дней он кончил жизнь. Смерть его глубоко огорчила Императора Николая, высоко ценившего способности, энергию и беззаветную храбрость *своего* старого инженера. Место начальника инженеров в армии занял

---

* Письмо князя Горчакова к военному министру от 31 мая[135].

Плавучий мост на Дунае при Силистрии. Июнь 1854 г.

инженер-генерал-лейтенант Бухмейер; но конечно, это было слабым возмещением понесенной потери.

Осадные работы против форта Араб-Табиа настолько продвинулись, что признано было возможным предпринять штурм. Все распоряжения к нему были сделаны на ночь с 8-го на 9-е июня; войска уже двинулись на сборные пункты и ждали условленного сигнала атаки, как вдруг, около полуночи, прибыл адъютант фельдмаршала с приказанием снять осаду и все войска отвести на левую сторону Дуная. Немедленно же все сделанные прежде распоряжения были отменены, и в следующую ночь (с 9-го на 10-е) началось очищение траншей: постепенно и незаметно для неприятеля свозились орудия, отводились войска, и к 13-му числу весь осадный корпус перешел беспрепятственно на левую сторону Дуная, разобрав за собою мосты. Турки были так удивлены неожиданным отступлением нашей армии, что почти не двинулись за ее арьергардом.

Внезапное это снятие осады Силистрии объясняется получением в то время князем Варшавским упомянутого выше Государева письма от 1 июня*. Хотя в этом письме и не зак-

* Несколько дней спустя, по получении следующего письма Государя от 6 июня, князь Варшавский выехал из Ясс в свое имение Гомель.

лючалось прямого разрешения снять осаду, а только предусматривалась при известных условиях необходимость такого решения, однако ж, фельдмаршал с радостью ухватился за этот намек со стороны Императора, чтобы неотлагательно вывести армию из того положения, которое давно уже признавал опасным. Как ни прискорбен был для русского патриотизма такой безуспешный оборот дела на Европейском театре войны, нельзя было, однако, не сознавать, что в этом случае фельдмаршал был прав: оставаться на правом берегу Дуная — не было цели; покинув этот берег, мы действительно вышли из такого положения, которое могло сделаться опасным, если б Австрия решилась присоединиться к коалиции и открыть военные действия в связи с англо-французскими десантными войсками и турками.

Неутешительные известия с Дуная получены были в Петергофе в такое время, когда и здесь уже было не совсем спокойно. Появившийся в Балтийском море союзный флот, в числе 80 судов (наполовину паровых) с 3652 орудиями, угрожал всему нашему побережью по обеим сторонам Финского залива. В первое время, как уже сказано, неприятельские суда ограничивались разорением ничтожных деревушек, грабежом сельских церквей, захватом рыбачьих лодок и купеческих судов, обстреливанием беззащитных городов (Экнес, Брагештадт, Улеаборг); но 25 и 26 мая два английских парохода, подойдя к Гамле-Карлебю и встретив отпор от подоспевшего небольшого отряда стрелков с артиллерией, принуждены были удалиться с потерей нескольких баркасов. 9 июня три английских парохода обстреливали недостроенные укрепления Бомарзунда, на острове Аланде, а затем значительная часть неприятельского флота двинулась в самую глубь Финского залива — к Кронштадту.

14 июня, с утра, получались в Петергофе с береговых телеграфных постов* известия о приближении неприятеля. Само собой разумеется, что у нас в Петергофе, а еще более в Ораниенбауме, сильно засуетились; начальство поспешно принимало меры к встрече незваных гостей; любопытные выезжали смотреть в зрительные трубы на союзный

* Оптические сигналы находились: в Пакерорте на северном берегу и на Сойкиной горе — на южном; а ближайшие от Кронштадта — Красная горка и Толбухин маяк.

флот, часть которого стала перед большим рейдом, а несколько судов отделились на северный фарватер. Генерал-адмирал Великий Князь Константин Николаевич находился в самом Кронштадте и доносил оттуда по телеграфу о передвижениях неприятельских судов. С Красной горки донесено, что некоторые из них, под английским адмиральским флагом, подошли к берегу и спустили гребные баркасы, а вдали слышны были пушечные выстрелы. Весь день 14-го числа и следующие четыре дня прошли в тревожном ожидании какого-либо со стороны неприятеля покушения. 18-го числа Государь писал князю Меншикову: "Ожидаем ежеминутно атаки и готовы принять, полагаясь на милость Божию. Дух примерный во всех. Неприятеля вижу из своего окошка на северном фарватере. Все, что придумать можно было к защите, исполнено; прочее в руках Божьих. Буди Его святая воля"[136]. Но после пяти дней напрасных ожиданий все успокоилось: 20 июня союзная эскадра отошла к Сескару, а через несколько дней получено сведение, что 23-го числа неприятельские суда сожгли городок Ловизу.

В это время получены наконец и с Азиатского театра войны известия о первых в этом году встречах с неприятелем. Несмотря на неоднократные подтверждения желания Государя, чтобы начаты были там сколь можно ранее наступательные действия*, открытие кампании в Азиатской Турции признавалось еще невозможным по суровости климата на Армянском плоскогорье, позднему наступлению весны и разливу рек. Ранее настало благоприятное время в Рионском крае; здесь и произошли первые военные действия. После нерешительного дела 15 мая под Редут-Кале, где укрепился небольшой турецкий отряд, князь Андроников двинулся навстречу турецкому корпусу, занимавшему в продолжение всей зимы Гурию. Передовой его отряд, под начальством подполковника князя Эристова (адъютанта главнокомандующего), имел 27 мая удачное дело на Нигоитских высотах: турки понесли тут поражение, оставили в наших руках два орудия, до сотни пленных, побросали много оружия и бежали за пограничную речку Чолок. Князь Андроников, двигаясь по их пятам, занял 3 июня Озургети, где нашел остав-

* Письма военного министра к князю Барятинскому 7 и 15 мая и другие[137].

ленные турками большие склады запасов, а на другой день перешел Чолок и атаковал турецкие войска Селим-паши. Несмотря на выгодную свою позицию и значительное превосходство в числе, турки опять потерпели полное поражение: вся артиллерия их, множество знамен, лагерь, запасы остались добычей победителя. Удачный этот бой надолго обеспечил весь Рионский край от неприятельских вторжений.

С реляцией об этом успехе прислан был подполковник князь Эристов – победитель при Нигоити. В Петергофе он был принят с распростертыми объятиями, тем более, что давно уже не получалось известий утешительных. Курьеры, приезжавшие один за другим, были большей частью печальными вестниками. Их ожидали всегда с большим нетерпением; приезд их обыкновенно возвещался еще накануне с того пункта телеграфного сообщения, через который они проезжали*. Фельдъегерь, высылаемый навстречу возвещенному курьеру, привозил его прямо к Государю, который сам вскрывал привезенные конверты, пробегал донесения и лично расспрашивал приехавшего вестника. Петергофский придворный круг приходил в волнение; всякий старался скорее узнать привезенные новости. Интересный приезжий офицер обыкновенно приглашался в тот день к гофмаршальскому столу; тут его обступали любопытные, закидывая вопросами, нередко весьма наивными.

Отступление Дунайской армии из-под Силистрии, предписанное князем Варшавским прежде еще прямого на то Высочайшего повеления, оказалось мерой своевременной. Сам Государь уже заметно изменил свое воззрение на положение дел после того, как Венский и Берлинский кабинеты, вследствие заключенного между собою договора 9(21) апреля, обратились к Императору с прямым требованием, чтобы русские войска очистили Дунайские Княжества**. И на этот раз Государь показал большую уступчивость, заявив готовность исполнить желание обеих соседних держав, если только даны будут ручательства в том, что права христианского населения Турции будут ограждены; при этом

---

* Курьеры с Дуная и из Крыма следовали по "Белорусскому тракту", пролегавшему от Киева через Могилев, Витебск на Остров, где выходил на Варшавское шоссе; с Кавказа же ездили на Москву.

** Ноты Венского кабинета 22 мая (3 июня) и Берлинского 31 мая (12 июня).

предполагалось даже заключить перемирие и возобновить переговоры о мире*. Венский и Берлинский кабинеты отозвались, что требуемые Россией ручательства и общее прекращение военных действий не зависят от них; а потому заявление наше будет сообщено в Париж и Лондон.

Но дело зашло уже слишком далеко; положение наше было таково, что наша собственная безопасность требовала неотлагательного отвода Дунайской армии к границам Империи. В таком смысле последовало 19 июня Высочайшее повеление командующему армией князю М.Д.Горчакову[138]. Однако ж отступательному движению наших войск придавалось тогда значение не дипломатической уступки, в смысле очищения Княжеств, а лишь перемены позиции по соображениям стратегическим. Не ускользнуло от внимания Государя, что это отступление развяжет руки врагам нашим и облегчит им какое-либо морское предприятие против наших Черноморских берегов. В упомянутом письме от 19 июня к князю Горчакову Его Величество высказал опасение за Крым или Анапу. В то же время предостерегал он на этот счет и князя Меншикова**.

Впрочем и гораздо ранее, с февраля месяца, Государь был озабочен опасением за Крым, как видно из полуофициальной переписки, которую постоянно вел князь В.А.Долгоруков с князем Меншиковым[139]. Последний жаловался на слабость войск, находившихся тогда в Крыму (одна бригада 14-й пехотной дивизии и одна вновь сформированная резервная бригада), на недостаток саперов, инструментов и вообще материальных средств. Самый Севастополь, важнейший наш пункт в Черном море, место стоянки всего нашего Черноморского флота, не был обеспечен от нападения с сухого пути. Обширные и массивные укрепления (каменные батареи), строившиеся с 1834 года под особенным попечением самого Императора, были почти исключительно обращены к морской стороне; сухопутная же оборона была только в зародыше: из числа проектированных бастионов только два (и те с морской стороны) были готовы принять вооружение; все же остальное протяжение окружности города было открыто, а на северной стороне большой бух-

* Депеша графа Нессельрода к посланнику нашему в Вене от 17(29) июня.
** Письмо Государя от 18 июня.

ты, на возвышении, находилось старое, земляное укрепление слабой профили. До того времени существовало общее мнение о невозможности десанта в больших силах. Сам князь Меншиков допускал возможность высадки разве только незначительного отряда и потому не особенно заботился об усилении сухопутной обороны. Строившиеся по его приказанию кое-где батареи имели слабую профиль, в виде полевых укреплений или даже завалов из камней на сухой кладке.

Военное министерство делало, что могло, для удовлетворения требований командующего войсками в Крыму; но оно само располагало лишь крайне ограниченными средствами; а по дальности расстояний и трудности сообщений направляемые в Крым транспорты доходили чрезвычайно медленно. Для принятия мер по артиллерийскому вооружению севастопольских укреплений командированы были сначала генерал Баранцев, а потом и сам генерал-адъютант Безак, начальник штаба генерал-инспектора артиллерии. Вся распорядительность и деятельность их оказались бессильными для надлежащего обеспечения обороны такого важного пункта, как Севастополь. Князь Меншиков был вынужден пополнить недостаток в крепостной артиллерии орудиями, снятыми с флота. Что касается до усиления войск в Крыму, то кроме 17-й пехотной дивизии, направленной туда (взамен Кавказа, куда прежде она предназначалась), предположено было еще направить в Крым 16-ю пехотную дивизию и вторую бригаду 14-й, но войска эти были свернуты с пути в Дунайскую армию по распоряжению князя Варшавского, забиравшего к себе все, что было под рукой.

Хотя в то время уже было известно, что высаженные в Галиполи англо-французские войска были направлены к Варне, частью морем (англичане), частью сухопутно, через Балканы, однако ж, из разных источников получались подтверждения слухов о планах союзников предпринять высадку в Крыму; оставалось только разногласие на счет места высадки. В иностранной печати указывалось то на Евпаторию, то на Севастополь. Сам князь Меншиков считал наиболее вероятной высадку между обоими этими пунктами. Государь беспокоился также и на счет Керченского пролива, который открывал неприятельскому флоту вход в Азовское море; в таком случае могло быть прервано сообщение с

войсками в Крыму. По невозможности князю Меншикову одновременно распорядиться и в Севастополе, и в Керчи, охранение пролива на обоих берегах его было возложено на Донского атамана генерал-адъютанта Хомутова. Ему предписано было в случае надобности перевести на Керченский полуостров часть войск, состоявших в его распоряжении за Кубанью.

Положение наше становилось с каждым днем все затруднительнее. Вынужденные отказаться от наступательных действий на Дунае, мы должны были ожидать нападения неприятеля на всем протяжении наших берегов как Балтийского, так и Черного морей и в то же время быть готовыми на случай войны с Австрией, принимавшей все более заносчивый тон. Необходим был новый стратегический план и новое распределение наших боевых сил между разными театрами действий. По этому предмету поручено было мне военным министром составить предположение. В представленной мною записке о распределении наших боевых сил[140] принято было за основание, что независимо от оборонительных мер на Прибалтийском побережье и на Кавказе, нам предстояло действовать на трех фронтах: 1) против турецких и англо-французских войск на нижнем Дунае, 2) против австрийцев со стороны Галиции, Буковины и Трансильвании и 3) на берегах Черного моря против союзного флота. Сообразно этому предположению образовать три армии с общим резервом, в который вошла бы большая часть нашей многочисленной и блестящей кавалерии. Резерв этот предполагалось расположить в центральном пункте, откуда было бы возможно направить его на подкрепление той или другой из трех армий, смотря по ходу обстоятельств. По тогдашнему расчету, наши силы были почти уравновешены с неприятельскими: всего состояло у нас в Европейской России и на Кавказе до 837 тысяч боевых сил*. В записке моей указывались и разные меры, ка-

* Из этого числа приходилось: на западной границе, вместе с Дунайской армией около 340 тысяч против предполагавшихся 337 тысяч неприятельских (у австрийцев около 207 тысяч, у турок и англо-французов – до 130 тысяч); на берегах же Черного моря и на Кавказе – 244 тысячи против каких-нибудь 120 тысяч (считая в том числе возможный англо-французский десант). К осени наши силы должны были возрасти до 922 тысяч человек.

завшиеся необходимыми для осуществления предположенного стратегического плана; в том числе неотлагательный вывод из Княжеств всех тыловых учреждений Дунайской армии, устройство переправ на реках Серет и Прут, укрепление Фокшан как опорного пункта для наших передовых войск, которые могли оставаться в пределах Княжеств, и т.д.

Представленные мною предположения были одобрены военным министром и самим Государем. В то же время князь Долгоруков получил по тому же предмету мнение нашего авторитета по части стратегии — генерал-адъютанта барона Жомини[141]. В записке своей он разбирал критически четыре возможных, по его мнению, предположения: 1) занятие нашей армией центрального положения в самих Княжествах для действий по "внутренним линиям" против турецко-англо-французских сил, равно как и против австрийцев, в случае наступления их из Трансильвании; 2) вступление нашей армии в самые пределы Австрии, в Трансильванию; 3) действия оборонительные на Пруте с наступлением в Галицию или 4) с наступлением в Венгрию. Разбор каждого из этих предположений приводил знаменитого нашего стратега к признанию всех четырех невыгодными и опасными. Во всех четырех случаях наши силы признавались недостаточными, а вступление наше в пределы Австрии вдобавок могло восстановить против нас и Пруссию. Записка барона Жомини имела вполне характер академической диссертации, не приводившей ни к какому практическому заключению, кроме разве того, что мы были осуждены неизбежно на пассивную оборону, ожидая повсюду, на неизмеримом протяжении наших границ сухопутных и морских, удара со стороны противников наших и не имея сами возможности где-либо нанести им удар.

Исключение в этом отношении могли составлять разве только действия на Азиатском театре войны, и то лишь вдали от приморской полосы, где также мы должны были постоянно опасаться какого-либо покушения неприятельского флота. Александропольский же корпус под начальством князя Бебутова, несмотря на полученные в течение зимы подкрепления, все еще был втрое слабее числом турецкой Анатолийской армии, имевшей опорным пунктом сильную крепость Карс. Князь Бебутов, получая неоднократные подтверждения желания Государя, чтобы войска наши на этом

театре действий перешли в наступление, решился только 14 июня переступить за Арпачай в надежде вызвать противника на бой в открытом поле. Двигаясь малыми переходами, князь Бебутов только 20-го числа дошел до села Кюрюк-Дара (в 26 верстах от Александрополя) и, расположившись тут лагерем, в 15 верстах от турецкого расположения у Хаджи-Вали, оставался целый месяц в бездействии, считая невозможным атаковать превосходного в силах противника. Он даже помышлял об отводе корпуса обратно за Арпачай.

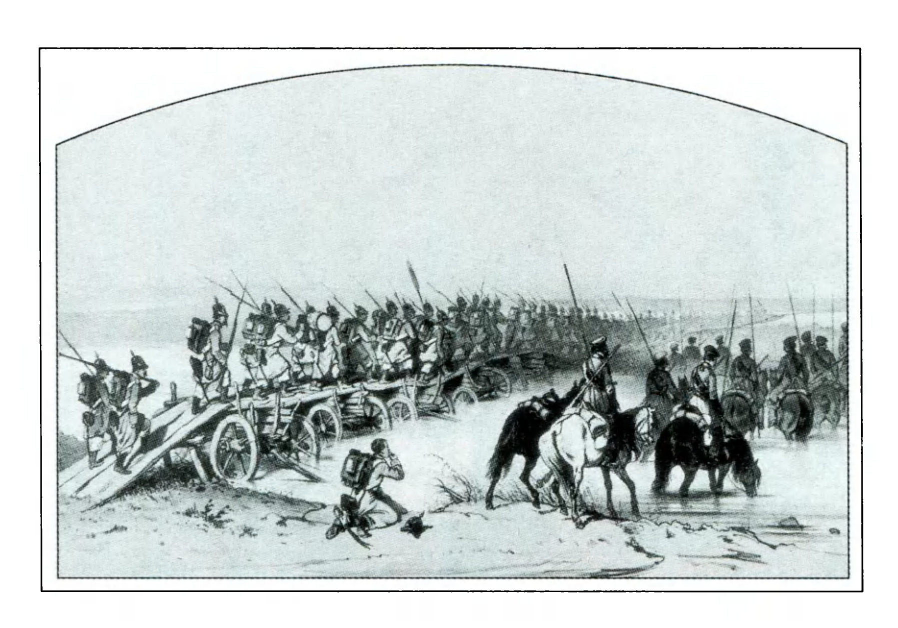
Наступил июль месяц. Из Вены военный наш агент граф Стакельберг доносил, что австрийцы, хотя далеко еще не готовы к открытию военных действий, очевидно, усиливают свои войска в Галиции передвижением их из Баната и Трансильвании. Отовсюду получались сведения о новых замыслах наших врагов: в Кале, Шербурге, Чатаме производилась посадка на суда французских и английских войск для отправления в Балтийское море, с тем, чтобы по предложению адмиралов Непира и Парсеваля предпринять атаку крепости Бомарзунда (на острове Аланде), а потом обратиться на Свеаборг. В то же время сделалось известно, что высаженные в Галиполи англо-французские войска, силой до 60 тысяч человек, уже собрались под Варной; но оставалось еще сомнение в том, будут ли они употреблены на сухом пути, для поддержки турок против нашей Дунайской армии, или же снова будут посажены на суда для высадки в котором-либо пункте наших берегов. По имевшимся сведениям, у союзников не было достаточно кавалерии, ни полевой артиллерии, ни обозов для дальних действий на сухом пути; притом в лагере их открылась в сильной степени холерная эпидемия. Иностранная печать продолжала трактовать о высадке в Крыму.

С половины июля началось отступательное движение нашей Дунайской армии для занятия новой стратегической позиции за Серетом. Потребовалось громадное число подвод для вывоза всех заготовленных в Княжествах запасов, госпиталей с больными и ранеными. Поэтому движение войск было медленное, постепенное. Часть армии, под начальством генерал-лейтенанта Ушакова, оставалась еще за Дунаем, в Добрудже. 16 июля передовые войска Ушакова,

«Вид крепости Карса»

высланные от Бабадага к Кюстенжи, наткнулись на сильный отряд неприятельской кавалерии, состоявшей частью из башибузуков, а частью из французских зуавов и спагов, под начальством генерала Юсуфа. Казаки отступили с боем к Бабадагу, где ожидали наступления союзников; однако ж неприятель, не дойдя до Бабадага, остановился и отступил к Варне. Впоследствии разъяснилось, что союзные главнокомандующие предприняли было наступление против оставленных за Дунаем русских войск, чтобы понудить нашу армию совсем очистить Княжества, а вместе с тем имели в виду вывести свои войска из зараженной холерой местности и поднять в них дух. 18 июля выдвинута была вперед почти вся кавалерия (до 3 тысяч коней), а вслед за нею выступили все три французские дивизии (Канробера, Боске и Принца Наполеона). В то время, когда передовые войска подходили к Бабадагу и намеревались атаковать генерала Ушакова, разразилась в рядах их такая сильная холера, что союзным генералам ничего не оставалось другого, как оза-

«Мост на каруцах для переправы войск через мелкие реки в Валахии. 1854 г.»*

ботиться о скорейшем отправлении морем, в Варну, массы заболевших и немедленно же начать отступление.

Одновременно с неудавшейся попыткой наступательных действий на сухом пути, союзники предприняли на море рекогносцировку крымских берегов. Генералы Канробер и Броун с несколькими штабными офицерами отплыли из Варны, подходили 14 июля почти под выстрелы севастопольских батарей и потом показывались у разных других пунктов.

В то время наши войска в Крыму не превышали 25 тысяч человек. Князь Меншиков возобновил свои просьбы о подкреплении его 16-й пехотной дивизией, которая предназначалась в Крым, но была отвлечена от своего назначения по распоряжению фельдмаршала. В особенности озабочивало князя Меншикова занятие хотя бы одной бригадой Перекопского перешейка для обеспечения единственного пути сообщения; об этом писал он еще 29 июня и в Петербург, и прямо генерал-адъютанту князю Горчакову.

---

* Каруца — румынская повозка *(прим. ред.)*.

Государь признавал требование князя Меншикова вполне уважительным. Немедленно же военным министром сообщено было князю Горчакову о желании Его Величества, чтобы он при первой возможности отправил 16-ю дивизию в Крым; но Государь мало надеялся на своевременное прибытие этого подкрепления и в письме от 10 июля писал князю Меншикову: "Поэтому наверное рассчитывать можешь только на то, что у тебя в распоряжении уже есть. Думаю однако, что сего на первый раз достаточно". Сделав расчет времени, потребного союзникам для высадки и выгрузки, Государь полагал, что генерал Хомутов "успеет подойти с частью своих войск туда, где появление его может иметь наиболее успеха и немедленных последствий". К этому Император прибавил: "С появлением Хомутова в тылу неприятеля, будь он и в 60 тысяч (чему что-то я мало верю), он ничего важного предпринять не может; еще менее правильную осаду или бомбардировку"[142].

Вот как мало предвидели тогда, что ожидало нас в ближайшем будущем.

Между тем генерал-адъютант князь Горчаков, вследствие письма князя Меншикова от 29 июня, еще до получения Высочайшего повеления о подкреплении войск в Крыму 16-й пехотной дивизией, сам на собственную ответственность отправил немедленно эту дивизию на Перекоп. На донесении князя Горчакова об этом распоряжении Государь написал: "Благородная душа, искренний друг и верный слуга". В таком же смысле Император высказал свое одобрение и самому князю Горчакову (в письме от 19 июля)[143]. Какая противоположность с эгоизмом князя Варшавского, который в письме к князю Горчакову осуждал его благородный поступок, не признавая никакой надобности в подкреплениях для Крыма.

Князю Меншикову Государь писал (1 августа), что с прибытием 16-й пехотной дивизии "не только Севастополь будет вполне обеспечен от всякой попытки им овладеть и с моря, и с сухого пути, но пора будет возвратить Хомутова с войсками, собственно Черномории принадлежащими, т.е. линейными Черноморскими батальонами и конно-батарейною Донскою батареей, оставя покуда на Керченском полуострове бригаду 17-й пехотной дивизии с ее артиллерией и казачьим полком. Это тем нужнее, что союзники, известясь о принятии нами сильных мер к обороне Крыма, могут сделать покушение на

Новороссийск и Анапу"[144]. Привожу эти строки опять как указание Государева взгляда на тогдашнее положение дел.

К 1 августа главные силы Дунайской армии уже стянулись к Фокшанам. Турки осторожно подвигались по следам наших арьергардов и 10 августа вступили в Бухарест. В Трансильвании и Галиции продолжались беспрерывные передвижения австрийских войск. У нас же все еще не установился определенный стратегический план. В исходе июля (28-го и 29-го) представлены были мною военному министру две записки опять относительно распределения наших сил[145]. В одной из них высказывалось мнение, что распределение это зависит от предварительного решения вопроса политического: признается ли отступательное движение Дунайской армии очищением Княжеств, как уступка требованиям Венского и Берлинского кабинетов, или же только перемещением сил по собственным нашим стратегическим соображениям? Решение в первом смысле могло быть выгодным для нас лишь в том случае, если б наша уступка вознаграждалась положительным со стороны Австрии обещанием строгого нейтралитета; если же напротив того, она будет по-прежнему держать 200-тысячную армию на границах наших, то выгоднее для нас сохранить за собой свободу действий на южном театре войны и удержать часть войск наших в Княжествах, с тем, чтобы, угрожая переходом снова в наступление, притянуть к Дунаю силы союзников и отвлечь их от предприятий против наших морских берегов. Во второй записке заключалось предположение о распределении наших сил в том случае, если б нам по-прежнему грозила война с Австрией. Предлагались на этот случай две комбинации: или образовать три армии — *западную* в Царстве Польском, *южную* или Дунайскую и среднюю, промежуточную между двумя первыми; или же две армии — *западную* и *южную*, распространив район последней на Подолию и Волынь. В том и другом случаях общая численность этих армий достигала 320 тысяч человек, против которых считалось у союзников 307 тысяч. Во второй комбинации имелось в виду войска южной армии (силой до 185 тысяч человек) группировать так: правое крыло, генерал-адъютанта барона Остен-Сакена (65 тысяч) — в Подолии; левое, генерал-адъютанта Лидерса (55 тысяч) — в Бессарабии и на нижнем Дунае, и центр или

общий резерв (65 тысяч) под личным начальством главнокомандующего князя Горчакова. Последнему этому предположению дано было предпочтение.

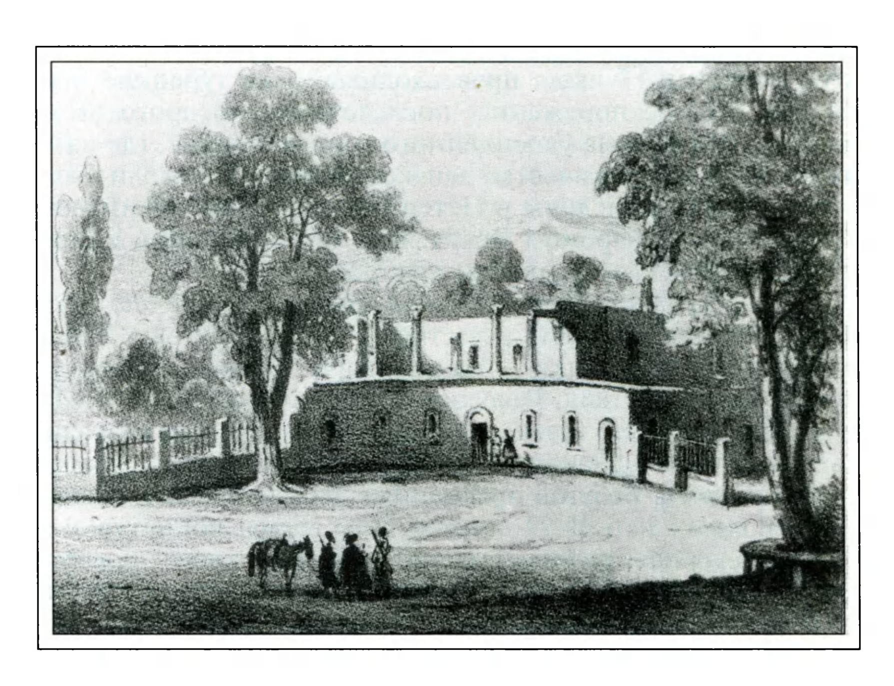
Несколько времени спустя представлены мною еще две дополнительные записки: одна (15 августа) — об организации, в случае войны с Австрией, партизанских отрядов, которые угрожали бы со стороны Полесья флангу и тылу неприятельской армии; другая (18 августа) — о необходимости, в том же случае, укрепленного опорного пункта на южном театре войны, как для южной армии, так и для войск, расположенных по берегу Черного моря[146]. Записки мои были отложены военным министром в свой портфель, как говорится, до поры до времени, то есть до более положительного разъяснения видов Австрии.

Дело в том, что в Вене все еще продолжалась дипломатическая двуличная игра. Вследствие заявленной еще в июне месяце Императором Николаем готовности к примирению, Венский кабинет вошел в сношение с западными державами об основных условиях, на которых они согласились бы открыть переговоры о мире. В то же время между Венским кабинетом и Портой заключена отдельная конвенция, которой предоставлялось Австрии ввести свои войска в Княжества Дунайские по выступлении из них русской армии[147]. При таком-то положении дел последовало назначение нового представителя России при Венском Дворе. Престарелого и флегматичного балтийского барона Мейендорфа заместил бывший до того посланником в Стутгардте и при Германском Союзе князь Александр Михайлович Горчаков — даровитый, живой, честолюбивый и бойкий на язык. Вызванный предварительно в Петергоф (где и довелось мне с ним познакомиться), князь Ал<ександр> Мих<айлович> Горчаков отправился к своему новому посту при самых неблагоприятных обстоятельствах. С первых же шагов ему пришлось выдерживать колкие препирательства с заклятым нашим врагом Булем. Князь Горчаков был того мнения, что Австрия, при своем финансовом расстройстве, вовсе не желала и даже боялась войны с Россией; политика Буля заключалась, по-видимому, в том, чтоб извлечь из современных усложнений сколь можно больше выгод для Австрии, держа сторону западных держав в борьбе их с Россией, но в

то же время избегая до последней крайности открытого участия в войне. Поэтому Венский кабинет охотно взялся за вопрос о возобновлении мирных переговоров; по соглашению его с Лондонским и Парижским кабинетами подписан в Вене 27 июля (8 августа) новый протокол, которым постановлены основные условия в следующих четырех пунктах: 1) прекращение протектората России над Княжествами Дунайскими и Сербией, с заменою его коллективной гарантией всех больших держав; 2) устранение всех затруднений судоходству в низовьях Дуная; 3) пересмотр договора 1841 года о проливах и 4) отмена покровительства России христианским подданным султана[148]. Условия эти были опубликованы в парижской официальной газете с разъяснением пункта 3-го в смысле ограничения господства России в Черном море. Венский кабинет принял на себя предъявление означенных условий Петербургскому кабинету. Предложение было отвергнуто Императором Николаем, что озадачило австрийского министра и расстроило его планы. Но тогда он заявил нашему посланнику, что предъявляя означенные условия, Венский кабинет вовсе не смотрел на них, как на ультиматум, а лишь имел в виду сделать попытку к примирению России с западными державами. Граф Буль выразил сожаление, что попытка эта не имела успеха, и повторил, что Австрия вовсе не намерена воевать с нами.

Однако ж, в половине августа, когда нашей Дунайской армии повелено было окончательно отойти за Прут, австрийские войска немедленно же вступили в Княжества и сменили находившиеся там турецкие войска. Это было уже некоторым косвенным содействием нашим врагам; ибо Австрия, приняв на себя охранение Княжеств, тем самым парализовала нашу Дунайскую армию и давала возможность союзникам располагать высаженными на Балканский полуостров силами для нанесения нам удара в любом пункте нашей обширной береговой линии.

Таково было общее положение дел к исходу августа. Между тем в течение последнего времени с разных сторон приходили в Петергоф известия о военных действиях. Еще во второй половине июля узнали не без удивления о жалких подвигах английских моряков в Белом море и бомбардировании 6 июля мирной обители Соловецкой. Затем

«Разоренные Цинондалы (в Кахетии), откуда были похищены лезгинами семейства князя Орбелиани и князя Чавчавадзе 4 июля 1854 г.»

получен ряд известий с Кавказа. Первое — довольно грустное — от начальника Лезгинской кордонной линии генерал-майора князя Левана Меликова о вторжении 3 и 4 июля Шамиля со скопищем лезгин в Кахетию, опустошении нескольких селений в окрестностях Шильды и пленении семейства подполковника князя Чавчавадзе (адъютанта главнокомандующего) в его имении Цинондалы*. Вслед за тем получено донесение об удачных действиях Эриванского отряда под начальством генерал-лейтенанта барона Врангеля (Карла Карловича), который, ввиду наступления знойного времени, опасаясь оставаться в наблюдательном положении на низменной равнине Аракса, двинулся в половине июля на Чингильские высоты и здесь,

* Цинондальские пленницы были выручены из плена в начале следующего 1855 года в обмен на сына Шамиля, остававшегося у нас с 1839 года (с Ахульго).

на границе Эриванской губернии с Баязетским санджаком, встретив 17 июля превосходные силы турецкие, нанес им полное поражение, последствием которого было занятие 19-го числа укрепленного города Баязета, где найдено огромное количество запасов. Ключи цитадели Баязетской были присланы в Петергоф с молодым офицером подпоручиком бароном Врангелем, отличившимся в сражении особенным подвигом храбрости.

Еще с большим удовольствием принято было в Петергофе полученное 6 августа известие от князя Бебутова. После целого месяца стоянки у Кюрюк-дара он решил наконец выйти из бездействия. Получив 23 июля от лазутчиков ложное сведение, будто турецкая армия, стоявшая у Хаджи-вали, готовится к отступлению и что тяжести ее уже отправляются к Карсу, князь Бебутов предпринял наступательное движение в ночь с 23-го на 24-е число, в то время, когда турки и с своей стороны вознамерились, пользуясь своим превосходством в силах, атаковать русский лагерь. Таким образом, на рассвете 24-го числа совершенно неожиданно Александропольский корпус наткнулся на всю Анатолийскую армию мушира Зарифа-паши у подошвы горы Кара-ял. Завязался упорный, кровопролитный бой, стоивший нам значительных потерь. Войска наши дрались почти целый день с замечательным увлечением против тройных сил противника. После неимоверных усилий дело кончилось в нашу пользу. Турки понесли еще более громадные потери; сбитые на всех пунктах поля сражения, они отступили к Карсу. Донесение об этом счастливом для нас исходе решительного боя привез в Петергоф, вместе со взятыми у турок знаменами и штандартами, адъютант генерала Реада майор Александровский. Само собой разумеется, что приезд такого вестника произвел у нас большую радость. Князю Бебутову пожалован орден св. Андрея, князю Барятинскому и начальнику артиллерии генерал-лейтенанту Брюммеру, лично руководившим боем на важнейших пунктах, — орден св. Георгия 3-й степени. Впоследствии и все другие отличившиеся в этом сражении были щедро награждены.

Радостное впечатление, произведенное у нас известиями с Азиатского театра войны, было вскоре огорчено прискорбным событием на Балтийском море. Уже прежде было

известно, что большая часть неприятельского флота собралась, около 10 июля, в Аландских шхерах, а 19-го присоединились к эскадре прибывшие вновь в Балтийское море суда с французским десантным корпусом, силой до 6 тысяч человек, под начальством генерала Барагэ-д'Илье. Союзники, не решившись предпринять что-либо против Кронштадта или Свеаборга, поставили себе более легкую задачу — разрушить недостроенную еще на Аландских островах крепостцу Бомарзунд. Гарнизон ее, состоявший всего из 1700 человек, находился совершенно в изолированном положении. После предварительного осмотра острова союзники произвели 27-го числа высадку, а в ночь с 30 на 31 июля приступили к осадным работам против двух отдельных башен. На другой же день одна из башен была совершенно разбита и на рассвете 2 августа покинута ее слабым гарнизоном. Вслед за тем, 3-го числа, разрушена была и другая башня (северная); гарнизон ее принужден был сдаться. Тогда союзники открыли с ближайшего расстояния сильный огонь по главной части укреплений — оборонительной казарме, в которой также не было уже возможности держаться, и 4 августа комендант генерал-майор Бодиско со всем гарнизоном сдался военнопленным. Союзники, окончательно разрушив уцелевшие остатки укреплений и забрав все, что могли, покинули Аландские острова. Весь гарнизон отправлен частью во Францию, частью в Англию. После того некоторые из неприятельских судов подходили к Або; но встреченные в шхерах 17 нашими канонерскими лодками, были принуждены удалиться в море, взяв на буксир поврежденный выстрелами один из пароходов.

Из всех неудач, какие до сих пор мы испытали на разных театрах войны, ни одна не произвела у нас такого тяжелого впечатления, как потеря Бомарзунда. Как-то особенно казалось прискорбной *сдача в плен* гарнизона крепости, хотя в сущности и не было тут ничего позорного для чести нашего оружия: войска держались, пока было возможно, и отдали неприятелю одни развалины. Подробности катастрофы сделались нам известны только по рассказам жителей окрестных деревень и показаниям двух лиц, которые одни избегли плена: священника и провиантского чиновника.

После разрушения Бомарзунда и неудачной попытки союзников на Або, не получалось никаких известий о действиях или намерениях неприятельского флота на Балтийском море. Также и с других театров войны не было в течение некоторого времени донесений о военных действиях. Наступило как будто затишье. Почему-то успокоились и у нас в Петергофе, и в самом Севастополе, несмотря на то, что из-за границы продолжали приходить сведения о приготовлениях союзников к большой морской экспедиции, о многочисленных транспортных судах, собранных у Варны и Бальчика. Продолжительное бездействие союзников объяснилось впоследствии бедственным положением войск под Варной от свирепствовавшей эпидемии, пожаром, истребившим значительную часть складов, а также и разными встреченными затруднениями для устройства громадной материальной части предположенной морской экспедиции. Но князь Меншиков смотрел иначе на бездействие союзников: он был убежден, что они не решатся предпринять что-либо серьезное в позднее время года, и в таком смысле писал военному министру. Только подобным самообольщением можно объяснить то равнодушие, с которым князь Александр Сергеевич относился в это время к мерам обороны Севастополя. Через приезжих из Крыма и по частным письмам доходили до Петергофа разные нарекания на князя Меншикова: упрекали его в апатии и беззаботливости, недоверии ко всем подчиненным, в невнимательности к войскам. Говорили, что он и при тогдашних критических обстоятельствах не отступал от своей привычки к желчным саркастическим остротам. Он не счел нужным устроить при себе правильно организованный штаб, а потому не было ни правильного делопроизводства, ни порядка в распоряжениях. Рассказывали, что присланный в Севастополь по инициативе генерал-адъютанта князя Горчакова молодой инженер-подполковник Тотлебен, выказавший свои военные способности под Силистрией, был принят князем Меншиковым с таким пренебрежением, что в первое время оставался вовсе без дела и, чувствуя себя лишним в Севастополе, едва не решился вернуться в Дунайскую армию. То же самое повторилось несколько позже с полковником Гвардейского генерального штаба Поповым,

присланным из Петербурга по Высочайшей воле и вследствие просьбы самого же князя Меншикова. Но об этом упомяну в свое время.

Как уже сказано, и в Петергофе начали смотреть на положение дел несколько спокойнее. В конце августа назначено было переселение Царского семейства в Царское Село; но наступившие хорошие, теплые дни побудили отложить переезд до 4 сентября, и притом уже не в Царское Село, а прямо в Гатчину, где обыкновенно Их Величества проводили лишь позднюю осень.

ОСЕНЬ 1854 ГОДА В ГАТЧИНЕ. ПЕРВЫЙ ПЕРИОД СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ЭПОПЕИ*

В исходе августа, еще до переезда Двора в Гатчину, моя семья должна была поспешить переселением из Петергофа в Петербург по случаю ожидавшихся вскоре родов моей жены. В это же время свояченица моя Дора Михайловна Понсэ, пробыв с нами короткое время в Петергофе, уезжала обратно в Бессарабию, где она проживала с матерью своей в имении на Днестре. Через несколько дней после ее отъезда, 4 сентября, жена моя родила дочь Марию. Восприемниками новорожденной были брат Николай и сестра Авдулина. Это был шестой ребенок; но в живых оставалось пятеро: один сын и четыре дочери.

Кстати скажу здесь несколько слов о сестре и братьях, о которых давно уже не упоминал в своем рассказе, загроможденном воспоминаниями о важных событиях политических и военных. Сестра моя, овдовев на 31-м году жизни, провела лето 1854 года в деревне у своей приятельницы и родственницы графини Орловой-Денисовой** и возвратилась в Петербург только 10 сентября. Брат Николай занимал в это время место директора Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел и пользовался таким же доверием тогдашнего министра Бибикова, как и при его предшественниках. Другой брат Владимир вынес в это лето тяжкую болезнь и по решению врачей должен был уехать за границу для перемены климата и для лечения минеральными водами. Весь июль и часть августа провел он в Крейцна-

---

* В автографе: Высадка союзников в Крыму и первый период Севастопольской эпопеи *(прим. публ.)*.

** Дочь генерала от кавалерии Алексея Петровича Никитина и одной из сестер Яковлевых, тетки Сергея Алексеевича Авдулина, замужем за генерал-майором свиты Федором Васильевичем Орловым-Денисовым.

хе, откуда писал мне, что чувствовал себя удовлетворительно, много работал для "Современника" и начал учиться итальянскому языку, намереваясь провести зиму в Италии.

С переездом Двора в Гатчину предстояло и мне туда же переселиться. Я должен был покинуть жену на другой же день после ее родов. Отлучаться из Гатчины и навещать свою семью я мог только в те дни, когда военный министр ездил в Петербург по делам службы. В Гатчине отведено было мне помещение, так же как и всем другим лицам Царской свиты, в том из двух огромных квадратных флигелей дворца, который известен под названием "кухонного каре", рядом с помещением самого военного мичистра. Здоровье мое все еще было плохо, хотя боли в ногах и пояснице несколько облегчились против летнего времени в Петергофе. Но в половине сентября встревожила меня болезнь 6-летней дочери Ольги; с крайним нетерпением ожидал я ежедневно известий от жены и тогда только успокоился, когда узнал, что малютка встала с постели.

В Гатчине образ жизни при Дворе был подражанием загородной жизни английской аристократии, так называемой vie de chateau*. Все жившие там лица Царской свиты и приезжавшие временно по делам службы или по приглашению помещались в самом дворце и по нескольку раз в день сходились в большую залу, носившую название "арсенала", к завтраку, к обеду и на вечернее собрание. Таким образом большая часть дня проводилась в многочисленном обществе, в присутствии Их Величеств и старших детей их. В промежутках между трапезами предпринимались группами прогулки.

Августейшие хозяева Гатчинского замка относились ко всем гостившим у них лицам с большим благодушием; придумывались различные развлечения, чтобы пребывание в Гатчине было по возможности менее однообразно и скучно. К сожалению, достигнуть этой цели было очень нелегко. Гатчина сама по себе, как город и местоположение, вовсе тому не способствовала; по крайней мере на меня она всегда наводила уныние, особенно же в осеннее и зимнее время. Самый дворец, несмотря на громадные пристройки новейшего времени, со всеми его ближайшими окрестностями, невольно переносил

---

* жизнь в замке *(фр.)*.

мысль к Павлу I. В описываемое же время жизнь в Гатчине была еще грустнее, чем когда-либо: тогдашнее положение дел наводило на всех, от Царя до последнего простолюдина, раздумье и беспокойство. Черная туча надвинулась на Россию, и ничего утешительного нельзя было ожидать впереди.

Приготовления наши к грозной борьбе с сильными врагами продолжались с возможной поспешностью и энергией; но к сожалению, слишком поздно открыли мы глаза на слабые стороны нашего военного устройства. Уже в самый разгар войны пришлось пополнять оказавшийся недостаток и в боевых силах, и в материальных средствах. Военное министерство встречало чрезвычайные затруднения в приобретении, изготовлении и доставке требуемых разнообразных материалов и изделий. Такого громадного количества невозможно было ни за какие деньги заготовить в короткое время, а некоторые, как например, порох, селитру, свинец, также усовершенствованное оружие, вовсе нельзя было добыть внутри государства. Между тем враждебное положение большей части европейских государств угрожало нам прекращением всякого привоза извне. Одна надежда еще оставалась на Пруссию; но и та, под давлением других держав, не смела явно выказывать сочувствия к России, а потому привоз означенного рода грузов, даже и через прусско-русскую сухопутную границу, мог производиться не иначе, как тайком, контрабандой.

Формирование новых частей войск (о которых говорено было прежде) шло весьма быстро; но само собой разумеется, что формируемые резервные и запасные части почти исключительно из рекрут и принятых из отставки офицеров имели только наружный вид стройного войска. Многие из этих новых частей формировались в самом Петербурге и окрестностях его. По мере того, как они принимали несколько приличный вид, их отправляли на разные театры войны, а перед выступлением представляли на Царский смотр. Также происходили смотры выступавшим частям гвардии, распределенным по разным отрядам в Прибалтийском и Северо-Западном крае.

Припоминаю смотр 9 сентября, в Гатчине, выступавшему Преображенскому полку. Все офицеры полка и начальствующие лица были приглашены к обеду во дворец. Обед этот потому остался мне памятным, что я удостоился особенного внимания Государя, который подошел ко мне, подал руку и несколько

времени поговорил со мной. Тут же удостоила меня в первый раз разговором Императрица Александра Федоровна.

До того дня (9 сентября) не получалось никаких замечательных известий с театров войны, кроме разве того, что 29 августа подходило к Херсонесскому мысу (близ Севастополя) несколько неприятельских пароходов, которые впрочем скоро удалились. На известие это первоначально не было обращено внимания; только впоследствии сделалось известно, что на означенных пароходах союзные главнокомандующие с несколькими другими генералами и офицерами производили вновь рекогносцировку крымских берегов для окончательного выбора пункта высадки. Вслед за тем получено от князя Меншикова следующее лаконическое донесение: “Неприятельский флот прибыл сегодня к крымским берегам и теперь в виду мыса Лукулла* находятся 106 судов. По этому числу нет сомнения, что везется на них десантная экспедиция; но место высадки положительно еще не обозначилось. Войска наши между тем сосредоточиваются на пространстве от Качи к Альме”.

Затем 9-го числа почти одновременно получены телеграмма из Вены от нашего посланника князя А.М.Горчакова и новое донесение от князя Меншикова — о произведенной 1 сентября союзниками высадке близ Евпатории. Телеграмма из Вены гласила:

“Австрийское министерство получило по телеграфу уведомление из Бухареста, что по дошедшим туда известиям, 25 тысяч французов и столько же англичан с артиллериею 1(13) сентября беспрепятственно высадились в Евпатории и тотчас выступили к Севастополю. Одна дивизия флота возвратилась в Варну для перевозки 15-тысячного резерва”.

Донесение же князя Меншикова опубликовано было в петербургских газетах 10-го числа в следующем виде:

“Командующий войсками, в Крыму расположенными, генерал-адъютант князь Меншиков донес Государю Императору, что 1-го числа сего сентября, в виду Евпатории появился многочисленный англо-французский флот и что вслед за тем значительное число неприятельской пехоты с частью кавалерии высадилось на берег между Евпаторией и дерев-

---

* Настоящее название Улу-кула, немного южнее устья р. Альмы.

ней Каптугаем. С приближением неприятеля все жители удалились как из города, так и из окрестных селений. Князь Меншиков, не признав возможным атаковать высаженные войска на плоском берегу, обстреливаемом с флота, сосредоточил большую часть своих сил на выгодной позиции, в которой готовится встретить противника. В заключение он присовокупляет, что состоящие под его начальством войска, одушевленные рвением и преданностью Престолу и Отечеству, с нетерпением ожидают минуты сразиться с неприятелем".

Можно представить себе, какое впечатление произвели эти известия на Государя и окружавших его; с каким лихорадочным нетерпением ожидались последующие донесения князя Меншикова. Тяжелое это ожидание длилось почти неделю. В течение этого времени было только известие о том, что войска наши заняли позицию на р. Альме при деревне Бурлюк и что в первые дни по высадке неприятель не предпринимал движений, даже силы его не были еще известны.

По первым известиям о высадке союзников, 10-го числа, сообщено было генерал-адъютанту князю Горчакову Высочайшее повеление о немедленном отправлении из Дунайской армии подкреплений в Крым, причем было выражено, что Государь, имея в виду прежний образ действий его, князя Горчакова (относительно отправления 16-й пехотной дивизии), вполне полагается и теперь на его высокие чувства патриотизма и потому не считает нужным стеснять его распоряжения какими-либо положительными повелениями. В то время войска Дунайской армии уже окончательно выступили из Княжеств и расположились в пределах Империи по сю сторону Прута, распространив правое крыло в Подолии и оставя левое крыло (генерала Лидерса) на низовьях Дуная. Генерал-адъютанту Хомутову сообщено было (12-го числа) полученное из Вены известие о том, будто бы 15 тысяч союзного десантного войска отправлено в Феодосию. Ввиду опасности, угрожавшей Керчи и всему Азовскому морю, предписывалось Хомутову опять перевести часть войск Закубанского отряда на восточную оконечность Крымского полуострова, хотя бы рискуя Анапой и Новороссийском, потеря которых была бы для нас менее чувствительна, чем потеря Керчи. Предписание это было послано в двух экземплярах разными путями (через Ростов и через Перекоп), из опасения перехвата неприятелем.

Главнокомандующие союзной неприятельской армией лорд Раглан, Омер-паша и маршал Пелисье

15 сентября был день невыразимо печальный для гатчинского общества. Приехал курьер от князя Меншикова, адъютант его ротмистр Грейг (Самуил Алексеевич, будущий министр финансов) с прискорбным известием о неудачном исходе сражения, происходившего 8 сентября на р. Альме. Привезенное им весьма короткое письменное донесение, написанное сейчас после проигранного сражения, не заключало в себе никаких сведений о самом ходе боя. Князь Меншиков предоставил своему адъютанту, как очевидцу, дополнить донесение устным рассказом. Понятно, что Государь и потом все лица гатчинского общества жаждали услышать от прибывшего вестника подробности первой боевой встречи наших войск с англо-французами. Но впечатлительный адъютант был до такой степени потрясен картиной боя, в котором случилось ему впервые участвовать, что даже после семидневной курьерской скачки (а быть может, именно под влиянием этой продолжитель-

ной тряски на перекладной) не мог отделаться от испытанного им впечатления и рассказать виденное сражение в таком неприглядном, обидном для наших войск освещении, что Государь рассердился, выбранил его и послал выспаться.

Тем не менее нельзя было оставить публику в неведении полученного печального известия. Пришлось ограничиться лишь несколькими строками, в самых общих выражениях, и 17 сентября напечатано, что "войска наши несколько часов отражали упорные атаки неприятеля; но угрожаемые многочисленными его силами с обоих флангов, и в особенности действием с моря, отведены были к вечеру за р. Качу, а на другой день расположились впереди Севастополя". К этому добавлено было, что князь Меншиков, "приняв все меры к обороне, готовился дать неприятелю сильный отпор в случае дальнейшего с его стороны нападения".

Князь Меншиков и после того не счел нужным составить обстоятельную реляцию сражения на Альме, а только прислал с фельдъегерем чертеж боевого порядка*. Опубликованное несколько позже описание боя было редактировано в Гатчине по расспросам Грейга и фельдъегеря, с помощью означенного чертежа. Вся потеря наша в этом бою была показана в 5908 человек (в том числе 1426 пропавших без вести!)**.

19 сентября прибыл курьером от князя Меншикова флигель-адъютант полковник Альбединский; он привез краткое донесение от 14 сентября об исполненном в ночь с 12-го на 13-е число весьма рискованном фланговом движении для занятия позиции на Каче, тылом к Бахчисараю и Симферополю, откуда он ожидал подкрепления как из Керчи, от генерала Хомутова, так и от Перекопа. В севастопольских укреплениях оставлено было лишь 8 резервных батальонов, под начальством генерал-лейтенанта Моллера, и до 9 тысяч моряков. Три корабля, два фрегата и блокшифы были потоплены при входе в Севастопольскую бухту. Полученное

* Почти месяц спустя после сражения прислана была наконец реляция, и то весьма краткая, вместе с общим обзором или журналом военных действий в Крыму за весь сентябрь месяц.

** Цифры эти не слишком разнятся с теми, которые потом оказались на проверке. Без вести пропавших действительно было даже менее наполовину – 735 человек; весь же урон – 5709 человек. У союзников выбыло из строя 3353 человека.

краткое донесение было опубликовано 20 сентября; подробнее же было изложено в записке Альбединского*.

Вскоре потом сделалось нам известно, что одновременно с фланговым движением князя Меншикова от Севастополя к Бахчисараю французские войска также совершили не менее рискованное движение – от Качи в обход Севастополя на южную сторону от него, между тем как английские войска и все тяжести союзной армии отправлены на судах в Балаклаву. В иностранных газетах превозносили это движение союзников как искуснейшую стратегическую комбинацию. Но если французам удалось благополучно исполнить это движение (заметим – без обоза), то по справедливости князь Меншиков мог бы еще более хвалиться тем, что ему удалось ночью, с обозом, пройти незамеченным, одной длинной колонной, по горному ущелью, в 4 или 5 верстах от неприятельского бивака, и став против левого фланга союзной армии, восстановить свои сообщения. Как союзники могли бы воспрепятствовать движению князя Меншикова и нанести поражение растянутой его колонне, так и князь Меншиков со своей стороны мог расстроить передвижение французов. Все это было мною изложено в записке, которая в то же время была опубликована[149].

В донесении своем от 18 сентября (опубликованном 24-го числа) князь Меншиков писал, что заняв новую позицию, он готовился при благоприятном случае перейти в наступление[150]. Разделение сил союзников облегчало ему успех. Он выдвинулся было вперед; но узнал, что французы уже прошли на южную сторону Севастополя, где и вошли снова в соединение с англичанами, открыв новые сообщения с Балаклавой. Тогда князь Меншиков снова вступил в Севастополь, чтобы все силы свои обратить на оборону его.

После того в продолжение более двух недель получались от него лишь краткие донесения о том, что неприятель ничего не предпринимает или что положение дел не изменилось, за исключением лишь появления 22 сентября четырех неприятельских судов перед Очаковым, где они были встречены выстрелами батареи, временно устроенной для защи-

* Полковник Альбединский был немедленно же отправлен обратно в Севастополь с Высочайшим рескриптом к князю Меншикову.

ты входа в Днепровский лиман. Между тем на помощь князю Меншикову двигались с разных сторон подкрепления. Генерал Хомутов, собрав все, что мог из состоявших под его начальством войск, сам двинулся с ними к Симферополю, а генерал-адъютант князь Горчаков опять доказал высокое благородство души, отправив последовательно из состава Дунайской армии на Перекоп четыре пехотных дивизии (10-ю, 11-ю, 12-ю и 8-ю), одну кавалерийскую, 10 резервных батальонов (10-й и 12-й пехотных дивизий), 4-й стрелковый и 4-й саперный батальоны. Войска эти, одни за другими, подходили к Севастополю и поступали в распоряжение князя Меншикова. Из них 12-я пехотная дивизия генерала Липранди была первоначально остановлена у Перекопа, где предполагалось возвести укрепление. Вопрос об обеспечении сообщений с войсками в Крыму весьма озабочивал Государя и военного министра. Для собрания по этому предмету необходимых сведений и принятия надлежащих мер командирован флигель-адъютант Ден (сын инженер-генерала). Вследствие донесений его решено было вместо укрепления Перекопского перешейка открыть новое, более безопасное сообщение – через Сиваш (Гнилое море), устроив мост через мелководный пролив у Чонгара. Вследствие этого 12-я пехотная дивизия генерала Липранди была притянута к Севастополю, а прибывшая вновь Уланская дивизия генерал-лейтенанта барона Корфа выдвинута к Евпатории для наблюдения за укрепившимися там турецкими войсками.

8 октября курьер привез донесение князя Меншикова от 3-го числа о том, что неприятель приступил к осадным работам против севастопольских укреплений с южной стороны, но что большая часть этих работ ежедневно уничтожается удачными действиями нашей артиллерии и что каждую ночь высылаются из Севастополя малые отряды, чтобы тревожить неприятеля. Часть войск выдвинута к деревне Чоргун на р. Черной, чтобы отрезать неприятелю водопой и угрожать сообщению его с Балаклавой.

Но два дня спустя (11-го числа) получено от князя Меншикова донесение, что неприятель успел устроить батареи, с которых 5 октября открыл сильнейший огонь. Бомбардирование, продолжавшееся два дня сряду, стоило нам до 500 человек, выбывших из строя. В числе убитых и раненых были и

В.А.Корнилов

городские обыватели. Самой чувствительной потерей в первый день бомбардирования была смерть достойнейшего из моряков адмирала Корнилова. Князь Меншиков свидетельствовал о примерном мужестве и стойкости всех моряков, которым исключительно вверена была оборона батарей и бастионов. На одном из последних (№ 3) прислуга при орудиях была три раза заменяема другими людьми.

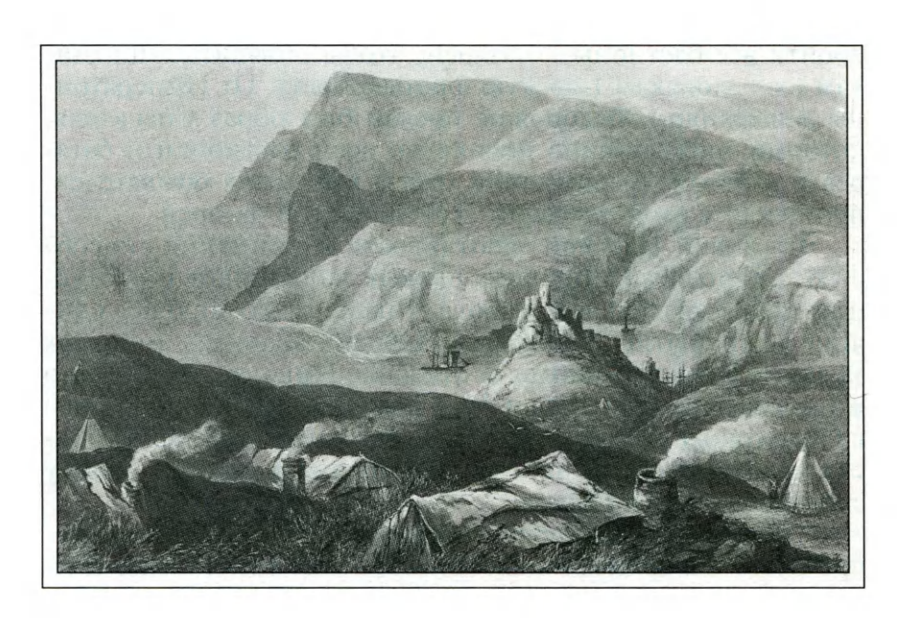
Глубоко огорченный смертью адмирала Корнилова, Государь приказал воздвигнуть доблестному моряку памятник на том самом месте, где он кончил жизнь; самый бастион назвать его именем, а вместе с тем оказаны исключительные милости вдове покойного адмирала.

После выдержанного Севастополем двухдневного убийственного бомбардирования, в продолжение некоторого вре-

мени получались от князя Меншикова лишь краткие дневные бюллетени, в которых большей частью повторялось одно и то же — что неприятель продолжает действовать с батарей своих, но что огонь слаб, или что наша артиллерия отвечает с успехом. Известия эти производили грустное впечатление. Каждый день число жертв в севастопольском гарнизоне и населении показывалось сотнями, и конца не предвиделось этому ежедневному избиению. Только несколько отлегло от души, когда 19 октября пришло известие о наступательных действиях генерал-лейтенанта Липранди и генерал-майора Семякина от деревни Чоргуна на сообщения неприятеля с Балаклавой, в особенности же об удачном бое 13-го числа, когда они завладели четырьмя редутами (близ деревни Кадикиой), отбив атаки английской кавалерии лорда Кардигана. Первое известие об этом успешном деле привез в Гатчину участвовавший в бою адъютант князя Меншикова капитан-лейтенант барон Виллебрант, а через два дня получено подробное донесение самого генерала Липранди, вместе со взятыми турецкими знаменами и значками. Успех этот стоил нам до 550 человек выбывших из строя; со стороны неприятеля урон был еще значительнее; в особенности английская кавалерия дорого поплатилась за свою заносчивость. К сожалению, этот бой не имел никакого выгодного для нас результата и только указал неприятелю слабую точку его позиции. Наши войска отошли на прежние свои места в долине р. Черной, а союзники сильнее прежнего укрепились с этой стороны.

Несмотря на утешительную весть, привезенную Виллебрантом, собственные его устные рассказы о положении дел в Севастополе были далеко не успокоительны. Личность этого морского офицера была несимпатичная: он, по-видимому, заимствовал от своего патрона (князя Меншикова) тон саркастический и резкий, и потому казался нахальным. В награду себе он просил о переводе его из морской службы в гвардию; странное это желание было удовлетворено (впоследствии он даже командовал л.-гв. Егерским полком).

Из рассказов приезжавших из Севастополя, так же как из писем самого князя Меншикова, ясно было видно, что последний смотрел на положение дел с крайним пессимизмом и отчаивался в возможности отстоять Севастополь.

Вход в гавань Балаклавы и Генуэзская крепость

Но Государь не допускал и мысли о сдаче Севастополя*[151]. Во всех своих письмах к князю Меншикову Император ободрял его, поручал ему благодарить войска и моряков, высказывал в самых теплых выражениях свое доверие к молодецкой их стойкости, высказывал сожаление о том, что "сам не с ними"**; "зато, – писал он 11 октября, – дети мои среди вас будут"[152]. В то время решена уже была поездка в Крым молодых Великих Князей Николая и Михаила Николаевичей. В рескрипте от 16 октября Государь выразил надежду, что с прибытием 10-й и 11-й пехотных дивизий князь Меншиков "найдет возможность нанести удар неприятелю, чтобы поддержать честь оружия нашего". В рескрипте от 19 октября, посланном с флигель-адъютантом 1-го ранга князем Голицыным, выражена Императором поистине отеческая заботливость о войсках и моряках, как "о любимых своих детях"[153]. Князю Голицыну поручено было

* Рескрипт от 16 октября.

** Одно время даже была речь о поездке Императора в Крым; но при тогдашних обстоятельствах признано было неудобным Государю удалиться от столицы.

обойти все бастионы и батареи, чтобы объявить защитникам их — морякам Царскую благодарность. От Императрицы Александры Федоровны послан был образ Спасителя, который торжественно носили по всем бастионам и батареям, а потом, в сопутствии массы городских обывателей, поставили у входных ворот Николаевской батареи.

Эти знаки Царской заботливости и внимания способствовали поддержанию духа в среде защитников и населения многострадального города. Также имело хорошее влияние и прибытие 22 октября Царских сыновей, молодых Великих Князей Николая и Михаила Николаевичей. В это же время подошли 10-я и 11-я пехотные дивизии, так что в Севастополе и его окрестностях находилось уже до 107 тысяч человек войска, не считая моряков; а во всем Крыму считалось до 121 тысячи.

С такими силами, превышавшими даже численность неприятельской армии, казалось уже вполне возможным выйти наконец из тяжелого положения пассивной обороны плохо укрепленного города и перейти в наступление. Но князь Меншиков не обладал ни дарованиями, ни опытностью полководца и не имел при себе ни одного доверенного лица, кто мог бы, его именем, вести дело с умением и энергией. Выше было уже замечено, что князь Меншиков не хотел или не умел составить себе хороший штаб, и упомянуто о полковнике А.Е.Попове. Эпизод с этим штаб-офицером вполне характеризует князя Меншикова. Попов, считавшийся одним из способнейших офицеров Гвардейского генерального штаба, исправлял должность начальника штаба гвардейского резервного корпуса, составлявшего в описываемое время гарнизон Петербурга. Таким видным служебным положением он был вполне удовлетворен и службу его ценило гвардейское начальство; но вследствие просьбы самого князя Меншикова, привезенной флигель-адъютантом Альбединским (19 сентября), последовало 30 сентября назначение полковника Попова исправляющим должность начальника штаба войск, в Крыму расположенных. При отправлении его к новому месту службы Государь обошелся с ним очень благосклонно, как с офицером, лично известным Его Величеству, дал ему некоторые наставления и, подав руку, пожелал счастливого пути. Этого было достаточно для того, чтобы

князь Меншиков, по прибытии Попова в Севастополь, принял его весьма нелюбезно и даже не допустил его вступить в должность, на которую он был назначен Высочайшим приказом. Устраненный от всякого участия в делах штаба, Попов состоял то при одном из корпусных командиров князе П.Д.Горчакове, то при начальнике Севастопольского гарнизона генерал-лейтенанте Моллере, то исполнял разные случайные поручения, а потом формально был отчислен от должности (приказом 14 ноября) и, наконец, отправлен обратно в Петербург*. Должность начальника штаба при князе Меншикове исправлял одно время командир 1-й бригады 12-й пехотной дивизии генерал-майор Семякин; потом полковник Генерального штаба Герсеванов — человек бесцветный, лишенный всяких дарований военных. В должности обер-квартирмейстера состоял также бездарный офицер Генерального штаба Глебов. Обоих последних метко охарактеризовал приятель мой барон Торнау в одном из своих писем ко мне: "le premier é'tait une nullité calme, le second est une incapacité agitée"**[154]. Были в войсках Крымской армии и хорошие офицеры Генерального штаба; но они занимали положение второстепенное.

Ободренный успехом 13 октября под Балаклавой, князь Меншиков, с прибытием 10-й и 11-й пехотных дивизий, решился исполнить желание Императора и предпринять нападение на союзников. 24 октября произошло кровопролитное сражение, известное под названием Инкерманского, — успешное в начале, но кончившееся полным отступлением с огромной потерей — до 10 тысяч человек. Печальное известие об этой неудаче, привезенное в Гатчину 31 октября флигель-адъютантом графом Левашевым, произвело у нас подавляющее впечатление. Огромная потеря*** крайне огорчила Государя. В числе убитых был начальник дивизии гене-

---

* Подробности эпизода с полковником Поповым рассказаны им самим в Записках, напечатанных в "Русской старине", 1877. Т. XIX, стр. 322; 1878. Т. XXI, стр. 305 и 491; 1881. Т. XXXI, стр. 207.

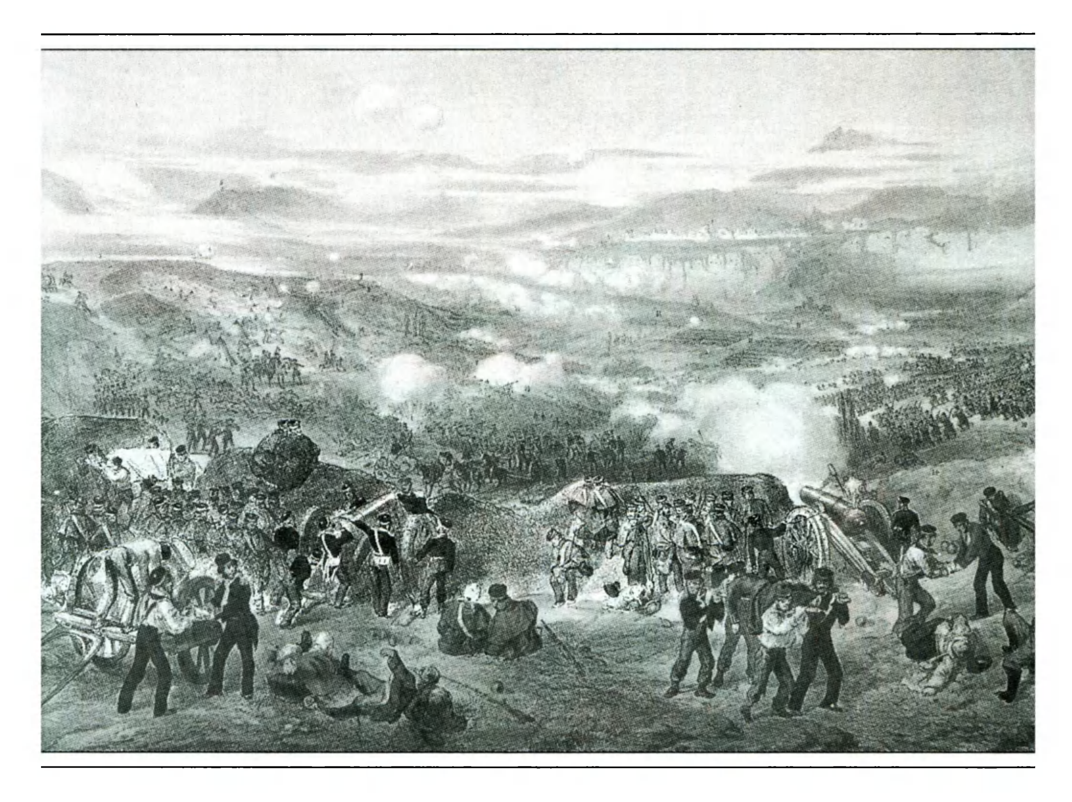
** "Первый был спокойным ничтожеством, второй — суетливая бездарность" *(фр.)*.

*** В первом донесении потеря наша не была еще показана вполне; упоминалось только о 3500 раненых нижних чинов и 109 офицерах. Цифры эти оказались несравненно ниже действительных.

рал-лейтенант Соймонов; в числе раненых и контуженных — 3 генерала, 5 полковых командиров, трое из свиты Его Величества (генерал-майор князь Меншиков-сын, флигель-адъютант Альбединский, Грейг). В кратком донесении своем князь Меншиков упомянул о молодых Великих Князьях, которые, находясь во все время боя при командующем войсками, под выстрелами, "подавали пример мужества и хладнокровия". В дополнительном донесении от 31 октября (полученном в Гатчине 7 ноября) князь Меншиков отозвался еще с большими похвалами о поведении Великих Князей, которые по окончании уже боя обошли бастионы и батареи, под сильным огнем неприятельских осадных батарей, и ходатайствовал о награждении их орденом св. Георгия 4-й степени, на что, конечно, и последовало Высочайшее соизволение.

Неудача 24 октября рушила все надежды на лучший поворот дел в Крыму. Не столько еще важен был нанесенный ущерб численной силе войск, сколько упадок доверия к способностям и искусству начальников. С самого начала и до конца Инкерманское сражение представляло ряд ошибок и недоразумений. Геройские подвиги войск, частные успехи их, захват неприятельских батарей с орудиями, все понесенные жертвы — остались бесплодными и закончились печальным отступлением благодаря несвоевременно данной войскам диспозиции, неправильности первоначального направления колонн, отсутствию общего плана, нераспорядительности главного начальства во время самого боя, неумению его воспользоваться всеми имевшимися силами.

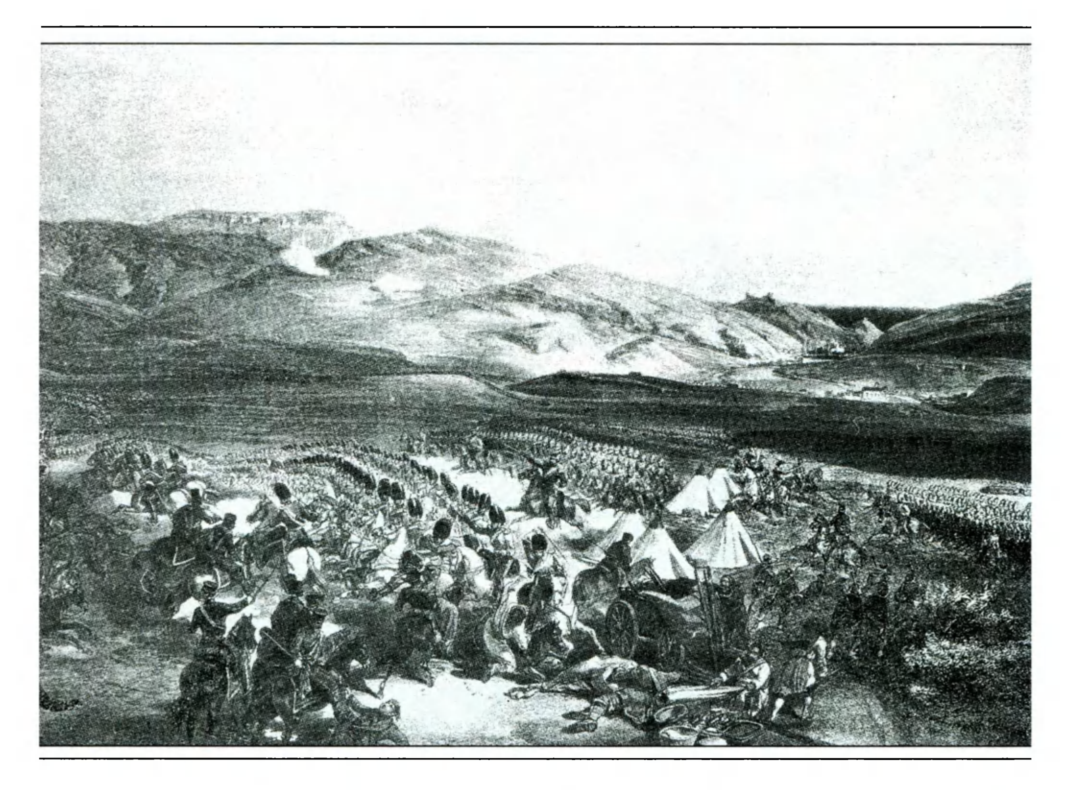
Испытав неудачу в Инкерманском бою, князь Меншиков совсем упал духом и писал Государю, что не видит более надежды на возобновление наступательных действий и даже предвидит скорое падение Севастополя. Император, встревоженный таким направлением мыслей главнокомандующего, снова старался ободрить его и писал ему 31 октября: "Не унывай, любезный Меншиков. Начальствуя севастопольскими героями, имея в своем распоряжении 80 тысяч отличного войска, вновь доказавшего, что нет ему невозможного, *лишь бы вели его как следует и куда должно.* С такими молодцами было бы стыдно и думать о конечной неудаче. Скажи вновь всем, что я ими доволен и благодарю за прямо русский дух, который, надеюсь, никогда в них не

Сражение при Инкермане. 5 ноября 1854 г.

изменится. Ежели удачи доселе не было, как мы смели ожидать, то Бог милостив, — она быть еще может. Бросить же Севастополь, покуда есть еще 80 тысяч в нем и под ним стоящих, еще живых, было бы постыдно и помышлять, значило бы забыть стыд и не быть русскими; потому этого и быть не может, и я не допускаю сего даже и в мыслях. Пасть с честью, но не сдавать и не бросать"[155].

В то же время (1 ноября) Государь, сообщая генерал-адъютанту князю Горчакову свои опасения за настроение духа князя Меншикова, выразился так: "Признаюсь, такое направление мыслей его меня ужасает за последствия. Неужели должны мы лишиться Севастополя после такой крепкой защиты, после стольких горьких потерь храбрейших героев, и с падением Севастополя, дожить до всех тех

Атака бригады тяжелой кавалерии 25 октября 1854 г.

последствий, которые легко предвидеть можно от подобного события. Страшно и подумать"[156]. Государь спрашивал мнения князя Горчакова на счет дальнейшего ведения дел в случае несчастного исхода обороны Севастополя.

Известия из Крыма производили в гатчинском придворном кругу удручающее впечатление. Сам Государь, высказывавший такую твердость характера, ободрявший своих военачальников, поддерживавший дух в войсках, заметно терял прежнюю самоуверенность и веру в свою звезду. Нравственные страдания и грусть выражались на его прекрасном мужественном лице. К тому же Императрица Александра Федоровна начала хворать и перестала появляться в гатчинском обществе. В начале ноября выпал

снег и наступили холода. Гатчина в своем зимнем облачении приняла еще более мрачный вид.

Каждый день с лихорадочным нетерпением ожидалось чего-нибудь нового из Крыма. Одно время мелькнул было луч надежды на лучший оборот дела, когда получено было сведение о страшной буре, разразившейся 2 ноября на Черном море и разметавшей флот неприятельский. И действительно, эта буря причинила союзникам немало вреда, и не только на море, но и на сухом пути, в их лагерях и траншеях. Наступившая холодная погода и проливные дожди приостановили на некоторое время их осадные работы. В союзных войсках усилились болезненность и смертность, возобновилась холерная эпидемия. По всем имевшимся сведениям положение союзников под Севастополем было критическое. Но положение наше от этого нисколько не облегчилось. Бомбардирование Севастополя продолжалось непрерывно; по-прежнему гибли каждый день сотни людей; город постепенно обращался в развалины. Напрасно Государь тешил себя надеждой, что князь Меншиков воспользуется критическим положением неприятеля и снова попытается нанести ему удар, прежде чем подоспеют ожидаемые из Франции значительные подкрепления. В письме от 19 ноября Император писал ему: “Желательно мне, чтобы геройское усердие всех было впрок и Севастополь спасен. Признаюсь тебе, что вовсе не слыша и не видя из твоих донесений, в чем состоят твои дальнейшие намерения и что ты предпринять полагаешь, я невольно должен опасаться, что последнее удобное для нас время уйдет бесплодно”. Несколько дней спустя (27 ноября), получив новые донесения от князя Меншикова (с флигель-адъютантом Стюрмером), Государь предостерегал его относительно высылаемых из Франции подкреплений в Крым и снова выражал сожаление, что благоприятное для нас время упускается[157].

В конце ноября последовали некоторые перемены в личном составе начальствующих лиц Крымской армии. По представлению князя Меншикова, командир 4-го пехотного корпуса генерал Данненберг, на которого преимущественно пали обвинения в неудаче Инкерманского сражения, был сменен; на его место назначен (28 ноября) генерал-адъютант барон Остен-Сакен, и на него же воз-

ложено начальство Севастопольским гарнизоном. Помощником его по этой должности назначен адмирал Нахимов, а начальником штаба генерал-майор свиты князь Васильчиков (Виктор Илларионович). Перемена эта принесла заметную пользу: в гарнизоне и городе водворилось более порядка; оказывалось более заботливости об облегчении по возможности тяжкого существования солдата.

Существенной мерой для поддержания духа в среде защитников Севастополя было Высочайшее повеление 29 ноября считать каждый месяц пребывания в гарнизоне осажденного города за целый год службы. Об этой Царской милости, по Высочайшему повелению, объявлено было на месте в торжественный день 6 декабря.

Все заботы правительства и общее внимание сосредоточились почти исключительно на Крымском полуострове; на всех других театрах войны, по необходимости, наступил временный перерыв действий. Из Балтийского и Белого морей союзные эскадры удалились еще в октябре месяце, удовольствовавшись жалкими результатами своей кампании. На Азиатском театре войны действия закончились сражением при Кюрюк-Дара: поражение, нанесенное превосходному в силах противнику, обеспечило на все остальное продолжение года и на всю зиму спокойствие в Закавказье. С наступлением холодной осенней погоды на возвышенном плоскогорье Армении все наши отряды были отведены на зимние квартиры.

Престарелый наместник кавказский и главнокомандующий князь М.С.Воронцов, по истечении данного ему шестимесячного отпуска, возвратился к прежнему своему решению совсем покинуть непосильный для его лет служебный пост. 24 октября он получил окончательное увольнение от должности, и снова возник отложенный вопрос о выборе ему преемника. В половине ноября заговорили о генерал-адъютанте Н.Н.Муравьеве, который в то время командовал Гренадерским корпусом* и пользовался репутацией дельного боевого генерала. Он был вызван в Гатчину и приехал немедленно. Ему отведено было помещение во дворце почти рядом с военным министром и с моей комнатой. Несколько

---

* Н.Н.Муравьев, после многих лет уединенной жизни в деревне, поступил вновь на действительную службу в 1848 году.

раз в течение дня я имел с ним продолжительные беседы и до представления его Государю, и после. Он вспомнил первое мое с ним знакомство при проезде моем через его деревню на Кавказ в 1843 году. Теперь я пригодился ему для ознакомления его с положением дел на Кавказе. Мне пришлось просидеть вместе с ним несколько часов над разложенной картой и давать подробные объяснения на многочисленные и разнообразные его расспросы. Признаюсь, он произвел на меня не совсем выгодное впечатление своими своеобразными замашками, напускным спартанством. Прикидываясь суровым воином, он не захотел отдыхать на стоявшей в комнате кровати или на мягкой мебели, а велел принести себе сена, на котором и лежал полураздетый, когда я вошел к нему вечером, в условленный час. Воздух натопленных комнат дворца казался ему душным, и потому он сидел во все время нашей беседы без верхнего платья, без жилета и галстука. Объяснения мои так заняли его, что несмотря на неоднократные напоминания адъютанта, он едва не опоздал на последний вечерний поезд железной дороги, с которым возвратился в Петербург.

Назначение генерал-адъютанта Муравьева на Кавказ было окончательно решено и 29 ноября объявлено в Высочайшем приказе. Новый наместник и главнокомандующий пробыл еще некоторое время в Петербурге, чтобы ознакомиться с кавказскими делами прежде отъезда своего к новому месту.

Около того же времени, т.е. в конце ноября получено донесение от камчатского военного губернатора контр-адмирала Завойко о попытке наших врагов нанести нам удар и на Дальнем Востоке. Известие о разрыве с западными державами дошло до Камчатки только в половине июля, а 17 августа уже появилась в Авачинской губе англо-французская эскадра из 6 судов. На другой день неприятельские суда открыли огонь по городу Петропавловску и по двум стоявшим в порту военным судам. Наскоро построенные для защиты города батареи наши, вооруженные частью морскими орудиями, отвечали с успехом. 20-го числа неприятель пытался произвести высадку на берег и даже успел овладеть одной из батарей; но нападение это было отбито, и неприятельские суда отошли от берега. Через три дня, 24 августа, бой возобновился с большим еще упорством;

но все нападения союзников были отражены малочисленной горстью моряков и местной военной командой. Неприятель понес чувствительную потерю, и некоторые из его судов потерпели повреждения. С нашей стороны число убитых и раненых простиралось до 115 человек.

Этим неудачным нападением ограничились предприятия союзников в Тихом океане. Все участвовавшие в защите Петропавловска были щедро награждены. Известие* об успешном отражении неприятеля на самой отдаленной окраине Империи, на пункте, считавшемся почти беззащитным, было как бы мгновенным слабым проблеском на тогдашнем мрачном горизонте. Наступил декабрь; суровая зима давала себя чувствовать даже и в Крыму. Из Севастополя по-прежнему приходили все те же неутешительные донесения о продолжающейся беспрерывно канонаде, уносившей все новые жертвы; о ночных вылазках отважных наших охотников для разрушения подвигавшихся к нашим укреплениям неприятельских подступов; о начатой под руководством полковника Тотлебена подземной войне и т.д. Зимнее ненастье и распутица еще более, чем прежде, затрудняли подвоз запасов и передвижения войск в Крыму, а местные средства края были уже вполне истощены. Все это ставило нас в положение безнадежное, безвыходное.

В Гатчине унылое настроение еще усилилось тяжкой болезнью Императрицы Александры Федоровны. Одно время начали даже опасаться за ее жизнь. Государь был крайне встревожен; жаль было на него смотреть. Мощная натура его едва была в силах бороться с такими тяжелыми испытаниями, с такими разочарованиями, какие пришлось ему выносить в эту злополучную эпоху. Болезнь Императрицы побудила Государя вызвать из Крыма молодых Великих Князей Николая и Михаила Николаевичей. Выехав из Севастополя 3 декабря, они прибыли в Гатчину 11-го числа, когда в положении больной последовало некоторое облегчение и тревожные опасения за ее жизнь несколько успокоились.

Для меня тогдашняя жизнь в Гатчине представлялась чем-то вроде тюремного заключения. Разлученный с семьей, чуждаясь общества придворных, я проводил большую часть дня

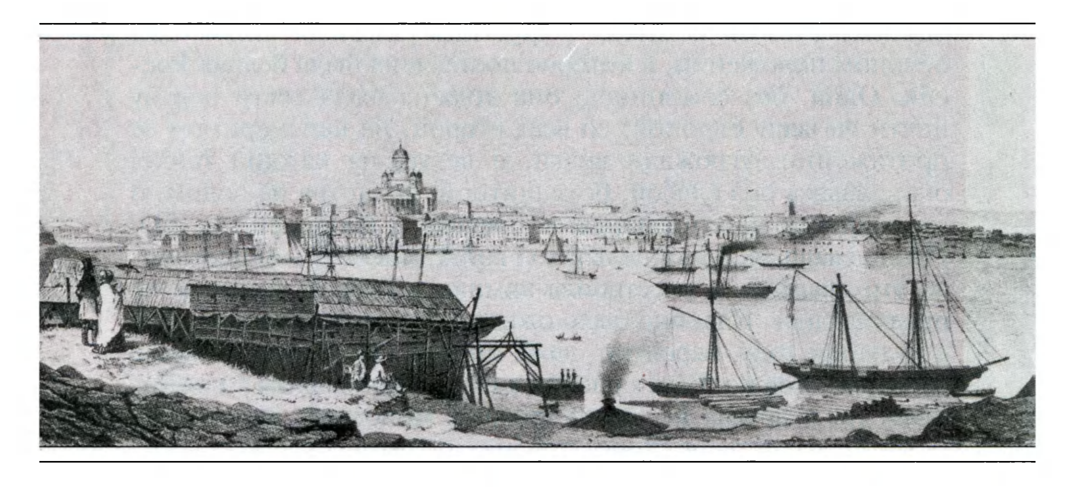
---

* Полученное в Гатчине 30 ноября.

одиноко в своей комнате, в грустных размышлениях о том опасном положении, в которое поставлена была бедная Россия. Одна, без союзников, она должна была вести борьбу почти со всей Европой; со всех сторон, на неизмеримом ее протяжении, угрожали враги, и везде, на каждой точке, оказывалась она слабой, беззащитной, несмотря на видимую громадность материальных ее средств и вооруженных сил. Продолжавшаяся уже целый год война значительно подточила эти средства и расстроила армию, а скорой развязки не предвиделось. Надобно было ожидать, что война продлится и в будущем году, вероятно, даже примет еще более широкие размеры. Можно было опасаться не только падения Севастополя, но и других не менее грозных катастроф, от которых могло поколебаться самое значение политическое России.

Такие черные мысли преследовали меня и днем, и ночью. Поставленный так близко к главному центру, из которого истекали все общие распоряжения военные и политические, я имел возможность видеть, так сказать, закулисную сторону ведения войны с нашей стороны и потому более всякого имел основание страшиться за будущее. Повторю здесь то, что говорил уже не раз: военный министр строго держался роли ближайшего при Государе секретаря по военным делам; все министерство Военное только приводило в исполнение передаваемые министром в подлежащие департаменты Высочайшие повеления. В департаментах главной заботой было составление всеподданнейших докладов, гладко редактированных, красиво и крупно переписанных набело, с наглядными ведомостями и справками. На самые маловажные подробности испрашивалось Высочайшее разрешение или утверждение. Едва ли возможно довести военное управление до более абсолютной централизации.

В описываемую эпоху более, чем когда-либо, Император Николай принимал на себя лично инициативу всех военных распоряжений. Почти каждый вечер из кабинета Государева присылались к военному министру целые тетради мелко исписанных собственноручно Его Величеством листов, которые сейчас же разбирались (не без труда) в состоявшей при князе Долгорукове маленькой канцелярии; поспешно снимались копии, делались выписки для передачи в подлежащие департаменты к исполнению и т.д. Собственноручные эти записки Императора

Общий вид города Гельсингфорса

заключали в себе самые подробные указания относительно формирования войск, снабжения их, распределения и т.д. Государь с необыкновенной отчетливостью следил за распоряжениями местным начальникам, за передвижением каждого батальона и часто в своих записках входил в такие подробности, которые только связывали руки начальникам и затрудняли их, тем более, что при тогдашних средствах сообщения, повеления Государя доходили поздно до отдаленных мест, когда по изменившимся обстоятельствам полученные Высочайшие указания оказывались уже совершенно несвоевременными.

Настоящее положение дел и текущие распоряжения поглощали все внимание Государя и военного министра. Вопросы о дальнейшем ведении войны и предстоявших впереди действиях поднимались редко, в виде исключения. В числе таких вопросов возникло было, еще в августе месяце, вслед за разгромом Бомарзунда, предположение, чтобы остаться на зимовку в Балтийском море и ранее возобновить морскую кампанию в будущем году; поэтому мне поручено было разработать проект зимней экспедиции на Аландские острова. Для этого потребовалось собрать много справок, изучить бывшие исторические примеры и обдумать все подробности предприятия. Работа эта, конечно, оказалась напрасной с удалением союзной эскадры из Балтийского моря.

Другая работа, возложенная на меня в сентября месяце, относилась к делам Кавказа, по поводу представленных генералом Реадом соображений о будущих действиях в том крае и в Азиатской Турции. Кроме представленных мною по этому предмету двух записок, счел я полезным тогда же поднять вопрос о *заблаговременной* разработке кавказским начальством плана действий на тот случай, если б с окончанием войны было признано возможным воспользоваться войсками, временно находившимися на Кавказе, чтобы упрочить наше положение в этом крае и положить конец полувековой борьбе с горцами[158]. В записке моей напоминалось, что подобный вопрос возник по окончании турецкой войны 1828—1829 гг. и что благая мысль Государя не осуществилась из-за того, что потрачены были целые годы на переписку вследствие разномыслия относительно самого способа употребления имевшихся сил. В виду такого примера, предлагалось мною заняться вопросом заблаговременно. К сожалению, записка моя оставалась под сукном до самого окончания войны, и таким образом главная цель моя не была достигнута: и на этот раз пришлось потом рассуждать и переписываться о плане действий в то время, когда уже следовало бы действовать.

Более счастливую судьбу имела записка, поданная мною в исходе сентября, — относительно обороны берегов Балтийского моря[159]. Сделав разбор нашего положения в течение лета 1854 года, я указывал на слабость нашу на всех пунктах и находил необходимым принять иную систему в случае возобновления кампании в будущем году нашими врагами, с большими силами и большей решительностью. Затем развивалась та мысль, что необходимо отказаться от защиты множества мелких пунктов прибрежных, которые могли сделаться легкой добычей неприятеля, — а вместо того сосредоточить наши силы в немногих главных пунктах, которые имеют для нас существенное значение и которых оборона действительно может быть достаточно сильна против наибольших сил, какие неприятель может ввести в Балтийское море. Такими пунктами признавались: Кронштадт с Петербургом и Свеаборг с Гельсингфорсом; в них и полагалось собрать все силы, оставив затем достаточные гарнизоны только в крепостцах: Динамюнде, для защиты

устья Западной Двины, и Выборге. Все же прочие пункты, как Финляндии, так и Прибалтийского края, полагалось вовсе оставить без обороны и прежние ветхие укрепления их срыть; но зато иметь достаточные резервы для действий в поле на случай высадки неприятеля в значительных силах. Сообразно с изложенной основной мыслью, предлагалось и распределение наших войск; а именно: в Петербургском и Свеаборгском районах — по 80 тысяч в каждом, в двух наблюдательных отрядах: Эстляндском — 20 тысяч и на низовьях Западной Двины — 40 тысяч; всего же 220 тысяч человек, а с местными гарнизонами до 270 тысяч человек. В заключение указывались некоторые частные меры как относительно сухопутных войск, так и флота. По невозможности парусным судам нашим бороться с паровым флотом наших врагов, предлагалось обратить часть наших судов в блокшифы, а с остальных снять вооружение и экипажи, чтобы усилить береговую оборону.

Записка моя, подписанная *29 сентября*, была тогда же представлена князю В.А.Долгорукову. В течение целого месяца он не давал ей хода, потому ли, что не имел времени прочесть ее, или что находил тогда несвоевременным заниматься вопросом о защите балтийских берегов в кампанию будущего года, или наконец, давал он мою записку комулибо для прочтения — все равно; дело в том, что целый месяц был потерян, и только в конце октября записка моя увидела свет. По приказанию министра она была переписана начисто, уже с пометкою *29 октября* и с исключением из нее зачеркнутого князем Долгоруковым одного пункта, касавшегося предложений об изменении в организации войск. В таком виде записка (без моей подписи) была представлена Государю, в виде министерского доклада, немедленно прочитана и возвращена с Высочайшей резолюцией: обсудить в особом комитете под председательством Наследника Цесаревича. На полях записки оказалось довольно много собственноручных отметок Его Величества, большей частью одобрительных, в таких выражениях: "справедливо", "да", "разумеется", "так и я думаю", "неоспоримо" и т.д. Только по одному пункту Государь не согласился с моими предположениями, именно относительно Риги, которую я не включил в число укрепленных пунктов. В одном месте, где гово-

рилось об усилении войск в Финляндии, Государь написал: “Думаю, что характер местности никогда не позволит такого совокупления сил; им, просто сказать, места не найдешь”[160]. Относительно формирования земских команд в Финляндии и в Прибалтийском крае, для облегчения войскам караульной службы, Государь признавал такую меру в Финляндии возможной, в Прибалтийском же крае не допускал. Предположение о переводе в Кронштадт находившейся в Свеаборге части флота сделалось уже излишним: оно было исполнено в тот промежуток времени, в который моя записка покоилась у князя Долгорукова.

Государю известно было, что записка была составлена мною; при свидании с моим дядей графом П.Д.Киселевым, Его Величество сказал ему, что записка “весьма дельная”, о чем граф Павел Дмитриевич любезно сообщил мне и пожелал со мною повидаться. В эту зиму я уже бывал у него чаще прежнего; он был очень внимателен ко мне и в отсутствие мое иногда навещал мою семью.

Высочайшее повеление о новом “Балтийском” комитете объявлено военным министром 3 ноября. В состав Комитета вошли: Великий Князь генерал-адмирал Константин Николаевич, генерал-адъютанты: барон Жомини, Берг, князь Долгоруков, барон Ливен, Безак, инженер-генерал Ден, генерал от артиллерии барон Корф и генерал-майор Политковский (начальник штаба по инженерной части). Производителем дел назначен я, а в помощь мне — полковник Карцов.

Записка, подавшая повод к образованию Комитета, была сообщена последовательно всем членам для предварительного прочтения. Великий Князь Константин Николаевич пожелал иметь копию и отнесся к этому делу весьма внимательно. Заседания Комитета происходили в Зимнем дворце на половине Его Высочества Наследника Цесаревича, то есть в той именно комнате, которая впоследствии была официальной приемной Императора Александра Николаевича, перед его кабинетом, и в которой происходили все заседания под личным председательством Его Величества. Балтийский комитет обыкновенно собирался во 2-м часу пополудни, запросто, в сюртуках.

Первое заседание происходило 9 ноября (во вторник) и посвящено было общим соображениям относительно обо-

роны Финляндии; все изложенные в моей записке предположения по этому предмету приняты. Во втором заседании (12-го числа, в пятницу) генерал Жомини (не участвовавший в первом заседании по болезни) высказал словесно некоторые свои соображения относительно образа действий в Финляндии и вместе с тем изложил их письменно. Записка его, равно как и другая, представленная военному министру генералом Рамзаем, были прочитаны и обсуждены в Комитете; но ни в чем не изменили постановленных в первом заседании заключений.

В том же (втором) заседании происходили продолжительные суждения относительно Ревеля. Генерал Берг оспаривал мысль о разоружении этого пункта и срытии его укреплений; князь В.А.Долгоруков возражал ему в смысле моей записки, и Комитет значительным большинством голосов согласился с военным министром.

В третьем заседании, 16 ноября (вторник), Комитет обсуждал и постановил свои заключения относительно всех остальных пунктов балтийского побережья: Риги, Нарвы, Кронштадта и самого Петербурга, а в четвертом заседании (20 ноября, суббота) — относительно распределения войск. В том же заседании Великий Князь генерал-адмирал изложил свои соображения относительно участия наших морских сил в обороне: Его Высочество вполне согласился с основной мыслью записки — о необходимости совершенно отказаться от употребления нашего парусного флота в море* — и подробно указал, как именно можно воспользоваться морскими средствами для содействия сухопутной обороне. Соображения Морского министерства были вполне одобрены Комитетом.

Постановленные во всех четырех заседаниях заключения Комитета были изложены в общем всеподданнейшем докладе от имени председательствовавшего Наследника Цесаревича и представлены Государю 25 ноября. Вслед за тем, 30-го числа, представлен Его Величеству дополнительный доклад, заключавший в себе постановления Комитета по предлагавшимся в моей записке частным мерам, обсуждавшимся в пятом заседании (24 но-

* По заявлению самого Великого Князя, мы имели в то время паровых судов: 1 корабль, 1 фрегат, 9 пароходов и 17 лодок.

ября). В шестом заседании (2 декабря) обсуждалось проектированное в департаменте Генерального штаба устройство "перевозочных парков" для ускорения передвижения войск, дабы расположенные на главных пунктах резервы могли своевременно поспевать к угрожаемым неприятельской высадкой пунктам берега.

На все предположения Комитета последовало Высочайшее утверждение, за исключением лишь спорного вопроса о Ревеле. Государь приказал снова обсудить этот вопрос, приняв в соображение представленную генерал-адъютантом Безаком записку начальствовавшего артиллерией в Ревеле генерал-майора Маныкина-Неустроева. Поэтому назначено было 4 декабря еще одно заседание с приглашением автора означенной записки. Генерал-адъютант барон Жомини, не участвовавший лично в этом совещании по болезни, прислал письменное мнение, сущность которого заключалась в том, что Ревель, даже слабо вооруженный, не будет предметом действий союзников, тогда как тот же Ревель беззащитный представит им добычу слишком легкую и заманчивую. Некоторые из членов Комитета (Безак, Ден), основываясь на заявлениях Маныкина-Неустроева, признавали возможным защищать Ревель даже при значительном уменьшении его гарнизона и вооружения. После продолжительных споров Комитет наконец принял предложенное Его Высочеством председателем заключение в том смысле, чтобы сохранить в Ревеле самое необходимое вооружение, но вместе с тем не отступить от принятого Комитетом общего основного начала – чтобы войска, предназначенные в состав "Эстляндского наблюдательного отряда", отнюдь не обратились в гарнизон Ревеля, а удержали за собой значение подвижного резерва, готового, с помощью предположенного "перевозочного парка", быстро переноситься, смотря по обстоятельствам, к каждому угрожаемому пункту эстляндского берега.

Таким решением Государь остался вполне удовлетворенным и на последнем докладе Его Высочества председателя Комитета положил резолюцию: "Благодарить Комитет за полезный труд". В числе участвовавших в этом труде и мне объявлена Царская благодарность в рескрипте Наследника Цесаревича от 11 декабря.

Заседания Балтийского комитета, продолжавшиеся около месяца, по два раза в неделю, давали мне случай чаще прежнего бывать в Петербурге и видеться со своей семьей. В конце же декабря, когда здоровье Императрицы настолько поправилось, что сделалось возможным, при надлежащих предосторожностях, перевезти больную в Петербург, Царская фамилия, к общему удовольствию, покинула наконец мрачную Гатчину.

Пребывание там в течение почти четырех месяцев, в самое скверное время года и при самых печальных обстоятельствах напомнило мне другой тяжелый момент моей жизни — сидение в станице Екатериноградской осенью 1843 года.

НАЧАЛО 1855 ГОДА
ДО КОНЧИНЫ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

С переездом из Гатчины в Петербург занятия мои при военном министре не изменились. Обыкновенно являлся я к нему (на квартиру в Большой Морской) по вечерам и занимался до полуночи и долее; но нередко, по экстренным делам, князь Василий Андреевич требовал меня и в другие часы дня; иногда присылал за мной свой экипаж с приказанием приехать прямо во дворец, по случаю приезда курьера с которого-либо из театров войны. Сверх текущих занятий по военным действиям, получал я и особые случайные поручения. Так, в начале года возложено было на меня составление, для отчета военного министра за минувший 1854 год, статьи о происходивших в тот год военных действиях[161].

Пока я жил в Гатчине, не могло быть и речи о занятиях в Военной академии. Вместо меня читал лекции адъюнкт подполковник И.М.Гедеонов. Но в конце года он оставил Академию; на место его поступил капитан Генерального штаба Алексей Иванович Макшеев – дельный офицер, уже немало поработавший по части географии и статистики, преимущественно на азиатских окраинах. Никто не мог лучше его восполнить пробелы в академическом курсе военной статистики именно по этой части. Но в первое время, конечно, он должен был только знакомиться с курсом; а потому с переездом в Петербург я принялся за чтение лекций и другие обязанности профессора, насколько позволяли мои занятия при военном министре.

Кроме замещения Гедеонова Макшеевым, произошли в конце 1854 года еще некоторые перемены в личном составе преподавателей: капитан Бушéн заместил Кармалина в должности адъюнкта по тактике; полковник Платов занял место профессора артиллерии (взамен Баумгарта), а капитан Аничков поступил адъюнктом по военной администрации.

В начале 1855 года последовало Высочайшее повеление о выпуске офицеров практического отделения Академии ранее установленного времени, именно не позже 15 апреля. Поэтому постановлено было советом Академии усилить занятия теми предметами курса, которые признавались наиболее необходимыми для приготовления офицеров к службе Генерального штаба, сократив по возможности теоретическое преподавание других. В составленном временном расписании часов оставлено было на военную статистику нормальное число лекций в неделю (т.е. три); но положено пройти только стратегические разборы окраин России и соседних с нею государств. Выпускной класс в этом году был опять довольно многочислен – до 29 офицеров. Из числа их многие достигли впоследствии видных положений на службе; так, кончивший курс по геодезическому отделению штабс-капитан гвардейского саперного батальона Форш был начальником Военно-топографического отдела Главного штаба; поручик Эрнрот (гв. уланского полка) занимал одно время в Болгарском Княжестве пост военного министра; Комаров (Александр Виссарионович) получил известность в звании начальника Закаспийского края, Анучин – будущий генерал-губернатор Восточной Сибири, Дурново – губернатор в Харькове и Москве, а позже – директор Департамента уделов, Раух и Шнитников начальствовали дивизиями в военное время и т.д.

Служебные мои занятия в самом начале года были прерваны на несколько дней поездкой в Москву по случаю празднования 12 января столетнего юбилея Московского университета. Как питомец его я получил от попечителя учебного округа генерал-адъютанта Вл<адимира> Ив<ановича> Назимова приглашение на предстоявшее торжество. Хотя при тогдашних обстоятельствах было для меня весьма затруднительно отлучиться даже на самое короткое время, однако ж я не счел возможным уклониться от участия в таком знаменательном событии и отпросился у своего начальства на неделю. Военная академия воспользовалась моей поездкой, чтобы поручить мне, в качестве ее представителя на университетском торжестве, преподнести от имени высшего военно-учебного учреждения поздравление старейшему из рассадников русского просвещения. Вместе со мной назначены были в состав депутации полковник Карцов и подполковник Лебедев.

Выехав из Петербурга 9 января, мы попали в один поезд со многими другими лицами, ехавшими так же, как и мы, на юбилей. В числе их были: министр народного просвещения Абрам Сергеевич Норов, генерал-адъютант Я.И.Ростовцев, профессора И.П.Шульгин, А.В.Никитенко и другие, так что на всем пути я провел время в приятном обществе. Приехав в Москву утром 10-го числа, остановились мы в гостинице "Дрезден". В тот же день сделали официальные визиты, начиная с военного генерал-губернатора генерал-адъютанта графа Закревского, попечителя учебного округа генерал-адъютанта Назимова и ректора университета Альфонского. Побывал я, конечно, у своих родственников, обедал у тетки Елизаветы Николаевны Киселевой, а вечер провел весьма приятно у профессора Тим<офея> Ник<олаевича> Грановского, в кружке московских ученых и литераторов.

На следующий день опять все утро прошло в разъездах по родным и знакомым; вечером же присутствовал при вечерней службе в университетской церкви. В самый день юбилея, 12-го числа, утром, происходила в той же церкви торжественная обедня с молебствием, а потом окропление освященною водой университетских помещений. Все присутствовавшие сопровождали духовенство в этом обходе обширных зданий, так что пришлось быть на ногах до $2^{1}/_{2}$ часов пополудни. В 7 часов вечера начался торжественный акт. Обширная зала университета едва могла вместить в себе массу присутствовавших; духота была непомерная, что однако не помешало одушевленности и торжественности собрания. Многочисленные депутации от разных ученых и учебных учреждений поочередно приносили поздравления. В том числе и я прочел с кафедры приветственный адрес от Военной академии.

На следующий день, 13-го числа, по приглашению министра народного просвещения А.С.Норова я сопровождал его при осмотре всех четырех московских гимназий; затем участвовал в торжественном обеде, происходившем в самом здании университета. Число участников этого обеда было так велико, что столы занимали не только всю актовую залу, но и соседние с ней помещения. Трапеза сопровождалась, как само собой разумеется, множеством речей, тостов, музыкой, восторженными криками — и затянулась до позднего вечера; но я должен был удалиться из шумного и оживлен-

ного общества среди самого разгара пира, чтобы поспеть в условленный час к Алексею Петровичу Ермолову, у которого и провел весь вечер в занимательной беседе.

В Москве я должен был пробыть еще два дня, чтобы не отказаться от двух приглашений на обеды: 14-го числа — у Т.Н.Грановского, опять в симпатичном кружке ученых и писателей; а 15-го — у военного генерал-губернатора графа Закревского, давшего парадный обед в честь приезжих гостей: А.С.Норова, Я.И.Ростовцева и других. Последний вечер провел я у почтенного Алексея Дмитриевича Галахова, почти в том же кружке, который собирался у Грановского.

16 января выехал я из Москвы в том же приятном обществе, с которым приехал из Петербурга. Во всю дорогу Я.И.Ростовцев был в отличном расположении духа, оживлял беседу своими рассказами, декламацией стихов вместе с И.П.Шульгиным. Оба они имели необыкновенную память и продекламировали целые сцены из старых, уже забытых русских трагедий Озерова, Хераскова и других. Замечательно, что Я.И.Ростовцев, сильно заикавшийся в обыкновенных разговорах, читал стихотворные произведения совершенно гладко и выразительно.

Возвратившись в Петербург 17-го числа утром, неотлагательно принялся я за свои обычные занятия. Продолжавшаяся ровно неделю поездка моя в Москву была как бы приятным сновидением, оторвавшим меня на мгновение от печальной действительности. На память об этом мимолетном эпизоде осталась у меня выбитая по случаю юбилея и присланная мне ректором университета серебряная медаль.

Общее положение дел политических и военных к началу 1855 года нисколько не улучшилось против прежнего, несмотря на возобновление дипломатических переговоров в Вене в конце предшествовавшего года. Лондонский и Парижский кабинеты все сильнее понуждали Австрию и Германский Союз присоединиться к коалиции против России, вели в том же смысле переговоры с Королевством Сардинским, с государствами скандинавскими, подстрекали Персию. Венский кабинет продолжал свой прежний дипломатический маневр: заискивая в западных державах и подчиняясь настойчивому с их стороны давлению, он однако же избегал до последней крайности

открытой войны с Россией, в надежде достигнуть своих целей, не обнажая меча. Поэтому австрийский первый министр, после неудачной попытки установить основные начала для открытия переговоров о мире, выжидал лишь благоприятного случая, чтобы возобновить эту попытку. Пруссия и другие государства Германского Союза страшились открытого присоединения Австрии к коалиции, опасаясь, что в таком случае им самим сделалось бы невозможным сохранить свое нейтральное положение. Король Прусский Фридрих Вильгельм IV, опираясь на близкие родственные связи и личную дружбу с Императором Николаем, убеждал его согласиться на отвергнутые им четыре пункта Венского протокола 27 июля/8 августа. Также и посланник наш в Вене князь А.М.Горчаков в своих депешах высказывал мнение, что нам предстоит до наступления весны избрать одно из двух: или помириться на каких бы то ни было тяжелых условиях, или готовиться к борьбе со всей почти Европой[162].

После долгих колебаний Император Николай поддался дружеским советам своего зятя и, как ни казались унизительными для его достоинства пресловутые четыре пункта, однако ж решился на новую жертву. По Высочайшему повелению посланник наш в Вене заявил (16/28 ноября) первому министру австрийскому о согласии русского Императора на означенные основные начала переговоров.

Заявление это было принято Венским кабинетом с радостью; но к удивлению не остановило подписания несколько дней спустя (20 ноября/2 декабря) нового договора, которым Австрия обязалась перед западными державами не вступать в отдельные переговоры с Россией, прикрывать своими внутренними войсками Дунайские Княжества, не препятствуя в то же время наступлению, в случае надобности, союзных войск через эту страну, и наконец — действовать заодно с союзниками против России в том случае, если мир не состоится в текущем году. Со своей стороны, западные державы обещали оказать Австрии помощь в ее войне с Россией[163].

Новая попытка Венского кабинета открыть путь к возобновлению переговоров встретила мало сочувствия со стороны западных держав, которые не находили для себя выгодным трактовать о мире прежде, чем удалось им нанести противнику чувствительный удар. Не решаясь, однако же,

прямо отвергнуть заявленное Россией согласие на предложенные ими же условия и желая, напротив того, свалить на нее ответственность за неудачу мирных переговоров, кабинеты Лондонский и Парижский надеялись достигнуть этой цели предъявлением русскому уполномоченному такого толкования четырех основных пунктов, которое сразу вызвало бы решительный отказ Петербургского кабинета. Западные кабинеты рассчитывали таким способом положить конец колебаниям не только Австрии, но и Пруссии со всем Союзом Германским. Однако ж, эта дипломатическая стратегия не удалась. На совещаниях, происходивших в Вене в декабре месяце (4/16-го и 16/28-го), представитель России, осторожно воздержавшись от категорического отклонения ехидных требований наших врагов, поставил так вопрос, что после второго совещания наступил продолжительный перерыв, явно выказавший намерение союзников тянуть переговоры в ожидании решительного успеха в Крыму.

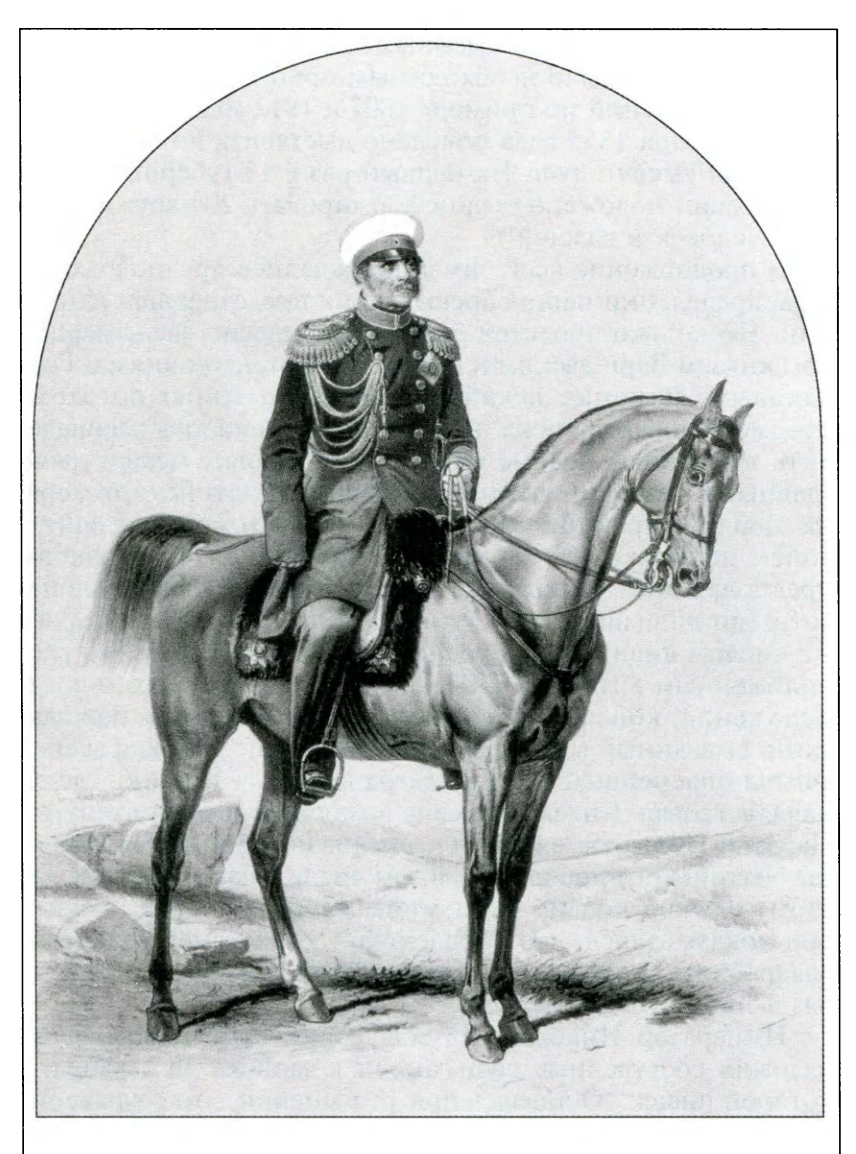
Между тем в январе 1855 года (13/25-го числа) подписан желанный западными державами договор с Королевством Сардинским, которое присоединилось к враждебной против нас коалиции и обязалось выставить в подкрепление союзных сил в Крыму 15-тысячный вспомогательный корпус.

Таким образом, надежды на успешный исход дипломатических переговоров были весьма слабы. Напротив того, все предвещало пущий разгар войны. Были слухи о предположенном движении французского корпуса через австрийскую территорию для совместного действия с австрийскими войсками; шла также речь о намерении самого Наполеона III приехать в Крым. Более, чем когда-либо, следовало нам заботиться о наибольшем по возможности развитии наших боевых сил. Все меры, принятые для этого в течение 1854 года, оказывались недостаточными для продолжительной борьбы с теми громадными силами, которые готовили против нас противники наши. Хотя в то время считалось у нас на всех театрах войны до 900 батальонов и 1172 эскадронов и сотен, при 2064 орудиях, но значительная часть этих сил была уже весьма ослаблена в своем численном составе. Новые усиленные наборы рекрут, объявленные манифестами в ноябре 1854 и феврале 1855 годов (по 10 рекрут с каждой тысячи душ в обеих полосах), были едва достаточны для

пополнения потерь, понесенных как в бою, так и от болезней. Признано было необходимым прибегнуть к формированию ополчений по примеру 1807 и 1812 годов. Манифестом 29 января 1855 года повелено выставить по 23 ратника с каждой тысячи душ. На первый раз в 13 губерниях средней России положено было сформировать 204 дружины по 1089 человек в каждой[164].

В продолжение всей зимы обсуждались предположения о распределении наших боевых сил к предстоявшей кампании. Несколько проектов было представлено фельдмаршалом князем Варшавским и генерал-адъютантом князем Горчаковым. В конце декабря составлена мною по этому предмету новая записка, в которой предлагалось распределить имевшиеся боевые силы почти поровну между тремя главными театрами войны: на берегах Балтийского моря, на западной границе и на берегах Черного моря, не считая войск на Кавказе[165]. Согласно мнению князя Горчакова, предполагалось подкрепить войска в Крыму еще двумя пехотными дивизиями из Южной армии, с заменой их таким же числом дивизий из Средней армии (2-м корпусом, расположенным в Царстве Польском). Но против такого предположения, конечно, восстал фельдмаршал князь Варшавский, вызванный в Петербург на совещание. Он, как всегда, считал опаснейшей частью театра войны ту именно, где он начальствовал. Князь Паскевич домогался даже притянуть в Царство Польское часть сил, предназначенных для обороны балтийского побережья, в том числе и часть гвардии. По этому случаю подана была мною особая записка, в которой доказывалось, что Гвардейский корпус желательно не раздроблять, а сохранить в виде общего резерва, впредь до разъяснения обстоятельств[166].

Император Николай, по совещании с фельдмаршалом, изложил собственные свои мысли в записке 30 декабря, в которой писал: “Оставаясь при том мнении, что сохранение Крыма и прибрежья Черного моря едва ли не гораздо важнее не только влиянием на Европу, но и на Азию, и в особенности на наши Закавказские области, я однако же отнюдь не полагаю, чтобы для сохранения нашего обладания на юге, следовало бы бросить Польшу без боя, обратя все наши силы на юг. Напротив того, думал и думаю, что в

И.Ф.Паскевич-Эриванский

военном положении нашем в Польше мы имеем все выгоды не только охранять правый берег Вислы, но и значительно можем угрожать Австрии, если б она отважилась вторгнуться в пределы наши вдоль левого берега Днестра"[167]. Поэтому Государь, уступая доводам фельдмаршала, положил: войска 2-го корпуса оставить в Царстве Польском, а гвардию — в западных губерниях впредь до разъяснения обстоятельств. В случае вторжения австрийцев полагалось: Южной армии князя Горчакова отойти за Днестр, оставив генерала Лидерса (левое крыло) в южной Бессарабии, а правое крыло (3-й резервный пехотный корпус и кирасир) отвести к Брацлавлю. В случае одновременного вторжения неприятеля со стороны Галиции и Турции, Лидерс отходит за Днестр и обороняет его, а князь Горчаков со своим правым крылом задерживает противника, отступая шаг за шагом на Кременчуг. Тогда князь Варшавский, со Средней армией, присоединив к себе гвардию, воспользуется удобным случаем для перехода в наступление. Действия обеих армий предполагалось связать партизанскими отрядами.

Предположения Государя были развиты в нескольких отдельных записках, которые были сообщены на заключение фельдмаршалу князю Варшавскому и генерал-адъютанту князю Горчакову. Первый из них в трех записках (4, 18 и 27 января) только дополнил общую мысль Государя некоторыми частными соображениями; второй же, еще до получения Высочайших указаний, изложил 4 января свой план, близко сходный с предположениями Его Величества[168].

В дополнительной — и последней записке своей от 1 февраля Император выразил опасение за промежуток, остававшийся между Средней и Южной армиями, полагая, что в случае войны с Австрией неприятель вторгнется именно в этот промежуток и воспользуется обильными средствами края, оставленного без защиты. Чтоб устранить невыгоды такого положения при недостаточных наших силах Государь признавал единственным средством соответственное расположение войск Средней армии в Царстве Польском, а именно сосредоточение ее на Вепрже. Такое расположение, по мнению Государя, должно было заставить австрийцев оставить против Средней армии не менее половины своих сил, а в таком случае Южная армия будет в состоянии удержать наступле-

Э.И.Тотлебен

ние второй половины. Император не допускал мысли, чтобы австрийцы отважились перейти за Буг, оставив нашу армию под стенами крепостей на своем фланге и в тылу. Таким образом, расчеты Императора были основаны на взаимном согласовании действий обеих наших армий. Вот заключительные слова Государевой записки: “Главным условием успеха должно составлять *соединение сил*, а не *разъединение* их, особенно же когда мы должны ограничиваться крайне умеренною численностью того, что покуда собрать можем”[169].

Такова была последняя мысль, завещанная Императором Николаем в стратегических его предначертаниях. В письме к князю Горчакову от 2 февраля Государь, выразив ему благодарность за отправку еще 12 батальонов на подкрепление войск в Крыму и полное одобрение представленного плана действий

Южной армии, писал: "*После многих споров*, мы с князем Варшавским покончили наконец, и вот копия с последней моей записки ему. Он хотел, чтобы я согласился: ему оставаться у Новогеоргиевска с двумя корпусами; гвардию хотел поставить в Вильне, а Ридигера с двумя дивизиями отослать в Бобруйск. *Немудрено было доказать ему всю несообразность* подобного расположения войск. Теперь эта мысль миновалась. Ежели дела склонятся к разрыву, *я намерен отправиться сам в армию*, вероятно в Брест; думаю, что присутствие мое может быть там не бесполезно"[170].

Между тем в Крыму войска обеих сторон продолжали бедствовать от непогоды, трудов, лишений и болезней. Несмотря на то, борьба под Севастополем велась с замечательным упорством. Союзники напрягали крайние усилия, чтобы скорее покончить с Севастополем; последовательно отправляли в Крым одни подкрепления за другими; требовали от своих генералов самых решительных действий. Как уже сказано, Наполеон III сам собирался в Крым. К концу января, по прибытии двух новых французских дивизий, у союзников под Севастополем состояло под ружьем более 70 тысяч французов, 15 тысяч англичан и до 20 тысяч турок и египтян. К этим 105 тысячам ожидалось присоединение еще 15-тысячного корпуса пьемонтцев.

Против этих сил отстаивали Севастополь какие-нибудь тысяч 50, считая с моряками. Постепенно прибывавшие в Крым подкрепления едва пополняли постоянную ежедневную убыль в войсках гарнизона. Движение подкреплений и транспортов крайне затруднялось распутицей. Несмотря на самое усердное содействие генерал-адъютанта князя Горчакова, с одной стороны, и новороссийского генерал-губернатора генерал-адъютанта Анненкова — с другой, войска в Севастополе терпели нужду, в особенности в боевых запасах и в госпитальных средствах. Как ни велики были частные пожертвования, заботы Царского семейства, усердие присылаемых врачей и сестер милосердия, средства призрения громадного числа больных и раненых оказывались совершенно недостаточными.

Гарнизон севастопольский держался уже несколько месяцев под непрерывным огнем неприятельских батарей, в

С.А.Хрулев

постоянной, днем и ночью, готовности к отражению приступа. Осаждающий уже приблизился своими траншеями чуть не на пистолетный выстрел к нашим передовым укреплениям. С конца января главные работы союзников обратились против Малахова кургана. Со своей стороны, обороняющийся энергично продолжал исправлять повреждения в укреплениях и даже успевал, под огнем неприятеля, возводить впереди линии обороны новые передовые редуты или траншеи. Так, в начале февраля, под руководством того же неутомимого инженера полковника Тотлебена, выросли с фланга Малахова кургана редуты Селенгинский и Волынский, а позже – еще третий редут Камчатский. В то же время велась с обеих сторон упорная подземная борьба, а по ночам предпринимались вылазки. Принятая нами система активной обороны значительно замедляла ход неприятельских осадных работ. Небольшим командам отважных охотников нередко удавалось застигать неприятеля врасплох, разорять его работы, заклепать орудия и даже забирать пленных. Конечно, случалось и самим дорого расплачиваться за свои молодецкие подвиги.

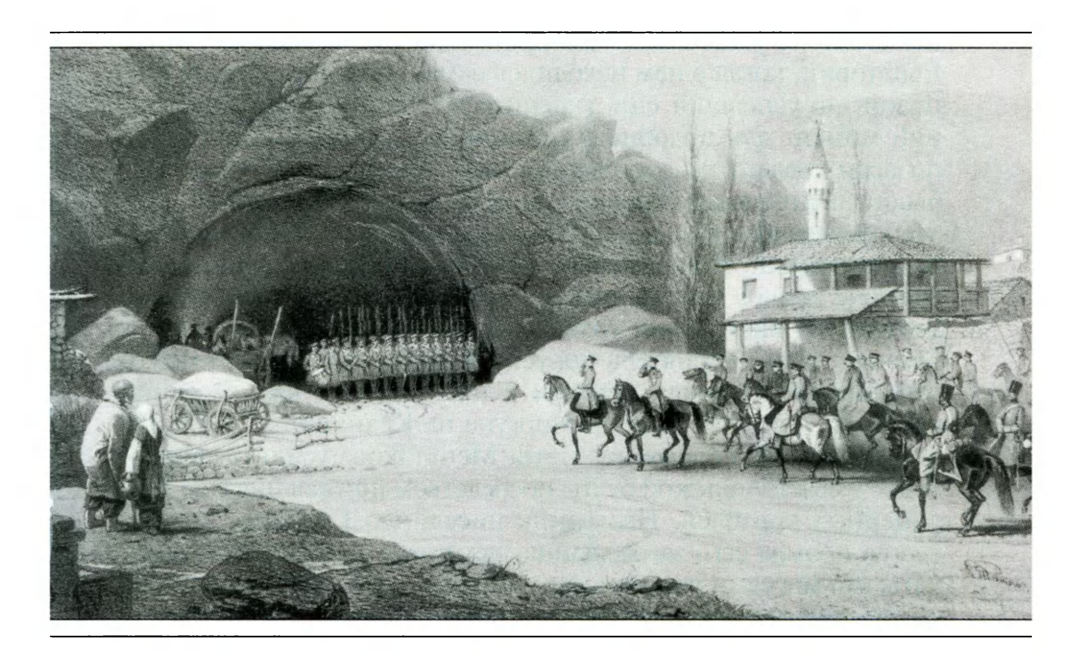
Вообще войска гарнизона не падали духом; они как бы обрекли себя на жертву; каждый терпеливо ожидал своей очереди покончить с жизнью. Эта самоотверженная покорность долгу стоила не менее той отваги, с которой совершались отдельные геройские подвиги. Севастопольская оборона дала случай выказаться многим личностям; некоторые приобрели большую популярность, как например: Тотлебен, князь Викт<ор> Иллар<ионович> Васильчиков, Хрулев, Хрущов и многие другие. При этом не могу не вспомнить о личности, хотя и не получившей громкой известности, но единственной в своем роде, – о старом моем товарище по Кавказу, генерал-майоре Шульце, который, будучи комендантом в Александрополе, взял отпуск для того, чтобы принять участие, в качестве охотника, в обороне Севастополя. Ему было поручено начальствовать на одном из самых опасных пунктов оборонительной линии – на 4-м бастионе, где он и оставался до конца обороны в полном наслаждении. Этот чудак впоследствии восхвалял серьезно прелести жизни в блиндаже и жаловался на преждевременное прекращение убийственной борьбы.

Из всех действующих лиц кровавой Севастопольской драмы самая жалкая роль выпала на долю главнокомандующего

князя Меншикова. С самого начала войны и особенно со времени высадки союзников в Крыму, он возбуждал общее недоверие, как в своих войсках, так и в Петербурге. При желчном характере и болезненном расстройстве, ряд испытанных неудач окончательно подорвал в нем энергию и самоуверенность. Сознавая сам свое немощное состояние, он не раз давал поручение возвращавшимся в Петербург флигель-адъютантам доложить Государю о расстройстве здоровья князя Меншикова. Но Император все еще выражал в своих письмах к нему надежду на лучший оборот дел; поручал ему благодарить войска; заботился об облегчении их тяжелого положения и побуждал воспользоваться тогдашним расстройством неприятельской армии в Крыму, чтобы с прибытием новых подкреплений перейти в наступление. То же повторялось и в письмах военного министра, который вместе с тем указывал на опасность, угрожавшую Перекопу и сообщениям Крымской армии со стороны Евпатории, где находившиеся турецкие войска в последнее время значительно усилились, под личным начальством Омер-паши. В письме от 31 января Император писал: "Повторю мою убедительную просьбу – все хорошо обдумав, сообразить, как наилучше бы можно было атаковать врагов до или после отбитого штурма. *Нельзя нам оставаться в бездействии* и давать время врагам усовершенствовать свои работы и получить подкрепления, утратив напрасно время, когда мы над ним имеем перевес, зная в каком расстройстве англичане и что и французам не легко"*[171].

Под влиянием столь настоятельных указаний Государя и военного министра, князь Меншиков решился наконец предпринять нападение на занимавшие Евпаторию неприятельские войска. Но попытка эта опять оказалась безуспешной. Предпринятая 5 февраля генерал-лейтенантом Хрулевым

* Из письма же Государя к генерал-адъютанту князю Горчакову от 2 февраля видно, что в то время Его Величество, хотя еще не совсем потерял надежду "отбиться" в Севастополе прежде прибытия ожидаемых неприятелем новых подкреплений, однако ж считал возможным и противный исход дела в Крыму. В этом предвидении Государь писал: "Согласен с тобой, что в случае неудачи в Крыму, ближе будет поручить оборону Николаева князю Меншикову остатками его армии. Дай Бог, чтоб до сего не дошло"[172].

«Приезд Их Императорских Высочеств Великих Князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича в селение Черкес-Кермен в окрестностях Севастополя 27 января 1855 г.»

атака на турок в укрепленной их позиции, под огнем неприятельских судов, была отбита с уроном до 760 человек.

Донесение князя Меншикова от 7 февраля о новой неудаче получено в Петербурге 12-го числа, когда Император Николай уже лежал больной и не мог заниматься лично делами. Разочарования и огорчения преследовали его до последних дней его жизни. Однако ж, он имел еще силы проявить свою волю, решив немедленно отозвать князя Меншикова и возложить начальствование войсками в Крыму на князя Горчакова, с оставлением за ним и высшего начальства над Южной армией. Наследник Цесаревич Александр Николаевич, по поручению своего больного родителя, сообщил Высочайшую волю князю Меншикову и князю Горчакову в письмах от 15 февраля. Первому писал он: “Его Величество крайне огорчен вновь понесенною нашими войсками потерею, без всякого результата, и

не может не удивляться, что пропустив три месяца для атаки Евпатории, когда в нем находился самый незначительный гарнизон, не успевший еще укрепиться, вы выжидали теперешний момент для подобного предприятия тогда именно, когда по всем сведениям достоверно было известно, что туда прибыли значительные турецкие силы с самим Омер-пашой". Далее указывалось в письме: "Усматривая из ваших неоднократных донесений, что при теперешнем числе войск вы решительно считаете всякое наступательное движение невозможным, Его Величество видит один только выгодный исход всему делу; а именно: если неприятель покусится на штурм и Бог поможет отбиться, то немедля перейти в наступление, как из самой крепости, так и со стороны Чоргуна на Кадикиой..." и т.д. По поводу же предположения князя Меншикова усилить заграждение Севастопольской бухты посредством потопления еще трех линейных кораблей, Наследник писал, что Государь, "не отвергая пользы сего заграждения, не может однако же не заметить, что мы сами уничтожаем наш флот". Об увольнении князя Меншикова от командования армией Наследник Цесаревич известил его в самых мягких выражениях, мотивируя болезненным его состоянием: "Государь поручает мне искренне обнять своего старого друга Меншикова и от души благодарить за его всегда усердную службу и за попечения о братьях моих"*[173].

Как бы для большего еще смягчения принятого решения находившийся при князе Меншикове сын его, генерал-майор свиты князь Владимир Александрович Меншиков получил звание генерал-адъютанта, вызван в Петербург и вслед за тем назначен управляющим делами Императорской Главной квартиры.

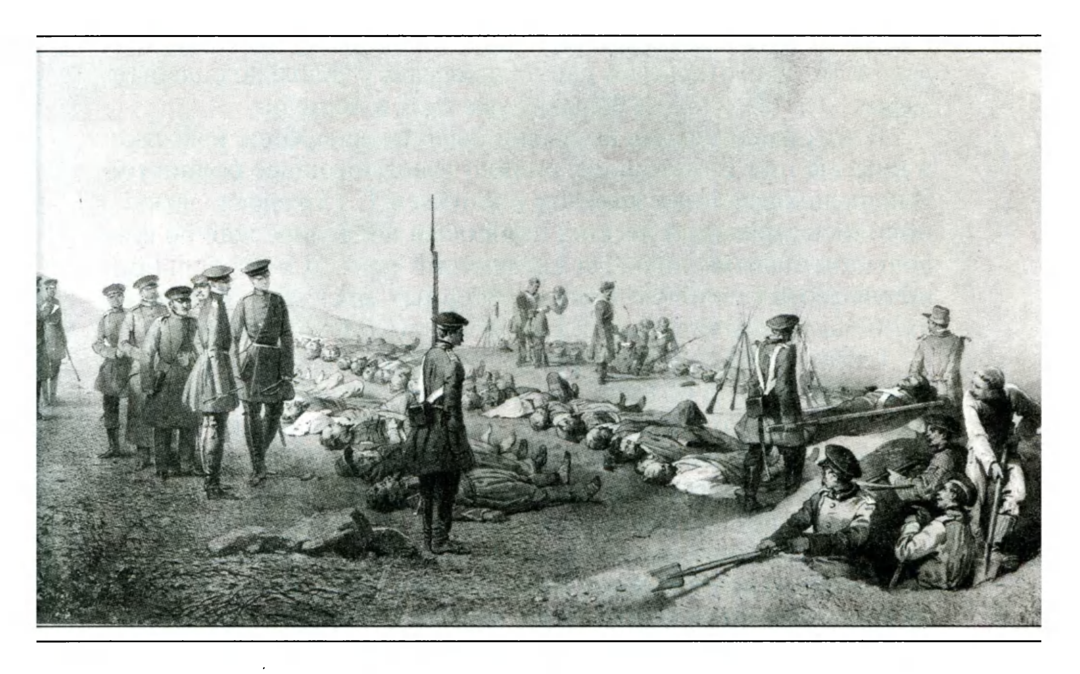
Между тем, князь А.С.Меншиков до получения еще означенного извещения о смене его, вследствие усилившейся болезни выехал из Севастополя 17 февраля в Симферополь, передав временно начальство армией генерал-адъютанту Остен-Сакену**.

Государь еще в последних числах января, вследствие простуды, заболел гриппом. Болезнь эта была в то время весьма рас-

---

* Молодые Великие Князья Николай и Михаил Николаевичи, пробыв короткое время в Петербурге, снова возвратились в Крым.

** Уведомляя об этом военного министра, князь Меншиков сослался на совет, данный ему молодыми Великими Князьями.

«Посещение Селенгинского редута (у Севастополя) по отбитии штурма 12 февраля 1855 г. Их Императорскими Высочествами Великими Князьями Николаем Николаевичем и Михаилом Николаевичем»

пространена в городе, вопреки существующему поверью, будто холера, продолжавшаяся тогда в Петербурге, устраняет обыкновенно все другие виды болезней. В первые дни Император не придавал значения своему нездоровью, продолжал обычный свой образ жизни и занятия. Но 4 февраля, ночью, почувствовал он стеснение в груди, вроде одышки, и замечено было поражение легких. По совету доктора Мандта, Государь не выезжал несколько дней, и болезненное состояние значительно уменьшилось. С наступления (7 февраля) первой недели Великого Поста Государь начал говеть, а 9-го числа чувствовал себя так хорошо, что вопреки настояниям врачей (Мандта и Кареля*) выехал в Михайловский манеж на смотр выступавших в поход частей войск. С того дня начался у него кашель с мокротой.

* Доктор Карель, обыкновенно сопровождавший Императора Николая в последние годы в путешествиях, был приглашен только с 8 февраля в помощь Мандту, по просьбе последнего.

Несмотря на то, он выехал и 10-го числа на смотр в манеже. На другой же день открылась у него лихорадка с довольно сильным жаром, а с 12-го числа больной уже слег в постель.

В этот именно день получено было прискорбное известие о неудаче под Евпаторией, сильно взволновавшее больного. В ночь лихорадочные явления усилились. С 15 февраля возобновились страдания легких; появилась подагрическая боль в большом пальце ноги. На следующий день, 16-го, больной почувствовал сильную боль в реберных мускулах. К вечеру эта боль уменьшилась, но зато появилось биение сердца.

Слухи о болезни Императора встревожили весь город; но бюллетени о ходе болезни не печатались, так как Государь не любил подобного опубликования, а доставлялись только особам Царского семейства и выкладывались в приемной Зимнего дворца для лиц, приезжавших осведомиться о состоянии больного. Начали печатать эти бюллетени только с 17-го числа. В этот день, после беспокойной ночи с бредом, больной почувствовал сильное колотье в левой стороне груди, около сердца. Боль эта скоро прошла, но лихорадочный жар, кашель и мокрота усилились. Приглашен был третий врач — лейб-хирург Енохин (состоявший при Наследнике Цесаревиче). Почти весь день больной был в бреду, хотя и не совсем в бессознательном состоянии. В ночь на 18 февраля замечено было сильное поражение правого легкого; больной был уже в безнадежном положении. Утром 18-го числа Император в полном сознании причастился, трогательно простился со всем семейством и окружавшими, а в 1-м часу пополудни совершенно спокойно, без страданий кончил жизнь.

Кончина Императора Николая Павловича на 59-м году жизни поразила всех своей неожиданностью. Можно ли было думать, что болезненная, хилая Императрица Александра Федоровна, недавно еще находившаяся в безнадежном положении, переживет своего супруга, казавшегося воплощением силы и здоровья. Его сразила не столько немощь телесная, сколько потрясение нравственное. Мощная натура его не выдержала удара, нанесенного душевным его силам. После тридцатилетнего царствования, ознаменованного славой и могуществом, увидев Россию в отчаянном положении, Император Николай не мог перенести горести от такого печального исхода всех его многочисленных державных трудов. Это было слишком тяжкое разочарование, которое и свело его в могилу.

Кончина Императора произвела не одинаковое на всех современников впечатление, потому что не одинаково и судили об историческом значении этой замечательной личности. Одни благоговели перед ним как Царем и как человеком; ставили высоко твердость и непоколебимость, с которыми держал он, в продолжение 30 лет, бразды правления, и восхищались его правдивым, рыцарским характером. Другие же видели в нем олицетворение сурового деспотизма, считали его жестокосердным, бесчеловечным. Когда распространилась весть о кончине Императора, когда народ стекался на панихиды и повсюду выражалась скорбь об утрате великого Государя, с личностью которого привыкли связывать понятие о величии самой России, – в то же время в известной среде людей интеллигентных и передовых радовались перемене царствования в том убеждении, что все наши тогдашние бедствия были результатом существовавшего дотоле режима, и в надежде на лучшее будущее. Не говорю уже о тех немногочисленных еще в то время пылких головах, которые, увлекаясь своей ожесточенной ненавистью к тогдашним нашим порядкам, не видели другого средства к спасению России, кроме революции, которые даже на тогдашние наши бедствия смотрели с злорадством, отзываясь о них цинически: "чем хуже, тем лучше". В известном кружке весть о кончине Императора Николая вызвала ликование; с бокалами в руках поздравляли друг друга с радостным событием.

Беспристрастная оценка личности и значения Императора Николая, конечно, принадлежит истории. О такой крупной, можно сказать, колоссальной личности можно судить, как о всяком большом предмете, только отступая несколько поодаль. Суждения же современников неизбежно бывают более или менее субъективны. Вот почему и я, говоря теперь о личности Императора Николая, могу только высказать, как представлялся он моим глазам. Говоря совершенно откровенно, и я, как большая часть современного молодого поколения, не сочувствовал тогдашнему режиму, в основании которого лежали административный произвол, полицейский гнет, строгий формализм. В большей части государственных мер, принимавшихся в царствование Императора Николая, преобладала полицейская точка зрения, то есть забота об охранении порядка и дисциплины. Отсюда проистекали и подавление личности, и

крайнее стеснение свободы во всех проявлениях жизни, в науке, искусстве, слове, печати. Даже в деле военном, которым Император занимался с таким страстным увлечением, преобладала та же забота о порядке и дисциплине: гонялись не за существенным благоустройством войска, не за приспособлением его к боевому назначению, а за внешней только стройностью, за блестящим видом на парадах, педантическим соблюдением бесчисленных, мелочных формальностей, притупляющих человеческий рассудок и убивающих истинный воинский дух. Однако ж, при всем этом, было бы несправедливо отрицать громадные успехи, сделанные в это 30-летнее царствование во всех отраслях государственного устройства России; во всем же, что было сделано в этот период, Государю принадлежало личное, непосредственное руководство. Кто имел случай сколько-нибудь прикасаться к ведению дел в его царствование, тот знает, как велика была личная деятельность Императора, с какой добросовестностью относился он к делам, каким чувством долга, какой горячей любовью к России и желанием ей блага был он проникнут. Если результаты его необыкновенной деятельности оказывались часто несоответствующими благим его намерениям, то следует, по моему мнению, приписать эти неудачи укоренившемуся в нем с юных лет крайне одностороннему взгляду.

В суждениях об Императоре Николае, как о человеке, также было много несправедливости. Неверно было признавать его жестокосердным и бесчеловечным. Правда, он был крутого нрава, очень вспыльчив и в порывах гнева несдержан. Поэтому он внушал страх самым приближенным лицам; его боялись даже члены семейства. Но порывы его выкупались рыцарским великодушием, прямотой, высоким благородством. Он имел особенную способность внушать привязанность к себе, и когда бывал в хорошем расположении духа, обворожал своей любезностью. В этом отношении я могу сослаться на свой собственный опыт: в тех случаях, когда мне приходилось быть в личном соприкосновении с грозным Императором, например, на маневрах, в путешествии, – не только не испытывал я страха и трепета, но меня пленяли благосклонное его обращение, открытый, проницательный взгляд, звучная, чистая, отчетливая речь. Случалось (во время пребывания в Гатчине) видеть его и в домашнем быту, в семейном кругу: тут он как

будто сбрасывал с себя свое Царское величие и обращался в благодушного, любезного хозяина дома. Император Николай был богато одарен природой: при своей внушительной наружности он отличался быстротой соображения и замечательным даром слова. Превосходно владея многими языками, он был в полном смысле слова оратором. Обращался ли он к войску, к толпе народа или говорил в совещательном собрании, представителям сословий, иностранным дипломатам – во всех случаях речь его изливалась непринужденно, гладко, звучно и метко. Слово его всегда производило впечатление.

На другой день кончины Императора Николая, 19 февраля, во всех ведомствах и учреждениях Петербурга происходила присяга новому Императору Александру Николаевичу; везде служили панихиды по усопшем Императоре и молебствия по случаю вступления на престол его преемника. В половине 2-го часа был большой съезд в Зимний дворец; после обычного "выхода" и молебствия высшие чины гражданские, военные и придворные приносили присягу, а потом поздравления Их Величествам.

Для распоряжений о погребении усопшего Императора была назначена "Печальная комиссия" под председательством действительного тайного советника графа Гурьева. Траур наложен на 6 месяцев, с обычными подразделениями. С 21 февраля открыт для всего народа доступ в Зимний дворец к телу, утром с 8 до 11 часов и пополудни с 2 до 6.

В тот же день, 21 февраля, в $12^1/_2$ часов пополудни приказано было собраться в Зимний дворец всем чинам военно-учебных заведений и тем из воспитанников, которые носили звание фельдфебелей. Новый Государь, как бывший главный начальник этих заведений, пожелал лично проститься с бывшими своими подчиненными и после нескольких задушевных слов сам прочел отданный им в тот день прощальный приказ. Едва мог он дочитать дрожавшим голосом трогательные выражения своих чувств к заведениям, которыми начальствовал в продолжение шести лет; прослезившись и почти рыдая, он должен был несколько раз прерывать чтение. Наконец, дойдя до того места, где высказывалась признательность генералу Ростовцеву, Государь подал ему руку и сердечно обнял его. Ростовцев с увлечением поцеловал руку молодого Царя. Затем Государь обнимал поочередно всех членов совета, директоров заведений и в том числе началь-

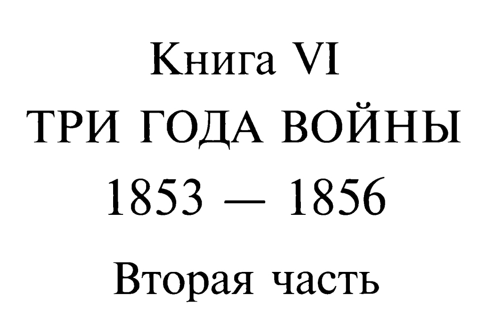
ника Военной академии, которому при этом сказал: “Надеюсь, что Военная академия будет и впредь давать таких же отличных офицеров, каких она уже дала войскам”. Подозвав к себе воспитанников-фельдфебелей, со слезами сказал им: “Любите, дети, и радуйте вашего Государя, как прежде любили и радовали вашего начальника; помните нашего общего Отца и благодетеля; передаю вам и его, и мои благословения”. Воспитанники бросились целовать руки Государя, который, поцеловав двоих из них, сказал: “Я желал бы всех перецеловать; передайте это вашим товарищам”.

Тут же Государь объявил, что жалует 1-му кадетскому корпусу мундир покойного Императора и приказал носить его вензель на погонах в роте Его Величества. Прочитав еще приказ о наименовании Инженерного училища Николаевским, Государь закончил прием несколькими трогательными словами и еще раз благодарил всех прежних своих подчиненных.

27 февраля, в воскресенье, происходило перенесение гроба усопшего Императора из Зимнего дворца в Петропавловский собор. Процессия следовала, согласно установленному церемониалу, через Адмиралтейскую и Сенатскую площади на Николаевский мост, по 1-й линии Васильевского острова и через Тучков мост на Петербургскую сторону. Кроме членов Императорской фамилии, участвовали в печальном поезде некоторые иностранные принцы и принцессы: Наследный Принц Вюртембергский, Эрцгерцог Вильгельм Австрийский, Принц Карл Прусский, Великий Герцог Мекленбург-Шверинский, Принц Фридрих Гессенский и Герман Саксен-Веймарский, вдовствующая Великая Герцогиня Мекленбург-Шверинская. Как обыкновенно, Государь, Великие Князья и Принцы ехали за печальной колесницей верхом и за ними многочисленная свита; дети Царские: Наследник Николай Александрович, Великие Князья Александр, Владимир и Алексей Александровичи ехали в карете с генерал-адъютантом Н.В.Зиновьевым.

В Петропавловском соборе гроб стоял на катафалке в продолжение недели; во все это время служились панихиды в час дня и в 8 часов вечера. В определенные часы дня и ночи допускался народ.

Наконец, 6 марта совершился с обычной торжественностью обряд погребения.

Книга VI

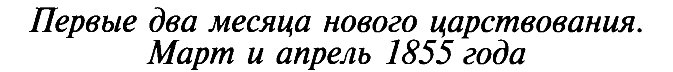
ТРИ ГОДА ВОЙНЫ

1853 — 1856

Вторая часть

Первые два месяца нового царствования.
Март и апрель 1855 года

Лето 1855 года в Петергофе.
Печальная развязка
геройской обороны Севастополя

Последние четыре месяца 1855 года

Дипломатические сношения
в течение зимы 1855—1856 гг.
Парижский конгресс и заключение мира

Ближайшие последствия войны
(март, апрель и май 1856 года)

Лето и осень 1856 года

ПЕРВЫЕ ДВА МЕСЯЦА НОВОГО ЦАРСТВОВАНИЯ. МАРТ И АПРЕЛЬ 1855 ГОДА

С первого же дня царствования Император Александр II, в манифесте к народу, заявил твердое намерение следовать по стопам славных своих предшественников: Петра I, Екатерины II, Александра I и Николая I, имея единственной целью — благо, могущество и славу России[174]. Первые шаги молодого Государя произвели самое благоприятное впечатление. Перемена царствования совершилась спокойно, без всякой ломки. Все последние повеления и распоряжения усопшего Императора остались в силе и приводились в исполнение с прежней настойчивостью.

Личный состав высшего правительства остался прежний*. По военной части, кроме состоявшегося еще по воле усопшего Императора назначения генерал-адъютанта князя М.Д.Горчакова на место князя Меншикова, главные перемены в личном составе заключались в замещении тех высших должностей, которые до того времени занимал Наследник Цесаревич — теперешний Император. Начальство Гвардейским и Гренадерским корпусами вверено генерал-адъютанту Ридигеру; звание атамана всех казачьих войск перешло на юного Цесаревича Николая Александровича; начальство же Военно-учебными заведениями возложено на генерал-адъютанта Ростовцева, с званием начальника Главного штаба Его Императорского Величества по Военно-учебным заведениям

* В автографе далее зачеркнуто: Из министров только двое должны были уступить свои места новым лицам: главноуправляющий путями сообщений генерал-адъютант граф Клейнмихель и министр внутренних дел Д.Г.Бибиков. Первого заместил генерал-адъютант К.В.Чевкин, второго — действительный тайный советник Сергей Степанович Ланской. Во главе морского ведомства остался Великий Князь Константин Николаевич, а управляющим Морским министерством — адмирал Ник<олай> Фед<орович> Метлин *(прим. публ.)*.

и с теми же правами, которые были прежде присвоены главному начальнику; права же прежнего начальника штаба перешли к помощнику нового начальника Главного штаба генерал-майору свиты Дм<итрию> Вас<ильевичу> Путяте, бывшему до того директором 2-го кадетского корпуса.

По заведенному порядку, Государь принял звание шефа всех частей войск, которых прежде был шефом Император Николай Павлович; Императрица Мария Александровна приняла звание шефа Кирасирского Его Высочества Наследника Цесаревича полка. Состоявшие при Государе в бытность его Наследником престола генералы: Ник<олай> Вас<ильевич> Зиновьев и Юрьевич получили звание генерал-адъютантов, а бывшие адъютанты Наследника — звание флигель-адъютантов.

В Военном министерстве произошла одна только заметная перемена: вместо генерал-адъютанта Берга, назначенного командующим войсками в Финляндии, место генерал-квартирмейстера Главного штаба Его Величества занял генерал-адъютант барон Ливен.

В дипломатическом мире вступление на престол Александра II возбудило в первое время надежды на благоприятный поворот в общем политическом положении Европы. Тот, на кого направлена была злоба врагов России, сошел в могилу. С другой стороны, рассчитывали на известную всем мягкость характера молодого Императора, на его благодушие и человеколюбие; от него ждали большей уступчивости в переговорах, которые должны были открыться в Вене 3(15) марта.

Известие о кончине Императора Николая подало повод Императору Францу-Иосифу выказать самое дружелюбное расположение к России: он сам посетил нашего посланника князя А.М.Горчакова, чтобы лично выразить свою скорбь "о потере испытанного друга именно в то время, когда надеялся доказать ему готовность возвратиться к прежним дружественным отношениям"*. Вместе с тем объявлено было в приказе по австрийской армии, что в "память помощи, оказанной Австрии в трудную годину Императором Николаем, кирасирский полк, носивший его имя, сохранит оное на

---

* Князь Горчаков передал в своей депеше слова Императора Франца-Иосифа: "qu´une des plus fortes douleurs de son âme est de s'être vu enlever la chance de le convaincre qu'il se replacerait sur l'ancienne voie"[175].

вечные времена". По этому поводу Император Александр II в рескрипте к генерал-адъютанту князю М.Д.Горчакову (от 23 февраля) выразился, что Император австрийский "как бы почувствовал угрызения совести"; "дай бог, чтобы это были не одни слова; признаюсь, я не имею к нему, после всего, что происходило, никакого доверия"[176]. В другом письме (от 8 марта) Государь, упоминая о приезжавшем в Петербург Эрцгерцоге Вильгельме, "уехавшем, как кажется, с добрыми намерениями", писал: "Я высказал ему всю истину и просил передать молодому Императору... Несмотря на все его дружеские уверения, я никакой веры к нему не имею и потому ожидаю и готовлюсь на худшее". В том же смысле выразился Государь и в другом письме, от 20 марта[177].

Оптимистические расчеты дипломатии на перемену в политике России не оправдались. В первых же словах, обращенных к Европе, Император Александр II заявил, что с воцарением его внешняя политика России нисколько не изменится. На приеме дипломатического корпуса он сказал: "Торжественно заявляю вам, что я остаюсь верен чувствам моего отца и буду твердо держаться тех же основных начал, которыми руководился он, равно как и мой дядя Император Александр I. Начала эти положены были в основание Священного союза. Если ныне этот союз уже не существует, то, конечно, не по вине моего отца. Его виды всегда были прямодушны и честны; не сомневаюсь в том, что история отдаст ему справедливость". Далее высказав, что готов протянуть руку примирения, присовокупил, что в случае, если предстоявшие в Вене переговоры не приведут к желанному результату, согласному с честью и достоинством России, он будет продолжать упорно борьбу во главе всего верного своего народа[178].

В дополнение к этим царским словам, выражены были с таким же чувством достоинства и такой же твердостью политические виды русского монарха в циркуляре вице-канцлера графа Нессельрода от 26 февраля (10 марта): "Государь Император, оставаясь верным мысли, выраженной в последних распоряжениях его Августейшего родителя, возобновил полномочия и подтвердил инструкции, данные представителям России для переговоров, которые должны были открыться в Вене еще с прошлого декабря. Таким образом, намерения Императора Николая будут выполне-

ны добросовестно. Цель его состояла в том, чтобы доставить России и Европе блага мира, упрочить свободу веры и благосостояние христианского населения на Востоке, без различия вероисповеданий; поставить права и преимущества Княжеств (Дунайских) под коллективную охрану, обеспечить свободное судоходство по Дунаю на пользу торговли всех народов, положить конец соперничеству великих держав на Востоке для предупреждения на будущее время новых усложнений, наконец, — сговориться на счет пересмотра договора (1841 года), которым признан был принцип закрытия Дарданелл и Босфора, так чтобы достигнуть соглашения, для всех стран почетного (honorable). Примирение на таких основаниях, положив конец бедствиям войны, вызвало бы благословение всех народов. Однако ж, Россия глубоко чувствует, что надежды на заключение мира останутся тщетными, если условия, предъявляемые для примирения, будут переходить за ту черту, которую чувство достоинства безусловно указывает нашему Августейшему Государю в его решениях"[179]. В этих строках высказывалась программа, с которой наше правительство вступало в переговоры об основных условиях примирения[180]; в них заключалось подтверждение данного уже прежде согласия на известные четыре пункта, но вместе с тем ставилось непременным условием уважение к достоинству и чести русской короны.

В конференциях Венских участвовали, кроме России, четыре союзные державы: Англия, Франция, Австрия и Турция; Пруссия не была допущена на том основании, что она оставалась безучастной в войне. Устранение Берлинского кабинета от переговоров, имевших общеевропейское значение, и надменный тон, принятый в сношениях с ним союзными державами, еще более оттолкнули Пруссию от союза с нашими врагами.

Согласно установленному дипломатическому обычаю, председательство на Венских конференциях принял австрийский министр-президент граф Буль. Каждое из участвовавших государств имело по два уполномоченных:

* От России — князь А.М.Горчаков, от Франции — барон Букне, от Англии — граф Вестмореланд, от Турции — Ариф-эфенди.

сверх постоянных представителей их при Венском дворе*, приняли участие: со стороны России — тайный советник Вл<адимир> Павл<ович> Титов (бывший посланник наш в Константинополе, а теперь заместивший князя А.М.Горчакова в Стутгарте), от Франции — министр иностранных дел Drouyn de Lhuys, от Великобритании — член кабинета лорд Джон Росель, от Турции — министр иностранных дел Али-паша. Вторым уполномоченным от Австрии был барон Прокеш.

С первых же заседаний конференций, открытых, как уже сказано, 3(15) марта, русские уполномоченные нашли в своих противниках мало податливости. По первым двум пунктам предварительно постановленной программы (прекращение русского протектората в Княжествах Дунайских и обеспечение свободы судоходства в устьях Дуная) удалось, — хотя не без затруднений, — прийти к соглашению; но затем, когда в заседании 15(27) марта приступлено было к третьему пункту (прекращение преобладания России на Черном море) и когда предложено было западными державами установить предельную норму морских сил России с обязательством ее не иметь в Черном море приморских военных учреждений, тогда русские уполномоченные должны были категорически объявить, что подобные условия были бы посягательством на державные права и достоинство России. На этом переговоры были отсрочены до получения новых предложений со стороны Петербургского кабинета.

Таким образом, переговоры опять оказались бесплодными и вновь подтвердили нежелание союзников прийти к соглашению. Очевидно, они по-прежнему выжидали такого решительного военного успеха в Крыму, который придал бы большую силу голосу их уполномоченных на конференции. Следовательно, борьба должна была продолжаться с прежним упорством. Император Александр II, при всем своем человеколюбии и вполне искреннем желании прекратить бедствия войны, не счел возможным начать свое царствование принятием от врагов таких условий, которые казались унизительными для достоинства Монарха и оскорбительными для самолюбия русского народа.

С переменой царствования случайно совпали и перемены в главных начальствующих лицах на театре войны. Генерал-адъютант князь Горчаков, получив начальство в Крыму, прибыл 8 марта в Севастополь (на Северную сторону) с целым штабом своим: начальником штаба генерал-адъютантом Коцебу, генерал-квартирмейстером генерал-лейтенантом Бутурлиным, генерал-интендантом Затлером и другими. За князем Горчаковым, как уже сказано, оставлено было и высшее начальство над Южной армией, так что его круг действий распространялся на обширном пространстве от болот Припятских до Керченского пролива. Непосредственное командование Южной армией перешло к генерал-адъютанту Лидерсу, при котором начальником штаба назначен генерал-майор Непокойчицкий. В то же время на Прибалтийском театре действий генерал-адъютант Берг заместил Рокасовского в Финляндии, а генерал-адъютанту Граббе вверено начальство в Эстляндии. Генерал-адъютант граф Ридигер принял главное начальство в Петербургском районе. Наконец, генерал-адъютант Муравьев, прибыв в начале года во вверенный ему Кавказский край, провел первое время на Кавказской линии, чтобы ознакомиться с положением дел в той части страны. Объехав часть правого и левого флангов, он прибыл в Тифлис лишь 1 марта, как раз в тот день, когда там получено было печальное известие о кончине Императора Николая и вступлении на престол его преемника.

Вследствие перемены начальствующих лиц снова был поднят вопрос, остававшийся не совсем решенным при покойном Императоре, — о распределении сил на театре войны. Еще до кончины своего родителя Наследник Цесаревич, теперешний Император, писал князю М.Д.Горчакову 16 февраля: “Его Величество разрешает Вам, по Вашему собственному усмотрению, усилить Крымскую армию всеми войсками, которые Вы сочтете возможным немедля туда направить. Его Величество имеет при этом в виду, что сохранение Севастополя есть вопрос первейшей важности, и потому решается, в случае разрыва с Австрией и наступления неприятеля, жертвовать временно Бессарабией и частью даже Новороссийского края до Днепра, для спасения Севастополя и Крымского полу-

острова. Кончив с Божьею помощью благополучно дело в Крыму, всегда можно будет соединенными силами обеих армий обратиться на австрийцев и заставить их дорого заплатить за временный успех"[181].

На основании такого полномочия князь Горчаков, еще до вступления в командование войсками в Крыму, сделал распоряжение о передвижении из Южной армии в Крым двух с половиной пехотных дивизий с одной кавалерийской. За отделением этих войск осталось у генерала Лидерса для действий в поле (т.е. не считая гарнизонов, крепостей и некоторых больших городов) всего 54 батальона и 158 эскадронов и сотен*. Таким образом, Южная армия уменьшилась почти наполовину против того состава, который полагалось ей дать по прежнему, составленному в ноябре 1854 года распределению. Она обратилась, можно сказать, в наблюдательный корпус. Сам князь Горчаков (в письме к военному министру от 23 февраля) признавал, что с таким числом войск генерал Лидерс не будет иметь возможности остановить вторжение австрийцев в пределы Юго-Западного края и вынужден будет отступить к Кременчугу, уступив им самое обильное средствами пространство и открыв неприятелю дорогу к Киеву. Поэтому князь Горчаков возвращался к прежнему своему мнению о необходимости подкрепить Южную армию двумя дивизиями из Царства Польского, с предоставлением гвардии в распоряжение фельдмаршала. Князь Горчаков высказывал убеждение, что австрийцы ни в каком случае не осмелятся наступать в Царство Польское, пока Пруссия будет твердо держаться своего нейтрального положения[182].

Это мнение князя Горчакова разделял и граф Ридигер, который в представленных двух записках высказывал мысль, что в случае, если б открытые в Вене переговоры не достигли желанной цели, австрийцы и тогда будут действовать осторожно и ограничатся, по всей вероятности, действиями второстепенными, только для подмоги союзникам в их наступательных предприятиях на морском прибрежье. На основании такого соображения граф Ридигер в своих за-

* Под непосредственным начальством генерала Лидерса в Бессарабии и на Днестре состояло 34 батальона и 80 эскадронов; отдельно стоявший у Брацлавля отряд генерала Гельфрейха был силой в 8 батальонов и 56 эскадронов; да в Одессе и окрестностях находилось 12 батальонов с 16 эскадронами.

писках предлагал отделить от Средней армии (в Царстве Польском) весь 2-й пехотный корпус и расположить его в северной части Волынской губернии для прикрытия пути к Киеву и для подания, в случае надобности, помощи Южной армии. Вместе с тем, граф Ридигер восставал против предположения о выводе наших войск из западной части Царства Польского на правую сторону.

По поводу приведенных мнений и предположений относительно распределения наших сил для предстоявшей кампании составлялись мною в разное время записки для военного министра и Государя. В одной из этих записок, представленной 3 марта, я счел нужным напомнить указание покойного Императора на большой промежуток, оставляемый в имевшихся в виду предположениях почти без всякой обороны между Средней армией (в Царстве Польском) и Южной — на Днестре и берегах Черного моря[183]. При тогдашних обстоятельствах казалось необходимым, усиливая сколько можно войска на юге, в то же время не упускать из виду возможности разрыва с Австрией, которая, несмотря на начавшиеся в Вене переговоры, поддавалась вполне давлению со стороны западных держав, усиленно побуждавших ее действовать заодно с ними. В случае вторжения австрийцев из Галиции, им открыт был путь к Киеву. Полагаться на угрожающее фланговое положение Средней армии на Вепрже (как имел в виду покойный Император) было бы неосторожно при полном отсутствии предприимчивости и решимости у престарелого фельдмаршала (о чем, конечно, в записке моей пройдено молчанием). Отделение какой-либо незначительной части войск для прикрытия означенного промежутка (как полагал граф Ридигер) повело бы только к раздроблению сил и не остановило бы наступления неприятеля. Поэтому в записке моей предложена была мысль — образовать на Волыни новую самостоятельную армию, которой и присвоить наименование “Средней”, оставив в Царстве Польском лишь самое необходимое для обороны число войск, под именем “Западной” армии, и подчинив обе эти армии (Западную и Среднюю) фельдмаршалу князю Варшавскому на том же основании, на каком Южная и Крымская армии были подчинены князю Горчакову. При

таком предположении полагалось распределить имевшиеся силы в следующей соразмерности:

А. Под общим начальством фельдмаршала:

В Западной армии	106	батальонов	107 эскадронов и сотен	260 орудий
В Средней армии	104	–”–	158 –”–	320 –”–
	210	–”–	265 –”–	580 –”–

Б. Под общим начальством князя Горчакова:

В Южной армии	76	батальонов	154 эскадрона и сотни	200 орудий
В Крыму	270	–”–	123 –”–	676 –”–
	346	–”–	277 –”–	876 –”–

Общая же цифра всех сил, которыми в это время мы располагали на всех театрах войны, доходила до 971 батальона, 1048 эскадронов и сотен и 2178 орудий*.

При этом надобно принять в соображение, что численный состав боевых единиц в некоторых частях армии был уже крайне ослаблен, особенно же в Крыму**.

Для возмещения по возможности численной слабости армий не было другого источника, кроме ополчения, которое, по мере формирования дружин, распределялось на разные театры войны***.

---

* В том числе находилось:

На всем прибрежье Балтийском:	$222^1/_2$ батальона,	135 эскадронов и сотен,	352 орудия
У генерал-адъютанта Хомутова	$21^1/_2$ батальона,	121 сотня	37 орудий
На Кавказе	$170^1/_2$ батальонов,	250 эскадронов и сотен	333 орудия

и сверх приведенной общей цифры, оставалось внутри Империи в резервах и гарнизонах 86 батальонов, 89 эскадронов и 416 орудий.

** В автографе далее зачеркнуто: где пришлось некоторые полки переформировать в 2-батальонные и даже (несколько позже) в один батальон *(прим. публ.)*.

*** По первому расписанию получили назначение: 30 дружин (из северных губерний) – в отряды, охранявшие берега Балтийского моря, 24 дружины – в Среднюю армию, 23 дружины – в Южную, 17 дружин – в Крым. Дружины эти постепенно прибывали в течение лета и поступали в состав армий.

Записку мою, с приложенным к ней расписанием войск, военный министр представил Государю и 6 марта возвратил мне при письме, в котором сообщил, что Его Величество, так же как и граф Ридигер, нашли мои предположения "чрезвычайно хорошо обдуманными и изложенными". Государю угодно было, чтобы я передал мои записки на заключение барона Жомини, что и было мною исполнено. Дня два спустя (9 марта) князь В.А.Долгоруков прислал мне доставленные ему как бароном Жомини, так и графом Ридигером письменные замечания на мою записку, с тем, чтобы я представил свои объяснения. Замечания барона Жомини, как бывало всегда, имели характер теоретических рассуждений, без всякого положительного вывода, приложимого к практическому исполнению; что же касается до графа Ридигера, то оказалось, что он совершенно переменил свое воззрение и, в противность прежнему мнению, доказывал первостепенную важность прикрытия Варшавы как вероятнейшего предмета действий наступающего противника (т.е. австрийцев), а потому возражал на предполагавшееся ослабление армии в Царстве Польском*.

10 марта представлено мною военному министру заключение по обеим запискам. Относительно соображений знаменитого стратега нечего было слишком распространяться; мнение же графа Ридигера было разобрано во всей подробности. Князь В.А.Долгоруков вполне согласился с моими возражениями и на другой день представил новую мою записку Государю, а 12-го числа прислал мне для прочтения письма барона Жомини и графа Стакельберга (из Вены), при таком письме: "Письма эти, без всякого сомнения, будут для Вас приятны. Государь чрезвычайно доволен последнею Вашею работой и вполне разделяет наше *мнение*"[184]. Оставалось сообразить самое исполнение предположенного нового распределения сил. Представленные мною об этом предположения, дополненные некоторыми частными указаниями, были окончательно утверждены Государем и сообщены в конце марта обоим главнокомандующим к исполнению. Сам Государь, в письме от

---

* В то же время передана была мне бароном Ливеном записка генерал-майора Медема по тому же предмету, а барон Вревский, по приказанию министра, сообщил мне записку библиотекаря Государева Жиля. Оба автора, не имев положительных данных о наших силах, излагали свои соображения, можно сказать, теоретически.

25 марта, известил фельдмаршала князя Варшавского о новом распределении войск, образовании Средней и Западной армий и предположенном образе действий в случае войны с Австрией. Император, предоставив фельдмаршалу находиться лично при той или другой из двух подчиненных ему армий, смотря по тому, где присутствие его окажется более нужным, упомянул вместе с тем о своем намерении прибыть в Варшаву, "если обстоятельства политические того потребуют, дабы быть ближе к театру действий"[185].

Непосредственное начальство Западной армией было возложено на генерал-адъютанта Сумарокова, а Средней — на генерал-адъютанта Панютина. Начальниками штабов их были назначены: в первую — генерал-майор Фонтон-де-Верайон, во вторую — генерал-лейтенант Тучков (директор Военно-топографического депо).

В это же время представлена мною записка относительно защиты Петербурга на случай появления в Балтийском море неприятельского флота с десантным войском. Бывший Балтийский комитет под председательством Наследника Цесаревича (теперешнего Императора) в своих соображениях по этому вопросу, не входя в подробности, ограничился выражением основной мысли, что обеспечение столицы должно заключаться отнюдь не в непосредственной обороне самого города, но в прикрытии подступов к нему посредством действий в поле. Таковому постановлению Комитета совершенно противуречили принимавшиеся в действительности меры к обороне Петербурга[186]. По плану, составленному в Инженерном ведомстве, приступлено было к возведению укреплений (люнетов и батарей) кругом всего города, на протяжении более 20 верст по окружности. Необходимо было напомнить о прежнем постановлении Комитета, единогласно принятом и Высочайше одобренном. В записке моей объяснены были невыгоды принимаемых в то время оборонительных мер и указывались выгоднейшие позиции, на которых представлялось возможным остановить даже превосходного в силах противника на путях, ведущих к столице как с северной, так и с южной стороны Финского залива.

Вступление генерал-адъютанта князя Горчакова в командование войсками в Крыму не произвело заметной перемены в тамошнем положении дел. Войска приняли ново-

го главнокомандующего совершенно равнодушно. С своей стороны, князь Горчаков в донесении Государю от 13 марта высказал мало утешительного: он опасался, что ожидаемые подкрепления опоздают к решительному моменту, и рассчитывал, что даже с прибытием их силы наши все-таки будут слабее неприятельских. В гарнизоне севастопольском по-прежнему выбывало из строя ежедневно не менее 150 человек собственно только от неприятельского огня; предпринимаемые по временам вылазки из наших передовых ложементов для противудействия подступам осаждающего также обходились недешево. Так, вылазка, произведенная вечером 10 марта из Камчатского редута, хотя имела блестящий успех, стоила нам более 1 тысячи человек.

С 28 марта, второго дня Пасхи, союзники вторично предприняли усиленное бомбардирование города и укреплений. Адский огонь неприятельских батарей производил страшное опустошение. Наша артиллерия могла отвечать лишь редкими выстрелами, для сбережения снарядов, в которых не было избытка. Некоторые из наших укреплений сильно пострадали, особенно же 4-й и 5-й бастионы; много орудий подбито; некоторые части города обращены в груды развалин. Но геройские защитники Севастополя не унывали: в ночное время, когда неприятельский огонь утихал, пострадавшие укрепления по возможности исправлялись, сбитые орудия заменялись новыми. Несколько раз французы пытались выбить наши войска из их ложементов, но всякий раз были отражаемы. Ежеминутно ожидали решительного приступа. Однако ж союзники не отважились на это и, выпустив в течение десяти дней несметную массу снарядов, должны были снова приняться за продолжение осадных работ.

Таким образом, Севастополь выдержал второе бомбардирование, гораздо более ужасное, чем первое (в октябре 1854 г.). В течение означенных десяти дней в гарнизоне выбило свыше 6 тысяч человек. Некоторые полки, наиболее потерпевшие, пришлось переформировать в двухбатальонные и даже в один батальон.

С 8 апреля осаждающий переменил план атаки, направив главные усилия против правого фланга нашей оборонительной линии, на пространство между 5-м и 6-м бастионами. Здесь в течение шести недель продолжалась упорная борьба в тран-

Севастополь от форта свт. Николая. 1855 г.

шеях, минах и контр-минах. Ночные нападения то с одной, то с другой стороны не обходились без больших потерь. В особенности кровопролитны были 19 апреля нападения французов на передовые наши ложементы, а в следующую ночь — вылазка, предпринятая нашими войсками, чтобы выбить неприятеля из тех ложементов, которыми ему удалось завладеть.

Около того же времени союзным флотом произведены демонстрации на разных пунктах Черноморского прибрежья. Неприятельские суда подходили к Одессе и Керчи. Появились также первые английские суда и в Балтийском порту, чтобы объявить нашим морским властям об установлении блокады наших берегов. Между тем в Киле собирались главные силы союзного флота — до 67 судов (в том числе только 5 французских). В этом году ожидали каких-то решительных предприятий союзников в Балтийском море. В Англии и во Франции делались громадные приготовления к новой морской кампании. Можно было предполагать, что союзники воспользуются теперь прошлогодним опытом. Толковали о

каких-то новых судах, изобретенных самим Наполеоном III, в виде плавучих батарей, прикрытых броней. Такие суда ожидались как в Балтийском море, так и в Черном.

Ввиду таких приготовлений со стороны наших врагов у нас также деятельно велись работы в главных приморских пунктах, особенно в Кронштадте и Свеаборге. В последнем этом пункте, со вступлением генерала Берга в командование войсками в Финляндии, возводились новые укрепления и батареи на ближайших к крепости островах для возможного прикрытия Свеаборга и Гельсингфорса от бомбардирования. В течение прошлогодней осени и зимы мы успели выстроить довольно много канонерских лодок, которые значительно усилили оборону, особенно в шхерах и в мелководных проходах.

На Азиатском театре войны, как и в прошлом году, военные действия могли начаться не ранее исхода мая, когда в горных местностях появляется подножный корм и дороги делаются удобопроходимыми. Новый наместник кавказский и главнокомандующий заботился в особенности об усилении действующих отрядов и деятельно готовился к предстоявшей кампании.

Генерал-адъютант Муравьев с первых же своих шагов на Кавказе произвел в крае невыгодное впечатление. Он так держал себя, как будто желал выказать во всем противуположность с предшественником своим князем Воронцовым. Насколько последний был мягок и благодушен, настолько же преемник его относился ко всему и ко всем жестко и сурово. Все существовавшие на Кавказе порядки, все, что с давних пор вошло в нравы и привычки старых кавказцев, осуждалось генералом Муравьевым, признавалось распущенностью, нерадением к службе. Подозревая везде злоупотребления, он оскорбил многих своими выходками, резкостью тона и выражений. Поставив себе задачей, — как говорилось в те времена, — “подтянуть”, “прибрать к рукам”, — он возбудил общее неудовольствие своими крутыми приемами, тем формализмом и педантством, которые так антипатичны для кавказцев.

Нельзя, конечно, отрицать, что не все существовавшее на Кавказе было безупречно; многое действительно требовало исправления, преобразования, искоренения. Так, например, широкое, бесконтрольное хозяйничанье полковых командиров вело к непомерному расходованию нижних чи-

нов на хозяйственные работы, отвлекая их от прямого боевого назначения. Такое развитие хозяйства (зависевшее, впрочем, отчасти от общих оснований системы, существовавшей во всей русской армии) было особенно великим злом в тогдашнее военное время, когда надобно было дорожить каждым лишним солдатом на театре войны. Поэтому генерал Муравьев был совершенно прав в том, что на первых же порах обратил особое внимание на пополнение рядов в строевых частях людьми, поглощенными хозяйственными надобностями штаб-квартир. Со свойственной ему настойчивостью он занялся, по собственному его выражению, производством рекрутского набора из самого состава войск Кавказского корпуса. Точно так же был бы он прав и во многих других предпринятых мерах, если б он повел дело спокойно, никого не оскорбляя и не пороча всего прошлого доблестной армии Кавказской. К сожалению, не таков был характер генерала Муравьева. С молодых лет он отличался неуживчивостью, не умел ладить с людьми, был крайне тяжел в обращении, особенно с подчиненными по службе. Вдобавок вздумалось ему, в первое же время по приезде на Кавказ, в феврале месяце, из Грозной написать к Алексею Петровичу Ермолову странное письмо, с которого копии им же самим пущены по рукам. Письмо это начиналось с такой фразы: "В углу двора обширного и пышного дворца*, в коем сегодня ночую, стоит уединенная, скромная землянка ваша как укоризна нынешнему времени". Затем все письмо состояло в развитии этой мысли: ставилось в укор новому времени то, что на Кавказе не осталось все в том же зачаточном виде, в каком было тридцать, сорок лет назад, когда Ермолов только что заложил первую за Тереком крепостцу. В письме порицалось, что прежние крепостцы обратились в города, куда будто бы "роскошь и удобства жизни привлекали людей сторонних", и будто бы прежние войска "обратились в горожан", для защиты которых требуются новые войска и тройные против прежнего денежные средства от казны. "Простота землянки вашей, — писал генерал Муравьев, — не поражает *ослабевших* воинов Кавказа, в коих,

* Надобно заметить, что в действительности не было ничего похожего на "дворец", да притом еще и "пышный".

хотя дух и не исчез, но *силы стали немощны*". Далее шли жалобы на злоупотребления начальников, которые "пользуются трудами солдата, как работою тяглового крестьянина"; на "беспорядки, вкравшиеся многими годами *беспечного управления*, а в последнее время и совершенным отсутствием всякой власти и управления". По мнению генерала Муравьева, "дарований встречалось на Кавказе более, чем в России (sic), но *все погрязло в лени и усыплении*". Хотя затем и упоминалось, что под стенами крепостей образовались огромные аулы мирных горцев, что чеченцы ходят с нами в экспедиции и беспощадно дерутся против непокорных родственников своих; что для управления туземцами учреждены наибства, приставы, суды; что полное спокойствие водворилось там, "где в 1816 году еще нельзя было проезжать без сильного конвоя и пушек", — но весь этот успех в крае приписывается исключительно началам, положенным в ермоловское время[187].

Письмо генерала Муравьева, естественно, возбудило на Кавказе всеобщее негодование и вызвало резкое возражение в форме анонимного письма, помеченного 13 марта, из Тифлиса, и пущенного в публику во множестве копий. Автором этого письма, как вскоре сделалось известно, был один из молодых кавказских офицеров, служивший тогда в Тенгинском полку, подполковник князь Дм<итрий> Ив<анович> Святополк-Мирский (впоследствии член Государственного Совета, генерал-адъютант). Письмо его, бойко написанное, было горячим протестом против оскорбительных для Кавказской армии обвинений. "Нет, — писал анонимный автор, — не стали немощными и бессильными те войска, которые победили многочисленных врагов под Башкадыкларом, Кюрюк-Даром, на Чолоке. Россия может смело гордиться нами и сказать, что нет армии на свете, которая бы переносила столько лишений и трудов, сколько Кавказская; нет армии, в которой бы чувство самопожертвования было более развито. Здесь каждый фронтовой офицер, каждый солдат убежден, что не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра он будет убит или изувечен. А много ли в России кавказских ветеранов? Их там почти нет; кости их разбросаны по целому Кавказу". Автор письма ловко и метко опровергал другие обвинения, возводимые на кавказские порядки. Относительно

Н.Н.Муравьев

употребления нижних чинов на работы указывалось, что кавказский солдат трудится не для частной выгоды, как *тягловый крестьянин*, а для пользы государства, расходуя свои силы и пот свой для сбережения казны государственной. “Если это дурно, — говорит автор, — то не мы в том виноваты”. Что касается до вопроса о землянках и дворцах, то автор ссылался на уроки истории, показывающей, “что завоевания и особенно упрочивание оных не делались всегда одною силою оружия; постройка великолепных зданий и распространение цивилизации часто способствовали тому. Это зависит от принятой системы, которую не мы решаем”. Далее автор писал: “Кавказская война не есть война обыкновенная; кавказское войско не есть войско, делающее кампанию; это скорее воинственный народ, создаваемый Россиею и противупостав-

ленный воинственным народам Кавказа для защиты России. Такое положение дел не заведено никем; оно создалось силою обстоятельств, после многих неудачных попыток усмирения здешнего края". По этому поводу сделан в письме колкий намек на прежние пресловутые "ермоловские" времена: "Не нам решать вопрос – почему Кавказ еще не покорен? Потому ли, что теперь не живем в землянках, имеем законных жен и некоторые удобства жизни, или потому, что его не умели покорить несколько десятков лет тому назад, когда целые народонаселения разбегались от одного гула пушечных выстрелов, когда не было никакой связи между кавказскими племенами и обществами и когда не было мюридизма, которого начало и отчасти развитие относятся также ко временам землянок". Сознавая, что не все на Кавказе хорошо, что и здесь, как везде, остается еще много сделать и многое исправить, автор письма высказывал, что сами кавказцы, скорбя о старческом бессилии своего заслуженного наместника, желали и ждали с нетерпением нового энергического начальника. "Назначение генерала Муравьева мы встретили с восторгом не потому, чтобы он уже ознаменовал себя великими делами на военном или на гражданском поприще, а потому, что он умел как-то возбудить великие надежды, которые и мы разделяли. Но мы ожидали, что генерал Муравьев едет сюда с чувством уважения к кавказскому войску – уважения, которого мы вправе требовать по нашим заслугам и по чувствам, нас одушевляющим. В добром деле здесь почти все сотрудники. Мы с истинною скромностью, свойственною людям, испытавшим свои силы, ожидали, что нам укажут наши ошибки и недостатки, пособят нам их исправить и усовершенствоваться по мере сил наших и способностей; но мы не ожидали оскорбления. Заботливого, хотя и сурового отца, а не насмешливого порицателя ожидали мы от царской милости. Письмо, написанное новым главнокомандующим в Грозной и распространенное по Кавказу и России, изумило нас и огорчило". Анонимное письмо заканчивалось патетическим выражением полной готовности всех кавказцев опровергнуть на деле всякие обвинения и укоры принесением всех возможных жертв на благо и славу отечества: "Пусть руководят нами мудрые распоряжения! Пусть гениальная рука укажет нам путь!.."[188].

Оба письма сделались предметом оживленных толков не только на Кавказе, но и дошли до Петербурга, где также копии с них ходили по рукам. Общее мнение, конечно, высказывалось не в пользу генерала Муравьева; все находили поступок его странным и бестактным; иные даже усомнились в подлинности его письма; напротив того, анонимное возражение читалось с большим сочувствием.

Своеобразные приемы и тяжелый характер нового главнокомандующего указывали вперед, что он не поладит со своим начальником штаба князем Барятинским. Это были две диаметрально противуположные натуры. Генерал Муравьев, по своим привычкам и понятиям, держал себя как командир строевой части; входил во все мелочные подробности службы; хотел все делать *сам*, ни с кем не делясь ни властью, ни почетом. В лице начальника штаба ему нужен был исполнитель его приказаний, деловой и — что всего важнее — безусловно покорный и смиренный. Ничего подобного не мог он ожидать от князя Барятинского, честолюбивого аристократа, не знакомого <ни> с делами управления, ни с канцелярским делопроизводством, непривычного к усидчивой работе. Генерал Муравьев приехал в Тифлис уже предубежденный против своего начальника штаба; но с таким лицом, как князь Барятинский, — бывшим любимым адъютантом молодого Царя, слывшим даже его другом, — было бы слишком неосторожно поступить бесцеремонно, как со всяким другим подчиненным; надобно было стать к нему по возможности в добрые отношения, хотя бы только по наружности. Поэтому генерал Муравьев обошелся с ним со всей вежливостью, к какой только был способен; всячески показывал ему желание сблизиться с ним, занимал его по целым часам беседами, в которых, не касаясь дел служебных, более всего старался выказать себя самого и свои всеобъемлющие познания; иногда удостаивал князя Барятинского своими посещениями и через его посредничество знакомился с обществом тифлисским. Со своей стороны, князь Барятинский относился к новому начальнику с почтительной сдержанностью, подавляя в себе чувство неудовольствия и досады, подсмеиваясь над комизмом неловких, медвежьих попыток Муравьева казаться любезным. Впоследствии князь Барятинский, со свойственным ему юмором, рассказывал мне по этому поводу забавные анекдоты.

Как и следовало ожидать, князь Барятинский оставался недолго в подчинении генералу Муравьеву. По его просьбе последовало 6 июня увольнение его от должности начальника штаба с назначением состоять при Особе Его Величества. На место его начальником штаба Отдельного Кавказского корпуса назначен финляндец генерал-майор Индрениус.

После довольно продолжительного перерыва Венских конференций, в ожидании новых предложений из Петербурга по 3-му пункту основных условий мира (об ограничении морской силы России на Черном море), заседания возобновились 5(17) апреля. Правительство наше отклонило предоставленную ему по этому щекотливому вопросу инициативу; на обсуждение конференций предложено было несколько новых проектов редакции означенного 3-го пункта; но все попытки прийти к соглашению оказывались и на этот раз безуспешными. Уполномоченные западных держав продолжали настаивать на ограничении морских сил как России, так и Турции определенной, одинаковой цифрой судов; русские уполномоченные по-прежнему находили такого рода условия посягательством на державные права и достоинство русского Императора; их же предложения отвергались противниками нашими как не достигающие той цели, которую они уже и не скрывали, — обезличить и унизить Россию на Востоке. При такой постановке вопроса не оставалось сомнения в невозможности соглашения. Не видя пользы в продолжении прений, первые уполномоченные Франции и Великобритании в половине апреля выехали из Вены*, и затем опять наступил перерыв в совещаниях.

Наш военный министр князь Долгоруков, извещая 19 апреля главнокомандующего в Крыму о новом перерыве переговоров, писал: “Венский кабинет и в настоящих обстоятельствах не обнаруживает намерений своих и остается в прежнем неопределенном к нам отношении. Однако ж, никаких новых военных мер в Австрии не принимается”. При этом упоминалось о положительных уверениях нашего военного агента в Вене графа Стакельберга, что Австрия может употребить против нас не более 160 тысяч войска, да и то

* Как лорд Россель, так и Друэн де Люис вскоре по возвращении в Лондон и Париж должны были выйти в отставку. Министром иностранных дел во Франции назначен граф Валевский.

необходимо от 7 до 8 недель на приготовления к военным действиям. “По всем признакам, – писал князь Долгоруков, – Австрия не решается еще отступить от того направления, которому следовала доселе, и, быть может, продлить сколько возможно свое двуличное поведение”. С другой стороны, надобно было ожидать новых решительных предприятий военных со стороны западных держав. “Есть слухи, – продолжает князь Долгоруков, – будто союзники, видя безуспешность всех предпринятых доселе действий своих против Севастополя и в особенности бесполезность последнего продолжительного бомбардирования, которым надеялись разгромить наш город, намереваются ныне избрать новый предмет действий: оставив перед Балаклавой и на мысе Херсонесском только часть войск, крайне необходимую для упорной обороны укреплений, дабы прикрыть оставленные там склады и осадную артиллерию, и чтобы удержаться твердою ногою на берегу Крымского полуострова, – враги наши могут, с помощью своих огромных средств, перебросить большую часть своих сил на какую-либо другую часть нашего прибрежья, или с тою целью, чтобы нанести удар малочисленной армии генерала Лидерса, или чтобы разорить наши морские учреждения в Николаеве и выйти в тыл войскам, защищающим Крым, или, наконец, чтобы только отвлечь эти войска от Севастополя”[189]. Подобный план действий уже не раз обсуждался в иностранной печати; в том же смысле выражался только что прибывший в Берлин из Парижа прусский генерал Ведель в разговоре с нашим военным агентом генерал-адъютантом графом Бенкендорфом. Все изложенное военный министр счел нужным сообщить главнокомандующему в Крыму собственно для его соображения, но в заключение обращал его внимание на необходимость оставления в Николаеве и поблизости его достаточно сильного резерва, который может принести существенную нам пользу в случае которого-либо из упомянутых выше покушений неприятеля.

С конца марта начали постепенно подходить направленные в Крым подкрепления. В течение апреля войска в Крыму усилились почти тремя дивизиями пехотными, тремя полками драгун и тремя полками казаков. В то же время подвезено значительное количество пороха, снарядов и других запасов. К началу мая в Крыму находилось уже до

110 тысяч войска (153 батальона, 110 эскадронов и 84 сотни); но собственно в Севастополе сила обороняющихся по-прежнему колебалась между 40 и 50 тысячами человек.

Союзные войска также получили значительные подкрепления; предположено было довести их до 200 тысяч человек. Французскому главнокомандующему предписывалось действовать самым решительным образом, и даже прислан был из Парижа план наступательных действий; но генерал Канробер отказался приводить его в исполнение и просил увольнения от командования армией. В начале мая (4/16-го числа) принял вместо него главное начальство генерал Пелисье.

День рождения Государя, 17 апреля, ознаменован был многими милостями, наградами и новыми назначениями. Генерал-адъютант граф Александр Григ<орьевич> Строганов назначен новороссийским генерал-губернатором вместо генерал-адъютанта Н.Н.Анненкова, назначенного государственным контролером. Четыре генерал-майора свиты получили звание генерал-адъютантов: генерал-провиантмейстер князь Влад<имир> Андр<еевич> Долгоруков (брат военного министра), состоявший при русской миссии в Берлине граф Бенкендорф, начальник штаба Гвардейских и Гренадерского корпусов граф Баранов (Эдуард Трофимович) и командир 1-й бригады гвардейской кирасирской дивизии граф Ламберт. Семь флигель-адъютантов произведены в генерал-майоры с назначением в свиту: двое из бывших адъютантов Наследника Цесаревича — граф Александр Владимирович Адлерберг и Паткуль, другой брат Адлерберг (Николай), Кушелев (командующий лейб-гвардии Измайловским полком), Герстенцвейг, Анненков (Ив<ан> Вас<ильевич> — вице-директор в Инспекторском департаменте) и граф Гейден, исправлявший должность начальника штаба в Балтийском корпусе (генерала Сиверса). Состоявшие бессменными ординарцами при Государе, в бытность его главнокомандующим Гвардейскими и Гренадерским корпусами, восемь офицеров гвардии назначены флигель-адъютантами (граф Мусин-Пушкин, Чертков, Нарышкин 2-й, Эссен, Олсуфьев, Рылеев, Кавелин и Кочубей), а в свиту зачислены генерал-майор барон Котен (член финляндского Сената) и я.

Награда, которой я удостоен 17 апреля, была для меня совершенно неожиданна. Я был так мало к ней подготовлен,

что накануне вечером, когда фельдъегерь от военного министра вручил мне конверт с извещением о Царской милости, жена моя чуть не заплакала, вообразив себе, что новое звание оторвет меня навсегда от той скромной, замкнутой жизни, с которой привыкли мы связывать наше семейное счастье. Опасение это, конечно, было напрасное: ни служебные мои занятия, ни образ жизни нисколько не изменились. Крайне редкие дежурства при особе Государя, которыми ограничивалась вся служба по свите Его Величества, составляли, можно сказать, лишь почетную обязанность*.

Коснувшись личного своего положения, воспользуюсь этим перерывом в рассказе о ходе общих дел, чтобы вставить еще несколько слов о себе и о своих близких.

30 апреля Географическое общество в годичном общем собрании удостоило меня избрания снова в члены своего совета, что несколько удивило меня, потому что в последнее время я совсем отстал от занятий по этому Обществу. Как уже не раз упоминал, военные обстоятельства и неотлучное нахождение при военном министре также оторвали меня от прежнего круга деятельности по Военной академии и Военно-учебным заведениям. Однако ж, я охотно исполнял случайные поручения, которые по временам давались мне начальством этих заведений. Так, в мае месяце на меня возложено было председательство в экзаменной комиссии по тактике в третьих специальных классах Военно-учебных заведений. Около того же времени начальством этих заведений потребовано было от всех профессоров Военной академии, в том числе и от меня, мнение о том, какие изменения могли бы быть введены в преподавание в тех видах, чтобы занятия обучающихся в Академии офицеров не заключались единственно в заучивании составленных профессорами записок, а представляли труды более самостоятельные. В представленном мною мнении по этому вопросу указано было на введенные мною уже несколько лет по курсу военной статистики работы офицеров на задаваемые темы. В таком именно смысле и состоялось впоследствии (21 июля)

---

* В первый раз пришлось мне исполнять эту обязанность 30 ноября 1855 г. вместе с генерал-адъютантом Огаревым и флигель-адъютантом графом Канкриным. Во время летнего пребывания Государя вне Петербурга назначались на дежурство только флигель-адъютанты.

распоряжение генерал-адъютанта Ростовцева: всем профессорам Военной академии поставлено было в обязанность представить ему список тем, которые они полагают предложить для обработки обучающимся офицерам.

К прежнему кругу занятий моих прибавились в течение 1855 года некоторые работы по поручениям Великого Князя Константина Николаевича, по морскому ведомству. Сношения мои с Его Высочеством возникли вследствие моих приятельских связей с Александром Васильевичем Головниным, который был не только личным секретарем при молодом генерал-адмирале, но можно сказать, его нимфой Эгерией; он принимал самое деятельное участие в предпринятых Великим Князем улучшениях и преобразованиях по Морскому министерству. Головнину принадлежала инициатива во множестве поднятых вопросов, иногда выходивших даже из круга морской специальности. По внушению Головнина, Его Высочество с первых шагов своих в управлении министерством принял весьма разумный образ действий: при всяком им предпринимаемом нововведении или преобразовании спрашивать мнения и указания по возможности большего числа компетентных лиц; дело велось с широкой гласностью, с участием лиц, совершенно посторонних морскому ведомству, не исключая даже и иностранных авторитетов. Вот почему Его Высочество генерал-адмирал обращался иногда и ко мне. Поручения его, конечно, имели совершенно частный характер: иногда получал я письма или краткие записочки непосредственно от Великого Князя, за его подписью; иногда же через Ал<ександра> Вас<ильевича> Головнина, — и, разумеется, я всегда исполнял их с удовольствием, как бы ни был завален работой. Сочувствуя искренне направлению деятельности Его Высочества генерал-адмирала, я вместе с тем не мог не ценить его лестного ко мне внимания. Поручения эти первоначально (в начале 1855 г.) относились преимущественно к учебной части: присланы были мне на рассмотрение отчеты по морским учебным заведениям; по сделанным мною замечаниям и согласно данной мною программы отчеты эти были переделаны. По поводу этой работы мне пришлось войти в личные сношения с начальниками морских учебных заведений: контр-адмиралом Глазенапом (директором Морского кадетского корпуса), генерал-лейте-

нантом Кохиусом (инспектором учебных морских экипажей), генерал-лейтенантом Давыдовым (командиром 1-го штурманского полуэкипажа). Затем присланы были мне проекты новых положений об учебных заведениях морского ведомства, новые правила назначения пособий чинам морского ведомства на воспитание малолетних детей, общий отчет по морскому ведомству и др. По всем этим предметам представлялись мною замечания и мнения, за которые получал я благодарность Его Высочества. Впоследствии Великий Князь требовал от меня мнений и по другим вопросам более общего свойства. Все эти работы послужили поводом к сближению моему с некоторыми из тогдашних молодых деятелей Морского министерства, товарищей и сотрудников А.В.Головнина: М.Хр.Рейтерном, Д.Н.Набоковым, князем Д.А.Оболенским и другими. Почти все эти лица в позднейшее время занимали высшие государственные должности.

Перейду теперь к своей семье и братьям.

В домашней моей обстановке все обстояло благополучно. Жена почти не выезжала из дома, исполняя добросовестно обязанности кормилицы младшей дочери Марии. С приближением мая, как бывало ежегодно, поднят был вопрос о выборе места летнего пребывания: решено было на этот раз приискать помещение в Царском Селе.

Находившийся с прошлого лета за границей брат мой Владимир, прожив всю зиму на Женевском озере, в Montreux, больной и в мрачном настроении духа, переехал в марте месяце в Неаполь, потом провел апрель в Риме; к маю возвратился в Montreux, а впоследствии (в конце июня) переехал в Баден. Врачи признавали болезнь его весьма серьезной и, предполагая у него рак, угрожали операцией. Главным авторитетом для больного брата был д<октор> Геллиус, пользовавшийся европейской знаменитостью. В письмах своих ко мне бедный брат постоянно жаловался на скуку за границей и досадовал на то, что болезненное состояние не позволяло ему так прилежно работать над своей диссертацией (на степень доктора), а также и для редакции "Современника", как желал бы и как считал необходимым для уплаты долгов, сделанных по случаю путешествия. В одном из интересных писем брат писал о тогдашнем враждебном против России настроении общественного мнения

в большей части Европы. Не всегда удавалось ему избегать разговоров о тогдашних делах, политических и военных; он был нередко вынуждаем опровергать ходившие ложные слухи и пристрастные суждения; но все объяснения его оставались бесплодными. Наибольшую ненависть к России замечал он в немцах, а сочувствие к нам встречал единственно в голландцах*. Неаполь почему-то не произвел на брата того впечатления, какого он ожидал. В Риме осматривал, насколько позволяло болезненное состояние, главные достопримечательности и художественные сокровища, относительно которых писал, что "начинает входить во вкус"**. Принужденный продлить свое пребывание за границей гораздо долее срока первоначально данного ему отпуска, брат Владимир начинал беспокоиться на счет своих денежных средств, о чем не раз писал брату Николаю.

Но брат Николай в то время находился в полном увлечении: он был женихом и притом весьма красивой, изящной и образованной невесты. Это была Мария Аггеевна Абаза, младшая дочь*** бывшего откупщика Аггея Васильевича Абазы, сестра Александра Аггеевича, состоявшего тогда в должности гофмейстера при дворе Великой Княгини Елены Павловны. Она приходилась двоюродной сестрой покойного зятя моего С.А.Авдулина и той из двух девиц Шишмаревых, которая некогда, в лета юности моего брата, так вскружила ему голову. Тогда отец девушки наотрез отверг предложение руки молодого, неизвестного, бедного чиновника; теперь же уже было не то: семья Абаза была польщена предложением человека средних лет, делового, занимавшего видное положение по службе, пользовавшегося влиянием в министерстве и общим уважением в обществе. При содействии сестры Авдулиной, брат Николай сблизился с семьей Абазы, в течение зимы часто посещал дом и влюбился не на шутку. В конце марта состоялась помолвка. Женитьба эта была истинной радостью для всей нашей семьи. Конечно, и мы с женой поспешили ближе

* Письмо от 10 октября 1854 г. из Montreux.

** Письмо от 6(18) апреля 1855 г.

*** Старшая дочь Прасковья Аггеевна была замужем за Алексеем Федоровичем Львовым, директором придворной капеллы, автором нашего народного гимна. Вторая сестра Вера Аггеевна осталась незамужней.

сойтиться с невестой и ее семьей. Брат был в полном упоении счастья, помолодел и оживился. Как в прежние тяжелые эпохи жизни изливал он свое горе в дружеских письмах ко мне, так и теперь, когда судьба улыбнулась ему, он делился со мною же чувствами своего доброго, любящего сердца. В записке, наскоро набросанной 28 апреля, накануне дня свадьбы, он писал мне: "От радости к печали один только шаг, и наоборот. По мере того, как приближается мой счастливейший день приходят на мысль порою и грустные мысли*. Впрочем, это не омрачает моего теперешнего счастья, и я молю только об одном — чтобы во мне и кругом меня было подолее так, как теперь. Никогда еще я не чувствовал так сильно признательности ко всем близким за участие ко мне и особенно чувствую самую горячую благодарность тебе, самый старый и верный друг мой. Крепко, крепко обнимаю тебя за все: за детское товарищество, за пример, который спас меня в молодости, за всегдашнюю дружбу и любовь, которые я встречал и в тебе, и в Natalie. Все это вы оба перенесете и на мою жену, и я заранее вас благодарю за это. Не удивляйся, что пишу об этом: в эту минуту душа невольно высказывается. Прости, мой друг. Передай мою благодарность Natalie. Целую тебя и детей.

Навсегда твой друг и верный брат

Николай"[190].

Обряд венчания происходил 29 апреля, в домовой церкви графа Шереметьева (на Фонтанке, почти насупротив дома Абазы). Посаженным отцом был граф П.Д.Киселев, а матерью — сестра наша Авдулина. Сейчас после венчания молодые уехали в Москву, где остановились на несколько дней; брат хотел познакомить свою жену с родными, из которых ближайшие были тетки: Александра Дмитриевна Неелова, Варвара Дмитриевна Полторацкая и Елизавета Николаевна Киселева. К Москве он сохранял свою юношескую привязанность; здесь ему было вдвойне отрадно наслаждаться своим счастьем. В письме от 3 мая он писал мне: "Вот уже третий день мы проводим здесь в совершенной тишине, мирно и счастливо, как мне даже не снилось. Ты, вероятно, пораду-

---

* Он намекал на недавнюю кончину отца нашего, а ранее матери, о которой он вспоминал всегда с особенным благоговением.

ешься моему позднему, но зато полному счастью". Снова высказывал он свои чувства к близким: "Благодарю всех вас, друзья мои, за все участие, которое я встретил в вас в самую важную минуту моей жизни. Я этого никогда не забуду; никогда не перестану дорожить вашею дружбой"[191].

Вскоре молодая чета переехала из Москвы в подмосковное имение Райки, принадлежавшее отцу Марии Аггеевны и дорогое ее сердцу по воспоминаниям детства. Там молодые наслаждались полным одиночеством до конца своего медового месяца. Только из моих писем узнавали они о тогдашних военных перипетиях в Крыму и на Балтийском море. В письме от 27 мая брат писал мне: "Две недели я прожил в мирной неге, не видя ни одного постороннего лица, не зная ни газет, ни рассказов, ни визитов, одним словом, – ничего, кроме прогулок, чистого воздуха и разговоров с доброю женою. Ты можешь представить себе, как поразили меня известия, что неприятель в Керчи, под Кронштадтом проч... через несколько дней, 1 июня, я предполагаю быть в Петербурге и надеюсь наговориться досыта. Вы увидите Робинзона Крузо, возвратившегося от своей первобытной жизни, и многому придется всем вам вразумить его. Не без сожаления, однако ж, оставлю я эту первобытную жизнь, хотя, разумеется, никогда не забывал, что она не может быть продолжительна. Здесь я действительно отдохнул и освежился умом и сердцем"[192].

ЛЕТО 1855 ГОДА В ПЕТЕРГОФЕ. ПЕЧАЛЬНАЯ РАЗВЯЗКА ГЕРОЙСКОЙ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ

Лето 1855 года моя семья проводила в Царском Селе, в небольшом деревянном доме с садом. Выбор этого местопребывания был основан на том предположении, что царское семейство проведет там большую часть лета; но расчет наш оказался ошибочным: новый Государь поселился в Петергофе, желая, вероятно, следовать примеру своего родителя, чтобы находиться ближе к Кронштадту и морскому берегу, угрожаемым, как и в прошлом году, неприятельским флотом.

Таким образом, я должен был опять жить в разлуке со своей семьей и навещать ее лишь изредка, в те дни, когда военный министр по служебным делам выезжал из Петергофа в Петербург или сопровождал Государя в его поездках в Кронштадт, Красное Село и проч. Случалось мне не видеть семьи более недели. В Петергофе я занимал прошлогоднюю свою квартиру в "Кавалерском флигеле", над помещением военного министра. Так же, как и в прошлом году, большую часть дня проводил я в работе, или у князя В.А.Долгорукова, или в своей комнате; выходил только к обеду за "гофмаршальский стол", да иногда, под вечер, в парк подышать воздухом. По-прежнему слабость в ногах не позволяла мне много ходить. Кроме некоторых придворных лиц и свиты Государевой, навещал я жившего по-прежнему в Петергофе полковника Карцова и его семью, также барона и баронессу Торнау, с которыми сохранились приятельские отношения со времени моего первого путешествия за границу.

Несколько раз в течение лета получал я приглашения в Ораниенбаум, к Великой Княгине Елене Павловне, то к обеду, то вечером. Ее Высочество была, как всегда, благосклонна и любезна. В то время ее весьма занимали заботы по военно-санитарной части на театре войны: Великая Княгиня посылала от себя врачей, сестер милосердия; хлопотала о

доставлении им возможных облегчений, о награждении их, об отправлении госпитальных вещей и т.д. При Ее Высочестве находились тогда гофмейстер барон Розен (которого заместил вскоре Ал<ександр> Аг<геевич> Абаза) и три фрейлины: баронесса Раден, отличавшаяся замечательным умом и образованием; баронесса Сталь — в полном смысле красавица и Елиз<авета> Павл<овна> Эйлер — очень некрасивая, но зато весьма любезная и обходительная. В отдельном павильоне в парке жила Великая Княгиня Екатерина Михайловна с Герцогом Георгом Мекленбург-Стрелицким.

В дни поездок в Царское Село через Петербург навещал я иногда брата Николая, который поселился в Лесном на даче, пока устраивалось новое помещение городское, в том же доме барона Фредерихса (на Владимирской), где брат прожил столько лет холостяком. Отрадно было видеть его теперь, вполне счастливого, страстно влюбленного в свою молодую красивую жену. После медового месяца, проведенного в подмосковной, он возвратился к служебной деятельности с прежним рвением и скоро умел поставить себя в самые лучшие отношения с новым министром С.С.Ланским*. В праздничные дни молодая чета иногда навещала мою семью в Царском Селе. Также посещали ее сестра Авдулина, проводившая лето в Новой Деревне, на даче графини Орловой-Денисовой, и наши старые друзья И.П.Арапетов и Н.И.Свечин и другие.

В это лето представился мне случай познакомиться с генерал-адъютантом графом Ридигером, который жил в Петергофе в одном из “Кавалерских флигелей”, насупротив того, где находились помещения военного министра и мои, по другому фасу разводной площадки. Со времени назначения его главнокомандующим Гвардейскими и Гренадерским корпусами граф Ридигер принял на себя инициативу в деле улучшений и реформ в устройстве и обучении войск. Война наглядно выказывала на каждом шагу недостатки и слабые стороны нашей армии; общий голос признавал необходимость коренных изменений, — и вот граф Ридигер явился в этом деле полезнейшим и влиятельным руководителем. В короткое время он возбудил целый ряд вопросов, передавая министру одну

* Увольнение генерала Бибикова от должности министра внутр<енних> дел и назначение С.С.Ланского последовали 30 августа 1855 года.

за другой разные записки с изложением своих предположений. Князь В.А.Долгоруков относился к предложениям графа Ридигера с большим вниманием; часто совещался с ним; иногда же поручал мне лично с ним объясняться. При графе Ридигере состоял в качестве секретаря полковник Гвардейского генерального штаба Лашкарев, бойкий и способный офицер (выпуска 1847 года Военной академии). Ему, без сомнения, принадлежала значительная доля заслуги, оказанной графом Ридигером в этом деле.

Позже, в августе месяце, последовало Высочайшее повеление об образовании под председательством графа Ридигера особой Комиссии "для улучшений по военной части". Членами этой Комиссии назначены были, в первое время, генералы: Данненберг (он же и вице-председатель), Максимович (бывший некогда командиром "Образцового полка"), Мерхелевич, князь Барятинский и граф Баранов (Эдуард Трофимович, начальник штаба главнокомандующего Гвардейскими и Гренадерским корпусами). Впоследствии Комиссия была усилена многими другими членами и повела свои дела с большой деятельностью.

В половине мая появился перед Кронштадтом сильный флот неприятельский под начальством английского адмирала Дундаса. Так же, как и в прошлом году, поднялась у нас тревога; все зашевелилось; однако ж и на этот раз союзники не решились ничего предпринять против нашей твердыни. Простояв некоторое время в виду Кронштадта, союзный флот удалился к о. Наргену; но часть эскадры осталась перед Кронштадтом, занимаясь промерами и рекогносцировками.

Из Севастополя известия были крайне тревожны. Генерал-адъютант князь Горчаков в письмах к военному министру в апреле и в мае высказывал свое отчаяние, жаловался на выпавший на него печальный жребий и тяжелую ответственность, как бы подготовляя уже Государя к близкому падению Севастополя. Император, в письме от 8 мая, ободрял главнокомандующего и убеждал не поддаваться отчаянию.

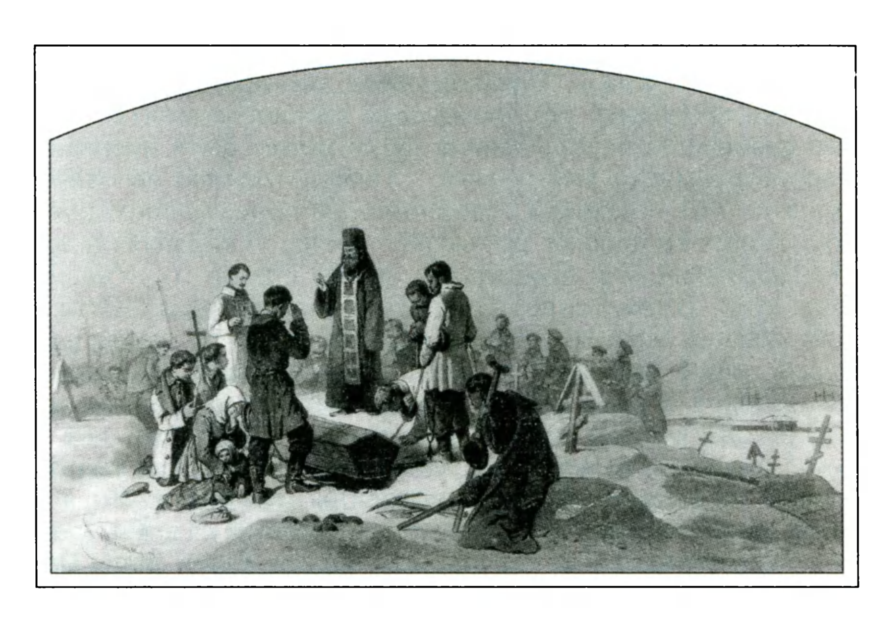
В половине мая получены из Крыма известия о новых кровопролитных делах под Севастополем*. С прибытием све-

* До мая 1855 г. известия о происходившем под Севастополем доходили ранее через Париж и Вену, чем прямым путем. Только к июню месяцу телеграфное сообщение доведено было до Николаева.

жих подкреплений главнокомандующий разрешил возобновить неудавшуюся 20 апреля вылазку, чтобы оттеснить неприятельские подступы между 5-м и 6-м бастионами (у кладбища). Попытка эта была исполнена успешно в ночь с 9 на 10 мая, хотя и с значительной потерей; но в следующую ночь наши войска были снова выбиты из новых ложементов и потеряли до 2500 человек. Князь Горчаков, пораженный такой огромной потерей, запретил впредь предпринимать подобные вылазки. Государь также выразил в письме от 19 мая к князю Горчакову сожаление о том, что дело "стоило столько дорогой крови, не принеся никакого результата".

Однако ж неприятельские осадные работы у кладбища между 5-м и 6-м бастионами, так озадачившие нас, были вдруг приостановлены. С переменой французского главнокомандующего изменился и план атаки. Пелисье, вопреки мнению своего предместника и многих других генералов, решился обратить снова главные усилия на левый фланг нашей оборонительной линии, т.е. на Малахов курган и 4-й бастион. В то же время, согласно полученным из Парижа предписаниям, предпринята была союзным флотом большая морская диверсия. Союзная эскадра из 57 паровых судов с десантом до 15 тысяч человек подошла 22 мая к Керчи и, прорвавшись через слабые заграждения пролива, вторглась в Азовское море. Малочисленный отряд генерала Врангеля (Карла Карловича) не имел возможности отстоять Керчь; он отошел во внутрь полуострова, истребив предварительно находившиеся в Керчи суда и запасы. Большая часть жителей покинула город, который был занят неприятелем и подвергся варварскому разграблению.

Вступление неприятельского флота в Азовское море сильно встревожило князя Горчакова. Приняты были поспешно меры к охранению Чонгарского моста для обеспечения главного пути сообщения Крымской армии. Генералом Хомутовым сделаны распоряжения для защиты по возможности северного прибрежья Азовского моря. В продолжение более двух недель (с 15 мая по 3 июня) союзные суда разгуливали свободно по морю, попеременно подходя то к одному, то к другому из прибрежных пунктов: Бердянску, Геническу, Таганрогу, Мариуполю, Ейску, обстреливая их, истребляя мелкие купеческие суда и рыбачьи лод-

«Кладбище на высотах Северной стороны Севастополя. 1855 г.»

ки; но существенного вреда не причинили. Ворваться в Сиваш и прервать сообщение Крымской армии им не удалось. Находившиеся в иных пунктах склады продовольствия были благовременно вывезены или истреблены по распоряжению самих начальников местных. Также из Анапы и Новороссийска войска и жители были выведены заранее по распоряжению генерала Хомутова: неприятель нашел там одни опустелые развалины. Оставив в Керчи гарнизон, союзная эскадра возвратилась к Севастополю.

Между тем на 26 мая назначена была генералом Пелисье решительная атака на передовые наши укрепления левого фланга: Волынское, Селенгинское и Камчатское. После сильной двухдневной канонады, вечером назначенного дня, сразу были выдвинуты неприятелем огромные силы, против которых не могли удержаться в означенных передовых укреплениях занимавшие их слабые войска; резервы же, по своей отдаленности, не могли подоспеть вовремя. После упорного боя, продолжавшегося до самой темноты, французы завладели укреплениями, хотя и с огромным уроном. С нашей стороны потеря доходила до 5450 человек.

Донося Государю 27 мая об этом кровопролитном и неудачном деле, князь Горчаков писал, что положение Севастополя отчаянное; что пороху едва хватает на десять дней; что сообщение через Южную бухту может быть прервано неприятельскими выстрелами. “Теперь я думаю об одном только — как оставить Севастополь, не понеся непомерного — может быть более 20 тысяч — урона. О кораблях и артиллерии нельзя и помышлять, чтобы спасти их. Ужасно подумать”. В том же письме князь Горчаков писал: “Отъезжая сюда, я знал, что обречен на гибель, и не скрыл это перед лицом Вашим. В надежде на какой-либо неожиданный оборот, я должен был упорствовать до крайности; но теперь она настала; мне нечего мыслить о другом, как о том — как вывести остатки храбрых севастопольских защитников, не подвергнув более половины их гибели. Но и в этом мало надежды. Одно, в чем не теряю я надежды, это то — что, может быть, отстою полуостров. Бог и Ваше Величество свидетели, что во всем этом не моя вина”.

В ответ на это отчаянное письмо подавленного горем старика Государь, в письме от 4 июня, ободрял его и снова благодарил войска: “Защитники Севастополя, — писал он, — после девятимесячной небывалой осады, покрыли себя неувядаемой славой, неслыханною в военной истории. Вы, с вашей стороны, сделали все, что человечески было возможно; в этом отдает вам справедливость вся Россия и вся Европа. Следовательно, повторяю вам, что я уже вам писал — совесть ваша может быть спокойна. Уповайте на Бога и не забывайте, что с потерею Севастополя еще не все потеряно. Может быть, суждено вам в открытом поле нанести врагам нашим решительный удар”[193].

С потерей наших передовых редутов за Килик-балкою положение обороняющихся на Корабельной стороне сделалось весьма тяжелым. Неприятель безостановочно обстреливал нашу главную линию обороны, усиливал свои батареи и понемногу выдвигал вперед свои подступы. В гарнизоне Севастополя ежедневно выбывало уже до 700 человек из строя. Батареи наши отвечали на огонь противника лишь редкими выстрелами. Транспорты с военными запасами не успевали пополнять огромное количество истрачиваемого пороха и снарядов.

Ободренный успехом, одержанным 26 мая, генерал Пелисье десять дней спустя предпринял новую решительную атаку на Малахов курган и 3-й бастион. Для этого избран день 6 июня — годовщина Ватерлооского сражения. После целого дня жестокого бомбардирования союзники на рассвете означенного дня двинули на приступ такие силы, которые превосходили более чем вдвое все число наших войск на Корабельной стороне. Атака была ведена с большой настойчивостью; но встретила отчаянное сопротивление и окончательно отбита на всех пунктах. Союзники понесли огромную потерю: в числе убитых и раненых они лишились 10 генералов. В наших войсках убыль доходила до 4700 человек, преимущественно от предшествовавшего атаке бомбардирования.

Известие об этом новом подвиге геройского гарнизона Севастополя доставило большое утешение Государю. Многим из главных сподвижников князя Горчакова, рекомендованным в его донесении, немедленно же пожалованы награды: генерал-адъютанту барону Сакену, князю Васильчикову, Тотлебену, адмиралам Нахимову и Панфилову, генералам Хрулеву, Семякину и другим. Сам князь Горчаков назначен шефом Брянского егерского полка. В письме от 15 июня Государь поручал ему благодарить войска: “Скажите им, — писал он, — что я и вся Россия гордимся ими”; в заключение же прибавил: “Об оставлении Севастополя, надеюсь, с Божьей помощью, что и речи не будет больше”[194].

Но сам князь Горчаков не утешал себя такими розовыми надеждами. По-прежнему озабочивала его одна мысль — как уменьшить по возможности потери в наших войсках в случае необходимости оставить Севастополь. Признавая такой печальный конец неизбежным, он не переставал обдумывать план исполнения трудного отступления на Северную сторону. По распоряжению его заготовлялись втайне материалы для постройки гигантского плавучего моста через всю ширину большой бухты, на протяжении 430 сажен. Вскоре потом приступлено было и к самой постройке моста, под руководством начальника инженеров генерал-майора Бухмейера, к величайшему негодованию моряков и других истых защитников Севастополя, которые не допускали ни в коем случае возможности оставить эту святыню в руках врагов.

Безуспешный исход конференций озабочивал Венский кабинет, который, как уже не раз упоминалось, чистосердечно желал восстановления мира как единственного выхода для Австрии из неловкого ее положения. Связанная договорами и обещаниями с западными державами, Австрия едва могла устоять против их неотступных понуждений к более активному участию в войне. А между тем война была бы окончательным разорением финансов Австрии и поколебала бы надолго ее традиционные связи не только с Россией, но и с Пруссией, и всей Германией. Поэтому первый министр австрийский граф Буль неохотно расставался со своими надеждами на конференции; даже и после отъезда первых уполномоченных Англии и Франции он еще пытался возобновить переговоры. Пять недель спустя после последнего (14-го) заседания все наличные члены конференции были приглашены в заседание 23 мая (4 июня), чтобы выслушать и обсудить новое предложение самого председателя графа Буля от имени Венского кабинета. Первый министр австрийский, приняв на себя роль посредника и примирителя, возобновил одно из прежних, сделанных французскими уполномоченными предложений, но облек его в такую форму, которая, по его мнению, наименее затрагивала щекотливость русских уполномоченных. Выслушав это предложение, уполномоченные Англии, Франции и Турции заявили не без основания, что считают излишним входить вновь в обсуждение такого проекта, сущность которого была уже отвергнута уполномоченными России. Последние же, напротив того, не встречали теперь препятствия к принятию проекта графа Буля за основание возможного соглашения и выразили готовность представить это предложение на усмотрение своего правительства. Несмотря на такое заявление, уполномоченные Англии, Франции и Турции остались при своем мнении и объявили, что конференция должна считаться закрытой.

Таким образом, графу Булю не удалась попытка посредничества и примирения; но последнее заседание конференции дало переговорам такой оборот, что неудачный исход их пал исключительно на ответственность западных держав; Австрия же как бы выгородила себя от солидарности со своими союзниками и сочла себя освобожденной от обязательства помогать им оружием. Немедленно по закрытии конференций пос-

ледовало из Вены распоряжение о сокращении наличной численности австрийских войск на восточной границе.

Итак, Венские конференции, хотя и не достигли прямой цели — прекращения войны, однако ж, имели последствия, благоприятные для России: Австрия явно выказала, что не имела намерения воевать с нами; Пруссия и остальная Германия утвердились в своем решении — остаться нейтральными.

Как скоро выяснилось, что нам нечего опасаться войны с Австрией, мы уже могли смелее обнажить нашу западную сухопутную границу и обратить большие силы на юг. В представленной мною по этому поводу записке предложено было двинуть в Крым еще новые подкрепления, именно те две пехотные дивизии (4-ю и 5-ю) и одну кавалерийскую, которые назначались в состав Средней армии; Южную армию усилить двумя гренадерскими дивизиями (2-й и 3-й), приблизив их к морскому берегу на случай предприятия союзников к Николаеву или Одессе; вместе с тем усилить и войска генерала Хомутова на низовьях Дона для обороны берегов Азовского моря и охранения сообщения с Кавказом.

Таким образом, только что сформированная Средняя армия уже утратила свое значение; но соображения, служившие основанием к ее образованию, подтвердились на деле: лишь только выяснилось положение к нам Австрии, мы получили возможность в самое скорое время придвинуть войска к берегам Черного моря, где оказалась в них настоятельнейшая необходимость. По мере развития обстоятельств и раскрытия неприятельских намерений войска поспешно перемещались одни за другими из Царства Польского на Волынь, с Волыни — в Новороссийский край, оттуда же — в Крым. Все силы обеих воюющих сторон стягивались и сосредоточивались к этому полуострову. Севастополь сделался почти исключительным полем борьбы. К нему устремились все усилия нападающих и обороняющих; на него обратились взгляды всей Европы.

Продолжавшаяся уже девять месяцев отчаянная борьба в Севастополе казалась близкой к решительному кризису. Можно было опасаться, что направленные в Крым новые подкрепления не поспеют вовремя, чтобы предупредить катастрофу. Но и в таком несчастном случае прибытие свежих сил на полуостров могло оказать важную услугу — остановить дальнейшие успехи противника, принять отступаю-

щие войска и дать им оправиться. На пути своем в Крым эти подкрепления могли быть обращены, смотря по обстоятельствам, и к Николаеву или всякому другому пункту северного прибрежья черноморского, куда неприятель вздумал бы направить свои действия.

В той же записке моей заключалось распределение дружин ополчения между театрами войны: одни назначались на подкрепление войск в Крыму, другие — на берега Азовского моря, частью — в резерв Южной армии, наконец, — на балтийские прибрежья.

Предположения эти были утверждены Государем 24 мая и сообщены Его Величеством как фельдмаршалу князю Варшавскому, так и князю Горчакову. Но дальние передвижения войск требовали продолжительного времени. Так что назначенные в Крым 4-я, 5-я и 7-я резервная пехотные дивизии могли дойти до Перекопа только в конце июля; а что могло до того времени произойти на театре войны — никто предсказать не мог.

На Азиатском театре войны наступательные действия должны были начаться только в конце мая. Главнокомандующий генерал-адъютант Муравьев, выехав из Тифлиса 10-го числа этого месяца, прибыл 22-го в Александрополь и принял лично начальство над действующим корпусом. В тот же день князь Бебутов уехал в Тифлис; на него возложено было общее управление краем в отсутствие генерала Муравьева. В главном отряде состояло тогда от 27 до 30 тысяч человек. Начальником походного штаба был генерал-майор Неверовский, дежурным штаб-офицером — подполковник (саперный) К.П.Кауфман, интендантом — полковник Колосовский.

24 мая авангард действующего корпуса перешел за Арпачай, два дня спустя двинулись и главные силы к Карсу, где расположена была турецкая (Анатолийская) армия Васифпаши. Одновременно с движением главного действующего корпуса перешли границу и боковые отряды: Ахалцихский, генерал-лейтенанта Ковалевского, — двинулся к Ардагану, который занял 30 мая без сопротивления; Эриванский, генерала Суслова, — подступил к турецкой укрепленной позиции у Суриб-Оганеза (к зап<аду> от Баязета) и, не застав уже там неприятельских войск, двинулся вслед за ними к Топрах-кале (Аламкерт), который занял 20 июня.

Генерал Муравьев, подступив к Карсу, расположил свой корпус с южной стороны укрепленного города (сперва у Махараджиха, а потом у Каны-Кёва), с тем, чтобы угрожать пути сообщения турецкой армии с Эрзерумом. В ожидании подкреплений высылались в Саганлукские горы летучие отряды, которые перехватывали неприятельских курьеров, уничтожали склады продовольствия. В половине июня генерал Муравьев получил от военного министра письмо, в котором сообщалось желание Государя, чтобы действия в Азиатской Турции велись сколь возможно решительнее, ввиду трудного нашего положения в Крыму. Однако ж, Муравьев, не имея средств, чтобы предпринять осаду Карса, не считал возможным атаковать открытой силой. Известно было, что в течение зимы укрепления Карса были значительно усилены с помощью находившихся при турецких войсках английских офицеров. Стоявший во главе их энергичный полковник Вильямс распоряжался всем за спиной старого Васиф-паши. Генерал Муравьев поставил себе целью истощить средства засевшего в Карсе противника; но, не имея достаточно войск, чтобы обложить всю крепость кругом, ограничивался в продолжение всего лета посылкой более или менее сильных отрядов на пути сообщения противника. 17 же июня он сам, почти с половиной всего корпуса, произвел дальний набег за Саганлук и, уничтожив большие склады продовольствия в разных пунктах (Бардусе, Энчи-Кёве, Зивине), возвратился на свою позицию у Каны-Кёва; а несколько дней спустя перевел свой лагерь на левую сторону Карсчая, к деревне Чивтлыхкая. Здесь разбит обширный лагерь, которому потом дано было название Владикарс.

Во вторую половину июля (19-го числа) генерал Муравьев вторично предпринял движение за Саганлук, чтобы разбить собиравшийся впереди Эрзерума (у Керпи-Кёва) турецкий отряд Вели-паши. Наступательному этому движению содействовал и отряд генерала Суслова, прибывший к назначенному дню (21 июля) от Топрах-кале. Однако ж Велипаша не дождался рассчитанного нападения с двух сторон и отступил к Эрзеруму. Простояв три дня у Гасан-кале, генерал Муравьев 25 июля выступил обратно к Карсу.

По прибытии ожидавшихся подкреплений открылась возможность распространить расположение наших войск кру-

гом Карса, так что к 1 августа крепость была уже обложена со всех сторон. С этого времени положение турецкого гарнизона заметно становилось затруднительным; пришлось уменьшить дневную дачу продовольствия; а между тем открылась холера и развились другие болезни. Турецкий главнокомандующий был вынужден понемногу высылать из крепости свою конницу и самих жителей городских; но ночные попытки турок пробираться между нашими постами не всегда удавались. Так, 23 августа высланная из крепости колонна была замечена нашими передовыми отрядами, атакована и рассеяна. Выходившие из крепости жители были насильственно обращаемы назад. С нашей стороны принимались всякие меры, чтобы не допустить тайного, в ночное время, провоза запасов. Так, 30 августа посланный в горы летучий отряд, напав врасплох на большой транспорт, ночевавший у Пеняка (в 80 верстах от Карса, близ Олты), рассеял турецкие войска, захватил 4 орудия и уничтожил запасы.

День 1 июля (рождение Императрицы Александры Федоровны), который привыкли праздновать так шумно и торжественно в Петергофе, в этом году проведен скромно Царской семьей в Ропше. К этому дню приехал брат вдовствующей Императрицы – наследный Принц Прусский Вильгельм (будущий Император Германский). Высокого гостя угощали 2 июля парадом в Петергофе, а потом смотрами и учениями в Красном Селе.

Неприятельский флот в Балтийском море, так же как и в прошлом году, ничего не предпринимал в течение всего июня, довольствуясь легкими успехами над беззащитными пунктами прибрежья и захватом рыбачьих лодок. 23 июня несколько судов, пройдя мимо Свартчалына (оставленного без вооружения), сожгли городок Ловизу; затем, 1 июля, появились в Транзунде и перед Выборгом. Встреченные здесь огнем канонерских лодок, обратились к Фридрихсгаму и здесь, также попав под выстрелы наших стрелков и полевой артиллерии, удалились, не причинив никакого вреда.

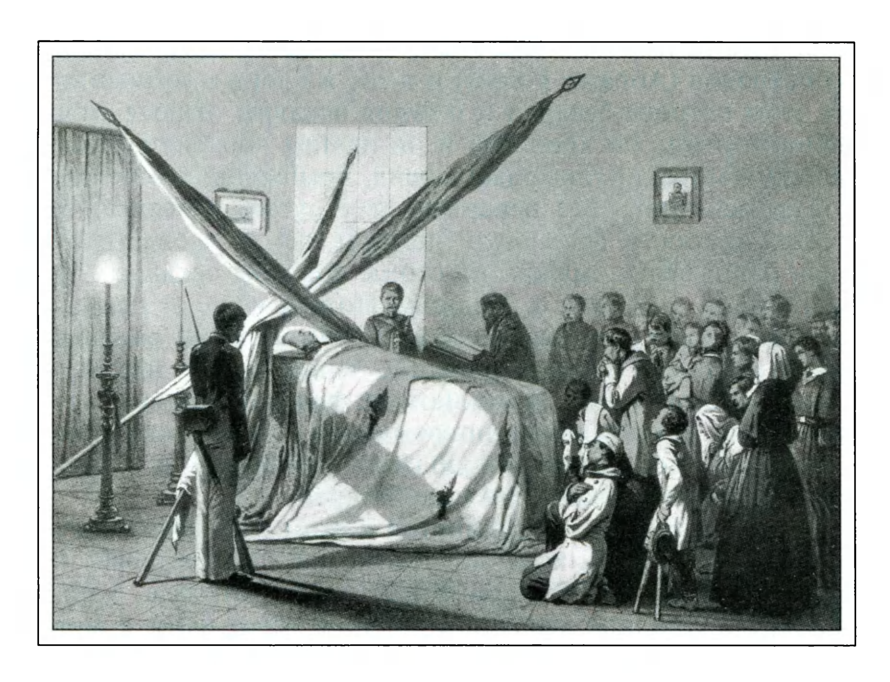
Наконец, в исходе июля, когда прибыли пресловутые наполеоновские плавучие батареи, союзники задумали нанести решительный удар Свеаборгу. 26 июля союзная эскадра, в числе 75 судов, появилась в виду этого пункта; в

ночь с 27-го на 28-е неприятель произвел высадку на один из островов (Абрамс-Гольм) и в тот же день с устроенной на этом острове батареи и с судов эскадры открыл сильнейший огонь по крепости и по нашим кораблям, защищавшим морские проходы на рейд. Бомбардирование продолжалось почти без перерыва двое суток; в нескольких местах крепости вспыхнули пожары, чем и удовлетворились наши враги: прекратив огонь, союзная эскадра 1 августа опять отошла к о. Наргену. Потеря у нас от неприятельского огня состояла всего из 55 убитых и 200 раненых; самой крепости бомбардирование не причинило никакого существенного вреда. В союзном же флоте несколько судов потерпело значительные повреждения, так что оказались совсем не способными продолжать кампанию, и в числе их — наполеоновские плавучие батареи.

Такой результат предпринятой в этом году союзниками морской кампании, конечно, далеко не соответствовал их ожиданиям, громадным приготовлениям и затратам. Хотя в Париже и Лондоне морочили публику известиями о мнимом уничтожении русской твердыни на Балтийском море, однако ж истина обнаружилась: еще менее, чем в прошлое лето, могли союзники хвастаться своими успехами.

Не удалось им также причинить нам вред и на далеком востоке. Союзная эскадра в Тихом океане готовилась возобновить неудавшееся в прошлом году покушение на Петропавловский порт (в Камчатке). Выждав очищения порта от льда, эскадра подошла к этому пункту в апреле месяце; но, к крайнему удивлению, не нашла уже там ни кораблей наших, ни войск. Согласно полученным заранее повелениям из Петербурга, контр-адмирал Завойко успел за несколько дней до появления неприятеля, пропилив лед, выйти из Петропавловской гавани с бывшими там пятью военными судами, забрав все военные команды, орудия, запасы, чинов администрации, и укрылся в устье Амура, под защиту береговых его батарей.

Под Севастополем, после отбитого приступа 6 июня, наступило на некоторое время сравнительное затишье, так что измученные войска наши могли несколько отдохнуть и оправиться. Отдых этот был необходим и для осаждающего после понесенных больших потерь и истощения огромного

«Адмирал П.С.Нахимов (в своей квартире в Севастополе) в гробу, покрытом простреленным ядрами флагом с корабля «Императрица Мария»

количества снарядов. Притом, в союзных войсках усилились болезненность и смертность, преимущественно от холеры, которая в особенности поражала недавно прибывших сардинцев. Английский главнокомандующий лорд Раглан умер 16 июня; вместо него принял начальство генерал Симпсон; многие из английских офицеров, и в том числе генералы Броун и Пеннефетер, уехали под разными предлогами восвояси. В продолжение целого месяца союзники ограничивались осадными работами, подвигая понемногу свои подступы к Малахову кургану и прилежащим к нему бастионам; а по временам возобновляли канонаду.

Между тем часть союзного флота в июле месяце снова появилась в Азовском море и повторила свои опустошительные набеги на некоторых прибрежных пунктах. 3 июля неприятельские суда обстреливали Бердянск и сожгли несколько хлебных амбаров; но попытки высадки были отражены

мелкими казачьими командами. Затем, в продолжение трех недель, почти ежедневно неприятель бомбардировал Таганрог. В августе месяце неприятельские суда в третий раз подходили к этому торговому городу; но, встретив на этот раз отпор, ушли, не решившись ничего предпринять. На возвратном пути они сожгли Тамань и Фанагорию.

С нашей стороны деятельно исправлялись в Севастополе повреждения в укреплениях и вооружении; продолжалась и подземная война. К общему сожалению, главный руководитель наших инженерных работ генерал Тотлебен был ранен в траншеях 8 июня, хотя не опасно, но так, что на продолжительное время лишился возможности лично вести работы и должен был направлять их заочно. Несколько позже князь Горчаков лишился достойного своего спутника – адмирала Нахимова, смертельно раненого 28 июня на Малаховом кургане. Место его заступил адмирал Панфилов, а вскоре потом – Новосильский.

Военный министр счел полезным командировать в Севастополь директора канцелярии Министерства генерал-адъютанта барона П.А.Вревского, под тем предлогом, чтобы привести в известность материальные потребности армии и лично объясниться с главнокомандующим о мерах к более успешному снабжению ее. Князь Горчаков, письмом от 18 июня, благодарил князя Долгорукова за его заботливость о насущных нуждах армии и за присылку барона Вревского. Но настоящей целью этого посольства было – разъяснить, действительно ли положение дел в Крыму так безнадежно, как это признавал князь Горчаков, который в письмах своих к военному министру не раз высказывал свое убеждение в невозможности другого образа действий, кроме принятой им пассивной обороны. В одном из своих писем (от 26 июня) он даже выразился, что “было бы сумасшествием начать наступление против превосходного в силах неприятеля”[195]. Барон Вревский принадлежал к числу тех строгих кабинетных судей, которые осуждали излишнюю осторожность и нерешительность старого главнокомандующего и сам вызвался ехать в Севастополь с той мыслью, чтобы склонить князя Горчакова к переходу в наступление.

В письме из Севастополя от 11 июля барон Вревский писал князю Долгорукову, что, по его мнению, невозможно долее

оставаться в прежнем пассивном положении ввиду ежедневно убывающей силы нашей армии и усиления неприятельской. Сам Государь не раз высказывал желание, чтобы с прибытием новых подкреплений (4-й, 5-й и 7-й резервной пехотных дивизий) князь Горчаков перешел в наступление. В письме от 2 июля Его Величество требовал настоятельно, чтобы означенные подкрепления не раздроблять, а употребить в совокупности для нанесения неприятелю решительного удара или в его траншеях, или в поле.

Князь Горчаков, по свойственной его характеру неуверенности в себе, не устоял в своих убеждениях. Ввиду неоднократно выраженной Высочайшей воли, он наконец поддался внушениям барона Вревского; но в то же время (14 июля) писал Государю: "Весьма было бы желательно продолжать систему темпоризации до осени; но вряд ли это будет возможно. Постепенное сближение подступов неприятеля к нашим верхам поставит Севастополь в крайне опасное положение. Имея это в виду, я приготовляю все для атаки по прибытии 4-й, 5-й и 7-й резервной дивизий; но решаюсь на это только по необходимости". В записке же, представленной 21 июля, князь Горчаков прямо высказывал сомнение в возможности сбить неприятеля с высот Сапун-горы, а потому намеревался атаковать Федюхины горы, полагая, что успех наш в этой атаке поколеблет дух неприятеля, и тут же прибавил: "Не должно обманывать себя; за успех и этой атаки ручаться невозможно". Все это явно обличало неуверенность и колебание князя Горчакова.

Государь, в письме от 20 июля, вторично выразил свое "убеждение в необходимости предпринять что-либо решительное, дабы положить конец сей ужасной бойне, могущей иметь, наконец, пагубное влияние на дух гарнизона"; затем Его Величество, входя в нравственное положение князя Горчакова, присовокупил: "В столь важных обстоятельствах, дабы облегчить некоторым образом лежащую на вас ответственность, предлагаю вам собрать из достойных и опытных сотрудников ваших военный совет. Пускай жизненный вопрос этот будет в нем со всех сторон обсужден, – и тогда, призвав на помощь Бога, приступить к исполнению того, что признается наивыгоднейшим"[196].

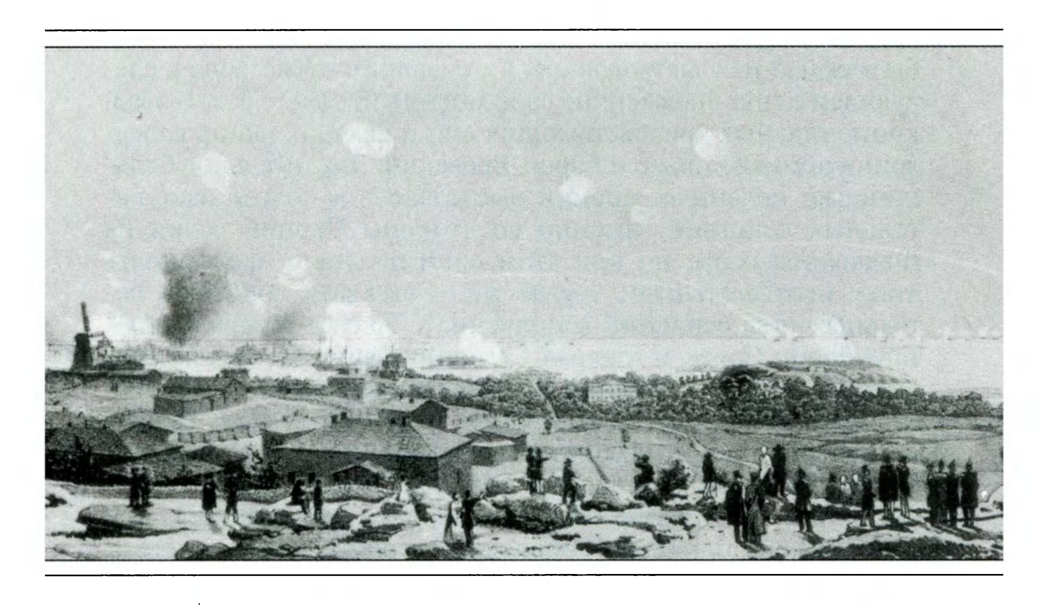
Князь Горчаков воспользовался указанием Государя и 28 июля собрал военный совет. Объяснив положение дел и поставив

вопрос о предстоявшем образе действий, потребовал, чтобы каждый из участвовавших в совещании представил к следующему дню письменное свое мнение. В совете участвовал, кроме главных начальствующих лиц и высших чинов управления армией, также и барон Вревский. Значительное большинство поданных мнений высказалось в пользу наступательных действий, именно со стороны Черной речки на Федюхины горы; но при этом одни полагали предпринять атаку неотлагательно; другие же – выждать прибытия остальных подкреплений (ополчения). Только генерал-адъютант барон Сакен и генерал Семякин решились предложить вывести войска с Южной стороны Севастополя, дабы всеми силами встретить неприятеля в открытом поле; Хрулев же представил три различных предложения: или произвести возможно большими силами вылазку с Корабельной стороны, или очистить всю Южную сторону, или, наконец, вывести войска только из Городской стороны, чтобы сосредоточить более сил на Корабельной. Главнокомандующий принял мнение большинства и, отвергнув мысль об очищении какой-либо части Севастополя без боя, решился вести атаку со стороны Черной речки на Федюхины горы.

Предположенная атака была назначена на 4 августа. За два дня до того, 2-го числа, князь Горчаков, вместе с генералом Коцебу и бароном Вревским, ездил на Бельзек навестить раненого генерала Тотлебена и узнать его мнение по вопросу, обсуждавшемуся на военном совете. Тотлебен высказался против предположенной атаки на Федюхины горы и отдавал предпочтение мнению Хрулева – вылазке с Корабельной стороны. Несмотря на горячее возражение барона Вревского, князь Горчаков поколебался было в своем мнении; однако ж, по возвращении в свою штаб-квартиру, обратился к прежнему решению; а накануне самой атаки, 3 августа, в письме к военному министру прямо сознался, что решается на рискованное предприятие без всякой уверенности в успехе. “Вспомните, – писал он*, – о своем обещании оправдать меня, если дело примет дурной оборот, – в чем я нисколько не буду виновен. Делаю все, что возможно; но с самого моего приезда в Крым задача была слишком трудная”[197].

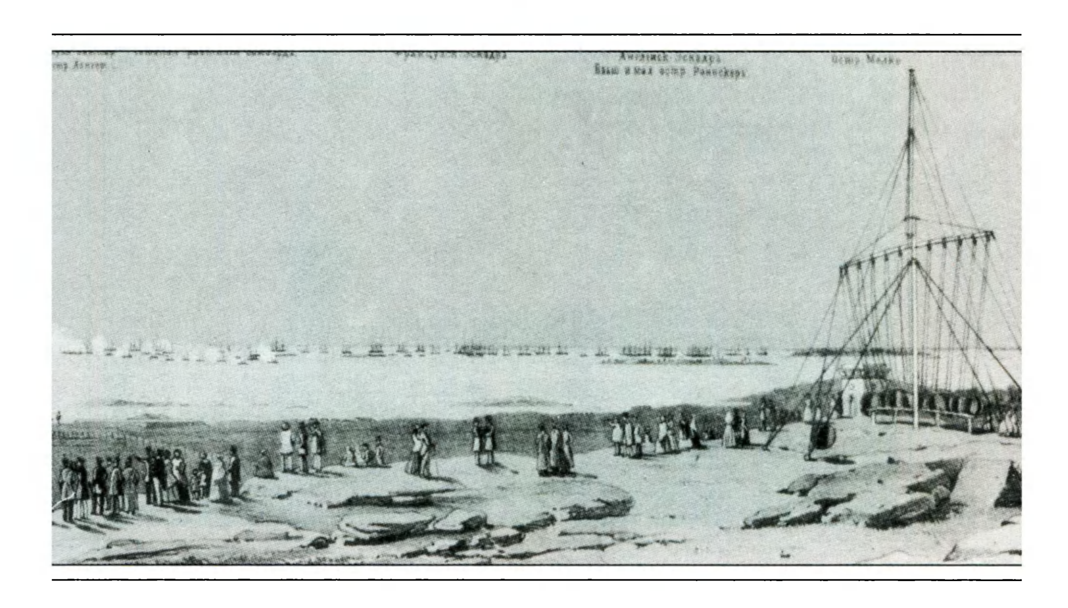
* Подлинное письмо на французском языке.

4 августа, еще до света, наши войска, в числе до 60 тысяч человек, спустились с гор несколькими колоннами к Черной речке, отважно выбили неприятельские передовые войска из предмостных укреплений, перешли через речку и устремились на высоты, сильно занятые французскими и сардинскими войсками. Горячий бой закипел на крутых скатах Федюхиных гор. После нескольких часов отчаянных усилий войска наши были отбиты и к 10 часам утра уже совсем отошли за Черную речку с огромной потерей: выбыло из строя до 8 тысяч человек. В числе убитых были генерал Реад, который вел главную атаку, и генерал барон Вревский, сраженный возле самого князя Горчакова.

В донесении своем Государю на другой день боя князь Горчаков напомнил, что он и прежде не имел надежды на успех предпринятой атаки; но признавал, что понесенные войсками огромные потери превзошли всякие ожидания. Вину неудачи свалили на ошибку, сделанную покойным Реадом в направлении колонн; но в действительности причиной этой ошибки была неточность присланного генералу Реаду во время боя приказания от самого главнокомандующего.

Подробное донесение о кровопролитном деле 4-го числа привез в Петергоф флигель-адъютант Эссен 11 августа. Государь в письме к князю Горчакову от того же числа вы-

Бомбардировка крепости Свеаборг

разил свое прискорбие о страшной потере, понесенной “без всякого результата”, о смерти павших в бою достойных начальников; но вместе с тем, чтобы ободрить князя Горчакова, писал ему: “Как все это ни прискорбно, я не унываю, а, покоряясь безропотно воле Божьей, не теряю надежды, что он нас не оставит, и что под конец все-таки наша возьмет. Рассуждая хладнокровно о теперешнем положении вещей, я нахожу, что неудача 4-го числа ни в чем не переменила наше взаимное положение относительно Севастополя. Даже в случае, если будем вынуждены оставить Севастополь, дело далеко еще не потеряно. Повторю, что если суждено Севастополю пасть, то я буду считать эпоху эту только началом новой, настоящей кампании”[198].

На другой день кровопролитного боя 4 августа неприятель снова открыл усиленное бомбардирование Севастополя. В первые четыре дня непрерывного огня ежедневная потеря в гарнизоне достигала до тысячи человек; затем в продолжение целых двух недель (до 24 августа), хотя огонь неприятельский и был слабее, однако ж ежедневно выбывало у нас из строя от 500 до 700 человек. Получаемые в

«Поверстный столб у каменного моста на Черной речке (в Крыму), где убиты 4 августа 1855 года генерал-адъютанты Реад и барон Вревский и генерал-майор Веймарн»

Петергофе ежедневные телеграммы, возвещавшие о беспрерывно продолжавшейся страшной жертве столькими человеческими жизнями, наводили общее уныние. Вместе с тем неприятельские подступы приблизились уже к Малахову кургану на 40 сажен; ко 2-му бастиону – на 35, к 3-му – ближе 100 сажен. С нашей стороны все еще поддерживалась упорная борьба минами и ночными вылазками. Генерал Тотлебен настолько поправился от раны, что уже снова руководил инженерными работами. К 15 августа окончена постройка плавучего моста через Большую бухту. В это же время начали прибывать первые дружины ополчения (курские).

Уже 12 августа князь Горчаков писал военному министру, что держаться долее в Севастополе невозможно и что решается 20-го числа покинуть многострадальный город, приняв заранее меры к уменьшению потери при отступлении на Северную сторону. Уже составлена подробная диспозиция для постепенного отвода войск; заблаговременно вывозились с Южной стороны запасы, штабы, архивы, больные и раненые и проч. Но вдруг князь Горчаков поколебался в

своем намерении: 14-го числа он донес Государю, что не выведет войск из Севастополя без боя. "Действуя так, — писал он, — армия понесет, может быть, большой урон; но она для того только и существует, чтобы умереть за Вашу славу"[199]. В то же время в письме к военному министру князь Горчаков выразился так: "Il est possible que je fasse une sottise en me décidant à tenir Sébastopol; mais des deux mauvais partis entre lesquels j'ai le choix, c'est le plus honorable"*. В этом письме наглядно выражается страшная борьба и колебание, происходившее в то время в уме князя Горчакова; одна фраза противуречит другой. В таком смысле пишет он и в письме от 20 августа, причем сам замечает, что неприятель ежедневно получает новые подкрепления, тогда как наши войска с каждым днем редеют, а запасы пороха и зарядов истощаются.

Между тем союзные генералы вознамерились предпринять новую попытку штурма. 24 августа возобновилось сильное бомбардирование, продолжавшееся три дня беспрерывно. Малахов курган и 2-й бастион потерпели страшное разрушение; множество орудий подбито, во многих местах города и на судах в бухте вспыхнули пожары. Положение гарнизона было ужасное: в течение означенных трех дней выбыло из строя до 7500 человек. Ежеминутно ожидая приступа, защитники укреплений не имели покоя ни днем, ни ночью, изнемогали от жажды. Наконец, 27 августа, в полдень, сильные колонны неприятельские, до 120 тысяч человек, устремились на наши укрепления как на Корабельной, так и на Городской стороне Севастополя. Численность всего гарнизона едва доходила до 49 тысяч человек. Самый горячий бой завязался на Малаховом кургане, на 2-м бастионе и против куртины между ними. Французы уже ворвались в эти укрепления; англичане также вытеснили было наши войска из 3-го бастиона; но после трех часов отчаянного боя нашим молодецким войскам, несмотря на громадное превосходство в силах на стороне неприятеля, удалось отбить атаки на всех пунктах, за исключением Малахова кургана, который остался в руках французов. Подоспевшие из резерва свежие войска попытались выбить неприятеля и

* "Возможно, я делаю глупость, решаясь удерживать Севастополь; но из двух плохих решений, между которыми я выбираю, это самое достойное" *(фр.)*.

с этого пункта; но все геройские усилия их оставались напрасными. Прибывший на место боя князь Горчаков прекратил напрасное кровопролитие. Потеря наша в этот день доходила уже до 13 тысяч человек; в числе раненых был генерал Хрулев.

Признав окончательно невозможным далее держаться в Севастополе, главнокомандующий в 6 часов вечера объявил свое решение – очистить всю Южную сторону и перевести в течение ночи все войска на Северную. С 7-го часа вечера началось постепенное отступление частей согласно составленной заранее диспозиции и продолжалось всю ночь в полной тишине и в замечательном порядке. Неприятель, потерпевший также сильную потерю (более 10 тысяч человек, в том числе 12 генералов) и озадаченный встреченным отпором, был озабочен лишь удержанием занятых позиций и, по-видимому, не заметил отступления наших войск. К утру 28 августа все войска гарнизона, до последнего солдата, спокойно перешли по длинному мосту на Северную сторону, частью переправились на судах. Все, что не успели перевезти, было потоплено или уничтожено. Взрывы оставленных в городе пороховых погребов и пламя других преданных огню запасов прикрыли от неприятеля отступление последних частей арьергарда. В хвосте всей длинной колонны перешел Тобольский пехотный полк, под начальством своего достойного командира полковника Зеленого (бывшего моряка, будущего министра государственных имуществ). Вместе с ним замыкал грустное шествие бывший начальник гарнизона генерал Сакен со своим начальником штаба князем Васильчиковым, Хрулевым и некоторыми другими лицами. Вслед за ними мост был разобран; остававшиеся еще на воде суда затоплены или взорваны; также взорваны и защищавшие вход в бухту с Южной стороны прибрежные казематированные батареи. Такое благополучное, спокойное, без всякой потери в людях ночное отступление, лицом к лицу перед сильным врагом, было образцовой военной операцией, которой князь Горчаков и его штаб могли гордиться не менее, чем блестящей победой. На такую удачу никто не рассчитывал.

Так закончилась эта печальная драма геройской, в течение одиннадцати месяцев, защиты Севастополя против

Внутренний вид Малахова кургана
с остатками Круглой башни.

настойчивых усилий двух могущественных морских держав, с подмогой Турции и Сардинии. Тем не менее оставление Южной стороны Севастополя нашими войсками было торжеством для наших врагов и горестным событием для России. Многие из уцелевших защитников Севастополя, особенно моряки, сроднившиеся с этим гнездом нашего Черноморского флота, плакали, оставляя его в руки неприятельские. Известие об этой горестной развязке кровавой борьбы получено было в Петербурге 29 августа, накануне дня именин Государя. Печально прошел этот день. В Высочайшем приказе от 30-го числа выражалась Царская скорбь о потере стольких жизней, принесенных в жертву отечеству; воздавалась заслуженная высокая хвала доб-

лестным защитникам Севастополя и “живейшая признательность им от имени всей России”.

Князь Горчаков, со своей стороны, в приказе по армии 31 августа благодарил в самых задушевных выражениях достойных своих сотрудников; благодарил и ободрял войска. “Грустно и тяжело оставить врагам нашим Севастополь; но вспомните, какую жертву мы принесли на алтарь отечества в 1812 году. Москва стоит Севастополя! Мы ее оставили после бессмертной битвы под Бородином. Трехсотсорокадевятидневная оборона Севастополя превосходит Бородино!”

В воспоминаниях своих я вынужден беспрестанно делать не совсем удобные скачки от общих событий исторической важности к мелочам частной своей жизни и обратно. Так и теперь, после рассказанной великой катастрофы падения Севастополя, мне приходится занести грустный эпизод из семейной хроники — внезапную кончину брата моего Владимира.

Последние письма его ко мне от 5 и 31 июля (ст. ст.) ничего подобного не предвещали. В первом он писал из Бадена (вскоре по приезде туда), что нашел там хороших знакомых и мог бы проводить время приятно, если б не отравляли ему жизнь встречи с множеством русских, особенно дипломатов, на обращение которых с приезжими русскими он жаловался не раз. В Бадене жила в то время графиня Софья Станиславовна Киселева, жена графа Павла Дмитриевича. Известно, что супруги давно уже жили врозь; прежняя красавица, графиня Софья Потоцкая обратилась теперь в седовласую старушку, но сохранила прежнее легкомыслие, наклонность к мотовству и страсть к азартной игре. Она была деятельной участницей рулетки, процветавшей в Монако, Гамбурге и в некоторых других “Cur-ort” Германии. По приезде брата Владимира в Баден графиня Киселева обласкала своего племянника, представила его в некоторые дома, между прочим, матери бывшего впоследствии французским послом в Петербурге барона Талейран-Перигор*. В иностранных домах принимали молодого русского профессора весьма любезно; напротив того, в среде русских, по словам брата, встретил он прием не только сухой, но даже оскорбительный. Готовясь к возвращению

* Женившегося на дочери русского откупщика Бенардаки, родной сестре первой жены Александра Аггеевича Абазы.

в Петербург, брат писал: "Вообще настоящим и в настоящую минуту я доволен; но будущее несколько пугает меня. Радость свидания с вами я должен буду купить дорогою ценой. Здоровье мое не совсем удовлетворительно, но и не совсем дурно. Местная болезнь моя остается все в том же виде".

В другом письме брата, от 31 июля из Эмса, упоминалось об его затруднительном денежном положении и сетование на неполучение ответов от брата Николая; однако ж и в этом письме не заключалось ничего такого, что могло бы встревожить нас*. И вдруг, приехав 17 августа в Царское Село навестить мою семью, нахожу там записку от брата Николая такого содержания: "Друг мой, Дмитрий, над нами разразилось неожиданное несчастье, от которого я не могу еще прийти в себя. Вчера принесли мне записку Владимира, которую посылаю тебе. Долее скрывать от тебя не смею. Авось, либо наш бедный Владимир опомнится, или Провидение сохранит его иначе. В этой надежде я вчера же послал письмо и деньги через французское посольство. Но оставаться в мучительной неизвестности невозможно. Сейчас еду хлопотать, нельзя ли спросить по телеграфу. С другой стороны, нельзя разглашать нам самим несчастье, которое, может быть, и не исполнилось. Целые сутки я на иголках, тем более, что скрываю от всех и особенно от жены. Она хотя здорова, но не довольно крепка, чтобы разделить то тревожное состояние, которое мучит меня. Что могло привести Владимира в такое ужасное положение? О своем финансовом расстройстве он писал тебе в первый раз 12 августа**, а 17-го, через пять дней, пришел к такому страшному отчаянию. Очевидно, что в это время что-нибудь случилось. На пакете почтовый timbre*** — 19-го: стало быть, он два дня бедный колебался. Это было запрошлое воскресенье. С тех пор могло прийти официальное известие. Я буду следить за этим. Страшно подумать, что с ним сталось. От всякой надежды я не могу отказаться; но не смею также и предаваться ей".

Положительное известие о кончине брата пришло гораздо позже; об этом сообщил брату Николаю доктор Ловцов,

---

* Не привожу содержания этого письма потому, что немедленно по получении мною оно было передано брату Николаю, у которого и осталось, равно как предсмертная записка бедного брата Владимира.

** Приводимые числа месяца <даны> по новому стилю.

*** штемпель *(фр.)*.

сопровождавший за границу баронессу Притвиц, которая одна из всех бывших в Эмсе русских приняла участие в трагическом событии, и только благодаря ее доброму сердцу, тело несчастного соотечественника было приличным образом погребено. Печальные подробности смерти бедного брата Владимира узнал я только впоследствии*; а самые обстоятельства, приведшие его к отчаянному решению покончить с жизнью, так и остались для меня загадкой.

Преждевременная смерть брата Владимира, на 29-м году жизни, была не только горем семейным, но и прискорбной утратой для науки и литературы. В этом отношении могу устранить от себя всякое подозрение в братском пристрастии ссылкой на многих посторонних лиц, судивших о его трудах и дарованиях. Всего лучше будет привести здесь выдержку из речи, произнесенной Андреем Парфеновичем Заблоцким при открытии 26 сентября первого общего собрания Географического общества, которое лишилось в этом году, кроме моего брата, еще трех важных членов: графа С.С.Уварова, Константина Алексеевича Неволина и Тимофея Николаевича Грановского. Вот собственные слова А.П.Заблоцкого:

“Неожиданная смерть Вл<адимира> Ал<ексеевича> Милютина не только оставляет пустоту между нами, но и разрушила многие надежды наши. Нет надобности в настоящую минуту говорить о деятельности покойного как секретаря Общества и как редактора одного из главнейших изданий наших. Труды и заслуги Милютина в этом отношении известны нам и еще так свежи в нашей памяти. Я только позволю себе привести некоторые из моих с ним сношений — черты, которые могут служить дополнением его замечательной личности.

Обстоятельства сблизили меня с ним в самую интересную эпоху его жизни, именно в момент вступления его в жизнь практическую, когда перед ним вдруг развернулось

* В следующем 1856 году сестра моя, путешествуя за границей, проездом через Эмс, сообщила мне эти грустные подробности: “Больно вспомнить, — писала она 16 (28) июня, восьмидневное поругание над телом его. Русские, которые были с ним знакомы, отказались от него, и полиция хотела уже бросить тело в публичный ров, когда молодая женщина, баронесса Притвиц, вмешалась, похоронила, поставила крест, одним словом, поступила как можно благородно”[200]. Имущество брата было продано по распоряжению полиции, и вырученные деньги обращены на уплату остававшихся за ним мелких долгов.

поприще приложения сведений, приобретенных тщательным и многосторонним учением университетским. В 1849 году я вместе с ним совершал поездку в западные и южные губернии России, для исследования некоторых отраслей отечественного хозяйства. Здесь я был свидетелем, как быстро в нем развертывалась наблюдательность, та именно способность, которая, идя об руку с образованием, вносит жизнь в науку и науку в жизнь. Скоро постигая положение дел и вещей, он с необыкновенною находчивостью умел ориентироваться в многосложных их отношениях. Он легко усваивал себе сознание настоящего; но оно, однако ж, не сделалось для него целью. Ум его был слишком пытлив: он скоро почувствовал, что настоящее само по себе не даст ответа на существенные вопросы науки об общественной жизни, и потому устремился к изучению трудных и сложных вопросов прошедшей и внутренней жизни нашего отечества. Здесь мы встретились с ним в мысли о необходимости положить основание *исторической статистики* России. Обширное исследование об имуществах духовенства в России, написанное В.А.Милютиным для получения степени магистра, могло служить залогом в том, что эта новая наука обрела себе в нем усердного, разумного и талантливого деятеля. Казалось, что именно это было его призвание, потому что у него отвлеченное созерцание никогда не переходило в область фантазии и всегда останавливалось перед авторитетом факта. Но эта надежда так внезапно рушилась!

...improvisa leti
Vis rapuit rapietque gentes"*.

* неожиданная сила смерти похищала и будет похищать людей (*лат.*).

ПОСЛЕДНИЕ ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА 1855 ГОДА

С самого восшествия на престол молодого Государя и до конца августа обстоятельства политические и военные препятствовали Его Величеству посетить Москву. Поездка в первопрестольную столицу состоялась только в сентябре месяце. Выехал Государь 31 августа в сопровождении обеих Императриц, детей царских и других членов Императорского семейства. В многочисленной свите царской состоял и военный министр, а с ним пришлось и мне отправиться в Белокаменную.

Помещение в Москве отведено было мне в старинной части дворцовых строений, где находилась квартира коменданта и его управление. Из окон моих открывался великолепный вид поверх зубцов Кремлевской стены на Александровские сады, на строившийся храм Спасителя и на Замоскворечье. В самый день приезда я навестил некоторых близких знакомых и родственников; в числе последних — жившую в Петровском парке тетку Александру Дмитриевну Неелову, которая была глубоко растрогана привезенным мною известием о печальной кончине брата Владимира.

На другой день приезда, 2 сентября, все утро прошло в обычных церемониях: “выход” во двор, шествие по соборам, развод на Кремлевской площадке, прием депутаций и т.д. Первое посещение Москвы молодым Императором, конечно, всполошило все население города и окрестностей; но современные прискорбные обстоятельства придавали торжественной встрече Царя грустный оттенок. Произнесенная Государем трогательная речь в залах дворца была приветствована с энтузиазмом многочисленным сборищем дворян и горожан, а появление его на Красном крыльце с обеими Императрицами и детьми вызвало как всегда оглушительные возгласы толпы.

Из Москвы Государь предполагал отправиться в Варшаву; но план этот был изменен, и решена была поездка

на юг – в Николаев и Крым. Появление Царя среди доблестных войск Крымской армии и личное выражение признательности его за вынесенные ими чрезвычайные труды, за выказанную беспримерную стойкость, несомненно должны были произвести на них благоприятное впечатление и воодушевить на новые подвиги. Об этом решении своем Государь известил как фельдмаршала князя Варшавского, так и генерал-адъютанта князя Горчакова. Поездка в Варшаву была отложена до другого, более удобного времени.

3-го числа происходило у Государя частное совещание по вопросу о предстоявшем образе действий вследствие падения Севастополя. Кроме военного министра и генерал-адъютанта барона Ливена, к этому совещанию приглашен был и генерал-адъютант князь Барятинский, прибывший в Москву из подмосковной деревни, где он провел некоторое время после оставления Кавказа, в родственном кругу. На совещании князь Барятинский подал мнение, чтобы очистить полуостров Крымский, отвести войска к Перекопу и принять меры к обороне Николаева. Но мнение это не было принято, и решено – удерживать по возможности Крымский полуостров. В тот же день, 3 сентября, Государь сообщил генерал-адъютанту князю Горчакову свои соображения по этому вопросу. Признавая бесцельным держаться на Северной стороне Севастополя, Император указывал, что теперь дело должно идти об охранении остальной части Крыма, для чего полагалось расположить армию в центральной позиции около Севастополя, имея самостоятельный отряд у Перекопа. С армией силой свыше 100 тысяч человек* представлялась полная возможность остановить наступление противника во внутрь полуострова и воспрепятствовать всякой попытке его произвести высадку где-либо в новом пункте. Затем указывались меры к укомплектованию и устройству армии и, наконец, обращалось внимание главнокомандующего на усиление войск генерала Лидерса, дабы обеспечить Николаев от покушения неприятеля нанести окончательный удар нашему положению на Черном море.

---

* В главных силах считалось тогда до 115 тысяч человек; всего же в Крыму – до 150 тысяч.

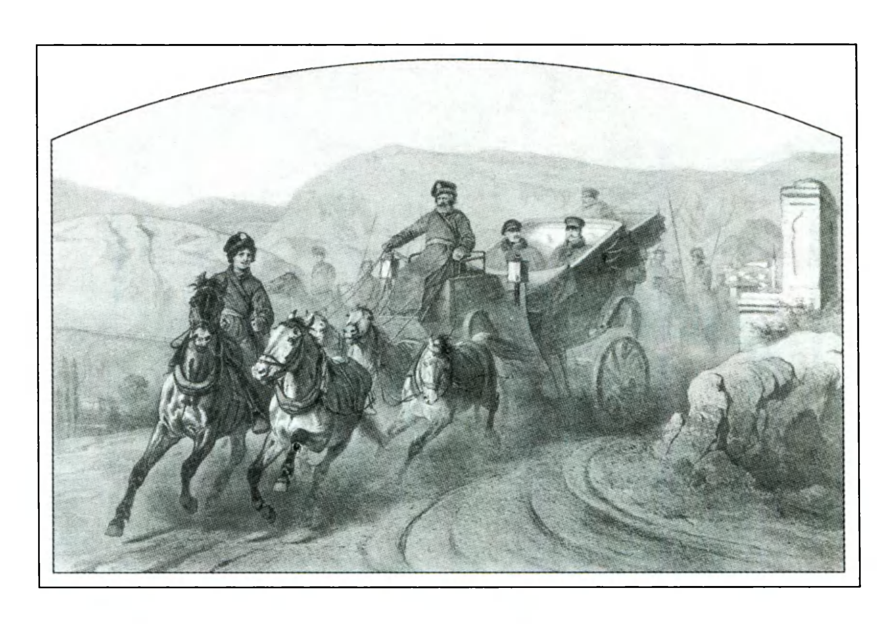
В том же письме своем от 3 сентября Государь, извещая князя Горчакова о предположенной поездке на юг, строго запрещал, в случае прибытия Его Величества в Крым, делать какие-либо приготовления к смотрам войск. "Они и без того много перетерпели, – писал Государь, – и потому не хочу, чтобы приезд мой был им в тягость"[201]. Вместе с тем, приказано было генералам Тотлебену и князю Васильчикову встретить Государя в Николаеве.

В Москве Государь провел ровно неделю. 6-го числа все Царское семейство ездило к Троице. Отъезд Государя на юг был назначен на 8-е число. В числе лиц, сопровождавших его в этом путешествии, был и князь Барятинский; военному же министру князю Долгорукову приказано было возвратиться в Петербург. Царское семейство оставалось в Москве еще несколько дней после отъезда Государя.

Во все время пребывания в Москве я проводил большую часть дня за бумагами. 2-го числа вечером был приглашен к Великой Княгине Екатерине Михайловне, запросто, в сюртуке. 6-го числа, в день поездки Царского семейства к Троице, обедал я у генерал-адъютанта Влад<имира> Ив<ановича> Назимова, попечителя Московского университета, а вечер провел у Т.Н.Грановского в кружке ученых. 7 сентября приятели мои (И.П.Арапетов и М.Н.Лонгинов) завлекли меня на обед в Английский клуб. На другой же день по отъезде Государя, 9-го числа, я выехал из Москвы вместе с князем Вас<илием> Андр<еевичем> Долгоруковым и 10-го числа был уже в своей семье в Царском Селе.

Наступившая вскоре осенняя погода заставила нас переселиться оттуда на зимнюю квартиру; к тому же и по моим служебным обязанностям необходимо было мне находиться в городе. Вдобавок нас озабочивало болезненное состояние младшего ребенка, только что отнятого от груди.

Еще во время пребывания в Москве получил я приятное известие из Петербурга о том, что сестра моя выходит вновь замуж за Семена Александровича Мордвинова, сына сенатора Александра Николаевича (некогда занимавшего должность управляющего делами III отделения Собственной Е.И.В. канцелярии). Семен Александрович Мордвинов был еще молодой человек, с университетским образованием, светским воспитанием, приятной наружностью и с хорошим со-

«Выезд Е.В. Государя Императора из Бахчисарая 29 октября 1855 г. в сопровождении генерал-адъютанта князя М.Д.Горчакова к Северной стороне Севастополя»

стоянием*. Свадьба состоялась 14 октября в домовой церкви графа Шереметьева. Посаженными отцом и матерью были граф Пав<ел> Дм<итриевич> Киселев и моя жена**.

Государь с Великими Князьями Константином, Николаем и Михаилом Николаевичами и с Герцогом Георгом Мекленбург-Стрелицким, выехав из Москвы 8 сентября на Харьков и Полтаву и осмотрев на своем пути некоторые войска, прибыл 13-го числа в Николаев. Главной заботой в это время было — устроить надежную оборону этого пункта и преградить неприятельским судам доступ в устье Буга. Составленный генералом Тотлебеном проект был утвержден Государем; на молодых Великих Князей возложены были

* Далее в автографе зачеркнуто: Трудно было желать лучшей партии для сестры *(прим. публ.)*.

** Далее в автографе зачеркнуто: таким образом, в один и тот же день в нашем семейном кругу праздновалась вторая свадьба. В этом же году вышла замуж одна из моих кузин — Софья Сергеевна Киселева, за моряка Ребиндера *(прим. публ.)*.

«Дом, в котором Государь Император имел пребывание в Бахчисарае с 28 октября по 1 ноября 1855 г.»

обязанности по приведению в исполнение предположенных мер: на Константина Николаевича — по морской части; на Николая Николаевича (с помощью Тотлебена) — по части инженерной; на Михаила Николаевича — по артиллерийской. За работы принялись с усиленной деятельностью. К Николаеву стягивались войска; начальство над ними было возложено на генерал-адъютанта князя Барятинского.

Государь пробыл в Николаеве около шести недель. В продолжение этого времени в Крыму наступило полное затишье. После чрезмерно напряженной борьбы чувствовалось с обеих сторон крайнее истощение сил, материальных и нравственных. Наша Крымская армия оставалась на своей крепкой позиции на Северной стороне Севастополя и на высотах к стороне Бахчисарая, лицом к лицу с неприятельской армией, занимавшей южную сторону Севастопольской бухты, долины Черной и Байдарскую. Союзники, не имея возможности без обоза предпринять движение вглубь полуост-

рова, ограничивались демонстрациями, выдвигая небольшие отряды то со стороны гор, против левого фланга нашей армии, то на равнине со стороны Евпатории. Но все попытки их оставались бесплодными, и потому в конце сентября они задумали предпринять диверсию несколько более серьезную, в надежде отвлечь внимание и силы князя Горчакова. 25 сентября вышла из Балаклавской бухты значительная часть союзного флота, в числе 90 судов, с десантом из 9500 человек и на другой день появилась перед Одессой. Ожидали нового бомбардирования; однако ж, на этот раз Одесса избегла разорения. Неприятельская эскадра, простояв за непогодой шесть дней в виду Одессы, отплыла 2 октября и на другой день появилась у Кинбурна, при входе в Буго-Днепровский лиман. Два дня неприятель обстреливал ничтожное укрепленьице на голой песчаной косе. Наскоро возведенные и слабо вооруженные батареи наши не могли, конечно, мериться с многочисленной и сильной морской артиллерией и должны были умолкнуть. Обстреливаемая со всех сторон несколькими стами неприятельских орудий, крепостца принуждена была, 5-го числа, сдаться. Батареи, устроенные на северном берегу лимана, у Очакова, также не в силах были держаться. По распоряжению командующего Южной армией генерала Лидерса войска, расположенные у Очакова, были отведены от берега, а батареи взорваны. Тогда неприятельские канонерские лодки вошли в лиман и в устье Буга; но встреченные огнем батарей, возведенных по обоим берегам реки, возвратились к эскадре, которая, простояв еще несколько дней, в половине октября удалилась, оставив в Кинбурне небольшой отряд под начальством генерала Базена.

26 октября Государь с молодыми Великими Князьями выехал из Николаева на Симферополь и Бахчисарай, где находилась тогда Главная квартира Крымской армии. В продолжение четырех дней Его Величество объезжал позиции разных частей армии, везде благодарил войска в самых теплых, задушевных выражениях. При отъезде 31 октября из Главной квартиры армии Государь вручил князю Горчакову благодарственный рескрипт и возвратился через Бериславль и Екатеринославль в Москву.

Военный министр, получив приказание встретить Государя в Москве, выехал туда 3 ноября и взял меня с собой.

Таким образом, мне пришлось в этом году быть в Москве третий раз. Но теперь мы пробыли там всего один день и возвратились 6 ноября в Петербург вместе с Государем, который оставался в Царском Селе до конца месяца.

Пока держался Севастополь, на нем сосредоточено было общее внимание; оттуда только и ожидались с трепетным беспокойством известия; все другие перипетии войны представлялись как бы в тени. Теперь выступил на первый план Азиатский театр войны и с нетерпением ожидался исход действий генерала Муравьева под Карсом.

На возвышенной местности этого пункта наступила уже в начале сентября ненастная и холодная погода; в нашем лагере открылась холера. В то же время генерала Муравьева встревожило известие о падении Севастополя и слухи о движении на помощь Карсу высаженных в Батуме неприятельских войск. Намерение Муравьева принудить Карс к сдаче без кровопролития, одним голодом, поколебалось; он решился на неотлагательную атаку открытой силой.

С рассветом 17 сентября войска наши несколькими колоннами отважно пошли на приступ с западной стороны и успели овладеть некоторыми из неприятельских передовых укреплений; но удержаться в них не могли, и после нескольких часов кровопролитного боя окончательно отбиты с огромной потерей — до 6500 человек. В числе раненых были 4 генерала; из них достойный генерал-лейтенант Ковалевский ранен смертельно.

Испытав такую тяжелую неудачу, генерал Муравьев должен был обратиться к прежнему своему плану — довести Карс до крайности тесной блокадой. Препятствия к тому со стороны неприятеля уже не представлялось, так как ожидавшиеся на помощь Карсу турецкие войска, действительно высаженные в Батуме, под начальством Омер-паши, отошли от названного приморского пункта только два перехода и затем вдруг поворотили назад, снова были посажены на суда и отплыли к Сухуму. Прибыв туда 21 сентября, Омер-паша был встречен дружественно владетелем Абхазии князем Михаилом Шервашидзе, вошел в прямые сношения с Мегмет-Амином и Шамилем, а в первых числах октября двинулся через Самурзахан к границе Мингрелии. Большая

«Начальник 13-й пехотной дивизии генерал-лейтенант П.П.Ковалевский, убитый при штурме Карса 17 сентября 1855 г.»

часть абхазского населения последовала за изменником-владетелем и предалась туркам*.

Для противудействия вторжению Омер-паши не было у нас других войск, кроме небольшого отряда генерал-майора князя Ивана Багратиона-Мухранского, охранявшего долину Риона со стороны Гурии. Отряд этот, силой всего около 9 тысяч человек с 12 орудиями и несколькими сотнями милиции, двинулся навстречу Омер-паше, наступавшему с 20 тысячами человек при 37 орудиях. Противники сошлись 20 октября на берегах Ингура. При значительном перевесе в силах туркам удалось переправиться 25-го числа через эту реку и вступить в пределы Мингрелии. Князь Багратион-Мухранский, потеряв в бою более 400 человек и бросив 3 орудия, отступил за р. Циву; мингрельская милиция разбежалась.

Правительница Мингрелии княгиня Екатерина Александровна Дадиан, находившаяся в то время в своем летнем местопребывании Горди (в долине Цхени-Цхали, к северо-западу от Кутаиса), по совету ближайших родственников решилась не покидать своих владений и оставила без ответа полученное от Омер-паши письмо, заключавшее в себе самые обольстительные обещания со стороны турецкого правительства**. В то время выпавшие в горах снега дали возможность князю Бебутову снять некоторые войска с Лезгинской линии и обратить их на усиление князя Багратиона-Мухранского. Но последний, не дождавшись этих подкреплений, отошел 29 октября за р. Цхени-Цхали, покинув таким образом всю Мингрелию на произвол судьбы и вдобавок без всякой необходимости, сам сжег находившиеся в устье Цхени-Цхали большие склады продовольственных запасов, снял мосты как на Риони, так и на Цхени-Цхали и истребил Рионскую флотилию. Этим совершенно напрасным распоряжением он сам себя поставил в большое затруднение относительно продовольствия отряда при тогдашней распутице. Проливные дожди обратили всю страну в

* Образ действий князя Михаила Шервашидзе находил защитников, которые признавали, что он не мог поступить иначе при том беззащитном положении, в котором была нами оставлена Абхазия.

** Письмо это в копиях было послано княгиней к князю Бебутову в Тифлис и к генерал-майору Колюбакину (Николаю Петровичу), кутаисскому военному губернатору.

обширное болото; сообщения были прерваны. Омер-паша, несмотря на свои тройные силы против князя Багратиона-Мухранского, не мог двигаться вперед и оставался до 20 ноября на р. Циве, занимаясь устройством своего тыла и обеспечением сообщения с Редут-кале.

Между тем и в лагере под Карсом наступившее осеннее время также давало себя чувствовать. Численность отряда значительно ослабела как вследствие потери, понесенной при неудачном штурме 17 сентября, так и от болезней. Несмотря на все меры, гигиенические и врачебные, холера держалась упорно. Распутица затрудняла доставку продовольствия и боевых запасов. Однако ж, все эти затруднения, так же как и диверсия Омер-паши, не поколебали решимости генерала Муравьева — настойчиво продолжать блокаду, хотя бы в течение всей зимы, — о чем положительно заявил он и в отряде, и в письме к военному министру от 1 ноября. Князю Бебутову предписано было выслать в подкрепление действующего корпуса все войска, какие только могли оказаться свободными в Закавказском крае с наступлением зимы. В лагере под Карсом, так называемом Владикарсе, устраивались землянки и бараки по-зимнему; лагерь со своими прямыми улицами принимал вид станицы. Сам главнокомандующий придумывал разные средства, чтобы доставить солдатам развлечения и поддерживать в них бодрый дух. Вообще в отряде начали свыкаться с мыслью о зимней стоянке под Карсом.

Но положение турок в Карсе дошло уже до крайности от болезненности, смертности и недостатка продовольствия. Находясь постоянно под огнем наших батарей, гарнизон был изнурен беспрерывными тревогами, особенно в ночное время, когда легкие наши передовые отряды и команды охотников подкрадывались под самые укрепления. Пробиться сквозь нашу линию блокады турецкие войска не были в силах.

12 ноября в русский лагерь явилось несколько английских офицеров парламентерами для переговоров о сдаче Карса. По требованию генерала Муравьева на другой день прибыл в лагерь и сам генерал Вильямс с полномочиями от мушира Васиф-паши. После двухдневных переговоров, 15-го числа, наконец подписана капитуляция, а на другой день турецкий гарнизон вышел из Карса без оружия (которое было по договору оставлено лишь офицерам). В тот же

день укрепления и город были заняты нашими войсками и на цитадели поднят русский флаг. В крепости найдено множество больных и раненых. Изнуренных и ослабленных турок накормили, и затем началось постепенное отправление военнопленных: низама (до 8 тысяч человек) на Александрополь, а редифа и милицию (до 6500 человек) за Саганлук. Но из толпы освобожденных турок только небольшая часть могла дотащиться до Эрзерума; остальные или погибли в пути от изнурения, или разбрелись по ближайшим селениям. Пленные паши и англичане отправлены в Тифлис и потом расселены по разным городам внутренних губерний. Сам мушир Васиф-паша и генерал Вильямс по болезни оставались всю зиму в Тифлисе.

Начальником Карсского пашалыка назначен полковник Лорис-Меликов (Михаил Тарьелович), который немедленно приступил к устройству временного управления, к водворению порядка и спокойствия. Кроме гарнизонов, оставленных в Карсе и Ардагане, прочие войска наши были отведены на зимние квартиры, а милиции распущены. Сам генерал Муравьев оставался еще недели две в своем “стане Владикарсе”; потом провел несколько дней в Александрополе и прибыл в Тифлис только 7 декабря.

Донесение о сдаче Карса с ключами города и 12 турецкими знаменами привез в Петербург адъютант главнокомандующего князь Дондуков-Корсаков (Александр Михайлович). Хотя счастливый исход кампании на Азиатском театре войны и не мог уравновесить понесенную нами великую утрату в Крыму, однако ж это было все-таки некоторым облегчением нашего горя. На донесение Муравьева Государь, в ответе своем от 4 декабря, выразился так: “Известие о сдаче Карса обрадовало меня донельзя. Сердце мое преисполнено благодарности Провидению, благословившему столь блистательным успехом распорядительность вашу и стойкость храбрых наших кавказских войск”[202]. Генерал Муравьев получил орден св. Георгия 2-й степени. Поручая ему передать войскам Царскую благодарность, Государь писал: “Я ими горжусь, как всегда гордился нашими кавказскими молодцами”. В заключение же письма выражалась надежда на “благодетельное влияние одержанного успеха на ход политических дел, как на востоке, так и на западе”. “Уверен, что вы не

упустите воспользоваться сим моральным результатом, дабы поправить наши дела в Мингрелии и на прочих пунктах вверенного вам края, угрожаемых неприятелем".

Но положению дел в Мингрелии помогла уже сама природа прежде, чем Рионский отряд князя Багратиона-Мухранского получил подкрепления. Как уже было сказано, осеннее ненастье, разлив рек, прекращение всяких сообщений давно уже держали Омер-пашу в полном бездействии; получение же известия о сдаче Карса побудило турецкого полководца совсем отойти к берегу моря и там, в укрепленной позиции у Редут-кале, выждать благоприятного времени и судов, чтобы покинуть негостеприимную страну, не оправдавшую расчетов Порты и ее союзников на важные результаты задуманной диверсии.

Затишье, наступившее в Крыму после падения Севастополя, продолжалось в течение почти всей последовавшей зимы. Союзники, несмотря на прибытие в ноябре месяце свежей французской дивизии генерала Шаслу-Лаба (на смену гвардии, возвратившейся во Францию), не могли предпринять никакого наступательного движения за неимением перевозочных средств. К тому же они и в эту зиму, так же как в первую, потерпели разные невзгоды: так 3 ноября произошел у них сильный взрыв пороховых складов; затем в ночь на 20-е число того же месяца разразилась на море сильная буря, а Черная речка затопила часть лагеря. В особенности бедствовали французы от непредусмотрительности в устройстве интендантской и госпитальной части.

Пользуясь бездействием противника, главнокомандующий нашей Крымской армией обратил все свое внимание и заботливость на приведение ее в порядок и благоустройство, на доставление войскам на зиму сколь можно удобнейшего расположения. С этой целью строились землянки и бараки. Одна часть армии была укомплектована на счет другой, приведенной в кадровый состав и отправленной во внутренние губернии для переформирования. Князь Горчаков счел даже возможным вывести некоторые дивизии с полуострова для усиления Южной армии. Обращено было внимание на устройство госпиталей; в некоторых пунктах производились инженерные работы. Так, возводился укрепленный лагерь у Пе-

рекопа, куда должны были прибыть обе гренадерские дивизии (2-я и 3-я). Для охранения Чонгарского моста строились на обоих концах его предмостные укрепления; пролагались новые пути сообщения через Сиваш, вход в который из Азовского моря преграждался сваями и затопленными судами.

Все эти меры принимались князем Горчаковым в том предположении, что после зимнего бездействия союзники с наступлением ранней весны возобновят наступательные действия в Крыму с тем, чтобы совсем вытеснить нас с полуострова; поэтому он убеждал Государя подкрепить его и оставить в Крыму обе гренадерские дивизии. Государь не разделял этого мнения и полагал, что если война возобновится весной то вероятнее, что союзники будут действовать от нижнего Дуная на Бессарабию, в связи с австрийцами. Однако ж Император согласился оставить гренадер на зиму в Крыму.

В это время Государь был озабочен тяжкой болезнью фельдмаршала князя Варшавского и вопросом о замещении его в случае смерти. Выбор преемника ему остановился на генерал-адъютанте князе Горчакове, которому Государь писал 21 ноября: “После долгого размышления, решаюсь обратиться к Вам, любезный князь, с просьбою принять на себя эту новую обузу. Зная ваш истинно рыцарский характер, я уверен, что вы мне в этом не откажете, и не сомневаюсь, что и на сем новом месте найду в вас, как и прежде, того же усердного и добросовестного помощника, которого незабвенный родитель мой, наш общий благодетель, умел ценить, от всего сердца любил и душевно уважал. Чувства эти, доставшиеся по наследству, для меня святы и вам известны”[203].

С перемещением князя Горчакова в Варшаву предполагалось начальство войсками в Крыму возложить на генерал-адъютанта Лидерса, а командование Южной армией — на генерала от артиллерии Сухозанета (Николая Онуфриевича), который в то время начальствовал в Николаеве (после отъезда оттуда князя Барятинского вместе с Государем). Предваряя князя Горчакова об этих предположениях, Государь желал, однако ж, чтобы они оставались до времени в тайне. Предварены были только Лидерс и Сухозанет.

По выражению Государя, в одном из писем к князю Горчакову, крепкая натура фельдмаршала упорно боролась с тяжкой болезнью; но к концу декабря состояние больно-

го сделалось уже безнадежным, и со дня на день ожидали его кончины. Опасаясь, чтобы через это не произошло расстройства в делах управления, Государь приказал князю Горчакову неотлагательно передать командование войсками в Крыму генералу Лидерсу и приехать в Петербург для получения окончательных инструкций.

27 декабря последовало назначение генерал-адъютанта Лидерса главнокомандующим Южной и Крымской армиями, а генерал-майора Непокойчицкого — его начальником штаба. Генерал Лидерс прибыл 30 декабря в Бахчисарай и вступил в командование войсками в Крыму. В тот же день князь М.Д.Горчаков выехал в Петербург и перед самым отъездом писал Государю: “Грустно мне расстаться с Крымскою армией; но утешаюсь надеждою, что в Польше Бог поможет мне оправдать доверенность Вашу”.

Так давно ожидаемая кончина фельдмаршала князя Варшавского последовала 19 января, и на другой же день объявлено в приказе о назначении князя Горчакова наместником в Царстве Польском и главнокомандующим Западной и Средней армиями. Вслед за тем, по желанию князя Михаила Дмитриевича, назначен генерал-квартирмейстером тех же армий генерал-лейтенант Бутурлин; должность же начальника штаба оставалась некоторое время незамещенной. Занимавший ее ранее генерал-адъютант Коцебу получил 5-й пехотный корпус.

Упомяну здесь о некоторых других, состоявшихся в самом начале 1856 года, назначениях на высшие военные должности:

генерал-адъютант князь Меншиков — командующим сухопутными и морскими силами в Кронштадте, а его начальником штаба — генерал-адъютант граф Путятин.

генерал-адъютант князь Барятинский — командиром Гвардейского резервного корпуса.

По случаю вступления молодых Великих Князей Николая и Михаила Николаевичей в действительное отправление обязанностей генерал-инспектора инженеров и генерал-фельдцейхмейстера, бывшие генерал-инспекторы обоих этих ведомств, инженер-генерал Ден и генерал от артиллерии Корф, получили звания товарищей Их Высочеств.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ СНОШЕНИЯ В ТЕЧЕНИЕ ЗИМЫ 1855–1856 гг. ПАРИЖСКИЙ КОНГРЕСС И ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА

Еще в октябре, когда Государь находился на юге России, сделалось известно, что Венский кабинет снова поднял вопрос об открытии переговоров о мире[204]. Для первоначального соглашения по этому предмету с Французским кабинетом посланы были в Париж граф Коллоредо и барон Прокеш; туда же вызван и французский посол в Вене Буркенэ. В это время во Франции уже заметно выказывалась наклонность к миру: падение Севастополя было в глазах французов таким блестящим успехом, который вполне удовлетворял народной гордости и самолюбию. Англия же, напротив того, не могла похвалиться успехами ни на суше, ни на воде; в народе английском родилось чувство зависти к союзнику и желание продлить войну в надежде поддержать честь своего оружия и флага новой кампанией в Балтийском море. Французское правительство не сочувствовало планам своей соседки*, убедившись, что упорное продолжение войны могло обратиться в пользу одной Великобритании и не принести никаких выгод Франции. Таким образом, между союзниками уже зародилось если не рознь, то по крайней мере некоторое охлаждение. Наполеон III начал склоняться к миру и даже мечтал о сближении с Россией.

Первый шаг к тому был сделан Наполеоном еще в октябре, когда французский поверенный в делах в Берлине

* В самом конце года (29 декабря/10 января) в Париже происходило большое совещание, под личным председательством Наполеона III, для обсуждения плана действий в случае новой кампании. План этот состоял в том, чтобы действовать на двух театрах войны: 100 тысяч англичан, сардинцев и турок направить на Азиатский театр войны, от Батума и Требизонта; а главным силам французов действовать от нижнего Дуная через Бессарабию, в связи с австрийцами, продолжая занимать и Крым для отвлечения русских сил.

Наполеон III

обратился к прусскому министру иностранных дел Мантейфелю с конфиденциальным заявлением желания французского правительства узнать, расположен ли Петербургский кабинет пойти на примирение. Последствием этого намека было секретное поручение, данное саксонскому посланнику в Париже барону Зеебаху (бывшему прежде и долгое время посланником в Петербурге, женатому на дочери графа Нессельрода и преданному России), — негласно завязать предварительные сношения с главой французского правительства. Как нам, так и Наполеону желательно было сговориться помимо Венского и Лондонского кабинетов. Зеебах был принят весьма любезно Наполеоном и его министром Валевским; и тот и другой показывали самое примирительное расположение. В то же время Французским кабинетом поручено было графу Морни в Вене войти в конфиденциальные сношения с русским посланником А.М.Горчаковым.

Но тайные эти сношения не укрылись от австрийского первого министра. Раздосадованный устранением его посредничества, граф Буль снова проявил свою враждебность к России и вошел в ближайшее сношение с Лондонским кабинетом, пред-

ложив проект новой редакции предварительных условий, которые полагал предложить Петербургскому кабинету в виде ультиматума для открытия переговоров о мире, с угрозой, что в случае отказа России Австрия немедленно прервет с ней дипломатические сношения и присоединится к коалиции.

В новом проекте, составленном по соглашению между Венским и Лондонским кабинетами, к прежним четырем известным пунктам прибавлен был пятый, которым предоставлялось союзным державам предъявить на конгрессе некоторые предложения, не предусмотренные в означенных четырех пунктах (без предварительного определения содержания этих новых предложений); в первом же пункте введено было новое, весьма для нас неприятное дополнение – об изменении границы в Бессарабии в пользу соседнего княжества.

Между тем коалиция против России усилилась присоединением к ней еще нового союзника – Швеции, заключившей 9(21) ноября с Англией и Францией договор, который, впрочем, имел только характер оборонительный, то есть лишь на случай нападения со стороны России. Попытка привлечь к союзу и Данию окончательно не удалась. Но явно враждебный нам оборот венской политики уже повлиял на некоторые из государств Германского Союза. Бавария первая обнаружила склонность пойти по стопам Австрии.

Государь с самого возобновления переговоров мало доверял успешному исходу их и не переставал заботиться о приготовлениях к новой кампании в будущем году. В письме от 13 ноября к генерал-адъютанту князю Горчакову Государь писал: "По последним сведениям из Парижа, должно полагать, что мнимое желание прямых переговоров с нами кончится ничем. Между тем Горчаков (т.е. посланник) пишет из Вены, что Австрия, по соглашению с Англией, должна представить нам род ультиматума, непринятие которого должно повлечь за собой деятельное участие ее в войне с нами. Несмотря на то, он все-таки надеется, что до такой крайности не дойдет. И дай Бог; ибо иначе положение наше сделается к весне еще более затруднительным"[205].

Ожидаемый новый шаг Венского кабинета не замедлил осуществиться: австрийский посол в Петербурге граф Эстергази предъявил нашему Министерству иностранных дел депешу графа Буля от 4 (16) декабря с предложением открыть

переговоры о мире на основании новых пяти пунктов. Наше правительство ответило заявлением полной готовности открыть переговоры, не предрешая, однако же, вопроса о предложенных условиях. Миролюбивые виды русского правительства были в то же время заявлены Европе циркулярной депешей графа Нессельрода от 11 (23) декабря, которая была опубликована в иностранных газетах. В письме Государя от того же числа к генерал-адъютанту князю Горчакову выражалось, что "хорошего ничего ожидать нельзя", что непринятие предложенных условий, вероятно, повлечет окончательный разрыв с Австрией, "хотя по имеющимся сведениям, до сих пор Австрия все уменьшает свои войска". Далее Государь писал: "Из всего этого заключить должно, что к весне положение наше будет весьма критическое, и что нам должно готовиться к худшему; но я уповаю, как всегда, на милость Божью и надеюсь, что Он нас не оставит. Совесть моя чиста, ибо все, что можно было сделать, дабы показать врагам нашим, что мы готовы вступить с ними в новые переговоры на честных основаниях – нами исполнено. Мы дошли донельзя возможного и согласного с честью России. Унизительных же условий я никогда не приму и уверен, что всякий истинно русский будет чувствовать, как я. Нам остается, перекрестившись, идти прямым путем, то есть общими и единодушными усилиями отстаивать родной край и родную честь. На Тя, Господи, уповахам, да не постыдимся во веки"[206].

16 (28) декабря подписан в Вене уполномоченными Франции, Англии и Австрии протокол, которым постановлено: означенные условия, в 5 пунктах, предъявить России от имени всех трех держав, в форме ультиматума, с назначением срока для ответа Петербургского кабинета – 27 декабря (8 января). Ультиматум был предъявлен опять австрийским послом графом Эстергази, причем заявлено, что в случае отказа России Венский кабинет немедленно прервет с ней дипломатические сношения[207].

Момент был критический. Прежде, чем дать ответ, Государь счел нужным выслушать мнение лиц, пользовавшихся доверием его. Назначено было 20-го числа вечером совещание, к которому были приглашены: Великий Князь Константин Николаевич, князь Мих<аил> Сем<енович> Воронцов, граф А.Ф.Орлов, граф П.Д.Киселев, граф

Д.Н.Блудов, граф Нессельроде и князь Долгоруков[208]. Накануне того дня, при обычных моих вечерних занятиях у военного министра, он заговорил со мною о нашем затруднительном положении и наших военных средствах. Разбирая вопрос о возможности продолжения войны, мы оба пришли к грустному заключению, что при наших истощенных средствах продолжать упорную войну, без всяких шансов на лучший оборот дела значит — окончательно губить страну и в конце концов подчиниться условиям мира еще более тяжелым, чем в настоящий момент. Князь Долгоруков пожелал, чтобы высказанные соображения я набросал письменно, в виде программы к предстоявшему на следующий день совещанию. Так как откровенное заявление военного министра несомненно должно было более всего повлиять на решение вопроса, имевшего для России громадную важность, то полагаю нелишним составленную мною для князя Долгорукова записку привести здесь в полном ее объеме[209]:

"Если сверх теперешних наших врагов мы будем иметь против себя еще Австрию, Швецию, а может быть, и всю Германию, то нам придется одновременно защищаться и с моря, и с сухого пути, продолжать по-прежнему войну против покушений огромных неприятельских флотов и в то же время начать новую войну сухопутную.

Чтобы решить вопрос — возможно ли нам продолжить с некоторым вероятием успеха подобную борьбу против целой Европы, необходимо привести в известность, какими средствами мы располагаем и надолго ли еще эти средства нам станут.

Если взять всю численную силу наших армий, распределенных на всех театрах войны от Торнео до Баязета, то общая цифра окажется довольно грозной; но цифрой этой мы не должны обольщать себя; напротив того, необходимо со всей искренностью и беспристрастием отдать себе отчет в том, каковы эти армии и могут ли они действительно равняться с теми свежими, устроенными армиями европейскими, которые будем иметь против себя?

1). *Состав армий.* С тех пор, как началась настоящая война, т.е. в течение трех кампаний (1853, 1854 и 1855 гг.), силы наших армий возросли против численности мирного времени в чрезвычайной соразмерности, и несмотря на огромные потери, понесенные войсками в течение означенного времени

как на полях сражений, так и от болезней и напряженных трудов, наличный состав наших войск и доныне поддерживается. Но результат этот не иначе мог быть достигнут, как посредством усиленных наборов и призывом ополчения; и потому в настоящем составе наших армий, естественно, наибольшее число составляют рекруты и ратники. От некоторых корпусов, как известно, сохранились только кадры, в которые вливается масса необученных еще рекрут. Ополчение, хотя и слитое с полками действующей армии, не может, однако ж, равняться с регулярными, старыми войсками; еще менее можно полагаться на те части ополчения, которые только что вновь призваны.

2). При таком составе частей надобно принять в соображение недостаточное число офицеров, которых невозможно было умножить в той же соразмерности, в какой умножено число нижних чинов. Поэтому молодые, вновь сформированные войска не могут быть в весьма короткое время обучены и устроены надлежащим образом. При самых напряженных трудах, при самых строгих мерах невозможно создать хорошо обученное войско, когда в некоторых частях не достает офицеров даже для командования ротами.

3). Для увеличения силы армий и поддержания ее в течение трех лет, как уже замечено, необходимо было прибегать к самым усиленным средствам. Россия доныне выставила уже рекрутами и ратниками, более 800 тысяч человек. Число это ужасает, если принять в соображение, что все число людей в государстве, несущее рекрутскую повинность, едва составляет 1 800 000 человек. Из этого видно, что источник дальнейшего пополнения наших армий уже почти истощен и что едва ли возможно еще в течение нескольких лет пополнять армии в той же соразмерности, как делалось в последние три года. В случае продолжения войны силы наши уже не будут возрастать, а, напротив того, должны неизбежно все уменьшаться. Следовательно, чем долее будет длиться война, чем более будет умножаться число наших врагов, тем мы будем ближе к истощению и тем менее будет надежды на благоприятный для нас оборот дела.

4). Переходя к материальным средствам, от которых зависит благоустройство армии и возможность поддержания долговременной войны, должно сознаться, что нам нет воз-

можности мериться в этих средствах с неистощимым обилием их в Западной, промышленной Европе. Война застигла нас в такое время, когда мы только еще готовились к перевооружению наших войск; при самой усиленной деятельности наших оружейных заводов мы не имеем возможности и в несколько лет снабдить всю массу нашей армии таким усовершенствованным оружием, какое имеют враждебные нам армии. Испробованы были разные средства для приобретения оружия за границей, даже в Америке; сделаны были огромные заказы; но к сожалению, только самое ничтожное количество заказанного оружия проникает в наши пределы; остальное конфискуется. Ныне сделалось уже весьма трудным провозить оружие через Германию; в случае же общей войны европейской нельзя будет уже вовсе получать что-либо извне.

Кроме недостаточного числа хорошего оружия, надобно еще заметить, что наши войска не имеют и не могут иметь достаточного обучения в цельной стрельбе от поспешности, с которой рекруты приготовляются к поступлению в ряды, от беспрестанных передвижений войск и перехода людей из одних частей в другие; наконец, и от недостаточного количества припасов для учебной стрельбы; ибо при настоящей непомерной потребности в боевых припасах для действия нет никакой возможности усилить в заметной мере отпуск войскам учебных припасов.

5). Количество пороха и снарядов, истраченное в течение войны, так огромно, особенно во время одиннадцатимесячной обороны Севастополя, что самые деятельные меры, принятые к увеличению производства наших заводов, оказываются недостаточными. В мирное время на всех пороховых заводах выделывалось от 60 до 80 тысяч пудов пороха; в 1854 году уже было выделано 150 тысяч; в 1855 — 300 тысяч; в будущем году производство это может быть еще усилено; но при этом едва ли можем быть уверены, что и впредь не встретится недостатка в порохе в случае какой-либо новой осады, подобной Севастопольской; тем более, что самая выделка пороха может быть приостановлена за истощением всего запаса серы и селитры, так как в случае общей войны возможность привоза материалов из-за границы совсем прекратится. Попытки же добывания означенных продуктов внутри государства в потреб-

ном количестве могут привести к практическому результату только разве по истечении нескольких лет.

6). Снабжение армии запасами продовольственными также становится все более и более затруднительным по причине истощения ближайшей к театру войны полосы. В южной России некоторые губернии уже выставили все, что могли, и на будущее время не в состоянии доставлять ни запасов, ни перевозочных средств. Нам приходится уже прибегать к внутренним источникам; но по отдаленности их от театра войны все нужное для армии будет обходиться еще дороже и ляжет тяжким бременем на всю Россию.

7). К указанным затруднениям надобно присоединить несовершенство путей сообщения, затрудняющих не только подвоз запасов, но и передвижение войск. Между тем при обороне непомерного протяжения наших берегов против флота весь стратегический расчет основывается на быстроте передвижения войск.

8). Ведение войны и доселе требовало огромных финансовых средств. Бюджет военный, исчисленный на будущий год в 300 миллионов рублей, неминуемо возрастет еще более, если война примет большие размеры. Найдутся ли источники для покрытия таких громадных расходов еще на несколько лет? Но если б даже и нашлись, то можем ли рассчитывать на то, что такие пожертвования окупятся более выгодными условиями мира? Нельзя ли, напротив того, опасаться, что после нескольких еще лет войны, истощив последние силы и средства России, мы принуждены будем согласиться на условия, еще более тяжкие, чем в настоящее время?

Наконец, 9). Нельзя не сознаться откровенно, как это ни прискорбно, что в случае распространения размеров войны мы неизбежно встретим еще большие, чем до сих пор, затруднения в выборе опытных и способных военачальников для командования всеми армиями и отдельными корпусами на разных театрах войны".

В совещании 20 декабря все участвовавшие в нем, за исключением одного графа Блудова, положительно заявили мнение о необходимости во что бы ни стало заключить мир*.

* Некоторые подробности этого совещания записаны в дневнике графа П.Д.Киселева. См. биографию его, *А.П.Заблоцкого.* Ч. III. Стр. 3.

Однако ж считалось возможным сделать еще некоторые оговорки относительно предъявленных основных условий. В депеше графа Нессельрода от 24 декабря (5 января) к послу нашему в Вене изъявлено было согласие на предложение трех держав, но вместе с тем высказывались замечания как относительно неопределенности нового 5-го пункта предположенных основных условий, так и изменения бессарабской границы, а кроме того предлагались некоторые изменения в самой редакции основных условий.

Государь, в письме к генерал-адъютанту князю Горчакову от 25 декабря, сообщая ему о положении дел и торопя его приездом в Петербург, выразился так: "На австрийские условия невозможно было вполне согласиться, и мы отвечали новым предложением, составляющим крайний предел уступок наших"[210]. Однако ж, на другой день граф Эстергази заявил нашему вице-канцлеру, что депеша его от 24 декабря не может быть признана за безусловное принятие ультиматума трех держав, а потому счел нужным напомнить о наступавшем сроке для ответа. Заявление австрийского посла было подтверждено телеграммой, полученной из Вены в ночь на 1 января (ст.ст.) о несогласии трех держав на предположенные Россией изменения в основных условиях.

Такой удручающей вестью встретил нас наступивший Новый год. Государь был до крайности смущен и взволнован. Вопрос: война или мир? — снова предстал перед ним, как роковая дилемма, требовавшая неотложного решения.

Вторично собрано было 3(15) января, вечером, совещание из тех же лиц, которые участвовали в первом (20 декабря), и снова высказалось почти единогласное мнение — в пользу мира, т.е. новой уступки.

4 января 1856 года отправлена в Вену депеша графа Нессельрода — о безусловном принятии условий ультиматума.

В заключение воспоминаний о 1855 годе остается мне сказать несколько слов о себе самом и о своих занятиях в течение зимы 1855—1856 гг.

Зачисление в свиту не изменило в сущности моего служебного положения: но в некоторой степени втянуло меня в придворный круг и заставило расширить мои светские отношения. Несколько раз я получал приглашения к обеду вдовствующей

Императрицы Александры Федоровны*, в тесном кружке молодых Великих Князей (Николая и Михаила Николаевичей) и дежурной фрейлины. Чаще прежнего бывал я у Великой Княгини Елены Павловны, от которой получал (через княгиню О.С.Одоевскую) приглашения на ее вечера по четвергам. На знаменитых этих вечерах собиралось обыкновенно довольно многочисленное и разновидное общество; приглашались ученые, писатели, художники и другие лица, в каком-либо отношении выдающиеся; иногда же приезжали и особы Императорской фамилии, сам Государь с Императрицей**.

Служебные мои занятия оставались прежние. Кроме исполнения разных случайных работ по поручениям военного министра, я был опять назначен управляющим делами Балтийского комитета, возобновившего свои занятия с августа месяца под председательством Великого Князя Константина Николаевича. В отсутствие же Его Высочества (по случаю поездки на юг и пребывания в Николаеве) председательство было возложено на генерал-адъютанта князя М.С.Воронцова, возвратившегося из заграничного отпуска.

Летняя кампания 1855 года на Балтийском море доставила нам некоторые новые указания на слабые стороны нашей обороны. Основные начала, принятые в прошлогодних работах Комитета, остались без изменения; предстояло обсудить некоторые дополнительные меры и вопросы относительно усиления обороны в случае продолжения войны в следующем году. Между прочим представлены были графом Ридигером предположения о защите Петербурга. Работы эти продолжались до наступления следующего года. При закрытии Комитета в январе 1856 года объявлена была председательствовавшему, членам и управляющему делами Монаршая благодарность в следующих выражениях: "Государь Император, усмотрев из представленных Его Величеству отчетов от начальствующих в разных отделах Прибалтийского края, что все предположенные меры обороны на пред-

---

* Вдовствующая Императрица по-прежнему занимала в Зимнем дворце правую половину фаса, обращенного к Адмиралтейству (к стороне Невы). Государь со своим семейством остался в другой половине того же фаса (к стороне Александровской колонны).

** Далее в автографе зачеркнуто: Брат мой Николай был постоянным гостем на этих вечерах *(прим. публ.)*.

стоящую кампанию были тщательно обсуждены в Комитете, для чего Высочайше учрежденном, и большею частью уже приведены или приводятся в исполнение, Высочайше повелеть соизволил: действие Комитета прекратить и объявить, как председательствовавшему в оном генерал-адъютанту князю Воронцову, так и всем гг. членам и производителю дел Комитета Монаршую благодарность за успешное окончание Высочайше возложенного на них поручения".

Занятия мои в Военной академии совсем уже отошли на задний план и, признаться, мало интересовали меня с тех пор, как они сделались для меня одним формальным исполнением служебной обязанности. Мне даже совестно было носить звание профессора и давно хотелось сложить его, тем более, что с назначением адъюнктом капитана Макшеева я мог без зазрения совести передать свою кафедру такому достойному преемнику.

Военная академия с поступлением в ведомство Военно-учебных заведений сделала уже заметные шаги в своем развитии. Нельзя не признать, что Як<ов> Ив<анович> Ростовцев умел обращать на пользу вверенной ему части ту силу и то влияние, которые он приобрел под крылом Августейших своих покровителей — сперва Великого Князя Михаила Павловича, а потом Наследника Цесаревича Александра Николаевича, сохранившего и по восшествии на престол особенное расположение к своему начальнику штаба. Генерал-адъютант Ростовцев не затруднялся в изыскании денежных средств для покрытия крупных расходов, частью единовременных, частью постоянных: суммы, определенные на разные надобности по учебной и хозяйственной частям, так же как и оклады содержания преподавателей, были увеличены; приступлено к перестройкам для расширения и улучшения помещения Академии.

30 августа 1855 г. Высочайше утверждена новая выдающаяся мера: офицерские классы Артиллерийского и Инженерного училищ получили новую организацию под именем академий Артиллерийской и Инженерной, вследствие чего наша Военная академия переименована в "Николаевскую академию Генерального штаба"; прежнее же наименование "Императорской Военной академии" обратилось уже в общее для всех трех академий в совокупности. Прежний совет

Военной академии сделался высшей коллегиальной инстанцией для всех трех академий под председательством начальника Главного штаба Е.И.В. по Военно-учебным заведениям; управление делами этого совета возложено на управляющего делами совета Военно-учебных заведений. Таким образом, сделан был большой шаг к осуществлению давнишней любимой мечты Я.И.Ростовцева — об учреждении чего-то вроде военного университета по трем специальным родам службы. Он придумывал и проводил разные меры, клонившиеся к тому, чтобы привлечь во все три академии сколь можно большее число слушателей, не ограничивая приема никакой определенной нормой, — что ему и удалось вполне. С 1856 года начался сильный прилив молодых офицеров в Академию Генерального штаба.

В заседания учебного комитета являлся я уже довольно редко; но личные мои связи с Я.И.Ростовцевым не прерывались; по-прежнему я получал от него нередко приглашения для обсуждения того или другого вопроса. Не всегда беседы наши ограничивались специальным кругом Военно-учебных заведений; случалось, что он затрагивал и более общие вопросы, военные и даже политические. У меня сохранились некоторые из его пригласительных записочек, писанных по обыкновению карандашом, крайне неразборчивым, размашистым почерком. В одной из этих записочек, как кажется, относящейся именно к зиме 1855—1856 гг., извещая меня о часе заседания учебного комитета и выражая особенное желание видеться со мною, он писал: "Главный мой порыв, главная моя задача — только повидаться с вами, сегодня, завтра, послезавтра, — все равно; только по любви моей к вам и по любви к делу России, чем скорее, тем успокоительнее. Всегда, по инстинкту, ваш друг Я.Р."[211].

При всем разнообразии служебных моих занятий и несмотря на тогдашнее тревожное время, я находил еще возможным продолжать некоторые собственные свои и посторонние работы. В своем месте говорил я о приготовлении второго издания "Истории войны 1799 года". К концу 1855 года все сочинение было пересмотрено, исправлено, дополнено, а первая часть составлена заново и приступлено было к самому печатанию. Там же было упомянуто, что из приготовленной к печати первой части сочинения одна глава (IX — "Суворов") была помещена в одной из первых книжек нового московского ежемесячного журнала "Рус-

ский вестник”[212]. По этому поводу вошел я тогда в первые сношения с главным редактором этого издания М.Н.Катковым, получившим впоследствии такую знаменитость и силу*.

Выше было уже упомянуто о работах моих для морского ведомства. Сношения мои с А.В.Головниным и самим Великим Князем Константином Николаевичем продолжались во весь 1855 год и далее. В ноябре 1855 года поручено было мне Академией наук рассмотрение представленной на конкурс Демидовской премии книги полковника Ортенберга (Ив<ана> Фед<оровича>, инспектора классов Пажеского корпуса) “Записки о войне 1813 года в Германии”**.

---

* Любопытно сопоставить первые полученные мною тогда от Каткова любезные письма с теми яростными выходками, с которыми он же в позднейшие времена относился ко мне как <к> военному министру, в “Моск<овских> ведомостях”. Приведу небольшой отрывок из первого письма от 7 декабря 1855 г.:

“Примите мою глубочайшую благодарность за дозволение считать вас в числе сотрудников нашего журнала. “Русский вестник” постарается оправдать доверие, оказанное его редактору как правительством, так и лицами, изъявившими готовность содействовать ему своими трудами. Каков бы ни был успех этого издания в публике, верно по крайней мере то – повторяю сказанное мною в программе – что “Р<усский> в<естник>” будет деятелем усердным и честным. Все, что может служить к пользе отечественного просвещения, будет предметом неусыпных забот редакции.

Позволите ли вы мне надеяться украсить “Р<усский> в<естник>” отрывком из вашего нового труда? Уважая вашу скромность, я не буду распространяться о том, какое важное значение имела бы каждая статья ваша для “Р<усского> в<естника>”; я обращу ваше внимание лишь на то, как было бы кстати теперь воспоминание из нашей военной истории; как много могло бы оно способствовать к возвышению мужества и укреплению духа в обществе. Журнал в этом отношении мог бы подействовать быстрее и успешнее, чем книга. С величайшим нетерпением буду ждать от вас ответа и смею надеяться, что ответ будет благоприятный” и т.д.

Когда же я предложил на первый раз означенную главу “Суворов”, Катков ответил (1 января 1856), что мое предложение “обрадовало его, как ребенка”. Он сожалел, что моя статья не подоспела к 1-й книжке журнала, вышедшей именно в тот день. “Считаю одним из прекраснейших и важнейших приобретений для нашего журнала характеристику Суворова, писанную вами”. Он “умолял” поспешить доставлением статьи, чтобы поместить ее во 2-й книжке журнала.

** Далее в автографе зачеркнуто: По совести, я не нашел возможным дать об этой книге-компиляции благоприятный отзыв *(прим. публ.)*.

Наконец, к тому же 1855 году относится предпринятое под моим главным редакторством составление и издание “Карманной справочной книжки для русских офицеров”, по образцу вышедшей незадолго перед тем немецкой книжки: “Taschenbuch für Preussischen Officieren”. Книжка эта была прислана Государю из-за границы и очень понравилась Его Величеству, как передал мне военный министр. Действительно, немецкая книжка была во всех отношениях весьма удачна и по содержанию, и по уютности издания. Задумав составить такую же книжку для русских офицеров, я принял на себя труды главного редактора, составил программу и распределил работу между сотрудниками, за определенную плату с листа и с каждой тысячи проданных экземпляров. Условия были выгодные для составителей статей; можно было рассчитывать на большое распространение книжки; а потому в приискании работников не встретилось затруднения*. Работа шла бойко; по мере изготовления статей я пересматривал их, приводил к единству, а в конце года уже приступил к печатанию. Книжка печаталась в числе 6 тысяч экземпляров, почти в том же уютном формате, как и немецкая (in-18°), со множеством чертежей в тексте (политипажей), и выпущена в марте следующего 1856 года. Тогда же представлены экземпляры Государю и членам Императорской фамилии**.

Издание разошлось в самое короткое время. За всеми расходами, с полной расплатой сотрудникам, оказалась чистая выручка свыше 5 тысяч рублей. За распродажей

---

* Далее в автографе зачеркнуто: Главные отделы книжки приняли на себя: полковник Карцов и оба младшие его братья (Павел и Нил Петровичи, офицеры Семеновского полка), П.Д.Зотов, Григ<орий> Вас<ильевич> Мещеринов и Викт<ор> Мих<айлович> Аничков; затем второстепенные отделы взяли: Дм<итрий> Хр<истианович> Бушен, Ал<ександр> Ст<епанович> Платов, Ал<ександр> Ил<ьич> Квист, Анд<рей> П<етрович> Шевелев, врач Финк и др. *(прим. публ.)*.

** Великий Князь Константин Николаевич в письме от 26 марта 1856 г., выражая благодарность за поднесенный ему экземпляр, присовокупил: “Душевно желаю вам досуга, чтобы вы могли возвратиться к тем историческим работам, которые составили уже вам в военной литературе самую почетную известность”.

всех экземпляров в течение нескольких месяцев решено было приступить во второму изданию*.

Из приведенного перечня моих занятий видно, что и в самый разгар войны мне приходилось растрачивать свою деятельность на весьма разнообразные работы вместо того, чтобы сосредоточить ее на чем-либо одном. Тяготила меня и неопределенность служебного моего положения. Вот уже более двух лет находясь безотлучно при военном министре каким-то личным секретарем, без определенных обязанностей и круга действий, я между тем совершенно отмахнулся от прежней своей деятельности, ученой и учебной; нося звание профессора Военной академии, я уже не мог добросовестно трудиться на пользу науки; историческая работа приостановилась. В начале декабря я решился откровенно высказать свои сетования князю Василию Андреевичу и, с разрешения его, представил потом записку, которая заканчивалась следующими строками: “Всегдашним моим правилом в службе было — не беспокоить начальство просьбами о себе; но вместе с тем считаю обязанностью каждого, особенно в настоящих обстоятельствах, стараться быть полезным сколько можешь по силам. Если я решаюсь теперь говорить о себе, то единственно потому, что в последние два года я не мог не чувствовать бесплодности всей моей деятельности, истрачиваемой на многие разнородные, случайные занятия, — и вот почему я вынужден искать перемены в служебном своем положении, в надежде получить не новые выгоды для себя, но какой-либо определенный круг обязанностей, в котором я мог бы оказать наиболее услуг, по мере тех способностей, которые начальству угодно будет во мне признать”[213].

По приказанию министра ему представлена была справка относительно получаемого мною содержания и штатных окладов, присвоенных некоторым должностям в Военном министерстве. В число этих должностей, по указанию самого князя Долгорукова, были включены остававшиеся в то вре-

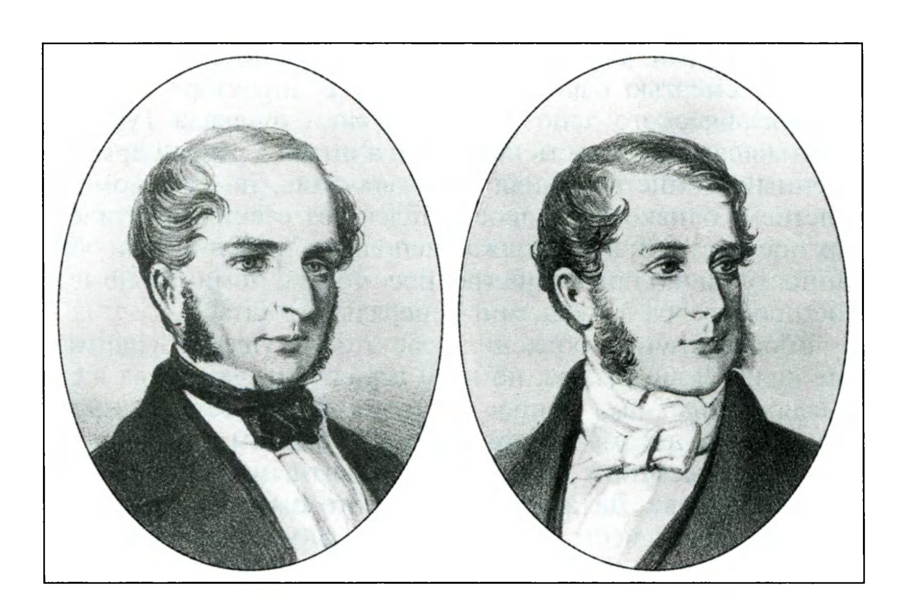
---

* Далее в автографе зачеркнуто: Но за отъездом моим на Кавказ я должен был передать работу по этому делу Ал<ександру> Петр<овичу> Карцову и Ал<ександру> Ст<епановичу> Гуро. Второе издание, в числе 10 тысяч экземпляров, разошлось так же быстро, как и первое, и доставило в мою пользу еще до 3500 рублей выручки. Последующие издания выходили уже помимо всякого участия моего *(прим. публ.)*.

мя вакантными: директора канцелярии Военного министерства (за смертью барона Вревского) и директора Военно-топографического депо (за отсутствием генерала Тучкова, занимавшего должность начальника штаба Средней армии). Военный министр принял мое заявление, по-видимому, с участием; однако ж, вопрос остался без всяких практических последствий; я продолжал исполнять прежние свои обязанности лично при министре, нося только номинально звание профессора в Академии Генерального штаба.

Впоследствии я объяснил себе это кажущееся невнимание князя Долгорукова: по всем вероятиям, уже тогда в его мыслях решен был вопрос об оставлении поста военного министра, и потому он мог считать неловким в отношении к своему преемнику располагать вакантными должностями в министерстве. Да и для меня самого было бы не совсем приятно занять место, так сказать, накануне перемены высшего начальства. Если б я мог предвидеть предстоявшие в Военном министерстве перемены, то и сам, конечно, не счел бы удобным поднимать вопрос о своем служебном положении. И на этот раз, как во многих других случаях, я испытал на себе, что течение нашей жизни не может быть направляемо по собственным нашим планам и желаниям, а должно в значительной степени подчиняться естественному ходу обстоятельств, от нашей воли не зависящих.

Новый 1856 год начался при самых грустных для России обстоятельствах. Весть о принятии Государем ультиматума наших врагов быстро распространилась в петербургской публике. 8-го же января появилась в “Journal de St-Pétersbourg” статья, в которой разъяснялись соображения, побудившие наше правительство к новой уступке для прекращения разорительной войны. Разъяснение это, имевшее, конечно, целью вразумить нашу публику и вместе с тем заявить перед Европой точку зрения Петербургского кабинета, не устранило, однако же, у нас сильного возбуждения и толков. Как и следовало ожидать, мнения высказывались самые разнообразные: одни одобряли уступчивость правительства и радовались надежде на восстановление мира; другие же осуждали и сетовали, находя унизительным для чести и достоинства России те предварительные условия, на которые уже последовало согласие Императора. Впрочем, так

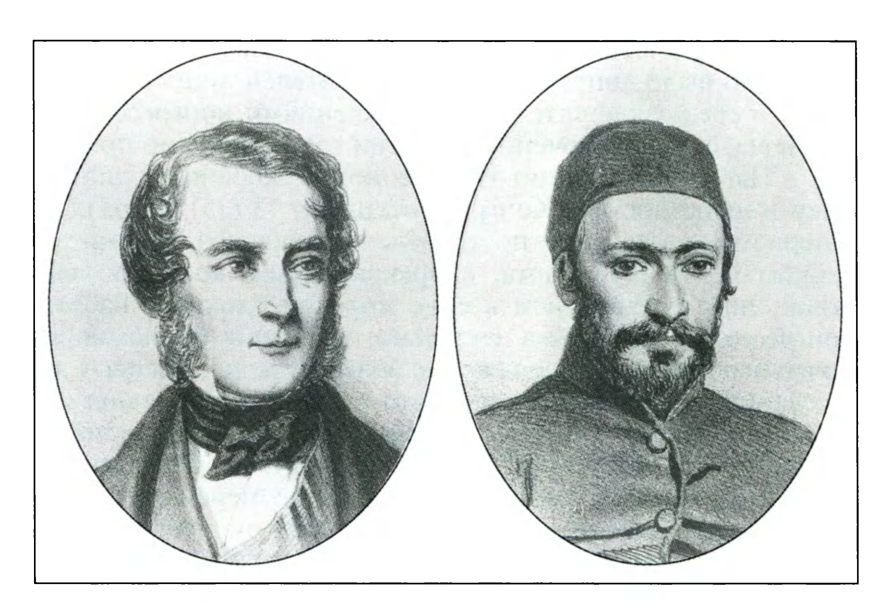

Барон Буркеней *Граф Буль-Шауенштейн*

бывает обыкновенно в критические эпохи, переживаемые государствами. К сожалению, у нас труднее, чем где-либо, найти верное выражение общественного мнения. Люди рассудительные, понимающие необходимость уступок в известных случаях, бывают сдержанны и молчаливы; кричат же и кипятятся те, которые дают волю первому впечатлению и смотрят легко на вещи, не вдумываясь в суть их с реальной стороны. Таким образом, часто принимается за выражение общественного мнения краснобайство некоторых более крикливых личностей, любящих щеголять показным патриотизмом, переходящим нередко в шовинизм.

В Европе принятие Россией ультиматума встречено было вообще с радостью, особенно же в Германии и второстепенных государствах, опасавшихся быть втянутыми в войну помимо собственной их воли и интересов. Даже в Англии, которая не совсем охотно шла на переговоры о мире, громко высказывалось, как в народе, так и в парламенте, желание положить конец бедствиям войны.

20 января (1 февраля) подписан в Вене уполномоченными Франции, Англии и России протокол, которым поста-

Лорд Кларендон *Али-паша*

новлено, по общему соглашению, открыть для окончательных переговоров и заключения мирного договора конгресс в Париже не позже, как в трехнедельный срок.

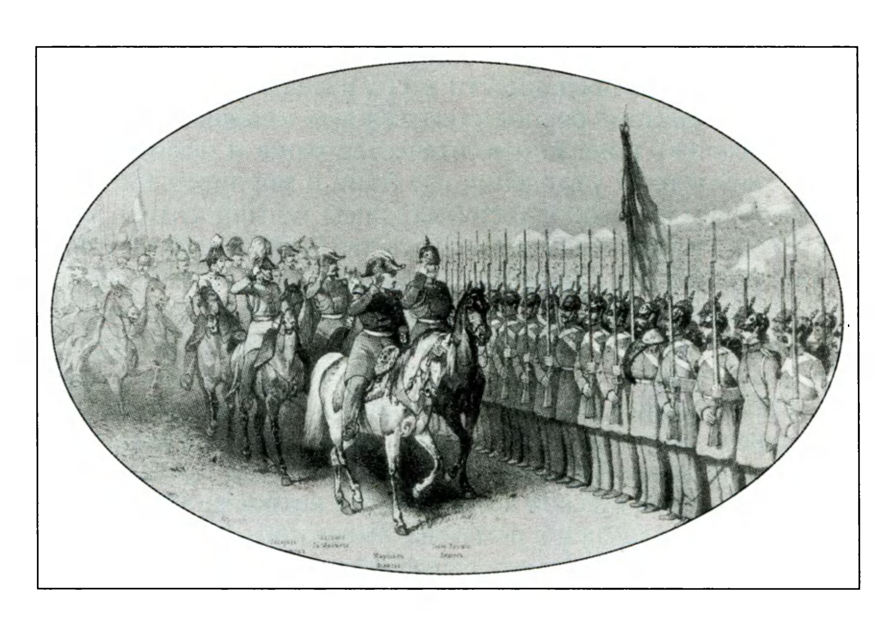
В начале февраля 1856 года собрались в Париже уполномоченные на предстоявший конгресс. Первым уполномоченным от России назначен был генерал-адъютант граф Алексей Федорович Орлов, который и выехал из Петербурга в последние дни января. Вторым уполномоченным нашим был барон Бруннов, прежний посол в Лондоне, а теперь занимавший пост представителя России при Германском Союзе. Представителями других государств на конгрессе были: Франции – министр иностранных дел граф Валевский, в качестве председателя, и посланник в Вене барон Буркнэ; Англии – министр иностранных дел граф Кларендон и посол в Париже лорд Коулей; Австрии – министр иностранных дел граф Буль и посланник в Париже барон Гюбнер; Сардинии – первый министр граф Кавур и посланник в Париже маркиз Вилламарина; наконец, Турции – великий визирь Али-паша и посол в Париже Мегмет-Джелиль-паша.

Пруссия опять была устранена от участия в конгрессе; положено было допустить ее представителей лишь впоследствии, перед заключительными суждениями конгресса.

Первый уполномоченный России граф Орлов по прибытии в Париж был принят Наполеоном с особенным вниманием и любезностью. Конгресс открылся 13 (25) февраля, и в первом же заседании постановлено заключить перемирие сроком по 19 (31) марта, с прекращением военных действий, но с оставлением в силе морской блокады. Работы конгресса велись весьма деятельно; заседания происходили почти через день в продолжение более месяца. С первых же заседаний ясно обнаружилось, что в ходе предстоявших совещаний следовало ожидать главных затруднений со стороны Англии и Австрии. Первая, приступив к переговорам неохотно, заявляла требования самые неумеренные и неприятные для России; австрийские же уполномоченные большей частью поддерживали англичан в их злобных выходках, часто придававших переговорам характер раздражения. Сдержанность и самообладание наших уполномоченных часто подвергались жестокому испытанию. Не раз в подобных случаях дело улаживалось только благодаря умиротворяющему вмешательству самого Наполеона III.

Из многочисленных вопросов, подлежавших разрешению конгресса, самыми щекотливыми и спорными были: во-первых, определение новой границы в Бессарабии и во-вторых, ограничение прав России на Черном море. По первому вопросу выступили с особенной настойчивостью австрийские уполномоченные, которые первоначально задумали отторгнуть от России добрую половину Бессарабии, передав Молдавии всю долину Прута. Тут в особенности понадобилось вмешательство Наполеона, благодаря которому России пришлось уступить лишь самую южную полосу Бессарабии, прилежащую к Дунаю и низовьям Прута. По вопросу же о Черном море, естественно, главные затруднения возбуждены были английскими уполномоченными, которые в своих придирках затронули даже вопрос о Николаеве, Херсоне, Азовском море.

После десяти первых заседаний приступлено было в одиннадцатом, 6 (18) марта, к суждениям по пересмотру договора 1841 года о проливах; а потому с этого только заседания приняли участие уполномоченные Пруссии как

«Представление маршалу Пелисье главнокомандующим генерал-адъютантом Лидерсом почетной роты со знаменем от Селенгинского полка на позиции на Мекензеевой горе 1 апреля 1856 г.»

участницы в заключении означенного общеевропейского акта. Уполномоченными Пруссии были: министр-президент барон Мантейфель и посланник в Париже граф Гатцфельд.

Переговоры велись с таким расчетом, чтобы окончательное составление и подписание мирного трактата пригнать к 18 (30) марта – годовщине вступления союзников в Париж в 1814 году. В этот именно день, в 19-м заседании, и подписан этот важный акт, положивший конец продолжительной и кровопролитной войне. Договор этот считался торжественным в особенности для Франции и лично для Наполеона III, который видел в нем как бы возмездие за судьбу, постигшую Наполеона I сорок два года назад.

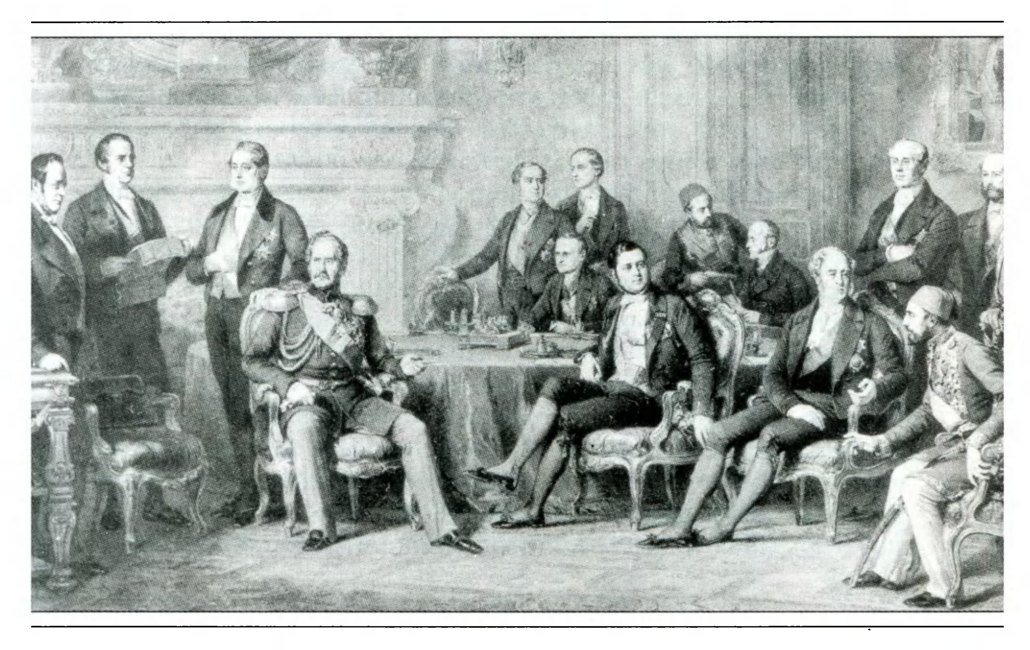
У нас же известие о заключении мира хотя и было обычным порядком возвещено городу пушечными выстрелами с Петропавловской крепости и сопровождалось благодарственными молебствиями, не могло, конечно, считаться событием радостным. В Манифесте, которым объявлялось народу о заключении мира, напоминалось, что война была начата не по инициативе

России; воздавались заслуженные похвалы геройскому поведению войск и преданности всего населения; выражалось Монаршее желание воспользоваться восстановлением мира, чтобы залечить нанесенные отечеству раны и начать новый период внутренних улучшений для блага и могущества России.

Бедствиям войны положен был конец; но мир куплен дорогой ценой. Русское национальное чувство было оскорблено. Молодому Императору пришлось расплачиваться за неудачи войны, не им начатой; он был вынужден согласиться на тяжкие жертвы для спасения России от грозившего ей совершенного разорения, а быть может даже — утраты политического ее значения в семье европейских держав. Особенно прискорбны были для государства два условия: ограничение державных прав на Черном море и уступка части русской территории, приобретенной предшественниками его ценой русской крови. Две эти вынужденные уступки запали тяжелым камнем в помыслы Императора Александра II и на многие годы смущали его душевный покой.

Поспешность, с которой велись работы конгресса для того, чтобы мирный трактат был помечен знаменательным числом 18 (30) марта, была причиной оставления без разрешения многих вопросов, еще требовавших обсуждения. Поэтому оказалось необходимым продлить заседания конгресса и после подписания основного договора. В пяти дополнительных заседаниях, с 21 марта (2 апреля) по 4 (16) апреля, обсуждались подробности начертания новой бессарабской границы, устройства дунайского судоходства, организации Княжеств Дунайских и т.д. По всем этим вопросам последовали отдельные дополнительные акты, приложенные к основному договору 18 (30) марта (annexes). Одним из этих добавочных актов Император Российский обязался не возобновлять укреплений на Аландских островах. Последним предметом суждений конгресса был весьма важный вопрос морского права: 4 (16) апреля подписана декларация, которой отменено каперство и определены права нейтрального флага.

Парижский конгресс, по-видимому, восстановил согласие между государствами европейскими и открыл эру успокоений и благоденствия. Однако ж, не так вышло в действительности. С самого подписания договора уже можно было подметить в нем зародыши многих недоразумений и будущих усложнений; можно было опасаться, что мир не будет прочен.

Парижский конгресс 1856 г.

Первым зловещим предзнаменованием был секретный договор, подписанный еще 3 (15) апреля, накануне последнего заседания конгресса, между Англией, Францией и Австрией, помимо России; названные три первые державы приняли на себя совместную гарантию ненарушимости Парижского трактата, целости и неприкосновенности Оттоманской империи; они обязались считать всякое нарушение этого договора за casus belli*. Новое это секретное соглашение, несомненно направленное против России, не могло долго оставаться втайне; оно было обнаружено в английском парламенте; о нем узнали у нас с крайним изумлением и неудовольствием. Граф Орлов, немедленно испросив аудиенции у Наполеона, высказал ему откровенно, какое невыгодное впечатление произвело на Императора Александра II новое выражение недоверия и враждебности со стороны держав, участвовавших вместе с Россией в подписании только что заключенно-

* повод к войне *(лат.)*.

го мира. Наполеон не мог скрыть своего смущения и старался уверить русского уполномоченного, что означенный договор в сущности не имел никакого значения. Тем не менее этот инцидент указал, как мало могла Россия доверять любезностям и заискиваниям главы французского народа.

При самом приведении в исполнение некоторых условий Парижского трактата, на первых же шагах встретились многие недоумения, как например, при трассировке новой бессарабской границы. Между прочим возник спор о лежащем на Черном море против устья Дуная острове Змеином, не упомянутом вовсе в трактате. Недоумения эти были снова подвергнуты обсуждению в конференции, собравшейся в Париже, – и почти все решались не в пользу России. Наконец, медленность, с которой приводилось в исполнение условленное на конгрессе выступление австрийских войск из Дунайских Княжеств и английского флота из Черного моря, также подала повод к щекотливой дипломатической переписке.

БЛИЖАЙШИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ
(МАРТ, АПРЕЛЬ И МАЙ 1856 ГОДА)

Вслед за торжеством в Петербурге по случаю заключения мира Государь предпринял поездку в Москву, чтобы лично возвестить первопрестольной столице прекращение тягостной войны и своими теплыми словами хотя несколько смягчить болезненное впечатление, которое должны были произвести на всю Россию унизительные для нее условия мира. Выехав 28 марта, Его Величество возвратился в Петербург 2 апреля*.

Восстановление мира после трехлетней тяжелой борьбы почти со всей Европой открыло правительству нашему и обществу широкое поле усиленной деятельности. 1856 год был для России великой эрой перерождения, эрой пробуждения мысли и силы от продолжительного усыпления.

Во все 30-летнее царствование Императора Николая никто вне правительственной власти не смел поднять голос о делах государственных и распоряжениях правительства; даже в домашних кругах говорилось о них только разве шепотом. Всякая частная инициатива была подавлена; существовавшие недостатки и болячки нашего государственного организма тщательно прикрывались ширмой официальной фальши и лицемерия. Крымская война, причинившая столько бедствий, была крутым переломом в летаргическом состоянии России; она открыла глаза самому правительству, которое убедилось горьким опытом в печальных результатах тогдашней правительственной системы. С переменой царствования почувствовались совершенно новые веяния; общественное мнение подняло голос; громко заговорили о несостоятельности прежней системы, о необходимости радикальных преобразований во всех частях государственно-

* Еще до подписания Парижского договора, 9 марта, Государь посетил Финляндию, из которой возвратился 17-го числа.

го строя. С первыми же надеждами на прекращение бедственной войны и на восстановление мира новое настроение правительства и общества выразилось во множестве появляющихся с разных сторон проектов и предположений.

Я уже говорил, что инициатива в деле обновления России принадлежала бесспорно Морскому министерству или, вернее, – лично Великому Князю Константину Николаевичу и нескольким ближайшим его советникам. Не ограничиваясь собственно морской специальностью, Его Высочество поднимал одни за другими разные вопросы общего государственного значения, предоставив притом гласности широкий доступ в сферу административных вопросов.

В числе разных записок и предположений, рассылавшихся от имени Великого Князя генерал-адмирала на рассмотрение множества лиц, получил я в феврале 1856 года довольно обширную литографированную тетрадь, составленную юрисконсультом Морского министерства бароном Врангелем, под заглавием "Разные соображения в руководство при вступлении в управление отдельным ведомством"[214]. С какой именно целью составлена была эта записка – не объяснено; но по содержанию ее можно догадываться, что имелось в виду под ширмой наставления или советов всякому лицу, занимающему какой-либо значительный пост в администрации, указать недостатки, присущие нашим бюрократическим порядкам*. По содержанию этой записки требовалось и мое заключение. Хотя мне казалось не совсем ловким давать советы или наставления лицам, занимающим высокие административные должности, однако ж, вследствие неоднократных напоминаний А.В.Головнина, представлена мною (4 марта) довольно обширная записка, в которой я

* Далее в автографе зачеркнуто: Там говорилось о соблюдении законности, об осмотрительности при изменении существующих законов, об изучении личных свойств подчиненных лиц, умении выбирать их для замещения должностей, о наградах и взысканиях, об обеспечении материального положения служащих через уменьшение числа их; далее – о соблюдении интересов казны в распоряжениях имуществами и суммами, причем указывались преимущества частной промышленной деятельности перед казенной; наконец, о самом порядке ведения дел начальствующими лицами, распределении времени и мерах контролирования подчиненных и т.д., и т.д. *(прим. публ.)*.

воспользовался случаем, чтобы высказать собственные свои мысли о недостатках, чувствуемых в нашей бюрократии*[215].

С уничтожением нашего Черноморского флота — предмета гордости наших моряков — представилась новая задача: какими мерами было бы возможно на будущее время оградить политические и торговые интересы России на юге и на востоке ввиду проявившегося в последнее время с таким ожесточением враждебного соперничества Англии. Возникла мысль об учреждении в Черном море частной компании пароходства, по примеру некоторых иностранных больших предприятий такого рода, каковы, например, английский Ллойд, французская Messagerie Impériale и др. Предлагалось создать такую компанию, которая при широкой поддержке правительства субсидиями могла бы, преследуя коммерческие цели, в то же время служить перевозочным средством и для правительства, как бы питомником для будущего возникновения нового флота в Черном море, когда наступят благоприятные к тому обстоятельства. Мысль эта привлекла, конечно, многих предприимчивых людей, предлагавших свои услуги для организации предполагаемого общества. В числе таких личностей более всех имел успех Николай Александрович Новосельский — человек ловкий, изобретательный и с весьма развитым даром слова. Я познакомился с ним у А.В.Головнина, а впоследствии имел с ним частые сношения по делам кавказским. Новосельский, не обладая крупными капиталами, проявил, однако же, необыкновенную деятельность в коммерческих предприятиях; брался то за одно, то за другое дело. Специальность его заключалась в созидании новых предприятий; пустив в ход одно дело, он бросал его и принимался за другое. Такой тип ловкого и смелого антрепренера коммерческих дел был тогда еще редкостью; но с этого именно времени он и начал быстро плодиться. Тогда же выступили на сцену и В.А.Кокорев — московский купец, крупный откупщик (винный); барон Николай

* Далее в автографе зачеркнуто: Основная мысль заключалась в том, что недостатки эти зависят не от одних только канцелярских порядков в министерстве, не от способа ведения дел тем или другим администратором, но имеют корни гораздо глубже — в самом строе государственном и прежде всего в чрезмерной централизации правительственного механизма *(прим. публ.)*.

Егорович Торнау — впоследствии достигший сенаторства, и столько других, которых трудно теперь припомнить. Новосельский имел наиболее удачи в своих проектах. Он был и главным деятелем в учреждении компании под специальным покровительством Морского министерства, названной "Русским обществом пароходства и торговли".

Барон Н.Е.Торнау (двоюродный брат моего товарища полковника Фед<ора> Фед<оровича> Торнау) обратил свои коммерческие виды на Каспийское море, Кавказ и Персию. В то время много толковали об опасном положении, в которое будем мы поставлены на Кавказе в случае продолжения настоящей войны или возникновения новой в будущем. Нам предстояло в том крае бороться с внешними врагами, владеющими Черным морем, имея позади себя многочисленное, воинственное, возбужденное религиозным фанатизмом горское население; сухопутное сообщение с Закавказьем по Военно-Грузинской дороге могло быть прервано. Отсюда, естественно, истекала важность сообщений по Каспийскому морю, которое притом открывало нам и новые пути в те страны Азии, где неизбежно наши интересы должны встретиться с английскими. Эти мысли и послужили основной темой для нескольких проектов, поступивших в Военное министерство от лиц, не имевших ничего общего между собой: одна записка была представлена упомянутым бароном Н.Е.Торнау; другая — генерал-майором Бларамбергом (Генерального штаба), имевшим некогда командировку в Персию и сопредельные ей страны для картографических работ; третья — генерал-лейтенантом Хрулевым — героем севастопольским. И четвертая — академиком, бывшим профессором М.П.Погодиным. Все эти четыре записки были переданы мне князем Долгоруковым на рассмотрение. В трех первых из них исходной точкой принята была одна и та же мысль о необходимости развития нашего судоходства и устройства военной флотилии на Каспийском море, дабы не допустить на нем появления какого-либо другого флага, кроме русского, обеспечить сообщение с Кавказом, утвердить наше влияние на Персию и открыть торговые сношения с южной и средней частью Азии. В этих видах всеми тремя авторами предлагалось возвести на границе Персии с туркменами крепость с значительным русским гарнизоном и даже указы-

вался для того пункт — Ах-кала (Белый бугор) на р. Гюргене, верстах в 25 от ее устья. Но в дальнейших предположениях своих означенные три проекта расходились: барон Торнау смотрел на развитие нашего судоходства и морской силы на Каспийском море исключительно как на средство для облегчения и упрочения нашего положения в Закавказском крае; имея в виду, что это море должно сделаться главной базой и путем сообщения для нашей Кавказской армии, он предлагал обратить Баку в первоклассную крепость, порт и главный складочный пункт запасов; устроить удобные пути сообщения из Баку вглубь Закавказья и т.д. Предполагавшаяся крепость в Ах-кала не имела другой цели, кроме закрепления нашего господства на Каспийском море и влияния на Персию. Напротив того, Бларамберг и Хрулев смотрели на крепость в Ах-кала как на опорный пункт для наступательного движения через Афганистан к границам Индии с той целью, чтобы потрясти там британское владычество. Оба они указывали для такого движения один и тот же путь — через Мешед, Герат и Кандагар; но в частностях исполнения такого грандиозного проекта оказывалось между ними довольно существенное разногласие. Таким образом, во всех трех записках можно было признать вполне основательной общую исходную их точку — необходимость развития судоходства и упрочения нашего исключительного господства на Каспийском море. Но мысль эта была уже вполне сознана нашим правительством и даже было приступлено к некоторым мерам для осуществления ее. Также и мысль о занятии пункта на юго-восточном прибрежье моря была не новая; впоследствии она и осуществилась, хотя не совсем согласно с указанием означенных записок. В дальнейших предположениях самой дельной оказалась записка барона Торнау; но и в ней замечался тот общий всем трем проектам недостаток, что по поводу современных военных обстоятельств предполагались такие меры, для осуществления которых требовались многие годы спокойного мирного времени. В таком смысле и высказано было заключение в представленном мною докладе военному министру 28 февраля[216].

Что же касается до четвертой записки нашего известного историка М.П.Погодина, то я не счел нужным разбирать ее подробно, так как сущность ее заключалась в развитии нашей

торговли со Средней Азией и с Индией посредством учреждения большой коммерческой компании и сооружения железной дороги от Оренбурга до Балка на протяжении 1700 верст.

Хотя приведенные мною записки остались без прямых практических последствий, однако ж затронутая в них основная мысль о важности Каспийского моря как в торговле, так и в политическом и военном отношениях занимала Морское министерство, а вскоре получила вескую поддержку от будущего наместника кавказского князя Барятинского. Впоследствии барон Н.Е.Торнау сделался учредителем коммерческой компании в Тифлисе для торговли с азиатскими соседними странами.

Крымская война, как я уже говорил, выказала наглядно, насколько Россия отстала от Западной Европы во всем, что составляет необходимые элементы политического и военного могущества государства. В особенности кидалось в глаза несовершенство путей сообщения, слабое развитие техники и промышленности и недостатки самого устройства военных сил. Общий голос признавал, что результаты Крымской войны могли быть совсем иные, если бы Крым был тогда связан с Москвой железным путем и при лучшем устройстве армии.

Войска наши совершали и в эту войну чудеса храбрости; не жалели своей крови и жизни; геройству и самоотвержению их отдавали справедливость даже враги наши, — и тем прискорбнее были для нас бесплодно принесенные громадные жертвы. Тысячи людей гибли напрасно из-за неумения, неспособности военачальников, из-за неудовлетворительной подготовки войск к войне, из-за плохого вооружения их, несовершенства материальной и технической части, из-за недостатка в запасах. Во всех этих отношениях наши войска далеко отстали от иностранных армий; война показала, что военное дело у нас не находилось на современной высоте его. Такое неожиданное для большинства публики открытие было тем обиднее, что мы привыкли до того времени гордиться нашим военным могуществом, зная, что на военную часть обращалось преимущественно внимание правительства, особенно же в царствование Императора Николая Павловича, которому даже ставилось в упрек чрезмерное увлечение личными заботами об этой части государственного устрой-

ства. Опыт показал, что непосредственное и безраздельное ведение какой бы ни было части управления самим самодержцем, даже при такой выдающейся личности, каков был Император Николай I, не ограждает от неудач и ошибок.

Выше было уже указано, что почин в деле улучшения в устройстве войск принадлежал графу Ридигеру. В представленной им Государю записке заключался перечень главных вопросов, на которые он считал нужным обратить прежде всего внимание[217]. Любопытная эта записка была возвращена с не менее любопытными отметками Его Величества на полях. Приведу здесь только некоторые пункты, характеризующие тогдашние взгляды самого Государя. Указав на невыгоды существовавшей чрезмерной централизации в военном управлении, на необходимость предоставления большей самостоятельности и доверия подчиненным должностным лицам, граф Ридигер затем упоминал об изменении самой системы обучения войск и упрощении строевых уставов. Против этого последнего пункта сделана Государем отметка: "C'est ce qu'on peut faire en prennant pour modèle le reglement Prussien, le plus simple et le plus pratique de tous ceux que je connaisse"*. Затем в записке указывалось на индивидуальное развитие солдата, на регулирование летних учебных занятий войск, на улучшение их содержания. На все это последовали одобрительные отметки Государя; но против замечания графа Ридигера о чрезмерном числе отборных войск (гвардии и гренадер), поглощающих лучших людей (конечно, в физическом отношении) в ущерб армейским войскам, в составе которых замечается мелкий рост, слабосилие и чрезмерно высокий процент больных, сделана Его Величеством такая отметка: "Ce n'est pas tout à fait juste, car notre belle garde depuis qu'elle se trouve dans ces malheureux gouvernements polonais, a autant de malades que les troupes de la ligne qui y sont ordinairement cantonnées"**. Далее в записке приводился целый ряд пунктов, касавшихся выбора начальствующих лиц, образования офицеров, улучшения их материального положения и т.д., и т.д.

---

* "Это то, что можно сделать, принимая за образец прусский регламент, наиболее простой и наиболее практичный из всех, которые я знаю" *(фр.)*.

** "Это не вполне справедливо, поскольку наша прекрасная гвардия за время нахождения в этих злосчастных польских губерниях имеет столько же больных, что и линейные войска, расквартированные там обычно" *(фр.)*.

Приведенная записка послужила программой для работ учрежденной в августе 1855 года Комиссии "об улучшении по военной части". Состав этой Комиссии был усилен в феврале 1856 года несколькими новыми членами, в число которых и я был включен. Комиссия работала неутомимо, поднимая ряд вопросов, касавшихся благоустройства и образования войск. Благодаря ей дан решительный толчок делу снабжения войск нарезным оружием и введена гимнастика; той же Комиссией указана бесполезность тогдашних "образцовых" войск, учебных карабинерных полков, жандармского полка; по ее же почину поднят вопрос об упразднении кантонистов и некоторых войсковых частей небоевого назначения; приступлено к пересмотру строевых уставов и проч., и проч. Многое из того, чему начало было положено в этой Комиссии, получило окончательную разработку только в позднейшее время.

В мая 1856 года открыт был, также под председательством графа Ридигера, особый Комитет для обсуждения вопроса об устройстве при пехотных и кавалерийских дивизиях юнкерских училищ. И в этот новый комитет я был назначен членом. К крайнему прискорбию, полезная деятельность графа Ридигера была непродолжительна; ему не суждено было довести поднятые им многочисленные вопросы до практического результата. С кончиной его 12 июня того же 1856 года начатое им дело реформ перешло в новые руки.

При всей важности и полезности работ Комиссии графа Ридигера надобно, однако же, заметить, что они обнимали лишь одну сторону нашего военного устройства — именно улучшения в самих войсках; но вовсе не касались тех основных начал нашей военной системы, от которых собственно зависит численная соразмерность вооруженных сил государства в мирное время и в военное, а также степень готовности к войне. Какие бы ни были введены улучшения в устройстве и обучении войск, мы все-таки не могли бы, в случае новой большой войны, развить наши силы в требуемом размере, оставаясь при прежних рекрутских наборах, при прежних сроках службы, при прежней организации армии. Опыт показал до очевидности, что постоянно содержимая в мирное время многочисленная армия, истощая финансовые средства государства,

окажется недостаточной для большой и продолжительной войны, если не имеет возможности получить, когда нужно, быстрое и весьма значительное развитие.

Важные недостатки нашего военного устройства были не раз предметом бесед моих с дядей графом П.Д.Киселевым, с которым сблизился я в последние годы. Довольно часто он приглашал меня к обеду, иногда вместе с братом Николаем, и вел продолжительную беседу, то обсуждая дела современные, то рассказывая о своем прошлом, всегда чрезвычайно любопытном. В одной из таких бесед в марте 1856 года граф Павел Дмитриевич завел речь о недостатках нашей системы комплектования и организации войск и высказал свои собственные мысли о тех изменениях, посредством которых считал возможным достигнуть большей численной силы в военное время, без отягощения народа и финансов в мирное. Мысли эти он потом набросал письменно и прислал мне свою записку при такой надписи карандашом: “Вот наши бредни, которые требуют пересмотра и развития по многим предметам. Хотя не полагаю, чтобы мысли эти были приняты, но тем не менее подчиняю их критическому разбору, дополнению и объяснению при случае”[218]. Сущность предположений графа Павла Дмитриевича заключалась в том, чтобы по примеру существовавшей тогда во Франции системы ежегодный контингент рекрут делить на два разряда: одна половина поступала бы в составе действующих войск на полный срок службы, а другая — оставалась бы в домах в виде запаса для формирования в военное время резервной армии. Запасных этих рекрут предполагалось призывать ежегодно на самый короткий срок в уездные города для обучения, а по истечении 10 лет перечислять в ополчение. Соответственно этой основной мысли полагалось произвести некоторое изменение в самом составе армии: Гренадерский корпус упразднить, распределив его полки по армейским дивизиям взамен тех армейских полков, которые предназначались, вместе с Корпусом внутренней стражи, для образования внутри Империи кадровых частей резервной армии. По приведенному в записке расчету получилась бы возможность, при ежегодном наборе по 5 рекрут с каждой тысячи ревизских душ, формировать резервную армию силой до 525 тысяч человек и сверх того — ополчение в 400 тысяч и более.

По желанию графа Павла Дмитриевича я взялся разработать подробнее затронутый им вопрос и в течение марта составил довольно обширную записку под заглавием: "Мысли о невыгодах существующей в России военной системы и о средствах к устранению оных"[219]. В записке этой исходной точкой служило статистическое сравнение числовых результатов принятых в разных государствах систем комплектования и организации вооруженных сил. Сравнение это выказывало наглядно невыгодность нашей системы: численный состав наших вооруженных сил мог быть увеличен в случае войны не более, как на 20 процентов наличного числа в мирное время, не прибегая к мерам чрезвычайным и формированию новых частей войск, тогда как в других государствах армии в военное время возрастают: во Франции — на 70%, в Австрии — удваиваются, а в Пруссии — в 5 раз (т.е. на 400%). Кроме того в записке указывались и частные невыгоды наших тогдашних порядков рекрутского набора, распределения рекрут, продолжительных сроков службы и вредное влияние их на все народонаселение в физическом, нравственном и экономическом отношении. Изыскивая средства к устранению или, по крайней мере, к уменьшению указанных невыгод при тех общих условиях географических, этнографических и культурных, которые присущи нашей обширной и разнообразной стране, я находил невозможным изобрести какую-либо систему, которая могла бы быть распространена на все пространство Империи с таким же единообразием, какое возможно, например, в Пруссии или во Франции. Мне казалось, что главные элементы нашего военного могущества заключаются не в окраинах государства, а в сердце России, в ее центральных губерниях, населенных 26 миллионами душ* чисто русского православного народа, горячо преданного вере своих предков и престолу, народа сметливого, энергичного, промышленного, готового стать грудью за русского царя и православную церковь. В этой части Империи не встретилось бы никаких препятствий к установлению вполне территориальной системы военного устройства; здесь и предполагалось (так же как и в предложениях графа Киселева) формировать в военное время резервы и

* Считая одни ревизские души, подлежавшие рекрутскому набору.

ополчения; держать для них кадры, склады запасов и т.д. Что же касается до пограничных частей Империи (западная полоса за Двиной и Днепром, Кавказ, Финляндия), населенных народом разноплеменным, не везде благонадежным, то по моему предположению следовало смотреть на эти части как на вспомогательный источник военных средств. В этих окраинах, составляющих в случае войны или театр действий, или операционную базу, предполагалось расположить исключительно действующие войска, которые содержать в большей по возможности готовности к войне. Войска эти предполагалось в мирное время пополнять молодыми солдатами, отслужившими 3 года в кадрах резервных войск и, следовательно, вполне обученными; в военное же время доводить эти войска до полного состава призывом бессрочноотпускных из ближайших местностей. Таким средством имелось в виду достигнуть двоякой выгоды: войска в пограничной полосе могли быть приведены в полный военный состав в самый короткий срок, а в мирное время рекруты внутренних губерний, поступая на службу в ближайшие кадровые части и оставаясь в течение первых трех лет на родине, не подвергались бы с первого шага на службу дальнему передвижению и перемене климата, а отправлялись бы в дальние местности тогда только, когда уже достаточно освоились с обстановкой строевой службы и окрепли физически. Самый набор рекрут предполагалось производить везде по жеребьевой системе, с предположенным графом Киселевым делением рекрут на два разряда (хотя я сам и не вполне сочувствовал этой мере). Надобно заметить, что тогда считалось нужным временно допустить изъятие из Общего положения относительно помещичьих крестьян: предполагалось запасных рекрут из этой части населения освободить от ежегодных учебных сборов и самое зачисление этих людей в запас держать в тайне.

Привожу лишь главные основания моего проекта, не упоминая о подробностях, об особенных предположениях относительно Финляндии, Кавказа, Азиатской России и проч. Упомяну только, что уже тогда родилось предположение об образовании военных округов с самостоятельным в каждом из них управлением и с упразднением в мирное время корпусных управлений. В пограничной полосе намечены были следующие округа: Финляндский, Петербургский, Балтийский, Литовс-

кий (или Виленский), Варшавский, Киевский, Новороссийский, Кавказский, Оренбургский, Западный и Восточный Сибирские; сверх того особый округ составляли Область Донского войска и Астраханская губерния. Затем из 29 губерний внутреннего района предполагалось образовать 7 военных округов. Предполагавшееся разделение на округа, пограничные и внутренние, было проектировано по карте, приложенной к моей записке, со многими таблицами и ведомостями, заключавшими в себе подробный расчет числовых данных.

Расчет этот, при предположенном ежегодном контингенте 5 рекрут с тысячи рев<изских> душ (в оба разряда), давал следующий результат:

Для военных действий в Европе и на Кавказе было бы собственно регулярных войск:

Действующих войск:
пехоты: 33 дивизии = 420 батальонов
кавалерии: 15 дивизий = 58 полков = 341 эскадрон
артиллерии: 156 батарей = 1248 орудий
Численная сила: <в> мирное время – 335 110 человек
<в> военное время – 474 020 –

Резервных войск:
пехоты: 36 дивизий = 432 батальона
кавалерии: 8 дивизий = 32 полка = 192 эскадрона
артиллерии: 160 батарей = 1280 орудий
Численная сила: в мирное время – 284 860 человек
в военное время – 449 360 –

Ополчение: только в военное время: 36 пехотных дивизий = 432 дружины
Численной силой –367 200 человек

Всего: в мирное время – 619 970 человек
в военное – 1 290 530 –

и затем оставалось бы еще в запасе до 663 тысяч обученных людей для формирования разных вспомогательных частей при армии, а также для пополнения убыли в войсках.

В исчисление это не вошли ни казачьи войска, ни другие иррегулярные части, ни финские батальоны. Также не приняты в расчет существовавшие еще в то время в южной России кавалерийские поселения. В записке моей предлагалось

упразднить их как учреждение, невыгодное для государства. Напротив того, поселенные войска, подобные нашим казачьим, признавалось полезным даже развивать, но исключительно только на азиатских окраинах, где еще настоит надобность в местной охране края от враждебных полудиких соседей.

Вот в общих чертах содержание разработанного мною в то время проекта. Предприняв эту работу по инициативе моего дяди, ему же я и передал мою записку 26 марта. Граф Павел Дмитриевич отозвался одобрительно о моем труде; но высказал сомнение в том, чтобы проект столь сложной, коренной реформы мог быть принят правительством. И действительно, мой проект заключался не в одних только частных изменениях существовавшего устройства; это был полный переворот системы. Впрочем, излагая свои мысли по вопросу, занимавшему в то время общее внимание, я и не имел в виду дать моему труду официальный ход и был уже тем доволен, что кое-кто из лиц высшей военной администрации дал себе труд прочесть мои pia desideria*, а может быть, извлечь из них что-либо полезное при предстоявших по военной части преобразованиях**. Некоторые из высказанных мною мыслей осуществились скорее, чем я мог ожидать.

Такая продолжительная и упорная война, какова была Крымская, не могла не потрясти наших финансов. Необходимо было как можно скорее перейти снова на мирное положение и затем принять меры к дальнейшему сокращению военных расходов. В то время наши вооруженные силы доведены были до громадной цифры: по официальным сведениям, числилось на всех театрах войны (не считая сибирских и оренбургских войск) до 1 700 000 человек одних регулярных, до 168 тысяч иррегулярных и до 364 тысяч ополчения. Стало быть, всего на продовольствии состояло 2 232 000 человек. Каждый лишний день промедления в переходе на мирное положение обходился казначейству миллионы рублей. Поэтому прежде еще, чем был подписан мир в Париже, в

---

* благие пожелания (*лат.*).

** Вскоре по вступлении в должность нового министра генерала Сухозанета записка моя была в его руках, а также и наперсника его тайного советника Брискорна. И тот, и другой, озабоченные почти исключительно сокращением расходов, конечно, нашли мои предположения радикальными, не соответствующими тогдашнему направлению.

Военном министерстве уже началась деятельная работа по приведению войск в мирный состав. Операция эта была делом не легким и сопряжена с довольно сложными соображениями. В тогдашнем громадном составе войск большинство людей были молодые солдаты, поступившие по наборам последних двух годов, а следовательно, увольнение разом всего излишнего числа нижних чинов, при соблюдении старшинства сроков службы, повело бы к полному расстройству армии, она обратилась бы исключительно в массу рекрут. Чтобы избегнуть такой важной невыгоды, Инспекторскому департаменту Военного министерства* приходилось придумывать разные меры, установив известную постепенность в увольнении нижних чинов в отставку, в бессрочный и временный отпуска. Само собой разумеется, что прежде всего и неотлагательно были распущены по домам ополчения и иррегулярные войска; а затем оставшиеся еще в излишестве 600 тысяч человек увольнялись частями и без строгого соблюдения старшинства сроков, дабы удержать хотя некоторую часть старослужащих унтер-офицеров и рядовых, а также людей разных специальных назначений (писарей, мастеровых, музыкантов и т.п.). Тут и выказалась в колоссальных размерах невыгода тогдашней системы комплектования армии и продолжительных сроков службы. Притом оказалось так мало порядка в учете людей, что не досчитано до 56 тысяч человек, о которых не имелось сведений, куда они девались.

Вместе с сокращением числа рядов в частях войск принимались меры и к расформированию таких частей, которые были сформированы временно в продолжение войны или имели небоевое назначение; также сокращались штабы и управления. 27 марта последовало распоряжение о новом распределении войск по армиям: вместо прежних четырех армий образованы только две: первая, под начальством генерал-адъютанта князя Горчакова, из 1-го, 2-го и 3-го корпусов, с главной квартирой в Варшаве, и вторая, под начальством генерал-адъютанта Лидерса, из 4-го, 5-го и 6-го корпусов, с главной квартирой в Одессе. Вместе с тем прежние "пехотные" корпуса переименованы в "армейские". Соответственно

* Дежурным генералом в то время был генерал-адъютант Катенин, заместивший в начале 1855 года генерала Игнатьева, назначенного петербургским военным генерал-губернатором.

новому распределению армий произошли изменения и в составе штабов. Приказом того же 27 марта командир 5-го корпуса генерал-адъютант Коцебу назначен начальником главного штаба 1-й армии*, а генерал-майор Непокойчицкий — 2-й армии; генерал-квартирмейстерами: в 1-ю — генерал-лейтенант Бутурлин, во 2-ю — генерал-майор Козлянинов; дежурными генералами: в 1-ю — генерал-майор Заболоцкий, во 2-ю — Червинский; генерал-интендантами: генерал-майоры Мельников и Затлер.

В начале апреля расформирован Гвардейский резервный корпус. Генерал-адъютант князь Барятинский остался опять без должности, по-прежнему при Особе Его Величества. Генерал-адъютант князь Меншиков и другие лица, имевшие временные назначения, также уволены от этих должностей, и штабы их упразднены. На долю Инспекторского департамента выпала громадная работа со всеми этими перечислениями, увольнениями, упразднениями и т.д. Распоряжения следовали одни за другими; поспешно разрабатывались соображения относительно будущего состава войск по мирному времени.

В обширной и сложной работе, лежавшей в описываемое время на Военном министерстве, мое личное участие сосредоточивалось преимущественно на кавказских делах и на занятиях Балтийского комитета, восстановленного в начале апреля опять под председательством Великого Князя Константина Николаевича и состоявшего на этот раз из следующих лиц: Великих Князей Николая и Михаила Николаевичей, по их званиям генерал-инспектора инженеров и генерал-фельдцейхмейстера; обоих товарищей Их Высочеств, генералов Дена и Корфа; вице-адмирала барона Врангеля, инженер-генерала Фельдмана, генерал-квартирмейстера барона Ливена, генералов Мерхелевича, Лутковского, Баранцова, Тотлебена и полковника Кауфмана (Константина Петровича). Я же по-прежнему был назначен членом и управляющим делами Комитета. Задачей последнего было — определить по указанию опыта минувшей войны, которые из прибрежных пунктов Балтийского моря и Финского залива должны быть и на будущее время обеспечены укреплениями,

* Вместо генерала Коцебу командиром 5-го корпуса назначен генерал-адъютант Безак, а вместо последнего командиром 3-го корпуса — генерал-лейтенант барон Врангель (Карл Егорович).

которые следует вновь укрепить и какого рода должны быть фортификационные сооружения. Работы Комитета продолжались недолго и ограничились лишь несколькими заседаниями.

Что же касается кавказских дел, то прежде всего представлялся вопрос о войсках, временно находившихся в том крае по случаю войны, именно: 13-й, 18-й пехотных и Кавказской резервной дивизий, двух полках драгунских и некоторых других частях. По предположениям Инспекторского департамента, войска эти должны были неотлагательно быть выведены с Кавказа в кадровом составе и расположены во внутренних губерниях, в местах, предназначенных им по новой общей диспозиции войск. Остававшиеся на Кавказе постоянные войска положено было переформировать в состав четырех полных дивизий: Кавказской гренадерской (вместо прежней Гренадерской бригады), 19-й, 20-й и 21-й пехотных.

Это время счел я самым удобным, чтобы напомнить о прежней моей записке, составленной еще осенью 1854 года[220] и оставленной тогда без последствий, — о том, чтобы войска, временно поступившие по случаю войны в подкрепление Кавказского корпуса, употребить по окончании войны с пользой для самого Кавказа. Мысль эта в основании своем была одобрена Государем; но для решения вопроса о том, как именно означенные войска лучше употребить на Кавказе, было Высочайше повелено препроводить мою записку на заключение наместника кавказского генерала Муравьева, а вместе с тем спросить мнения других лиц, близко знакомых с Кавказом: князя М.С.Воронцова, Коцебу и князя Барятинского. Кроме этих лиц, князь Долгоруков признал полезным также спросить мнения отставного генерал-майора Вольфа и генерал-майора Неверовского, находившихся тогда в Петербурге.

Инспекторский департамент, заботившийся преимущественно о скорейшем приведении в исполнение составленного им и получившего уже Высочайшее утверждение общего плана будущего устройства и расположения войск, не сочувствовал мысли об удержании на Кавказе упомянутых дивизий. Чтобы не нарушать общего плана, министерство и сам Государь соглашались первоначально на оставление этих дивизий на Кавказе только на предстоявшее лето и требовали возвращения их во внутрь Империи осенью того же года. Предполагалось перевезти одну пехотную дивизию по Черному

морю, другую — по Каспийскому и по Волге. Однако ж, мне удалось убедить военного министра в том, что удержание 13-й, 18-й и Кавказской резервной дивизий на одно только лето не удовлетворит предположенной цели, так как существенную пользу для края может доставить не какое-либо предприятие, вроде производившихся в прежнее время экспедиций в горы, а настойчивое довершение тех общих мер, которые были уже предприняты в разных частях края для систематического утверждения в них русской власти. Предпринимаемые для того работы должны быть соображаемы с топографическими условиями разных местностей, так что войска могут быть употреблены в одних местах преимущественно летом, в других же — зимой или ранней весной; а следовательно, в одно лето ничего существенного не могло быть исполнено; к тому же пришлось бы перевозить войска морем или направить походным порядком в самое неблагоприятное время года — в глубокую осень или даже зимой.

В таком смысле представлен был 6 апреля доклад Государю[221]. В то же время получено и представление от генерала Муравьева о неудобоисполнимости предполагавшейся перевозки войск морем в будущую осень. Генерал Муравьев признавал необходимым упомянутым дивизиям дать отдых в течение лета в удобном квартирном расположении и потому, не ожидая окончательного решения поднятого вопроса, направил уже 13-ю дивизию по Военно-Грузинской дороге на линию, а 18-ю — на квартиры в Закавказском крае.

По получении моей записки генерал Муравьев, в отзыве от 23 апреля, выразил полное согласие с основной мыслью относительно употребления войск не на какие-либо бесплодные экспедиции в горы, а на скорейшее приведение в исполнение мер, уже признанных полезными по прежним планам. Получение между тем мнения названных пяти лиц (князя Воронцова, Коцебу, князя Барятинского, Вольфа и Неверовского), по Высочайшему повелению, были также препровождены на заключение генерала Муравьева, без имен авторов, а с обозначением буквами. Генерал Муравьев, в отзыве от 24 апреля, заявил, что из всех пяти записок отдает предпочтение обозначенной буквой А, которую и принял в соображение при составлении своего плана действий на текущий год, представленного при том же отзыве от 24 апреля. Записка эта

оказалась мнением генерала Вольфа; оно заключалось собственно в том, чтобы привести в исполнение уже прежде предположенные работы и довершить начатые. Предположение это вполне согласовалось с планом, выработанным в тифлисском штабе. В том и другом заключались следующие предположения:

1) Прежнюю Черноморскую береговую линию не восстановлять, а занять снова лишь ту часть ее, которая составляла 1-е отделение той линии (т.е. от устья Кубани до Геленджика), прикрыв это треугольное пространство со стороны горцев Адагумской линией, к устройству которой было уже прежде приступлено.

2) На правом фланге линии — связать передовой линией укреплений и постов верховья Кубани и Лабы и под прикрытием этой линии водворить у подошв гор казачье население (3-й Лабинский полк), а затем на пространстве между Больш<ой> Лабой, Белой и Адагумом постепенно устраивать ряд укреплений у выходов из горных ущелий.

3) Во Владикавказском округе — разрабатывать дорогу по Джераховскому ущелью, устроить новое укрепление в верховьях р. Ассы и тем утвердиться в нагорной стране, прилежащей с востока к Военно-Грузинской дороге, прикрыв эту часть края со стороны Большой Чечни.

4) На левом фланге линии — устроить укрепление с переправой на р. Аргуне, на пути из Грозной в Воздвиженское, приступить к заселению казаками нижней части р. Сунжи, а впоследствии распространять это население вверх по Сунже и Аргуну.

Что касается Дагестана, Лезгинской долины и других частей Закавказского края, то в представлении генерала Муравьева не высказывалось положительных предположений, так как он считал нужным предварительно ознакомиться лично с этими частями края.

Ввиду изложенных предположений и согласно мнению генерала Муравьева последовало Высочайшее повеление не выводить в том году с Кавказа 13-ю, 18-ю и Кавказскую резервную дивизии, расположив их на лето, для отдыха, частью на линии, частью в Закавказском крае.

Приведенная переписка по кавказским делам послужила поводом к первому знакомству моему с князем А.И.Барятинским, который в то время жил в Петербурге без всяких служебных занятий. Мы виделись с ним довольно часто; он при-

езжал ко мне. Познакомился с моей семьей, и мы проводили целые часы в беседе о Кавказе. Нас сблизило общее нам обоим живое участие в положении этого края и забота о дальнейшей его судьбе. Князь Барятинский прочел мои записки прежних годов по этому предмету, давал мне для прочтения разные свои записки, и ни в чем наши убеждения относительно предстоявшего образа действий не расходились.

Вследствие этого обмена мнениями выработался проект нового военно-административного разделения Кавказского края и распределения в нем войск. В записке, представленной князем Барятинским Государю[222], изложено было такое предположение: существовавшее общее управление Кавказской линии и Черномории упразднить*, а взамен его образовать два отдельных управления: *Правого крыла* и *Левого крыла*. В состав первого включить прежний правый фланг линии, Черноморию, прежнее 1-е отделение Черноморской береговой линии и часть прежнего центра линии; в состав же *Левого крыла* должна войти вся остальная часть прежней Кавказской линии до Каспийского моря и р. Сулака. Главными пунктами управления обоих отделов предназначались Екатеринодар и Владикавказ. Затем весь Прикаспийский край (Северный, Средний и Южный Дагестан) образовал бы третий военно-административный отдел, с главным пунктом управления – Темир-Хан-Шурой, а весь Закавказский край, со включением Абхазии и Цебельды – четвертый отдел.

По этим четырем отделам предполагалось распределить и войска, так что к каждому отделу приурочивалось по одной пехотной дивизии: 1-му отделу – 19-я, 2-му – 20-я, 3-му – 21-я и 4-му – Кавказская гренадерская. Начальником каждой дивизии был бы сам командующий войсками в отделе; в первых трех отделах в его же лице сосредоточивалось и все местное управление края. Командующие войсками всех четырех отделов непосредственно подчинялись главнокомандующему.

Записка князя Барятинского, по Высочайшему повелению, была препровождена на заключение к генералу Мура-

* В числе соображений, побуждавших к упразднению Кавказской линии, было желание положить конец притязаниям начальства линии на самостоятельность и соперничеству его с главным тифлисским начальством – что было последствием деления края на две почти равномерные части, по сю и по ту сторону Кавказского хребта.

А.И.Барятинский

вьеву, который представил свой проект разделения Кавказского края[223]. По его предположению, все войска были бы распределены между тремя корпусами, командиры которых были бы и главными местными начальниками: один — в западной половине Кавказской линии, от Черного моря до Военно-Грузинской дороги; другой — в восточной, от Военно-Грузинской дороги до Каспийского моря, со включением Северного Дагестана; и третий — Закавказского края, со включением Южного Дагестана, Абхазии и проч. Вместе с тем предлагалось все пехотные полки переформировать в 4-батальонный состав и образовать 5-ю дивизию — 22-ю. В каждом из трех отделов одна часть расположенных войск была бы назначена для занятий местных пунктов, а другая составляла бы свободный, подвижный резерв. Местное управление

в подразделениях каждого отдела было бы возложено на начальников дивизий и на атамана Черноморского казачьего войска и т.д. Управление казачьими войсками, линейным и Черноморским, предполагалось оставить в прежнем положении, с подчинением атаманов непосредственно главнокомандующему.

С вопросом о военно-административном делении края в записке князя Барятинского связано было предположение о сбережении в денежных средствах на содержание управлений, с тем, чтобы воспользоваться этими сбережениями для увеличения содержания войск на Кавказской линии вровень с закавказскими. Муравьев же не признавал это нужным.

Проект генерала Муравьева представлял множество явных неудобств и даже несообразностей, которые и были подробно указаны в составленном мною по этому предмету всеподданнейшем докладе[224]. Предполагавшееся в обоих проектах устранение невыгод двойственного подчинения войск, с одной стороны — своим прямым строевым начальникам, с другой — местным, вполне достигалось предположением князя Барятинского, между тем как в предположении Муравьева бросалось в глаза совершенное несоответствие между строевой организацией войск и распределением их по местным отделам. Разобщение Северного Дагестана от Южного, разграничение западного отдела от восточного по Военно-Грузинской дороге, постоянное выделение одних войск в резерв, а других в местные гарнизоны — все эти предположения были крайне неудачны, непрактичны, явно противуречили главной цели преобразования военно-административного устройства Кавказского края. Согласно заключению в представленном 2 мая всеподданнейшем докладе, предположение генерала Муравьева было положительно отвергнуто, и Высочайше повелено отложить решение означенного важного вопроса, ограничившись на первое время приведением в исполнение лишь тех предположений, которые были выработаны в Инспекторском департаменте и уже утверждены Государем, — собственно по строевой организации войск, т.е. состава полков, дивизий и прочих частей*.

* На докладе 2 мая положена была следующая Высочайшая резолюция: “Согласен и не вижу никакой необходимости отходить от утвержденного мною нового состава войск Кавказского корпуса, и требую, чтобы он был приведен в исполнение в самом скорейшем времени. То же относится и до формирования и расположения новых драгунских полков”.

Как в представленной мною первоначально записке относительно предстоявшего образа действий на Кавказе, так и во всех прочих других сообщенных генералу Муравьеву записках по тому же предмету выражалась мысль, что для успокоения Кавказа необходимы, кроме силы оружия, и меры административные для достижения того нравственного влияния русской власти на туземное население, которое составляет основу истинной и полной покорности народов. Генерал Муравьев и по этому предмету высказал своеобразное мнение: разбирая записку князя Барятинского, он находил, что все изложенные в ней предположения о системе управления горцами, об утверждении между ними поземельной собственности, о поддержании местной аристократии, о развитии торговли и промышленности и т.д. – суть "общие рассуждения об отвлеченностях", относящиеся к отдаленной будущности. По мнению кавказского наместника, "можно достигнуть желаемой цели только трудом, избранием людей способных и временем; но неудобно стеснять мысль правящих формами и предначертанными действиями там, где сама природа представляется в тысячи разнообразных видах". К этому генерал Муравьев добавил: "Начертать общее правило управления горскими народами я нахожу невозможным, а следует заняться каждым предметом исключительно, обсудить его и действовать с постоянством, клонясь к предначертанной цели и *не предаваясь мечтам*".

Против такого мнения наместника кавказского представлено было составленное мною возражение. "Нельзя допустить, – сказано было в докладе, – чтобы ход администрации был предоставлен случайному течению, без указания со стороны высшего правительства общей цели и направления. Сам генерал Муравьев признает, что во всех действиях управления следует неуклонно стремиться к известной предначертанной цели. Для того именно, чтобы начертать эту цель, и возникла настоящая переписка с наместником кавказским, от которого ожидались точнейшие указания самых способов достижения желаемых результатов. От него зависело не оставлять предложенных на его обсуждение вопросов в сфере "общих суждений" и "отвлеченностей", а дать им направление практическое, сообразное с настоящим ходом дел, ближе всего ему известных". Далее указывался в докладе це-

лый ряд предметов, по которым уже ранее производилась переписка, по которым в самом штабе кавказском хранились разные проекты и которые отчасти уже и приводились в исполнение, как например, по организации управлений горскими племенами, по распределению поземельной собственности, по торговым сношениям с туземцами, по устройству школ и т.д. На докладе этом положена была Высочайшая резолюция: "Согласен".

На приведенном докладе закончились мои занятия кавказскими делами. С назначением нового лица на пост военного министра изменилось и мое служебное положение, о чем должен я теперь рассказать, предоставляя себе возвратиться в своем месте к дальнейшему ходу дел кавказских.

В течение апреля месяца последовали некоторые весьма крупные перемены в личном составе высшего правительства. 4-го числа уволен от должности министра иностранных дел граф К.В.Нессельроде, принимавший в течение почти пятидесяти лет (с 1807 г.) деятельное участие во всех дипломатических делах Европы, наряду с самыми знаменитыми политическими деятелями XIX столетия. Подписанием Парижского мирного договора закончил он свое видное поприще. На место его призван князь Александр Михайлович Горчаков, выказавший много такта, энергии, ловкости на посту посланника в Вене при крайне трудных обстоятельствах последнего времени. Назначение его было принято весьма сочувственно в русском обществе; радовались у нас тому, что политика наша наконец вверена человеку русскому, притом родовитому, потомку Рюрика, сумевшему поддержать достоинство России перед вероломной и двуличной Австрией.

Вслед за тем последовало назначение графа А.Ф.Орлова, только что возвратившегося из трудной миссии на Парижском конгрессе, председателем Государственного Совета и Комитета министров, на место князя А.И.Чернышева, который по совершенному расстройству здоровья и преклонным годам окончательно переселился в Южную Италию. На место же графа Орлова командующим Императорской Главной квартирой назначен граф Владимир Федорович Адлерберг с оставлением и министром Двора.

17 апреля уволен от должности военного министра князь Василий Андреевич Долгоруков, и на место его назначен ге-

нерал от артиллерии Николай Онуфриевич Сухозанет. Князь Долгоруков вступил в должность военного министра в 1852 году, только за год до начала войны. Не раз уже я имел случай объяснять характер его деятельности. При Императоре Николае военный министр не был самостоятельной и ответственной главой военного ведомства; это был не более как докладчик при Государе; настоящим и прямым руководителем всего управления военного был сам Царь. Советником же Государя по военным делам можно было признать разве одного фельдмаршала князя Паскевича, который пользовался почти до конца авторитетом в глазах Императора. Несмотря на то, в общественном мнении все неудачи и бедствия минувшей войны, все недостатки, обнаруженные ею в устройстве нашей армии пали на военного министра. Князь Долгоруков сделался козлищем очищения чужих грехов. Его обвиняли и в несовершенстве тогдашней организации армии, и в плохой системе резервов, и в оказавшемся недостатке пороха, в плохом вооружении и т.д., и т.д. Князь Долгоруков, отличавшийся высоким чувством долга, чуткий к общественному мнению, с благородством принял на себя ответственность за испытанные Россией невзгоды. Быть может, даже он и сознавал в душе, что не был на высоте своего положения при тогдашних трудных обстоятельствах. Каковы бы ни были его задушевные побуждения, во всяком случае он поступил с благородством и достоинством, обратившись к Государю с просьбой об увольнении его от должности. Император, благоволивший любимому министру своего родителя, всегда оказывавший ему самое милостивое расположение, согласился на его просьбу — и смена министра была решена. С сожалением Военное министерство расставалось с князем Василием Андреевичем, который отличался спокойным, всегда ровным, вежливым обращением с подчиненными, хотя и держал себя несколько сухо, сдержанно. Лично ко мне он относился всегда с особенной благосклонностью и любезностью. На прощание представил он меня к награждению *вне правил**.

* Полученная мною на Пасху Станиславская лента считалась наградой вне правил потому, что после предыдущей награды прошел только один год. Установленный двухлетний срок между последовательными наградами строго соблюдался.

Новый министр генерал от артиллерии Сухозанет был сухощавый, тщедушный, беловласый старичок; по слабости зрения носил очки с темными стеклами и вообще на вид был старообразнее своих лет*. В его выражении лица, обращении, манерах сквозь добродушие проглядывала некоторая тонкость, даже хитрость. По своему образованию он принадлежал к отжившему поколению; малограмотность его была предметом насмешек и анекдотов на его счет. Назначение такого, неизвестного дотоле петербургскому обществу генерала на пост военного министра, на котором привыкли видеть высокосветских царедворцев – князя Чернышева, князя Вас<илия> Андр<еевича> Долгорукова, – встречено было общим удивлением. При виде этого загадочного старца шутники окрестили его прозвищем “Сатурна”, “Сезостра” и проч.

В самом министерстве Военном новый начальник был встречен с некоторым недоумением. Первоначально поселился он у старшего своего брата Ивана Онуфриевича, который относился к младшему брату с тоном покровительства, что не могло произвести выгодное для него впечатление на подчиненных и возвысить его авторитет. Иван Онуфриевич приглашал к обеду поочередно старших чинов министерства, чтобы доставить своему брату случай знакомиться с новыми его подчиненными. В числе их удостаивался и я приглашений. Новый министр отнесся ко мне благосклонно; очевидно, он имел уже на мой счет рекомендации как от своего брата, так и от предместника; по крайней мере, ему было известно, что князь В.А.Долгоруков имел меня в виду на место директора канцелярии министерства, которой с отъезда барона Вревского в Крым управлял временно тайный советник Федор Герасимович Устрялов. При первом же со мною разговоре генерал Сухозанет завел речь о том, что главным своим делом ставит хозяйственную часть министерства, сокращение военных расходов и что на это дело должно быть обращено и главное внимание канцелярии министерства. Этим разговором хотел он дать мне понять, что в выборе лица на должность директора канцелярии должно быть дано предпочтение чиновнику опытному и сведущему в делах хозяйственных. И действительно, вскоре сделалось известно, что выбор остано-

* В 1856 году Сухозанет был не старее 62 лет.

вился на тайном советнике Максиме Максимовиче Брискорне, человеке преклонных лет, служившем в давние времена в Военном министерстве, состоявшем в Военно-походной канцелярии еще в царствование Императора Александра I, а потом занимавшем высшие должности в Государственном контроле*. Назначение Брискорна на должность директора канцелярии Военного министерства состоялось 4 мая. При последующих моих свиданиях с генералом Сухозанетом шла речь о Департаменте военных поселений, которому предстояло преобразование по случаю решенного уже предположения об упразднении военных поселений и оставлении в заведовании Департамента лишь иррегулярных войск. Военный министр спросил меня, согласен ли я буду занять место директора этого Департамента в предположенном новом составе его. Оказалось, однако же, что и на эту должность нашелся другой кандидат — Генерального штаба генерал-майор Веригин**.

Между тем прежние мои занятия лично при военном министре прекратились. По делам кавказским генерал Сухозанет не имел уже во мне надобности с поступлением вновь на службу отставного генерал-майора Вольфа, старого моего товарища по Кавказу, вполне знакомого с тем краем. Николай Иванович Вольф возвратился к прежнему своему положению в Военном министерстве как дельный и опытный специалист по делам кавказским. Новый министр, конечно, не предвидел, какие затруднения и неудобства причинит ему вынесенная Вольфом с прежней его службы на Кавказе неприязнь с бывшим начальником штаба князем Барятинским, который, пользуясь расположением и полным доверием Государя, получил преобладающее влияние на решение важнейших вопросов по Кавказскому краю. Так как взгляды князя Барятинского всегда и во всем были диаметрально противуположны мнениям генерала Муравьева, то генералу Сухозанету приходилось становиться на сторону

---

* Далее в автографе зачеркнуто: человеке, имевшем репутацию умного и опытного дельца *(прим. публ.)*.

** Бывший директор Департамента военных поселений генерал-лейтенант Пилар фон Пильхау уволен от должности 1 июня. Назначение же на его место генерала Веригина состоялось только 30 августа.

того или другого. И тут неизбежно высказывалось небеспристрастное влияние генерала Вольфа. Так, по одному из первых вопросов, встретившихся вслед за оставлением мною занятий по кавказским делам (6 мая) представлен был всеподданнейший доклад, в котором заключение было в пользу наместника генерала Муравьева и упоминалось, что доклад этот был предварительно сообщен на рассмотрение князю Барятинскому, который изложил свое мнение в особой записке. "Хотя я и не разделяю его мнения, — прибавил генерал Сухозанет, — и остаюсь при прежнем моем заключении, тем не менее долгом считаю записку князя Барятинского повергнуть также при сем в подлиннике на Высочайшее Вашего Величества воззрение". Доклад этот возвращен был министру с такой Высочайшей надписью: "Я, напротив того, вполне разделяю мнение князя Барятинского".

Таким образом, генерал Муравьев на все свои представления и предположения получал отказ и возражения. С каждым днем становилось очевиднее, что ему невозможно долее оставаться на своем посту. Преемник ему уже был готов[225].

Не имея определенного служебного положения в Военном министерстве и оставшись без всяких занятий, я решился возвратиться к прежним моим работам историческим, от которых был оторван случайно военными обстоятельствами. 5 мая подана мною министру докладная записка, которой я просил об отчислении меня от всех занимаемых мною должностей, с тем, чтобы дать мне возможность предаться исключительно возложенным на меня по Высочайшей воле военно-историческим работам; а вместе с тем — об увольнении меня в отпуск на 4 летних месяца. Пользуясь званием генерал-майора свиты Его Величества и положенным по этому званию (хотя и весьма ограниченным) содержанием, я не имел уже необходимости в каком-либо другом служебном положении.

Генерал Сухозанет был несколько удивлен моим решением; однако же, просьба моя не встретила с его стороны никаких препятствий; но канцелярская процедура протянулась довольно долго по случаю предварительных сношений с разными ведомствами, в которых числился я по службе, а также по причине отсутствия Государя, который, выехав 6 мая в

Москву, совершил путешествие в Варшаву и потом в Берлин для свидания с Королем Прусским, оказавшим такую важную услугу России во время минувшей войны. Император возвратился через Кёнигсберг, Митаву и Ригу в Петербург 31 мая. Доклад обо мне был отправлен за границу, и 29 числа получил я от военного министра уведомление о Высочайшем соизволении на мои прошения: я был уволен в 4-месячный отпуск с отчислением от занимаемых должностей, за исключением, однако же, звания члена Военно-ученого комитета, которое оставлено за мной по личной воле самого Государя. При этом вопрос о будущей моей материальной обстановке разрешился благоприятнее, чем мог я рассчитывать: сверх присвоенного званию генерал-майора свиты штатного содержания назначено мне добавочных 1724 рубля в год. В Высочайшем приказе объявлено о моем увольнении 3 июня.

Итак, я возвращаюсь к тому роду жизни и к тем занятиям, с которыми так свыкся в течение многих лет, предшествовавших войне. С полной искренностью могу сказать, что я был доволен этой переменой в моей жизни и нимало не сожалел о несбывшихся видах на занятие значительного поста в военном управлении. Не честолюбие влекло меня на этот путь, а чистосердечное желание работать с пользой для общего дела. Судить о том, в каком именно служебном положении я мог быть наиболее полезен — принадлежало не мне, а начальству; поэтому, лишь только выяснилось, что Военное министерство в услугах моих уже не нуждалось, я с чистой совестью удалился от бюрократической суеты и возвратился к той тихой, скромной деятельности писателя, в которой прожил так счастливо восемь лет перед войной. Мне улыбалась мысль — провести лето спокойно, в занятиях, вдали от Петербурга, вдали от всякой суеты и треволнений.

ЛЕТО И ОСЕНЬ 1856 ГОДА

С удовольствием покинул я Петербург 6 июня, со всей своей семьей. Доехав до Чудова по Николаевской железной дороге, продолжали мы путь в двух экипажах на Новгород и далее через Шимск, Княжий двор, Солцы до мызы Никольской. Здесь нашли мы спокойное, комфортабельное убежище; хозяин, А.Н.Мордвинов, предоставил в наше пользование всю домовую обстановку и вполне готовое хозяйство. Поселились мы в маленьком флигеле, рядом с большим домом, куда ходили обедать. Прямо из дома и флигеля — выход в сад, разбитый по отлогому спуску к р.Шелони. В саду были оранжереи с фруктовыми деревьями; на реке — купальня и паром. Староста Федор Артемьич, почтенный старик с белой окладистой бородой, и садовник Демид оказывали нам самое радушное гостеприимство и старались всячески угождать нам. Дети могли вполне наслаждаться деревенским привольем; целые дни проводили они в саду или в ближней роще. Иногда же предпринимались дальние прогулки, пешеходные или в хозяйском экипаже, имевшем форму большой линейки, на которой удобно усаживалась вся семья. Усадьба, называвшаяся "Никольским", окружена несколькими деревеньками, также принадлежащими нашему гостеприимному хозяину; а несколько далее находились большие села: Раицы, Лемно и др. Раз сделали мы приятную поездку в село Лемно в день тамошнего приходского праздника. Одна из поездок вышла не совсем благополучной: линейка опрокинулась, и все сидевшие в ней были выброшены; некоторые из детей отделались синяками; но жена получила более значительный ушиб, от которого довольно долго не могла выходить из дома.

Несколько времени спустя после нашего водворения в Никольском приехал туда и сам хозяин. Это был чело-

век уже пожилой, умный, но тяжелого характера, эгоист и с угловатыми формами; однако ж, присутствие его нисколько нас не стесняло; притом он прожил с нами недолго. Молодые же Мордвиновы, т.е. сестра моя и зять Семен Александрович, проводили это лето за границей. Сестре, страдавшей гландами в груди, предписано было врачами лечение Крёйценахскими минеральными водами. Выехав из Петербурга морем в начале мая, они прожили часть лета в Германии*. Проездом через Эмс сестра посетила могилу несчастного брата Владимира, и только тут, на самом месте самоубийства, сделались ей известны грустные подробности трагической его кончины. В августе сестра и зять посетили Швейцарию, а потом на зиму отправились в Италию.

Пребывание в Никольском было для меня возвращением к прежней тихой, уединенной и трудовой жизни после трех лет перерыва. Снова принялся я за историческую работу, уделяя, однако же, ежедневно часа по два на уроки старшим детям. Материалы для предпринятого мною обширного труда по истории Кавказской войны подготовлялись капитаном Генерального штаба Дм<итрием> Хр<истиановичем> Бушеном, добросовестным тружеником, симпатичным молодым человеком, с которым я сблизился дружески**. Пока рылся он в архивах петербургских, московских и кавказских, составляя описи хранящихся в них громадных материалов по Кавказу, я, со своей стороны, приступил к обработке первых глав предпринятого сочинения. Предположив начать его с общего историко-географического очерка Кавказского края и с первых исторических данных о древнейших сношениях его с обитателями теперешней России, я должен был прежде всего ознакомиться с обширной литературой своего предмета, разбирать многочисленные спорные вопросы этнографические. Пришлось перечитать множество книг, брошюр и отдельных статей в повременных изданиях. С первого же присту-

* Далее в автографе зачеркнуто: Крёйценахские воды принесли было сестре некоторую пользу, но потом она снова расстроилась *(прим. публ.)*.

** Прежний мой сотрудник – капитан Мацнев, так же как и я сам, был отвлечен от исторических занятий военными обстоятельствами.

па к работе почувствовал я большой недостаток в своей подготовке — незнание восточных языков, так как важнейший источник для истории Кавказа отдаленных времен заключается в писателях арабских, армянских, грузинских. Пользуясь трудами новейших ориенталистов, переводивших этих писателей (Klaproth, Fraen, Dorn, Reinaud, Vivien de st-Martin, Deguigne, Brosset, Куник, Савельев, В.В.Григорьев), я встречал, однако же, на каждом шагу необходимость в сличении подлинных названий и выражений древних писателей. В отношении армянских текстов, пользовался я помощью одного кавказского офицера Лазарева, который перевел для меня некоторые места, относившиеся к моей задаче. Кроме того в моих руках была любопытная рукопись одного ученого бакинца Абаскули (с русским переводом). Наконец, получил я от Влад<имира> Петр<овича> Буткова, некогда служившего в Военном министерстве (будущего государственного секретаря и члена Государственного Совета) целые кипы оставшихся от покойного отца его бумаг, в которых заключались черновые его работы по истории Кавказа. Меня чрезвычайно заинтересовал пересмотр всей собранной массы материалов; я делал из них выписки, заметки и даже редактировал вчерне две главы, из которых в одной изложены изыскания о древнейших сношениях Руси с кавказскими странами (в IX и X столетиях), а в другой — показания восточных писателей о набегах русов на кавказские прикаспийские страны в X веке[226].

В часы отдыха от работы по истории Кавказа размышлял я о разных улучшениях в устройстве наших войск. Имея в виду вопросы, уже поднятые в Комиссии графа Ридигера, и возникшее тогда общее стремление к реформам, я набрасывал свои заметки. Конечно, мне тогда и не чудилось, что через весьма короткий промежуток времени судьба приведет меня в то положение, которое откроет мне широкое поле действия для осуществления тогдашних моих идеалов. Впрочем, некоторые из этих предположений уже выступили на очередь и ранее назначения моего на пост военного министра, как-то: упразднение военных поселений, кантонистов, ограничение употребления нижних чинов на разные работы, не имеющие прямого

отношения к строевой службе, преобразование полкового хозяйства и проч., и проч.*

В числе предметов, входивших в программу графа Ридигера, упоминалось о средствах к поднятию образования армейских офицеров и к развитию в их среде вкуса к научным занятиям и чтению. В числе этих средств указывалось на улучшение "Военного журнала"[227], который издавался Военно-ученым комитетом и никем не читался. Мысль эта занимала меня не раз в прежнее время; возвратившись к ней на досуге, в Никольском, я изложил свои собственные соображения о новом периодическом издании: "Военном сборнике", главной целью которого ставилось именно – дать полезное чтение большинству строевых офицеров, приохотить их к умственным занятиям, распространять между ними военные знания в форме сколько можно популярной. Составленная мною записка, заключавшая в себе программу издания, расчет объема его и потребных денежных средств, доставлена была 16 июня дежурному генералу Александру Андреевичу Катенину, на содействие которого в этом деле я рассчитывал более, чем на начальство Генерального штаба. К сожалению, генерал Катенин вскоре уехал в отпуск и оставил свой пост; но записка моя не осталась без последствий: предположение мое об издании "Военного сборника" осуществилось позже, помимо моего участия, когда уже я был опять оторван от моих кабинетных занятий новой и неожиданной переменой в моем служебном положении[228].

Еще во время пребывания в Никольском получил я два предложения: с одной стороны, была речь о месте начальника Академии Генерального штаба, с другой – о месте директора Военно-топографического депо. Приятель мой Карцов уведомил меня о своем разговоре с одним лицом, которого не назвал (по всем вероятиям, Я.И.Ростовцев), о

---

* Далее в автографе зачеркнут следующий текст: Проходили, однако же, в моих тогдашних размышлениях и такие мечты, от которых впоследствии я сам отступился или, по крайней мере, которым не решился дать ход. Упомяну о попытке достигнуть значительного упрощения в строевом уставе пехоты посредством изменения самого состава тактических единиц, начиная с рот и до самых крупных частей. Мне казалось, что всего удобнее в строевом отношении деление каждой единицы на три составные части, т.е. чтобы рота состояла из трех взводов, батальон – из трех рот, полк – из трех батальонов и т.д. В составленной мною записке указывалось, до какой степени упростились бы все построения *(прим. публ.)*.

том, приму ли я место начальника Академии и по поручению того же лица убеждал меня не отказываться от предложения. В то же время велась переписка с бароном Ливеном о замещении генерала Тучкова, которому предназначалось место инспектора всех резервов пехоты*. Однако ж ни то, ни другое из этих предложений не состоялось. Начальником Академии оставался генерал-майор Стефан еще более двух лет (до конца 1858 г.), а что касается до места директора Военно-топографического депо, то я соглашался принять эту должность не иначе, как с условием, чтобы самое положение этого учреждения было изменено. В письме от 20 июня были подробно изложены мои предположения по этому предмету. Прежде всего считал я необходимым для успешного развития картографического дела, чтобы Военно-топографическое депо как учреждение специально-техническое получило более самостоятельное положение, независимое от департамента Генерального штаба и только лично подчиненное генерал-квартирмейстеру. Затем указывал я на необходимость преобразования самого Корпуса военных топографов с целью поднять уровень образования офицеров этого корпуса. Барон Ливен одобрял мои соображения, но выражал опасение, что они встретят сопротивление со стороны военного министра, озабоченного почти исключительно сокращением расходов. Барон Ливен убеждал меня принять предлагаемое место на существующих основаниях, с тем, чтобы предполагаемые реформы проводить потом постепенно, по мере возможности. Зная мягкость характера и неустойчивость мнений барона, я не решился пойти на подобный компромисс; но, избегая прямого отказа на благодушные его предложения, отвечал ему (в письме от 20 июля), что окончательное разъяснение вопроса полагал бы отложить до личного нашего свидания.

Признаюсь, я был так доволен тогдашним своим независимым и спокойным положением, что никакая перемена по службе не соблазняла меня. Всецело предавшись своей работе в деревенской тишине, я был совершенно отчужден от суеты остального мира. О том, что делалось в Петербурге, имел изредка сведения из писем брата Николая и некоторых близких

* Назначение это состоялось 16 сентября 1856 г.

приятелей. Между прочим сообщали мне неутешительные известия о появлении в Петербурге холеры, о приготовлениях к предстоящей коронации, о состоявшихся новых назначениях. Так, узнал я с сожалением о смерти графа Ридигера, случившейся вскоре после моего выезда из Петербурга (12 июня); об упразднении звания главнокомандующего Гвардейскими и Гренадерским корпусами; о назначении графа Павла Дмитриевича Киселева послом в Париж, а бывшего моего начальника князя Вас<илия> Андр<еевича> Долгорукова – шефом жандармов (на место графа Орлова); наконец, о поездке Государя в Гапсаль (с 13 по 19 июля) и случившемся на возвратном его пути оттуда столкновении парохода "Грозящий" с каким-то встречным судном (шведским). Столкновение это обошлось довольно благополучно; только некоторые из сопровождавших Государя лиц получили легкие ушибы, в том числе военный министр Сухозанет.

Главным моим корреспондентом в Петербурге был Ал<ександр> Петр<ович> Карцов, который любезно принял на себя закончить в мое отсутствие все расчеты по "Карманной справочной книжке". В то время он был уже произведен в генерал-майоры свиты и назначен обер-квартирмейстером Гвардейского корпуса*. В одном из писем он сообщал мне ходившие по городу разнообразные слухи: на место графа Киселева прочили в Министерстве государственных имуществ Льва Алексеевича Перовского, а в товарищи ему – моего брата; но в то же время "в известной шайке", радующейся удалению графа Киселева от внутренних государственных дел, заговорили уже об упразднении созданного им министерства. Пущен был также нелепый слух о назначении меня на место генерала Дубельта управляющим III отделением Собственной Е.<И>.В. канцелярии и начальником штаба Корпуса жандармов; слух этот можно было принять не иначе как за злую шутку. В Военном министерстве ожидали перемены: дежурный генерал Алекс<андр> Андр<еевич> Катенин не сошелся с новым министром и под предлогом болезни уехал в отпуск с намерением не возвратиться на свой

---

* Далее в автографе зачеркнуто: В письме от 28 июня, выражая свое удовольствие, что оставил службу по Военно-учебным заведениям, А.П.Карцов писал: "Здесь работы больше, но лжи меньше; дела все простые, текущие, – но без музыки" *(прим. публ.)*.

пост*. Новый директор канцелярии Военного министерства тайный советник Брискорн сделался, по выражению А.П.Карцова, правой рукой министра в работе беспощадного урезывания, упразднения, сокращения в нашем военном устройстве с исключительной целью уменьшать расходы. Брискорн, пользуясь своим влиянием на министра, забирал все дела в свои руки. Крайне изумило всех, что однажды генерал Сухозанет, по случаю своего нездоровья, послал вместо себя с докладом Государю — чиновника Брискорна!

В конце июля Гвардейский штаб и часть войск гвардейских готовились к перемещению в Москву по случаю коронации. А.П.Карцов советовал мне приехать туда к торжеству и предлагал поместиться в отведенной ему квартире. О том же писал мне и князь А.И.Барятинский, продолжавший и заочно оказывать мне самое любезное внимание. В письме от 11 июля с Елагина острова (где на летнее время отведено было ему помещение в дворцовых строениях) он писал мне: "Согласно условия нашего, предупреждаю Вас, что Ваш приезд в Москву, хотя бы и на короткое время, считаю я неизбежным. Я прихожу к сему заключению вследствие некоторых разговоров — (подразумевается, конечно, с Государем) — вызванных мною в видах большего разъяснения подлежащего предмета. Оставляю, однако же, на ближайшее и окончательное решение Ваше оценить мой совет, взвесив в нем и ту часть пристрастия, которая, естественно, могла у меня вкрасться в видах приятного и скорого с Вами свидания".

Советы А.П.Карцова и князя А.И.Барятинского, без сомнения, были весьма разумные: по званию генерала свиты Государевой, конечно, подобало присутствовать при знаменательном, высокоторжественном событии — коронации Их Величеств; но поездка в Москву и участие в блестящих празднествах не входили в мои планы и как-то не совмещались с тогдашним моим настроением духа. Нежелание мое участвовать в предстоявших торжествах, увеселениях, многолюдных сборищах поддерживалось отчасти и не совсем удовлетворительным состоянием моего здоровья. Я воспользовался этим предлогом, чтоб уклониться от по-

* По истечении срока отпуска последовало 8 сентября увольнение генерала Катенина от должности дежурного генерала, место его занял помощник его генерал-майор свиты Герстенцвейг.

ездки, и в таком смысле ответил князю Барятинскому и Карцову, прося их, в случае надобности, объяснить кому следует отсутствие мое нездоровьем.

В то самое время, когда происходила эта переписка, последовало 22 июля* назначение князя Барятинского "командующим Отдельным Кавказским корпусом и исправляющим должность наместника кавказского" со всеми правами, какие были присвоены его предместнику. Назначение на такой высокий пост молодого генерал-лейтенанта** не было ни для кого неожиданностью. Уже гораздо ранее ходили в Петербурге толки о предстоявшей смене генерала Муравьева и о готовом ему преемнике. Приезжие с Кавказа рассказывали о Муравьеве разные анекдоты, высказывавшие его тяжелый, невыносимый для подчиненных характер, своеобразные его приемы в делах управления и проч. Ропот на его образ действий усилился с прекращением войны; началась настоящая эмиграция служащих в том крае. Но, как уже было сказано, положение самого Муравьева было поколеблено; он решился просить об увольнении от должности. Курьер с этим прошением прибыл в Петербург 14 июля, на другой день по отъезде Государя в Гапсаль; сейчас же по возвращении Его Величества и последовало назначение князя Барятинского.

В первых числах августа начался съезд в Москву на коронацию. Государь со всей Царской фамилией прибыл 14-го числа в Петровский загородный дворец; торжественный обряд коронования назначен был на 26-е число. О поездке в Москву я, со своей стороны, перестал и думать и спокойно провел этот день за своей работой, — как вдруг, вечером, в нашем мирном захолустье раздается непривычный почтовый колокольчик и является фельдъегерь, присланный из Москвы, с письмом князя Барятинского от 25 августа. В самых любезных и лестных выражениях он предлагал мне занять должность начальника главного штаба на Кавказе — должность, восстановление которой было

---

* Далее в автографе в скобках зачеркнуто: два дня спустя по возвращении Государя из Гапсаля в Петербург *(прим. публ.)*.

** Князь Барятинский был тогда 41 года от роду, стало быть, одним годом старше меня; по службе же мы были сверстники: произведены в офицеры одним приказом — 8 ноября 1833 года.

«Священнейшее коронование
Его Императорского Величества Александра II
в Успенском соборе. Москва, 26 августа 1856 г.»

только что испрошено им. "Государь Император, – писал мне князь Барятинский, – при изъявлении своего согласия, спросил меня, кого я желал бы иметь на этом месте; я доложил Его Величеству, что не предваривши Вас, не смею просить о Вашем назначении, но что буду Вам тотчас же писать об этом. Государь меня сердечно поздравил с выбором и сказал, что лучшего сделать не мог. Следовательно, остается Вам теперь решить это дело. Посылаю Вам нарочного курьера, чтобы иметь скорее Ваш ответ. В случае Вашего согласия, мне весьма желательно было бы видеться с Вами еще до назначения в Москве. Я отсюда уезжаю между 12 и 15 сентября, и, следовательно, успеете до тех пор поправиться в здоровье. Впрочем, я предупредил Его Величество о Вашем нездоровье и о том, что я предлагаю Вам приехать для личного объяснения со мною. Таким образом, Вы не будете принуждены выезжать в свет, в случае, если бы Ваше здоровье еще требовало некоторой холи. Буду ждать Вашего ответа с нетерпением и оставляю Вам самим судить, до какой степени Ваше согласие меня обрадует"[229].

Вместе с письмом князя Барятинского получил я по тому же предмету два наскоро набросанные письма от А.П.Карцова (24 и 25 августа), который убеждал меня не отказываться от предлагаемого назначения и повторил свое прежнее предложение остановиться у него в случае приезда в Москву[230].

Неожиданное предложение князя Барятинского выпало, как снег на голову; вовсе не подготовленный к такому предложению, я должен был, однако же, немедленно дать ответ, не задерживая фельдъегеря. Но французская пословица говорит: "la nuit conseille"*, а русская – "утро вечера мудренее". На другой же день утром написал я ответное письмо и вручил его фельдъегерю. Выразив искреннюю свою признательность князю Барятинскому за его лестное мнение и доверие, я высказал, однако же, опасение, что плохое мое здоровье не будет соответствовать требованиям деятельной, боевой службы на Кавказе, в чем я имел случай убедиться двукратным опытом прежней моей службы в том крае. "Такого ли человека Вам нужно в помощники? Счи-

* "ночь советует" *(фр.)*

таю долгом совести убедительно просить Ваше Сиятельство, для пользы службы и Вашей собственной, обсудить вновь сделанный Вами выбор”[231].

Строки эти написаны были совершенно чистосердечно; в самом деле, я не полагался на свои силы и опасался не оправдать преувеличенных ожиданий князя Барятинского. Как ни заманчиво было занять на Кавказе такой пост, который открывал мне широкое поле деятельности на пользу этого края, однако ж для спокойствия своей совести я говорил себе: “Да мимо идет чаша сия”.

Не прошло и недели после отправления моего ответа, 2 сентября, под вечер, снова почтовый колокольчик возвестил издали приезд нового посланца. Это был уже настоящий уполномоченный посол от князя Барятинского — капитан Романовский, о котором мне случалось уже прежде упоминать. Он привез мне новое письмо князя Александра Ивановича, от 31 августа, такого содержания:

“Письмо Вашего Превосходительства утверждает меня еще более в том глубоком убеждении, что лучшего выбора я сделать не могу. Скромность и совестливость составляет вернейший залог для начальника, который желает иметь друга в помощнике. Позвольте Вас уверить, Дм<итрий> Ал<ексеевич>, что и я, со своей стороны, буду всячески стараться облегчить Вам труд и трудность положения, предоставляя Вам выбирать себе в помощники людей по Вашему усмотрению и предоставляя себе самому, для моего душевного спокойствия и сердечного удовольствия, устроить Ваше положение во всех отношениях соответственно Вашему слабому здоровью, Вашим способностям, Вашим заслугам и тому положению, которое в крае занимать должны.

Посылаю Вам в виде уполномоченного посла капитана Романовского, который Вам передаст и получит от Вас те объяснения, которые могут ускользнуть или трудно передать на бумаге; он — доверенное мне лицо, и, смею думать, что он вполне сумеет заслужить и Ваше доверие.

Сердечно Вам преданный

Барятинский”[232].

Капитан Романовский был действительно человек, заслуживающий доверия; притом он уже был мне несколько

знаком по Академии*. Возложенное на него князем Барятинским поручение он исполнил так успешно, что совершенно соблазнил меня, убедив ехать в Москву и принять предлагаемое место. Целый день (3 сентября) провели мы вместе в переговорах; вечером того же дня собрался я наскоро в путь, и 4-го числа выехали мы вместе из Никольского, добрались на почтовых лошадях до ст<анции> Чудова, откуда по Николаевской железной дороге прибыли 5 сентября в Москву.

От капитана Романовского узнал я главные новости московских торжеств, многочисленные милости, награды и назначения, объявленные в день коронования и 30 августа. Князь Барятинский произведен в полные генералы и утвержден в званиях главнокомандующего и наместника; князь Мих<аил> Сем<енович> Воронцов получил чин фельдмаршала**; военный министр Сухозанет получил генерал-адъютантство. Командиром Отдельного Гвардейского корпуса назначен генерал-адъютант Плаутин, вместо которого Гренадерский корпус принял генерал-лейтенант барон Рамзай. Генерал-адъютант Гринвальд назначен командиром Гвардейского резервного кавалерийского корпуса. Генерал Плаутин вместе с назначением командиром Отдельного Гвардейского корпуса занял и место председателя в Комиссии об улучшениях по военной части, остававшееся незамещенным по смерти графа Ридигера.

В Москве я застал только последний акт коронационных празднеств; оставались еще не выполненными большой маскированный бал во дворце, несколько парадных обедов да народный праздник. Таким образом, я избежал той праздничной сутолоки, к которой всегда чувствовал отвращение. Остановился я у Александра Петровича Карцова, который занимал отведенную ему квартиру у Каменного моста (дом Ниротморцева) и жил в то время в одиночестве, но ожидал приезда на днях своей жены Екатерины Николаевны из Смоленска. На другой же день по прибытии моем в Москву,

---

* Он кончил курс Академии в 1850 году, а в следующем году уволен от службы по суду "за ссору перед фронтом". Поступив снова на службу рядовым в Апшеронский полк, он был произведен в 1854 году за боевые отличия в прапорщики, а затем, за боевые же заслуги под Карсом, возвращен ему чин капитана Ген<ерального> штаба.

** Князь Воронцов не долго после того прожил: 6 ноября он кончил жизнь в Одессе.

6 сентября, явился я к князю Барятинскому, который жил у Тверских ворот, в доме Вырубова, в роскошной обстановке, окруженный многочисленной свитой. Я нашел его больным; уже несколько дней не выезжал он из дома. Принял он меня с распростертыми объятиями и удержал у себя к обеду, так что я провел с ним значительную часть дня, большей частью глаз на глаз. Наговорились мы вдоволь о предстоявших нам задачах; с обычной своей разговорчивостью князь Александр Иванович развивал свои соображения и виды относительно предстоявшего ему управления краем и военных действий. Тут я узнал, что некоторые из предположенных им мер уже получили окончательно Высочайшее утверждение: так, приказом 16 августа объявлено о новом военном разделении края на четыре главные отдела, с упразднением управления Кавказской линии и Черномории. Относительно устройства восточного берега Черного моря также вопрос был решен согласно предположениям князя Барятинского, и велась переписка с Министерствами морским и иностранных дел относительно восстановления крейсерства для прекращения враждебных нам сношений горского населения с заграничными нашими недоброжелателями, продолжавшими, и по заключении мира, открыто действовать во вред нам в Черном море.

Относительно моего личного положения князь Барятинский подтвердил все то, что было уже передано мне от него словесно капитаном Романовским. С участием входя в мои домашние обстоятельства, он объявил, что не торопит меня приехать немедленно в Тифлис, а предоставляет мне самому решить, когда удобнее собраться с многочисленной семьей в дальний путь. Первая продолжительная моя беседа с будущим моим начальником оставила во мне хорошее впечатление.

В ожидании назначения дня для представления моего Государю я употребил весь день 7-го числа на визиты, как официальные, так и частные, и родственные. Впрочем, из родства своего, некогда столь многочисленного, я нашел в Москве одного только графа Павла Дмитриевича Киселева; тетка же Александра Дмитриевна Неелова жила еще на даче в Петровском парке, где я и посетил ее. Граф Павел Дмитриевич принял меня любезно и пригласил к обеду на следующий день. В то время он уже сдал должность министра го-

сударственных имуществ своему преемнику В.А.Шереметьеву и собирался вскоре выехать в Петербург с тем, чтобы в конце месяца отправиться к новому своему посту в Париже.

8-го числа, в субботу, представился я Государю. Его Величество принял меня весьма милостиво; но вовсе не коснулся предстоявшего мне нового назначения, вероятно, потому, что князь Барятинский, не имевший возможности уже несколько дней, по болезни, видеться с Государем, выехал из дома в первый раз только 9-го числа, в воскресенье, и тут окончательно испросил Высочайшее соизволение на предположенное назначение мое. В этот день и решилась моя участь. 10-го же числа князь Барятинский сообщил военному министру Высочайшее повеление как о восстановлении при войсках на Кавказе звания начальника главного штаба, так и <о> моем назначении исправляющим эту должность, с присвоением того самого содержания, какое в прежнее время получал в этой должности генерал-адъютант Коцебу*, и с выдачей в единовременное пособие на подъем 1 тысячи червонцев. Мне же сообщено об этом официально военным министром 11 сентября. По соглашению князя Барятинского с генералом Сухозанетом объявление о моем назначении в Высочайшем приказе было отложено до того времени, когда я найду возможным устроить свои домашние дела и выехать из Петербурга. Кроме того, с моим назначением связан был вопрос о новом назначении прежнего начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал-майора Индрениуса губернатором в одну из губерний Финляндии.

В продолжение нескольких дней моего пребывания в Москве я имел удовольствие провести один вечер с петербургскими моими приятелями Ив<аном> Павл<овичем> Арапетовым и Андр<еем> Парф<еновичем> Заблоцким; другой вечер – в Большом театре, отлично отделанном заново; 8-го числа был свидетелем неудавшегося народного праздника на Девичьем поле, а 9-го числа обедал в приятельском кружке у Василия Петровича Боткина. С прискорбием вспоминал я о прежнем приятном кружке Т.Н.Грановского, которого уже не стало с прошлогодней

---

* Содержание это состояло из 2802 рублей и негласно добавочных 2 тысяч рублей.

осени. 9-го же числа приехала в Москву Екатерина Николаевна Карцова, с которой и провел я вечер, отказавшись от происходившего в тот день при Дворе большого маскированного бала. Я предпочел беседу с умной женщиной, от которой мог получить полезные дружеские советы насчет предстоявшего переселения в дальний край. Переселение это с целой семьей, в позднее осеннее время и притом ввиду новой беременности жены моей, немало озабочивало меня. Екатерина Николаевна с прискорбием относилась к предстоявшей разлуке с моей женой; однако же, советовала не оставлять семью на зиму в Петербурге, а по возможности ускорить отъезд, пока еще позволяло время года.

Совет этот был вполне разумный; но чтобы последовать ему, необходимо было мне неотлагательно возвратиться в Никольское, перевезти семью в Петербург и, поспешно ликвидировав свои дела, собраться в дальний путь. Мне уже не было возможности оставаться в Москве до выезда оттуда Императорской фамилии. Отбыв (12-го числа) первое дежурство при Государе, по званию генерал-майора свиты, на другой же день откланялся я Его Величеству, другим членам Императорской фамилии, главным начальствующим лицам, распростился сердечно с новым моим начальником князем Барятинским и 14-го числа выехал из Москвы.

С возвращением в Никольское 16-го числа начались поспешно сборы к выезду оттуда в Петербург. Жена моя вполне согласилась с мнением Екатерины Николаевны Карцовой и признала за лучшее не отлагать переезда на Кавказ. Поднялись мы очень быстро и 19-го числа уже покинули Никольское, где провели так спокойно около трех месяцев. 20 сентября мы были уже в своем петербургском жилище и деятельно принялись за устройство домашних дел, желая как можно скорее собраться в дальний путь.

Новый, почти внезапный поворот в моем служебном положении, как я сказал, открывал передо мной обширное поле деятельности, на котором представлялась возможность трудиться с пользой, с осязательными результатами. Притом, юг всегда имел для меня какую-то притягательную силу; с Кавказским краем связаны были лучшие воспоминания моей молодости. Наконец, и для моей семьи немаловажную выгоду представляло переселение из финских тундр в лучшие клима-

тические условия. Несмотря на все эти заманчивые выгоды, я должен однако же сознаться, что первое впечатление, которое произвела на меня и на мою жену неожиданная перемена в нашей жизни, было не совсем радостное. Грустное чувство, с которым мы встретили решение нашей участи, быть может, объясняется самой внезапностью перемены, недоумением, обыкновенно сопровождающим всякий переход от известного, определенного настоящего к будущему неизвестному, гадательному. Только что восстановилась наша прежняя, скромная, спокойная, уединенная жизнь, только что втянулся я опять в свою привычную работу — и вот приходится снова выступить на бойкий путь административной деятельности, обставленный заботами, личными столкновениями, борьбой и требующий известной представительности. Новое служебное назначение, можно сказать, захватило нас врасплох. Немало хлопот стоило ликвидировать в самый короткий срок всю нашу домашнюю обстановку в Петербурге, после 12-летней оседлости, и обзавестись всем необходимым для предстоявшего устройства на новом месте. Следовало также позаботиться о дальнейшей судьбе лежавших на мне работ, так внезапно мною покидаемых.

Относительно официально возложенной на меня истории Кавказской войны я предполагал решить вопрос по приезде своем в Тифлис. В заметках, набросанных мною еще перед выездом из Никольского (18 сентября), было между прочим включено предположение дать начатой работе новое направление: отложив составление настоящей *истории* Кавказской войны, предпринять в Тифлисе постепенное издание собранных для этой будущей истории и впредь собираемых материалов, под названием, например, "Кавказского исторического сборника". Тогда же намечены мною и некоторые личности, на которых могло бы быть возложено такое издание (Бушен, Карлгоф, Ив<ан> Петр<ович> Корнилов). Но отлагая окончательно решение вопроса, я не считал возможным уехать из Петербурга, не приняв относительно начатой работы хотя временной меры; а потому формальным рапортом военному министру (9 октября) просил разрешение передать все находившиеся в моих руках материалы капитану Бушену, с предоставлением ему продолжать работы в архивах и библиотеках; что же касается до продолжения

начатой мною обработки материалов, т.е. самого составления истории Кавказской войны, то план этой работы полагал я представить впоследствии из Тифлиса. На представление мое получил я 12-го числа разрешение министра.

Изданная в прошлом году под моей главной редакцией "Карманная справочная книжка для русских офицеров" в самое короткое время разошлась до последнего экземпляра; множество требований на эту книжку осталось неудовлетворенным. Признавая полезным и даже необходимым приступить ко второму изданию, я вошел по этому предмету в соглашение с А.П.Карцовым, который охотно принял на себя обязанность главного редактора. По этому делу также испрошено было мною разрешение военного министра. Второе издание было напечатано в числе 10 тысяч экземпляров и разошлось так же быстро, как первое. Впоследствии книжка эта выдержала целый ряд новых изданий, под редакцией разных лиц[233].

Что касается до второго издания моей "Истории войны 1799 года", то дело это, как уже прежде упомянуто, было вполне обеспечено благодаря любезной услужливости Ал<ександра> Ст<епановича> Гуро, который выполнил принятую на себя работу со свойственными ему добросовестностью и аккуратностью. Все три тома нового издания появились уже в начале 1857 года[234].

Наконец, оставалось мне сложить с себя звание члена совета Географического общества. По этому предмету я обратился письменным заявлением (11 октября) к помощнику председателя Общества Мих<аилу> Ник<олаевичу> Муравьеву, выразив при этом готовность служить и впредь целям Общества, насколько новое мое служебное положение даст мне к тому возможность.

Ровно месяц провел я в Петербурге в суете и хлопотах. В течение этого времени несколько раз был я приглашаем к Великой Княгине Елене Павловне, вместе с братом Николаем и графом Киселевым, перед отъездом последнего в Париж. 30 сентября, вечером, граф Павел Дмитриевич прямо с обеда у брата Николая отправился в путь.

Между тем князь Барятинский, остававшийся в Москве до выезда оттуда Царской фамилии, предпринял путешествие на Кавказ через Нижний, по Волге и Каспийскому морю в Петровск. С высадки на берег в этом пункте, 12 ок-

тября, вступил он в управление вверенным ему краем. Кроме начальника Дагестана князя Орбельяна, выехали навстречу новому наместнику начальник Левого фланга генерал Евдокимов, бывший начальник штаба генерал-майор Индрениус, барон Николаи и многие другие начальствующие лица. Пробыв несколько дней в Темир-Хан-Шуре, князь Барятинский продолжал путь через Дербент, Баку, Закаталы в Тифлис. Все это путешествие было непрерывным рядом торжественных встреч, проводов и восторженных оваций.

Мои сборы в дорогу окончились скорее, чем я первоначально рассчитывал. Уже 9 октября я донес военному министру, что готов к выезду; вследствие этого 15 октября назначение мое внесено в Высочайший приказ, и в тот же день получил я от генерал-майора Герстенцвейга (вступившего в должность дежурного генерала 8 сентября, за увольнением генерал-адъютанта Катенина) уведомление об оказанном мне новом знаке Высочайшего внимания: старшинство в чине генерал-майора, — в который я был произведен 11 апреля 1854 года на основании манифеста, — повелено считать мне со дня производства.

Употребив несколько дней на прощальные визиты, представление начальствующим лицам и членам Императорской фамилии, наконец, откланявшись Государю, 20 октября выехал я со всей семьей из Петербурга по Николаевской железной дороге.

В Москве остановились мы (в гостинице "Дрезден") на несколько дней с двойной целью: во-первых, чтобы приобрести экипажи для дальнейшего нашего путешествия, а во-вторых, чтобы видеться с братом моей жены Евгением Михайловичем Понсэ и познакомиться с его молодой женой. В то время Евгений Михайлович служил в одном из полков 7-й кавалерийской дивизии, квартировавшем в г.Кашине Тверской губернии, и незадолго перед тем женился на молодой девушке Елене Павловне Паризо, с которой познакомился в Одессе у баронессы Е.А.Торнау*. Шурин мой приехал с женой в Москву собственно для свидания с нами. К сожалению, мы пробыли с ними так

---

* Баронесса Е.А.Торнау, во время Крымской войны живя с мужем в Одессе, приютила у себя эту молодую девушку в память ее бабушки Паризо, бывшей воспитательницы в доме Нейдгарта, к которой баронесса Екатерина Александровна питала с детства сердечную привязанность. Мать Елены Павловны Паризо, во втором браке за Аркудинским, жила в Николаеве.

недолго, что не могли сблизиться, как желали бы, с молодой, притом крайне застенчивой родственницей, с которой не суждено было нам свидеться в другой раз: бедная Елена Павловна скончалась в следующем году вследствие первых своих родов.

От Москвы до Тифлиса предстоял нам тяжелый переезд. Ехали мы в двух больших экипажах, в позднее осеннее время, с пятью детьми, гувернанткой и четырьмя человеками прислуги, женской и мужской; стало быть, всего 12 человек. Первую остановку встретили мы в Серпухове от ледохода на Оке и прожили в плохой гостинице более суток. Только под вечер второго дня удалось нам благополучно совершить трудную и продолжительную переправу на пароме. Голодные, иззябшие, рады были найти убежище и пищу в грязной избушке за Окой. Далее тащились невыносимо медленно то по рыхлому снегу, то по невылазной грязи. Иные дни подвигались не более двух, трех станций, то за неимением лошадей, то по трудности дороги, или вследствие поломок в экипажах. В больших городах останавливались на ночлег или на дневку, чтобы дать отдых бедным измученным детям и прислуге. Переправа через Дон у Аксаевской станицы также задержала нас довольно долго.

В Ставрополе и Владикавказе я был встречен уже с подобающим почетом; приготовлены были удобные помещения, в которых мы могли отдохнуть в полном комфорте. Зато здесь я должен был уже войти в свою официальную роль: принимать местное начальство и просителей, толковать о местных делах. На всем пути от Ставрополя до Тифлиса сопровождал нас почетный конвой. К счастью, переезд через хребет Кавказский по Военно-Грузинской дороге удалось нам совершить без особых затруднений, хотя нашли на перевале глубокий снег. Зато какое отрадное чувство испытали мы, спустившись в прелестную долину Арагвы, где прогрело нас южное солнце и глаз отдохнул на зеленой еще растительности. Мы имели весьма удобные ночлеги — в Квишети в семье полковника Казбека, в Пасанаури у капитана путей сообщения Шорокова и наконец 26 ноября, к величайшей нашей радости, въехали в Тифлис.

Таким образом, при всем желании скорее добраться до места, мы употребили на переезд от Петербурга до Тифлиса — ровно месяц!

КОММЕНТАРИИ

[1] Имеются в виду следующие работы Милютина лета – осени 1843 г., хранящиеся в рукописях в его архиве: рапорт для генерала В.О. Гурко о новых штатах управления Кавказской линией и Черноморьем, составленный в ноябре (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 18. Ед. хр. 25); рапорт о принятой на Кавказе в настоящее время оборонительной системе военных действий, составленный в сентябре (там же. Ед. хр. 21); материалы к проекту преобразования Кавказского линейного казачьего войска (там же. Ед. хр. 28).

[2] Писарский экземпляр рапорта, с правкой Милютина, от 11 сентября 1843 г. (Там же. Ед. хр. 22).

[3] Черновой вариант записки, составленной Милютиным, см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 19. Ед. хр. 1. Кроме этой записки, Милютин в начале июня 1844 г. разработал диспозицию по Чеченскому отряду на 7–15 июня, с приложением схемы походного движения отряда (там же. Ед. хр. 2).

[4] Там же. Карт. 69. Ед. хр. 9. Л. 4.

[5] Речь идет о городовом положении 1846 г., проект которого с 1842 г. разрабатывался в Министерстве внутренних дел. Для этих целей в Министерстве 27 марта 1842 г. было образовано Временное отделение Хозяйственного департамента, которым в 1842–1849 гг. руководил Н.А.Милютин. К началу 1846 г. проект был разработан и 13 февраля утвержден Николаем I под названием "Положение об общественном управлении в С.-Петербурге" (Полное собрание законов (далее ПСЗ). Собрание II. Т. XXI. Отд. 1. № 19721). Положение изменяло состав городского общества, условия выбора гласных, организацию выборных учреждений на началах всесословности, что вызвало нарекания в адрес Н.А.Милютина, тогда получившего кличку "красный". Подробно см.: *Дитятин И.И.* Устройство и управление городов России. Т. 2. СПб. – Ярославль. 1877. С. 369–492.

[6] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 69. Ед. хр. 9. Л. 9.

[7] Письмо Н.А. Милютина к Д.А. Милютину от 10 января 1844 г. (Там же. Л. 13 об.).

[8] Там же.

[9] Имеется в виду письмо П.Д. Киселева от 3 марта 1844 г. (ОР РГБ. Ф. 129. (П.Д.Киселев). Карт. 11. Ед. хр. 11. Л. 31–32); в тексте письмо ошибочно датировано 4 марта.

[10] Цитируется несохранившееся письмо А.М.Милютина; также не сохранились упоминаемые далее в тексте его же письма от 16, 17, 21 июля и 21 августа 1844 г.

[11] Цитируемое письмо М.А.Милютиной, по-видимому, не сохранилось.

[12] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 68. Ед. хр. 73. Л. 33–34.

[13] См. комм. 10.
[14] Цитируется несохранившееся письмо А.М.Милютина.
[15] Письмо Н.А.Милютина к Д.А.Милютину от 15 августа 1844 г. (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 69. Ед. хр. 9. Л. 20 об.).
[16] Письмо А.П. Теслева к Д.А. Милютину от 8 февраля 1844 г. (Там же. Карт. 76. Ед. хр. 7. Л. 17).
[17] Там же. Карт. 60. Ед. хр. 3. Л. 4.
[18] Имеется в виду записка "О мнениях и предположениях генерала А.А.Вельяминова 1832–1833 гг.", составленная в январе 1845 г. (Там же. Карт. 19. Ед. хр. 6).
[19] Письмо Ф.И.Горемыкина к Д.А.-Милютину от 17 июля 1844 г. (Там же. Карт. 62. Ед. хр. 16. Л. 22 об.–26); письмо А.М.Милютина от 16 июля 1844 г. не сохранилось; о письме Н.А.-Милютина из Пернова см. комм. 15.
[20] Письмо Горемыкина к Милютину от 23 августа 1844 г. (Там же. Л. 29); письма Милютина к Горемыкину и отцу от 8 августа 1844 г. и ответное письмо А.М. Милютина от 21 августа 1844 г. не сохранились. Письмо Милютина к И.Ф. Веймарну с подробным изложением причин перемены службы, написанное в начале августа 1844 г., хранится там же. Карт. 51. Ед. хр. 33. Л. 1–12.
[21] См. комм. 17.
[22] Черновик письма Милютина к Е.С.Герасимову от 20 сентября 1844 г. хранится в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 51. Ед. хр. 68. Л. 1–2; письмо Герасимова от 20 октября 1844 г. хранится там же. Карт. 60. Ед. хр. 61; письмо С.Стишинского от 20 октября 1844 г. хранится там же. Карт. 75. Ед. хр. 57; письмо А.С.Траскина от 19 октября 1844 г. хранится там же. Карт.76. Ед. хр. 41.
[23] Там же. Карт. 76. Ед. хр. 41. Л. 1 об.
[24] Там же. Карт. 75. Ед. хр. 57. Л. 3.
[25] Письмо Милютина к Н.Н. Анненкову от 24 октября 1844 г. хранится там же. Карт. 50. Ед. хр. 35. Л. 1.
[26] Черновой вариант записки Милютина о расходах на военные действия на Кавказе в 1845 г. хранится там же. Карт. 19. Ед. хр. 4.
[27] В ноябре 1844 г. Милютин составил записку "Мысли о различных образах действий на Кавказе", выделив во вступлении к ней два главных вопроса, ответы на которые попытался дать в записке: "...1) Отчего происходили те неудачи или бесплодные последствия, которые испытывали мы до сего времени на Кавказе в различных наших опытах применения всех систем и образов действий? 2) В чем именно можем мы воспользоваться уроками прошлого, изыскивая ныне способы к выгоднейшему употреблению тех значительных средств, которые теперь назначены для достижения предположенного усмирения Кавказа?" (Там же. Ед. хр. 5. Л. 213).
[28] Там же. Карт. 62. Ед. хр. 16. Л. 35–35 об.
[29] "...что я Вас обнимаю, дорогой полковник; не женитесь до 40 лет, иначе мы не смогли бы больше рассчитывать на Вас" *(фр.)* – цитата из письма Н.И. Вольфа от 29 ноября 1844 г. (Там же. Карт. 60. Ед. хр. 3. Л. 7).
[30] Черновик письма Милютина к В.О. Гурко от 22 декабря 1844 г. хранится там же. Карт. 59. Ед. хр. 9. Л. 1–2.
[31] Письмо Горемыкина к Милютину от 29 декабря 1844 г. хранится там же. Карт. 62. Ед. хр. 16. Л. 33–34.
[32] Там же. Карт. 69. Ед. хр. 9. Л. 21.
[33] Письмо К.П.Ренненкампфа к Милютину от 19 января 1846 г. хранится там же. Карт. 73. Ед. хр. 87. Л. 1.
[34] В 1845–1846 учебном году Милютин разработал курс военной географии и военной статистики, который под таким названием стал читаться в Военной академии с 1847 г. До этого времени измененный

Милютиным курс сохранял название курса "военной географии".
[35] Рукопись отчета Милютина "Замечания о некоторых мерах к распространению практических занятий Военно-учебных заведений в лагерное время" хранится в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 21. Ед. хр. 22.
[36] Цитата из письма Н.А. Милютина от 26 мая/7 июня 1845 г. из Лейпцига (там же. Карт. 69. Ед. хр. 9. Л. 29 об.).
[37] Там же. Л. 25.
[38] В 1845—1848 гг. журнал издавался под редакцией Д.А. Милютина.
[39] В 1846 г. Милютин составил для директора Военной академии справку о литографировании читаемого им курса военной географии. В ней указывалось, что "весь курс военной географии составлен вновь и включает следующие разделы: Вступление, Пруссия, Австрия, Кавказский край. На 150 стр. Эта часть отлитографирована и роздана для руководства господам офицерам..." (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 17. Ед. хр. 9. Л. 5). Кроме этого, в течение лета Милютин собирался отлитографировать и раздать слушателям Академии остальные части курса, включавшие Швецию, Турцию, Западное пограничное пространство России и Финляндию. Полный литографированный курс военной географии и военной статистики хранится там же. Карт. 80. Ед. хр. 10.
[40] См.: "Военный журнал". 1846. № 1; отдельной брошюрой напечатана в 1846 г.
[41] См.: *Милютин Д.А.* Первые опыты военной статистики. Кн. 1—2. СПб. 1847—1848. Кн. 1. Вступление (Критическое исследование значения военной географии и военной статистики). 1. Основания политической и военной системы Германского союза. 1847. Кн. 2. Королевство Прусское. 1848.
[42] См. комм. 5.
[43] Гернгутеры (или "богемские братья") — религиозная секта, основанная Петром Хельчицким в XV в. в Богемии. Отреклись от католической церкви в 1467 г. и примкнули к протестантизму. Общины гернгутеров преследовались Габсбургами, в 1548 г. они были изгнаны из Чехии. В XVIII в. гернгутеры жили в Саксонии, в России — в Саратовской губ.
[44] Имеется в виду записка А.М.Милютина (в виде посмертного наставления детям), написанная в марте 1846 г. (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 89. Ед. хр. 21).
[45] Указ Николая I об "обязанных крестьянах" от 2 апреля 1842 г. (ПСЗ. II. Т. XVII. Отд. 1. № 15462) позволял помещикам уступать, на известных условиях, крестьянам свои земли в постоянное наследственное пользование. "Обязанные" крестьяне получали личную свободу. Подробнее о деятельности Комитета 1839—1842 гг. и указе см.: *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб. 1888. Т. 2. С. 29—64; *Мироненко С.В.* Страницы тайной истории самодержавия. М. 1990. С. 106—195.
[46] Указ Николая I о выкупе помещичьими крестьянами своей свободы при продаже имений с публичных торгов от 8 ноября 1847 г. (ПСЗ. II. Т.XXII. Отд. 1. № 21689) предоставлял крестьянам право приобретать земли в собственность. Выкупившиеся поступали в число государственных крестьян и несли наравне с ними все подати и повинности, кроме оброка. По указу отчуждение крестьянами выкупленной земли в посторонние руки допускалось только по мирским приговорам и после утверждения Министерством государ-

ственных имуществ. См.: *Семевский В.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 155—161.
[47] Переписка Д.А. Милютина с П.Д. Беклемишевым, по-видимому, не сохранилась.
[48] Рукопись отчета Милютина "за учебный курс 1845—1846 гг. по преподаванию военной географии и военной статистики" хранится в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 17. Ед. хр. 6. Л. 3—6.
[49] Вероятно, подразумевается записка "Очерк порядка преподавания политических наук", поданная на имя Я.И.Ростовцева в 1846 или 1847 г. Писарский экземпляр записки с карандашными пометами Ростовцева хранится там же. Карт. 21. Ед. хр. 52.
[50] Автор цитирует письмо Ростовцева от 21 апреля 1847 г. (Там же. Карт. 21. Ед. хр. 38. Л. 7).
[51] Н.И.Надеждин был с 1842 г. редактором "Журнала Министерства внутренних дел", издававшегося в 1829—1861 гг.
[52] Знакомство А.А.Краевского с Милютиным относится, вероятнее всего, к 1839 г., в связи с публикацией последним в "Отечественных записках" статей "Суворов как полководец" и "Русские полководцы XVIII столетия".
[53] Речь идет о собрании Русского географического общества 5 февраля 1847 г. (См.: Краткие отчеты о собраниях Русского географического общества. СПб. 1847. С. 15—18).
[54] Имеется в виду "Записка о разработке географической терминологии"; в архиве Милютина хранится рукописный экземпляр документа с его редакторской правкой и подписью (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 22. Ед. хр. 5).
[55] *Милютин Д.А.* Первые опыты военной статистики. Кн. 2. Королевство Прусское. СПб., 1848. С. IX—X.
[56] Там же. С. XI.
[57] Черновой вариант записки, написанный рукой Милютина, хранится в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 22. Ед. хр. 7. Л. 1—3.
[58] Письмо Милютина к П.А.Вревскому от 29 сентября 1848 г. хранится там же. Карт. 51. Ед. хр. 54. Л. 1—2.
[59] Отношение Военного министерства к Милютину от 2 ноября 1848 г. и "Черновая опись бумагам и книгам, принятым от капитана И.К.Залесского" хранятся среди материалов архивного дела "По сочинению Истории войны 1799 г." (Там же. Карт. 83. Ед. хр. 1. Л. 1—21).
[60] Рапорт Милютина военному министру от 1 декабря 1848 г. и полученные им уведомления из Министерства о допуске в архивы и библиотеки хранятся там же. Л. 30—32, 39.
[61] Имеются в виду письма Милютина к В.Н.Панину о пользовании рукописями отца последнего от 3 и 10 января 1849 г. и ответное письмо Панина от 6 января 1849 г. (Там же. Л. 42—43, 52); письмо Милютина к А.А.Суворову от 10 января 1849 г. и список полученных от Суворова документов хранятся там же. Л. 75—75 об.
[62] Свои замечания на проект Соболевского Милютин изложил 4 марта 1849 г. в записке "Мнение о предложенном проекте нового распределения лекций в Институте корпуса путей сообщения" (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 21. Ед. хр. 31); замечания протоиерея Н.Раевского на мнение Милютина о расписании занятий по Закону Божьему хранятся там же. Ед. хр. 30.
[63] 21 апреля 1849 г. австрийский император Франц-Иосиф обратился к Николаю I с просьбой о помощи против революционной Венгрии. В мае русские войска были введены в Венгрию.
[64] Имеется в виду книга: *Неелов Н.Д.* Очерк современного состояния стратегии. Отд. 1—3. СПб. 1849.

[65] См. в письмах Неелова к Милютину, написанных осенью 1848–зимой 1849 гг. (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 71. Ед. хр. 22).

[66] "Военный сборник". 1878. № 2–12; в том же году записки Неелова были напечатаны отдельной книгой.

[67] Записка "Заключение на программу курса военной администрации в Военной академии, представленную при рапорте капитана Саковича от 8 февраля 1849 г." была составлена Милютиным 11 апреля 1849 г. (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 17. Ед. хр. 10).

[68] О работе Милютина над проектами устава Русского географического общества свидетельствуют хранящиеся в его архиве проекты от апреля и 3–24 мая 1849 г., с собственноручными пометами (Там же. Карт. 22. Ед. хр. 10, 12). Окончательный вариант устава был утвержден 28 декабря 1849 г. и опубликован в 1850 г.

[69] См. письмо Милютина к барону В.И. Лёвенштерну от 19 сентября 1849 г. (Там же. Карт. 83. Ед. хр. 1. Л. 110–111). Свои мемуары Лёвенштерн позднее передал на хранение в архив Военного министерства. В 1903 г. они были изданы во Франции (Mémoires du général-major russe baron de Lowenstern (1776–1858). Publiés d'après le manuscrit original et annoté par M.-H. Weil. T. 1–2. Paris. 1903; об экспедиции генерала Корсакова см. Т. 1. С. 34–69).

[70] Речь идет о книге А.В. Висковатова "Хроника российской императорской армии" (СПб. 1852).

[71] Переписка Милютина с П.А. Вревским хранится в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 83. Ед. хр. 1. Л. 133–136 об. (докладная записка Милютина от 12 октября 1849 г.); Л. 137–138 об. (частное письмо Милютина от 12 октября 1849 г.); Л. 145–145 об. (отношение Вревского от 26 октября 1849 г.).

[72] Имеются в виду проекты программ издания материалов для русской военной истории и "Статистического ежегодника", разработанных Милютиным в конце августа 1850 г. (Там же. Карт. 80. Ед. хр. 9. Л. 7–10).

[73] См. комм. 68.

[74] Подразумевается записка "О собрании статистических и военных сведений о разных иностранных государствах", составленная Милютиным 5 августа 1850 г. (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 21. Ед. хр. 32. Л. 5–12).

[75] Автор цитирует предписание военного министра князя В.А. Долгорукова от 11 октября 1850 г., которое хранится среди документов архивного дела "По изданию Истории войны 1799 г." (Там же. Карт. 83. Ед. хр. 2. Л. 18–18 об.).

[76] Цитируется отношение Военного министерства к Милютину от 7 сентября 1851 г. (Там же. Л. 54).

[77] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 17. Ед. хр. 11, 12, 16.

[78] Издание всей книги было завершено в 1853 г.: *Милютин Д.А.* История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г. Т. 1–5. СПб. 1852–1853. Второе издание в трех томах вышло в 1857 г.

[79] Документы, касающиеся финансовой стороны издания первых трех томов Истории войны 1799 г. и взаимоотношений с наследницей Михайловского-Данилевского Беровой см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 83. Ед. хр. 2. Л. 156–156 об., 176–177.

[80] Там же. Л. 240–240 об.

[81] См. письмо А.Ф. Розена к Милютину от 14 ноября 1852 г. (Там же. Л. 217–217 об.).

[82] Указ. журнал. Раздел "Критика и библиография". С. 160.

[83] Черновик письма Милютина к М.П. Погодину и ответное письмо последнего хранятся в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 83. Ед. хр. 2. Л. 258–260, 325–326.

[84] См. в письме Т.Н.Грановского к Е.Ф.Коршу от начала 1854 г. Опубл.: Т.Н.Грановский и его переписка. Т. 2. М. 1897. С. 468. Черновик письма Милютина к Грановскому от 10 марта 1853 г. хранится в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 83. Ед. хр. 2. Л. 261.
[85] Там же. Л. 333.
[86] См. в письме А.С.Гуро к Милютину от 2 ноября 1852 г. (Там же. Л. 207—207 об.).
[87] Письмо К.А.Зедергольма от 12 июня 1853 г. и ответное письмо последнего от 10 июля 1853 г. (Там же. Карт. 64. Ед. хр. 13; Карт. 52. Ед. хр. 64); письмо С.М.Голицына к Милютину от 19/31 мая 1856 г. и ответное письмо Милютина от 15 июня 1856 г. (Там же. Карт. 61. Ед. хр. 19; Карт. 51. Ед. хр. 84).
[88] Письмо Х.Шмидта к Милютину из Мюнхена и черновик ответного письма Милютина от 25 сентября/7 октября 1856 г. хранятся там же. Карт. 55. Ед. хр. 111.
[89] Черновой автограф записки Милютина от 2 июля 1853 г. хранится там же. Карт. 21. Ед. хр. 48. Л. 4—5.
[90] См. в частности: Записки Кавказского отдела Имп. Русского географического общества Кн. 1 // Вестник Имп. Русского географического общества 1852. Ч. 6. С. 72.
[91] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 56. Ед. хр. 31.
[92] Венская нота от 20 июля 1853 г., адресованная западными державами России и Турции, должна была подтвердить положения Кючук-Кайнарджийского и Адрианопольского договоров о защите Россией православных подданных Османской империи. Россия и Франция должны были наблюдать за точным исполнением Турцией этих условий.
Опубл.: *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 2. Приложения. СПб. 1912. С. 15.
[93] *Зиссерман А.И.* Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815—1875. Т. 1. М. 1889. С. 289—290.
[94] Результатом русско-австрийских переговоров в Ольмюце 26—28 сентября 1853 г. был очередной проект мирного урегулирования русско-турецкого конфликта. Он предусматривал подписание Турцией Венской ноты от 20 июля, с предоставлением ей четырьмя державами (Россией, Австрией, Англией и Францией) гарантий от покушения на ее суверенитет со стороны России. См.: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. Т. 2. Ч. 1. С. 57.
[95] Имеется в виду книга Милютина "История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г.". Тт. 1—5. СПб. 1852—1853.
[96] Речь идет о Священном союзе, образованном 26 сентября 1815 г. монархами России, Австрии и Пруссии для обеспечения незыблемости решений Венского конгресса 1814—1815 гг. Позднее к Союзу присоединились большинство монархов Европы.
[97] См.: *Тарле Е.В.* Крымская война. Изд. 2-е. М.-Л. 1950. С. 338—339.
[98] Имеются в виду две всеподданнейшие записки И.Ф.Паскевича от 11 и 24 сентября 1853 г. Опубл.: "Русская старина". 1876 г. Т. 16. С. 689—702.
[99] См.: *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 341.
[100] Манифест Николая I "О войне с Оттоманской Портой" от 20 октября 1853 г. опубл.: ПСЗ. II. Т. XXVIII. Отд. 1. № 27628.
[101] Подписанная в Вене 23 ноября (5 декабря) 1853 г. нота четырех держав (Англии, Франции, Австрии и Пруссии) предлагала Турции вступить в мирные переговоры с Россией при их посредничестве.
[102] В Синопском сражении 30 ноября 1853 г. была уничтожена турец-

кая эскадра из 16 боевых и транспортных кораблей, следовавших из Константинополя в Батум с воинским грузом. Эта морская операция была предпринята Россией ввиду переброски турецких войск на побережье Грузии, вблизи района действий горцев Шамиля, а также из-за неопределенности действий англо-французской эскадры, стоявшей в Мраморном море.

[103] Имеется в виду всеподданнейшая записка Паскевича от 14(26) ноября 1853 г. Опубл.: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. Т. 2. Приложения. С. 277–280.

[104] Опубл.: Там же. С. 282–292.

[105] Там же. С. 297–307.

[106] Составленный Милютиным в декабре 1853 г. обзор “Краткий очерк войны России с Турцией с 1769 по 1829 г.”, с приложением “Сокращенного перечня военных действий против турок за 1769–1812 гг.” хранится в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 82. Ед. хр. 2.

[107] Писарский экземпляр “Проекта положения об аттестации офицеров, обучающихся в Военной академии”, с правкой Милютина, от 23 января 1854 г. хранится там же. Карт. 17. Ед. хр. 27.

[108] Подробнее о дипломатических переговорах российских посланников в Париже и Лондоне в начале 1854 г. см.: *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 437–448.

[109] Письмо Наполеона III к Николаю I от 17(29) января 1854 г. см. в “Journal de St-Pétersbourg”. 12 февраля. 4 série. № 331.

[110] Письмо Николая I к Наполеону III от 28 января (9 февраля) 1854 г. см. там же.

[111] Манифест Николая I “О прекращении политических сношений с Англией и Францией” от 9 февраля 1854 г. см.: ПСЗ. II. Т. XXIX. Отд. 1. № 27916 (цитата на с. 177).

[112] Опубл.: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. Т. 2. Приложения. С. 327–328.

[113] ПСЗ. II. Т. XXIX. Отд. 1. № 27932, 27946–27949.

[114] Письмо Паскевича к М.Д.Горчакову полностью опубл.: “Русская старина”. 1883. Т. 40. С. 369–380; цитату см. на с. 376.

[115] Депеша Кларендона Нессельроде от 15/27 февраля 1854 г. опубл. в кн.: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. Т. 2. Приложения. С. 221.

[116] Трактат 12 марта и англо-французская конвенция 10 апреля 1854 г. опубл. там же. С. 222–225.

[117] Во исполнение высочайшего повеления от 14 марта 1854 г. Военное министерство выпустило именной указ “О преимуществах, всемилостивейше дарованных отставным нижним воинским чинам, пожелавшим поступить на вторичную службу” от 15 марта 1854 г. (ПСЗ. II. Т. XXIX. Отд. 1. № 28027).

[118] Письмо Николая I к М.Д.Горчакову от 8 марта 1854 г. хранится в ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2214. Л. 68–68 об. Опубл.: “Русская старина”. 1876. Т. 17. Кн. 12. С. 825–826.

[119] Имеется в виду отзыв генерала Реада военному министру от 9 февраля 1854 г. Опубл.: *Зиссерман А.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 338–340.

[120] Там же. С. 337–338.

[121] Там же. С. 340–343.

[122] Там же. С. 318 (дата письма не указана).

[123] Там же. С. 343–344.

[124] Там же. С. 324–327.

[125] Там же. С. 344–352.

[126] Там же. С. 352–354.

[127] Заключительный протокол Венских конференций от 9 апреля 1854 г. опубл.: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. Т. 2. Приложения. С. 338.

[128] Там же. С. 339–340.

[129] Манифест Николая I "О войне с Англией и Францией" 11 апреля 1854 г. см.: ПСЗ. II. Т. XXIX. Отд. 1. № 28150.
[130] Письмо Паскевича к Николаю I от 11 (23) апреля 1854 г. из Измаила опубл.: "Русская старина". 1877. Т. 19. Кн. 5. С. 85–86.
[131] Опубл.: "Русская старина". 1877. Т. 19. Кн. 5. С. 91–92.
[132] Имеется в виду письмо Николая I к Паскевичу от 26 мая (7 июня) 1854 г. Опубл.: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. Т. 7. СПб. 1904. С. 394.
[133] Письмо Паскевича к Николаю I от 25 мая 1854 г. хранится в РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Ед. хр. 21933. Л. 76–83 (автограф).
[134] Опубл.: *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 7. С. 397–398.
[135] Письмо М.Д. Горчакова к военному министру от 31 мая 1854 г., на фр. яз. Опубл.: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. Т. 2. Приложения. С. 412–413.
[136] Копия письма Николая I к Меншикову от 18(30) июня 1854 г. хранится в ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 212. Л. 5 об.
[137] Письма Долгорукова к Барятинскому от 7 и 15 мая, 30 июня, 11 и 21 августа 1854 г. опубл.: *Зиссерман А.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 358–360.
[138] Письма Николая I к М.Д. Горчакову от 7(19) июня и 19 июня (1 июля) хранятся в ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 2214. Л. 93–96 об., 97–99.
[139] Полуофициальная переписка Долгорукова с Меншиковым (лето 1854 г.) хранится там же. Д. 202, 206.
[140] Составленная Милютиным в середине июня 1854 г. записка о распределении русских войск по трем военным театрам хранится в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 19. Ед. хр. 29.
[141] Записка генерала Жомини "Notice sur situation actuelle" от 15 июня 1854 г. опубл.: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. Т. 2. Приложения. С. 418–422.
[142] Письмо Николая I к Меншикову от 10 июля 1854 г. хранится в РГВИА. Ф. 970. Оп. 2. Ед. хр. 1862. Л. 80–81 об.
[143] Письмо Николая I к М.Д. Горчакову от 19 июля 1854 г. хранится в ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2214. Л. 122–124 об.
[144] Копия письма Николая I к Меншикову от 1(13) августа 1854 г. хранится там же. Ф. 722. Оп. 1. Д. 212. Л. 14–14 об.
[145] Речь идет о двух записках: "Двоякая точка зрения на выступление наше из Дунайских княжеств" от 28 июля 1854 г. и "Предстоящее распределение войск на театре войны" от 29 июля 1854 г. (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 19. Ед. хр. 32, 33; писарские экземпляры с пометами Милютина).
[146] В архиве Милютина сохранилась только записка от 15 августа 1854 г. "Об организации партизанской войны на случай вторжения австрийских войск" (там же. Ед. хр. 36).
[147] Австро-турецкий договор о занятии австрийскими войсками Дунайских княжеств был подписан 14 июля 1854 г.
[148] Венский протокол, ставящий предварительным условием начала мирных переговоров безоговорочное принятие Николаем I 4-х пунктов, был подписан Англией, Францией, Австрией и Пруссией 27 июля (8 августа) 1854 г. См. подробнее: *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 300.
[149] Черновик "Статьи о фланговом маневре Крымской армии 13–14 сентября 1854 г." Милютина хранится в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 19. Ед. хр. 44.
[150] Всеподданнейшее донесение Меншикова из Севастополя 18 сентября 1854 г. опубл.: "Русская старина". 1877. Т. 20. Кн. 9. С. 167.
[151] Рескрипт Николая I на имя Меншикова о несдаче Севастополя от

16 октября 1854 г. хранится в РГВИА. Ф. 970. Оп. 2. Ед. хр. 1862. Л. 107–111.

[152] Вероятно, в тексте ошибка в дате: по-видимому, речь идет о письме Николая I от 14 октября 1854 г.: "Сыновьям Николаю и Михаилу моим дозволяю я ехать к тебе; пусть присутствие их при тебе докажет войскам степень моей доверенности; пусть дети учатся делить опасности ваши и примером своим служат одобрением нашим сухопутным и морским молодцам, которым их я вверяю" (ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 212. Л. 46).

[153] Рескрипт Николая I Меншикову от 19 октября 1854 г. хранится в РГВИА. Ф. 970. Оп. 2. Ед. хр. 1862. Л. 112–113.

[154] Цитируется письмо Ф.Ф.Торнау к Милютину от 29 декабря 1854 г. из Кишинева (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 76. Ед. хр. 32. Л. 30 об.).

[155] Копия письма Николая I к Меншикову от 31 октября 1854 г. хранится в ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 212. Л. 51. В тексте копии имеются незначительные разночтения с цитатой, приведенной Милютиным.

[156] Письмо Николая I к М.Д.Горчакову от 1 ноября 1854 г. хранится там же. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2214. Л. 189 об. (копия).

[157] Копии письма Николая I к Меншикову от 19 ноября 1854 г. хранятся там же. Ф. 722. Оп. 1. Д. 212. Л. 62; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Ед. хр. 22005. Л. 302–303.

[158] Очевидно, речь идет о записках Милютина, написанных в августе – сентябре 1854 г.: "О мерах на случай военных действий на Кавказе" и "О плане будущих действий на Кавказе"; сохранились черновики обеих записок (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 19. Ед. хр. 39; Карт. 20. Ед. хр. 9). Третья записка, содержание которой изложено автором подробно, по-видимому, не сохранилась.

[159] Вариант записки "Соображения относительно обороны берегов Балтийского моря", датируемой 29 октября 1854 г., с пометками Николая I, перенесенными в писарский экземпляр рукой Милютина, хранится там же. Карт. 20. Ед. хр. 56.

[160] Там же. Л. 15.

[161] Автограф статьи Милютина о военных действиях в 1854 г. хранится там же. Карт. 20. Ед. хр. 32.

[162] Депеши А.М.Горчакова к Нессельроде из Вены от 1(13) января–6(18) марта 1855 г. хранятся в ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1406. Л. 152–196.

[163] Договор 2 декабря 1854 г. о союзе Австрии с Францией и Англией предусматривал: совместную защиту тремя державами Дунайских княжеств от посягательства России; обязательство не вступать сепаратно в мирные переговоры с Россией и оказание помощи Австрии в случае ее войны с последней.
См. подробнее: *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 320–329.

[164] Манифест Николая I "О призвании к государственному ополчению" от 29 января 1854 г. см.: ПСЗ. II. Т. XXX. Отд. 1. № 28991.

[165] Черновой автограф записки Милютина об обороне России по трем главным направлениям, составленной в начале 1855 г., хранится в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 20. Ед. хр. 17.

[166] Имеется в виду составленная в марте 1855 г. записка "Об усилении и дислокации Южной армии в связи с военными приготовлениями Австрии" (там же. Ед. хр. 24).

[167] Писарская копия записки Николая I от 30 декабря 1854 г. хранится в РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Ед. хр. 22675. Л. 2–16.

[168] Три записки Паскевича о плане кампании 1855 г. (от 4, 18, 27 января) хранятся там же. Ед. хр. 22674. Л.

46–55, 59–66, 71–88 (писарские с подписью-автографом). Записка М.Д.Горчакова на ту же тему от 4 января хранится там же. Ед. хр. 22050. Л. 1–19.

[169] Цитируется записка Николая I о предстоящих военных действиях в 1855 г. от 1 февраля 1855 г. Опубл.: "Русская старина". 1881. Т. 32. С. 896–899.

[170] Предсмертное письмо Николая I к М.Д.Горчакову от 2 февраля 1855 г. хранится в ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2214. Л. 225; в подлиннике письма подчеркивания отсутствуют. Опубл.: "Русская старина". 1881. Т. 32. С. 895–896.

[171] Автограф и копия письма Николая I к Меншикову от 31 января 1855 г. хранятся в РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Ед. хр. 22005. Л. 531–534.

[172] Копия рескрипта Николая I к М.Д.Горчакову от 2 февраля 1855 г. хранится в ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2214. Л. 224–224 об.

[173] Проект письма великого князя Александра Николаевича к Меншикову от 15 февраля 1855 г. хранится в архиве Севастопольского музея обороны. Полный текст см.: *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 336–337.

[174] Имеется в виду Манифест о вступлении на престол императора Александра II 18 февраля 1855 г. // ПСЗ. II. Т. XXX. Отд. 1. № 29043.

[175] "...что одним из его сильнейших душевных переживаний является то, что он лишился случая убидить его, что он вернулся бы на прежний путь" *(фр.)*.

[176] Опубл.: "Русская старина". 1881. Т. 32. С. 902.

[177] Письмо Александра II к М.Д.Горчакову от 8 марта 1855 г. хранится в ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2214. Л. 237–238 об.; его же письмо от 20 марта 1855 г. хранится там же. Л. 239–240 об.

[178] Там же. Ф. 678. Д. 571.

[179] Опубл.: *Татищев С.С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 1. СПб. 1903. С. 149.

[180] Созванная в первых числах марта в Вене под председательством графа Буоля конференция из уполномоченных всех держав-участниц Крымской войны приступила к обсуждению четырех оснований мира, принятых Николаем I незадолго до кончины.

[181] Опубл.:"Русская старина". 1881. Т. 32. С. 900.

[182] Письмо М.Д.Горчакова к Долгорукову от 23 февраля 1855 г. на фр. яз., писарское с подписью-автографом, хранится в РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Ед. хр. 22675. Л. 71–75.

[183] Черновой автограф записки Милютина "Пояснения по поводу мнений генерал-адъютанта барона Жомини и графа Ридигера относительно предстоящего распределения сил на театре войны", от 3 марта 1855 г., хранится в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 20. Ед. хр. 22.

[184] Цитируемое письмо Долгорукова от 12 марта 1855 г. не сохранилось.

[185] Опубл.: "Русская старина". 1881. Т. 32. С. 904–906.

[186] Черновой автограф записки Милютина "О защите Петербурга" хранится в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 20. Ед. хр. 33.

[187] Список письма Н.Н.Муравьева (Карского) к А.П.Ермолову от 28 февраля 1855 г. хранится там же. Карт. 19. Ед. хр. 7.

[188] Письмо Д.И.Святополк-Мирского к неизвестному лицу от 13 марта 1855 г. разошлось во множестве копий. Одна из них хранится в архиве М.П. Погодина (ОР РГБ. Ф. 231/1. Карт. 15. Ед. хр. 35).

[189] Копия письма Долгорукова к М.Д.Горчакову от 19 апреля 1855 г.

находится в РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Ед. хр. 22675. Л. 122—124 об.
[190] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 69. Ед. хр. 10. Л. 1—2.
[191] Там же. Л. 3—4.
[192] Там же. Л. 5—5 об.
[193] Письмо Александра II к М.Д.Горчакову от 4 июня 1855 г. хранится в ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2214. Л. 262—263.
[194] Письмо Александра II к М.Д.Горчакову от 15 июня 1855 г. опубл.: "Русская старина". 1883. Т. 39. С. 202.
[195] Письма М.Д.Горчакова к Долгорукову от 18 и 26 июня 1855 г. хранятся в РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Ед. хр. 22765. Л. 46—47 об., 50—51 об. (писарские с подписью-автографом).
[196] Письмо М.Д.Горчакова к Александру II от 14/24 июля 1855 г. опубл.: "Русская старина". 1883. Т. 39. С. 210; письмо Александра II к нему от 20 июля 1855 г.— там же, с. 211—212. Копия донесения Горчакова от 21 июля 1855 г. хранится в РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Ед. хр. 22708. Л. 59—63.
[197] Там же. Ед. хр. 22676. Л. 123—124.
[198] ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2214. Л. 284—285 об.
[199] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Ед. хр. 22708. Л. 81—84.
[200] Письмо М.А.Милютиной из Эмса от 16(28) июня 1856 г., по-видимому, не сохранилось.
[201] Опубл.:"Русская старина". 1883. Т. 39. С. 220.
[202] Опубл.: *Муравьев Н.Н.* Война за Кавказом в 1855 г. Т. 2. СПб. 1876. С. 218.
[203] ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2456. Л. 21—23.
[204] Подробнее см.: *Тарле Е.В.* Сочинения. Т. 9. М. 1959. С. 499—501.
[205] ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2456. Л. 20—20 об.
[206] Там же. Л. 26—27 об.
[207] *Тарле Е.В.* Указ. соч. Т. 9. С. 609—610.
[208] Там же. С. 503—505.
[209] Черновой автограф "Записки, приготовленной для военного министра к совещанию, происходившему в Зимнем дворце, о том, соглашаться или нет на мир", б.д., хранится в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 20. Ед. хр. 41. Л. 1—4.
[210] ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2456. Л. 28—29.
[211] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 21. Ед. хр. 38. Л. 13.
[212] *Милютин Д.А.* История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г. Т. 1—5. СПб. 1852—1853 (первое издание); Т. 1—3. СПб.1857 (второе издание); *его же.* Суворов (глава из приготовленной ко второму изданию "Истории войны 1799 г."(1)) // "Русский вестник". 1856. Т. 2. С. 173—220.
[213] Цитируемая записка Милютина о его службе в Военном министерстве не сохранилась.
[214] Литографию записки В.Е.Врангеля "Разные соображения в руководство при вступлении в управление отдельным ведомством", от февраля 1856 г., хранится в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 42. Ед. хр. 26.
[215] Черновой автограф заключения Милютина о записке Врангеля, от 4 марта 1856 г., хранится там же. Ед. хр. 22.
[216] Черновик доклада Милютина по запискам Бларамберга, Торнау и Хрулева, от 28 февраля 1856 г., хранится там же. Карт. 20. Ед. хр. 35. Л. 1—11.
[217] Имеется в виду вторая всеподданнейшая записка Ридигера от 23 июня 1855 г. Полный ее текст на фр. яз. опубл.: Столетие Военного министерства. Т. 1. Приложения. СПб. 1902. С. 25—34.
[218] Записка П.Д.Киселева "Соображения о составе и устройстве армии" (1856 г., писарский экземпляр), с приложением цитируемой Милютиным сопроводительной записки хранится в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 22. Ед. хр. 31. Л. 1.

[219] Записка Милютина "Мысли о невыгодах существующей в России военной системы и о средствах к устранению оных", от 28 марта 1856 г., хранится там же. Ед. хр. 29.

[220] См. комм. 158.

[221] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 20. Ед. хр. 36.

[222] Подразумевается вторая записка Барятинского Александру II о покорении Кавказа, составленная летом 1856 г. Опубл.: *Зиссерман А.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 15–18.

[223] Проект Н.Н.Муравьева (Карского) по записке Барятинского о разделении Кавказского края был изложен в "Докладе военного министра о новом разделении Кавказского края и распределении в оном войск". Опубл.: Там же. С. 18–22.

[224] Черновой автограф доклада Милютина от мая 1856 г. хранится в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 20. Ед. хр. 40.

[225] Подразумевается А.И.Барятинский.

[226] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 81. Ед. хр. 8–36.

[227] Имеется в виду "Военный журнал", издававшийся в 1827–1859 гг. Военно-ученым комитетом под редакцией (с 1846 г.) генерала А.П.Болотова.

[228] Автограф записки Милютина об издании "Военного журнала" от 16 июня 1856 г., поданной на имя А.А.Катенина, хранится в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 21. Ед. хр. 15.

[229] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 57. Ед. хр. 33. Л. 9–10.

[230] Там же. Карт. 65. Ед. хр. 2. Л. 10–13.

[231] Письмо Милютина от 28 августа 1856 г. хранится там же. Карт. 50. Ед. хр. 52. Л. 1 об.–2.

[232] Письмо Барятинского от 31 августа 1856 г. хранится там же. Карт. 57. Ед. хр. 33. Л. 11–12 об.

[233] Речь идет о книге "Карманная справочная книжка для русских офицеров". Сост. трудами полк. Карцова, Платова, Руттенберга и др., под общ. ред. ген.-майора Милютина. СПб. 1856.

[234] См. комм. 212.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

В рамках Федеральной целевой программы
«Развитие и сохранение культуры и исскуства Российской Федерации (2000—2005 годы)»
и подпрограммы
«Развитие культуры и сохранение культурного наследия России»

Редакция альманаха «Российский Архив» осуществляет проект многотомного издания Воспоминаний и Дневников генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина под редакцией доктора исторических наук профессора Л.Г.Захаровой.

Личность Д.А.Милютина и его мемуары одинаково значительны и уникальны. Историк, профессор, генерал, талантливый писатель, военный министр Александра II, один из вождей либеральной бюрократии, ставшей во главе Великих Реформ 1860—1870-х гг. в России, Милютин запечатлел свое время в мемуарах и дневниках, охватывающих почти весь XIX в. Высокая компетентность и профессионализм, внутренняя уравновешенность и терпимость, широкая образованность и литературный талант, общение с выдающимися людьми своего времени делают перо мемуариста ярким, неповторимым, умным и тонким.

Воспоминания публикуются без каких-либо сокращений со списка, сделанного при жизни мемуариста под его личным наблюдением и сверенного публикаторами с автографом.

Издание богато иллюстрировано портретами, гравюрами, рисунками самого Милютина, картами. Помимо комментариев имеются указатели имен и географических названий.

Издание рассчитано как на специалистов-историков, так и на широкий круг читателей.

ВЫШЛИ В СВЕТ:

Милютин Д.А.
ВОСПОМИНАНИЯ
1816—1843. — М.: «Студия ТРИТЭ» — «Российский Архив», 1997. 495 с.; ил.

Милютин Д.А.
ВОСПОМИНАНИЯ
1860—1862. — М.: «Редакция альманаха Российский Архив», 1999. 559 с.; ил.

Милютин Д.А.

М60 Воспоминания 1843—1856. — М.: «Редакция альманаха «Российский Архив», 2000. — 527 с.; ил.

ISBN 5-86566-023-3

Воспоминания историка, генерала-фельдмаршала, военного министра Александра II охватывают период с 1843 по 1856 г. и повествуют о Кавказской войне, о преподовательской деятельности Милютина в Академии Генерального штаба в Петербурге, о трагических событиях Восточной войны в Крыму и на Кавказе, на Балтийском побережье, о конце царствования императора Николая I. Мемуары выдающегося деятеля-реформатора публикуются без каких-либо сокращений. Издание иллюстрировано, снабжено научно-справочным аппаратом.

Книга рассчитана как на специалистов-историков, так и на широкий круг читателей.

ББК 63.3 (2) 47

Дмитрий Алексеевич
Милютин

ВОСПОМИНАНИЯ
1843—1856

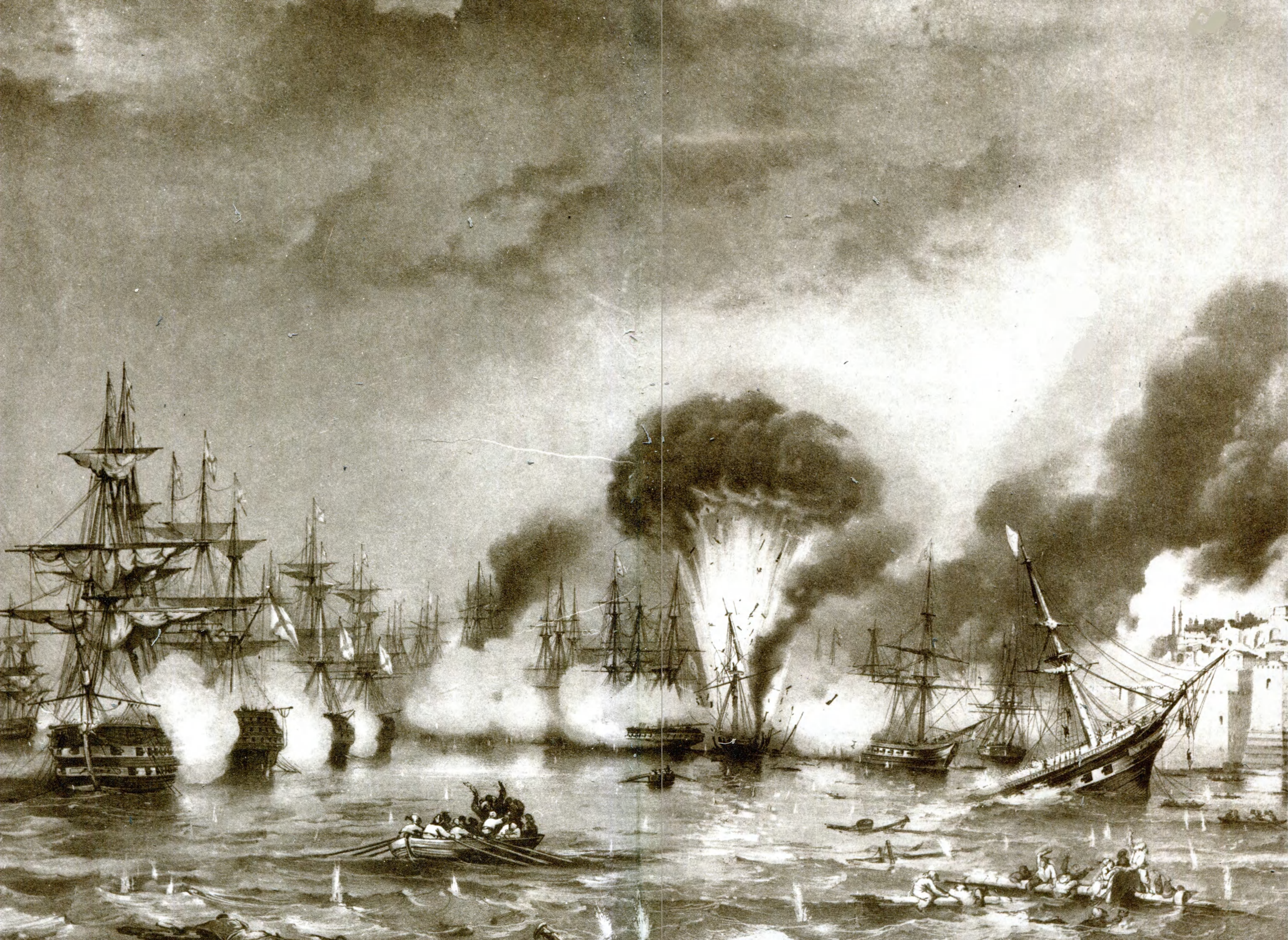
Редакция альманаха
«Российский Архив»

Редактор *Т.Е.Павлова*
Корректор *Е.Л.Яценко*

Издательская лицензия № ЛР 071963 от 10.09.1999 г.

Подписано к печати 04.12.2000. Формат изд. 60x90 $^1/_{16}$
Бумага офсетная № 1
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 33.
Тираж 2000 экз. Изд. № 23. Заказ № 2921
Редакция альманаха «Российский Архив»
103001, Москва, Мал. Козихинский пер., 11

Чеховский полиграфический комбинат
142300 г. Чехов, Московская обл., ул. Полиграфистов, 1

1843

Д.А. Милютин ВОСПОМИНАНИЯ

1856

